This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK53
A7
v.1

Печатать дозволено цензурою. Москва, Апрѣля 6 дня 1888 года.

Въ 1817 году, Ѳедору Николаевичу Глинкѣ Жуковскій и другіе совѣтовали сдѣлать новое изданіе „Писемъ русскаго офицера“, переписавъ и переправивъ въ нихъ, что окажется нужнымъ. Присутствовавшій тутъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ сказалъ: „Нѣтъ! не измѣняйте ничего! Какъ что есть, такъ тому и быть. Не дозволяйте себѣ ни притачиваній новаго къ старому, ни поддѣлокъ, ни вставокъ: всякая вставка, какъ бы вы хитро ее ни спрятали, будетъ выглядывать новою заплатою на старомъ кафтанѣ. Оставьте не тронутымъ все, что написалось у васъ, гдѣ случилось, какъ пришлось. Оставьте въ покоѣ ваши походныя строки, вылившіяся у бивачныхъ огней и засыпанныя, можетъ быть, пепломъ тѣхъ незабвенныхъ биваковъ. Предоставьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о томъ, чего вы, какъ фронтовой офицеръ, не могли ни знать, ни вѣдать. И повѣрьте, что позднѣйшимъ читателямъ и любопытно и пріятно будетъ найти у васъ не сухое офиціальное изложеніе, а именно болѣе или менѣе удачный отпечатокъ того, что и какъ видѣлось, мыслилось и чувствовалось въ тотъ приснопамятный XII годъ, когда вся Россія, вздрогнувъ, встала на ноги и, съ умилительнымъ самоотверженіемъ, готова была на всякое пожертвованіе“.

Издавая въ свѣтъ свои „Походныя записки“ и мы въ принципѣ послѣдовали благому совѣту Дѣдушки-Крылова: мы оставили нетронутыми все, что писалось въ нашемъ дневникѣ во время четырехъ кампаній, въ которыхъ мы имѣли счастіе участвовать. Если мы и позволили себѣ пополнить свой разсказъ болѣе новыми взглядами,—разъясненіями нѣкоторыхъ фактовъ на основаніи вновь открывшихся предъ нами данныхъ.—повѣствованіями о событіяхъ совершившихся не на нашихъ глазахъ,—разоблаченіями завѣдомо лживыхъ или ошибочныхъ указаній,—защитой тѣхъ или другихъ дѣятелей, тѣхъ, или другихъ дѣяній ихъ отъ навѣтовъ клеветниковъ,—то, съ одной стороны собственно въ интересахъ истины, а съ другой, ввидахъ представленія общественному вниманію картины того прошлаго, котораго мы были свидѣтелями, въ возможной полнотѣ. При томъ, если мы и рѣшились на сказанныя дополненія, то исключительно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ къ нашимъ „Походнымъ запискамъ“, не лишивъ возможности нашего читателя пользоваться ихъ текстомъ въ его первобытномъ видѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

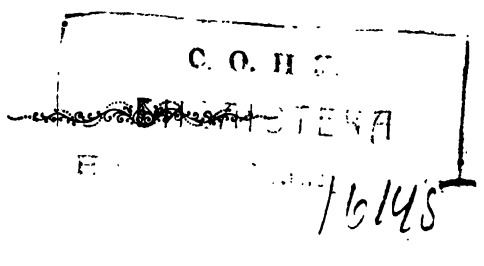
Страницы.

М. Волочискъ. 30 Апрѣля 1849 3
Приказъ по 4 пѣхот. корпусу. 23 Апрѣля 1849 4
Лембергъ въ Галиціи. 15 Мая 6
Г. Перемышль 24
Г. Самборъ 30
Г. Дукло 38
Высочайшій приказъ 39
С. Тилява. Венгерская граница. 10 Іюня 40
Моя поѣздка въ Венгрію 44
Г. Дукло. Пожаръ 50
М. Грабъ. 18 Іюня. 53
Г. Кашау. 26 Іюня. 55
Экспедиція въ горы. 7 Августа. г. Токай 116
Нередьгазъ. 8 Августа 121
Г. Дебречинъ. 12 Августа. 122
С. Дорогъ близь Дебречина. 14 Августа 124
С. Берегъ-Сасъ. 21 Августа 138
Крѣпость Мункачь. 23 Августа 147
Альзо Верецке. 26 Августа 149
Перевалъ черезъ Карпаты. 29 Августа. г. Стры, въ Галиціи 152
Г. Рогатинъ. 30 Августа 154
Г. Галичь. 31 Августа. 155
Г. Рогатинъ. 2 Сентября 157
Г. Кременецъ, на Волыни. 16 Сентября, конецъ Венгерской кампаніи, возвращеніе въ Россію 158
Приложеніе 1-е 1
Приложеніе 2-е 45

Часть I.

ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА.

1849.



М. Волочискъ, 30 Апрѣля 1849.

Штабъ нашего, Камчатскаго егерьскаго полка, подъ командою Генералъ-Маіора Колзакова (*), стоялъ всю зиму, по 8 Апрѣля, въ г. Острогѣ, Волынской губерніи.

Въ послѣднее время нашей тамъ стоянки, мы, молодые, преисполненные жизни и жаждавшіе кипучей дѣятельности, люди прислушивались къ раскатамъ приближавшейся съ Запада бури, лаская себя надеждою увидѣть въ очію ея бушеваніе.

Вѣсть о близкомъ военномъ походѣ носилась въ воздухѣ и имѣла очевидное подтвержденіе въ приведеніи насъ на военное положеніе. Дѣйствительно, лишь наступила весна, мы оставили зимнія квартиры и 17 Апрѣля прибыли въ мѣс. Ярмолинцы, Подольской губерніи, гдѣ намъ и объявленъ походъ противъ Венгерскихъ мятежниковъ.

Объявленіе это было намъ сдѣлано слѣдующимъ „Приказомъ“ по 4-му пѣхотному корпусу, Генерала отъ инфантеріи Чеодаева, не лишеннымъ интереса, между прочимъ, по своей напыщенности (что бы не сказать—нелѣпости), и по тому, особаго рода, краснорѣчію, которымъ, несомнѣнно, хотѣлъ блеснуть авторъ этого приказа,—Начальникъ корпуснаго штаба, полковникъ С. Г. Веселитскій.

(*) Отецъ Александра Прокофьевича Колзакова, бѣдный, мелкопомѣстный дворянинъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, 6 Января 1817 года опредѣлилъ его на службу (15-ти лѣтъ отъ роду), Подпрапорщикомъ, въ гренадерскій Императора Австрійскаго полкъ.

Небольшой ростъ и почти дѣтскій возрастъ Александра Прокофьевича дѣлали его весьма замѣтнымъ въ рядахъ старыхъ гренадеръ, кампанейцевъ 12 года: Солдаты полюбили маленькаго Колзакова, какъ игрушку, какъ забаву и побережали его при отправленіи тяжкой въ то время службы. Почему то особенно привязалась къ Колзакову музыкантская команда; она взяла его на свое попеченіе, такъ сказать, вскормила его въ первые годы его службы и выучила чему могла, грамотѣ и маршировкѣ.

11 Апрѣля 1821 года Колзаковъ произведенъ въ Прапорщики, въ полкъ Принца Карла Прусскаго; 10 Мая слѣдующаго года въ Подпоручики и 10 Декабря 1824 года—въ Поручики.

Колзаковъ былъ юноша скромный, изъ дому не получавшій ни какой матеріальной помощи, а потому всецѣло предался службѣ и не зная никакихъ развлеченій и увлеченій, отлично изучилъ ее, т. е. *фронтъ*, своимъ здравымъ природнымъ умомъ понявъ, что улучшенія своей будущности онъ можетъ ждать только отъ службы. Дѣйствительно, успѣхи Колзакова въ знаніи, *фронта*—были таковы, что однажды онъ имѣлъ счастіе обратить на свою превосходную *маршировку* вниманіе, тогда еще Великаго Князя и Генералъ-Инспектора Инженеровъ Николая Павловича, въ Динабургѣ на смотру Его Высочества, при церемоніальномъ маршѣ. Судьба помогла Колзакову исключительно этой искусной маршировкой сдѣлать себѣ служебную карьеру. Въ 1825 году Колзаковъ повелъ людей, назначенныхъ изъ полка Принца Карла въ гвардію. Когда онъ представлялъ этихъ людей Николаю Павловичу, тогда уже вступившему на Престолъ, Его Величество изволилъ вспомнить Колзакова по Динабургу и 22 Декабря повелѣлъ прикомандировать его, а 14 Генваря 1826 года перевести въ Л. Г. Измайловскій

ПРИКАЗЪ

По 4-му пѣхотному корпусу. Дубно. № 92. Апрѣля 23 дня, 1849.

Бродяжническая шайка злонамѣренныхъ людей, сначала тайно, развратомъ неопытныхъ умовъ, прельщеніемъ ихъ своеволіемъ, вооружила наконецъ явно въ нѣкоторыхъ государствахъ, легкомыслящихъ и нетвердой нравственности людей, противъ Правительства и сіи заблуждающіеся, въ ослѣпленіи своемъ, произвели народныя бѣдствія.

Подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ счастливая Австрійская имперія была для иноземцевъ примѣрной страною довольства, порядка и благоденствія.

Но въ потокѣ волненія народовъ и это счастливое, союзное намъ государство посѣтили тяжкія испытанія.

На призывъ дружественной намъ Австріи, Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ, по величію души Своей, для сохраненія спокойствія въ Галиціи, Высочайше повелѣть соизволилъ вступить въ нее ввѣреннымъ мнѣ войскамъ.

Его Свѣтлость, Главнокомандующій арміею, въ безконечномъ о насъ попеченіи, для обезпеченія нуждъ, сдѣлалъ нужныя (!) распоряженія.

Богъ благословитъ наше доброе дѣло.

На дѣло чести, на дѣло славы—впередъ братцы!

Приказываю вамъ сохранить порядокъ и устройство, которыми вы всегда были одушевлены. Съ мирными жителями обходитесь кротко и дружелюбно, что-бы, при возвратѣ вашемъ домой, мы могли съ чистою совѣстью сказать: мы свято исполнили свой долгъ, помогли сосѣдямъ и на чужой сторонѣ пріобрѣли друзей.

полкъ, тѣмъ же Поручичьимъ чиномъ, пожаловавъ ему на гвардейскую экипировку 1241 р. ассигнаціями.

Первою затѣмъ наградою, полученною Колзаковымъ, была пожалованная ему золотая табакерка, съ мозаикою, въ память рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, совершившагося во время караула Колзакова въ Зимнемъ дворцѣ.

Колзакову не довелось сдѣлаться боевымъ офицеромъ. Въ турецкую войну 1829 г. онъ дошелъ только до Тульчина, а въ польскую, командуя ротой, стоялъ въ резервѣ при штурмѣ Варшавы, 25—26 Августа 1831, не принимая активнаго участія въ бою, что не помѣшало, однако, ему получить за этотъ штурмъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Послѣдовавшія затѣмъ: преслѣдованіе мятежниковъ до прусской границы и блокада Модлина, тоже не дали Колзакову случая быть въ огнѣ.

По возвращеніи изъ Польской кампаніи, 25 Іюня 1832, Колзаковъ произведенъ въ Капитаны, а 4 Августа 1837 г. въ Полковники Л. Г. Павловскаго полка, откуда переведенъ, 16 Апрѣля 1841, въ свой любимый Измайловскій полкъ, гдѣ принялъ батальонъ, а 12 Февраля 1845 назначенъ командиромъ Камчатскаго егерьскаго полка и 6 Декабря 1846 года произведенъ въ Генералъ-Маіоры.

Съ первыхъ моментовъ своей службы въ арміи, Колзаковъ встрѣтилъ много непріятностей. Усилившіеся геморроидальные припадки, которыми онъ давно уже страдалъ, и вражда, [illegible] у него съ Бригаднымъ командиромъ, Генералъ-Маіоромъ Житковымъ, съ которым[illegible] имѣлъ какіе-то непріятные счеты еще въ гвардіи, ожесточали Колзакова до край[illegible] дѣлали его, подъ часъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, [illegible] короче, прощали ему его выходки за его добрую душу, и открытый, прямой ха-

Когда же потребуется нашъ штыкъ да сабля, тогда начальники покажутъ путь и во славу Государя и Отечества мы дружно вскрикнемъ „ура“!

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи Чеодаевъ.

27 Апрѣля нашъ полкъ выступилъ изъ м. Ярмолинецъ, войдя въ составъ четвертой колонны дѣйствующей арміи и 1 Мая, согласно полученному нами маршруту, долженъ перейти границу здѣсь, въ Волочискѣ.

Сегодня командиръ полка, Г.-М. Колзаковъ, отдалъ слѣдующій приказъ по полку:

„Завтрашняго числа ввѣренный мнѣ полкъ вступаетъ въ предѣлы Австріи.

Событіе это даетъ мнѣ случай сказать гг. офицерамъ и солдатамъ, подъ моей командой состоящимъ, ревностной службы которыхъ я четыре послѣдніе года имѣлъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ, что это событіе представляетъ имъ случай доказать: въ какой степени они всегда готовы точно и свято исполнять волю нашего Отца-Государя?

Чѣмъ строже и точнѣе выполнимъ мы эту священную волю, тѣмъ блистательнѣйшее явимъ доказательство любви къ Августѣйшему Отцу нашему, тѣмъ явимся мы точнѣйшими исполнителями той клятвы, которую, предъ лицомъ Царя Царей, мы принесли Царю и Отечеству и, наконецъ, тѣмъ большее мы будемъ имѣть право гордиться именемъ русскихъ; тѣмъ большее мы будемъ имѣть право сказать нашимъ потомкамъ, что передавая имъ въ наслѣдство это имя, гремящее по всему міру славой непобѣдимыхъ воиновъ и благородныхъ миротворцевъ, мы не запятнали чистоты его, а, на противъ, привили къ нему новые, блестящіе лучи.

Вамъ извѣстно въ чемъ состоитъ эта Августѣйшая воля?

Государю Императору угодно, чтобы мы помогли стариннымъ друзьямъ нашимъ водворить въ своихъ предѣлахъ тотъ миръ и тишину, подъ сѣнію

рактеръ. Неудовольствія и безпрестанныя пререканія съ Бригаднымъ командиромъ, навлекли на Колзакова большія невзгоды со стороны высшихъ военныхъ властей, обыкновенно, изъ принципа, принимавшихъ сторону его врага—Бригаднаго командира. Дошло до того, что у Колзакова хотѣли отобрать полкъ, подъ предлогомъ его болѣзненнаго состоянія и даже, на походѣ, прислали Подполковника Пустовойтова (отца извѣстной въ послѣднее польское возстаніе *амазонки*, подъ именемъ *„дѣвицы Пустовойтовой“*—адъютанта Лангевича), принять отъ него полкъ на законномъ основаніи, но Колзаковъ не допустилъ до этого и хотя сильно страдалъ физически и нравственно, но полка своего не покинулъ. Впрочемъ, Колзаковъ не всегда могъ совладать съ собою и на одномъ переходѣ, выведенный изъ терпѣнія начальникомъ дивизіи Генералъ-Лейтенантомъ Бѣлогужевымъ, бросился на него верхомъ и наговорилъ ему дерзостей. Результатомъ было, что гоненіе съ полковаго командира распространили на полкъ и стали держать его, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, во все время Венгерской кампаніи, Камчатскому полку недали возможности принять участіе въ какомъ либо дѣлѣ, не смотря на то, что онъ шелъ въ авангардѣ, разбивъ его на части и оставивъ его содержать коммуникаціонную линію и гарнизоны въ Эперіесѣ и Кашау.

Будучи назначенъ командующимъ резервною бригадою 3 гренадерской дивизіи, Колзаковъ сдалъ, во время стоянки въ Кашау, Камчатскій полкъ своему преемнику Полковнику барону Фитингофу, на законномъ основаніи, въ совершенной исправности (какъ гласила полученная имъ квитанція въ сдачѣ полка), *въ 24 часа*, что составляло шикъ того времени.

Колзаковъ умеръ въ Орлѣ, 20 Іюля 1852 года, на 50-мъ году жизни, въ должности завѣдующаго складами обмундированія и вооруженія и кадрами 4-хъ запасныхъ баталіоновъ гренадерской дивизіи и 12 резервныхъ баталіоновъ 5 пѣхотнаго корпуса.

которыхъ они, въ дружбѣ и священномъ союзѣ съ нами, столько лѣтъ благоденствовали,—тотъ миръ и тишину, которые, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австріи, нарушены мятежниками и клятвопреступниками.

Изъ этого ясно: какую прекрасную обязанность угодно было Государю возложить на насъ,—какою благородною довѣренностію Ему было угодно облечь насъ!

Мы ли не оправдаемъ довѣренности этой? Мы ли не явимся достойными нашихъ отцевъ и братій, такъ вѣрно служившихъ Его, въ Бозѣ почившему, Августѣйшему Брату! Мы ли не явимся достойными потомками тѣхъ русскихъ, которые въ 1812 году, сокрушивъ страшнаго врага, явились въ годахъ послѣдующихъ умиротворителями всей Европы!

Нѣтъ, Русскіе остались тѣми-же. Слава не покинетъ нашихъ знаменъ, а друзья увидятъ: умѣемъ ли мы быть друзьями!

Что прибавить? Пусть каждаго руководитъ честь и долгъ. Пусть ни кто не забываетъ, что блаженство, какъ земное, такъ небесное, бываетъ наградою только милостивымъ и кроткимъ.

Мнѣ остается пожелать, чтобы и за рубежомъ Отечества сохранилась въ васъ, друзья мои, та-же безукоризненная нравственность, то-же стремленіе къ неуклонному исполненію своего долга, которыми я, какъ командиръ вашъ, доселѣ имѣлъ счастіе гордиться".

15 Мая. Лембергъ въ Галиціи.

Изъ Высочайшихъ Манифестовъ русскіе знаютъ, что побудило нашего Великаго Государя повелѣть Своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Австрійской Имперіи!

Прежде чѣмъ продолжать выписки изъ своего дневника, веденнаго во время Венгерской кампаніи, считаю необходимымъ оговориться.

Конечно, *дѣйствительныя* причины нашего вмѣшательства въ австрійскія дѣла, съ цѣлію подавленія Венгерскаго возстанія, не могли быть представлены, во всей подробности и въ настоящемъ свѣтѣ, въ оффиціальныхъ о томъ правительственныхъ извѣщеніяхъ, обращенныхъ къ отечественному населенію и къ войскамъ, а литература того времени оставалась безгласною, не дерзая обращаться къ разъясненію,—тѣмъ болѣе къ обсужденію правительственныхъ мѣропріятій по государственнымъ вопросамъ. По этому, относительно поводовъ и причинъ войны, въ которой намъ предстояло принять участіе, мы могли знать только то, что правительство находило необходимымъ намъ сообщить.

Между этими сообщеніями и дѣйствительностью могли быть, и не рѣдко бывали, если не пропасти, то большіе овраги! Впрочемъ, истина въ данномъ случаѣ не намъ только, рядовымъ людямъ арміи, была не доступна: отъ ея познанія было также далеко почти все русское общество, какъ

и мы (*). Если бы это было не такъ, то въ Обществѣ не сложилось бы впослѣдствіи убѣжденія о безполезности и неумѣстности нашего вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, въ 1849 году, даже больше, о навлеченіи этимъ вмѣшательствомъ великихъ бѣдъ на наше отечество, которыя ему суждено было испытать впослѣдствіи, какъ бывшія прямымъ результатомъ этого вмѣшательства.

Желая, по возможности, освѣтить передъ нашими читателями настоящій вопросъ, мы цитируемъ обсужденіе его, приведенное въ замѣчательномъ трудѣ, изданномъ, въ 1879 году, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—56) par un ancien diplomate".

„Въ концѣ достопамятнаго 1848 года, говоритъ „Бывшій дипломатъ" (Тома 1-го стр. 29 и пос.), спокойная и энергичная осанка, принятая на себя Россіей, остановила ходъ революціи, поддержала потрясенныя правительства и все европейское зданіе, колебавшееся на своихъ основаніяхъ на Сѣверѣ также, какъ на Югѣ,—на Востокѣ—также какъ и на Западѣ.

Оставалось только обезпечить неприкосновенность Австрійской имперіи, умиротворивъ Венгрію, гдѣ сосредоточивались всѣ элементы всемірной революціи.

Сильно осуждали наше вмѣшательство въ Венгерскія дѣла. Должно, однако, признать, что таковое вмѣшательство было логическимъ развитіемъ всей системы и тѣхъ неизмѣнныхъ принциповъ, которымъ всегда слѣдовалъ Императоръ Николай.

Венгерская революція происходила въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ. Мы не могли оставаться ея равнодушными зрителями. Въ началѣ имѣвшая характеръ исключительно аристократическій и монархическій, она вскорѣ проникласъ элементами, потрясавшими Европу (**).

Участіе Бема, Дембинскаго и польскихъ легіоновъ придало ей направленіе, вполнѣ враждебное нашимъ интересамъ. Легко было предугадать какіе окончательные результаты будутъ имѣть ея успѣхи? Было ясно, что однажды уничтожена Австрійская имперія, освобождена отъ ней Венгрія, мы станемъ лицемъ къ лицу со множествомъ маленькихъ анархическихъ республикъ, которыя, съ помощью космополитической революціи, образуются на развалинахъ Австріи и Турціи. Кромѣ того, что перспектива рисовала враждебнаго, иде-

(*) До чего могла доходить нелѣпость въ толкованіи причинъ нашего военнаго вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, можетъ служить слухъ, распространившійся между старообрядцами всей Россіи, будто война Венгерцамъ объявлена нами за лжемитрополита, бѣжавшаго къ нимъ и котораго, несмотря на наши требованія, они не хотятъ выдать.

(**) „Россія, какъ Славянское Государство, ни какъ не могла допустить, что бы въ сосѣдствѣ съ нею возникло Мадьярское Государство, съ либерально революціонною и противо-Славянскою политикою. Императоръ Николай, всю Свою жизнь посвятившій великому дѣлу уничтоженія Турецкаго Государства въ Европѣ и освобожденія Турецкихъ славянъ отъ вѣковаго ига, не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на границѣ Его Государства возникала новая Турція, хотя-бы и въ новой формѣ. И этотъ Государь Славянской Россіи поступилъ лишь въ Славянскомъ духѣ, въ интересахъ Славянскаго міра, когда ниспровергъ въ прахъ Азіатскихъ Мадьяръ и могучею рукою уничтожилъ то зданіе, которое построилъ Мадьярскій фанатизмъ съ цѣлью угнетенія Славянъ" (Пичъ. Исторія Словаковъ. Стр. 181).

Сенат... Народных...

имъ господствовавшимъ въ нашей политикѣ, успѣхи этой революціи прямо вредили намъ тѣмъ, что ближайшимъ ихъ послѣдствіемъ было образованіе изъ Польши открытаго къ намъ пути для всѣхъ нашихъ европейскихъ вооруженныхъ враговъ. Въ виду этой явной опасности, мы ни на кого не могли расчитывать. Англія раздувала революцію на континентѣ; Франція, сама жертва анархіи, была чрезвычайно подозрительна;—Германскія правительства были развращены демагогіей;—Пруссія являлась слабою и колеблющеюся. Оставалась только Австрія, поддержаніе которой, казалось, могло насъ обезпечить отъ представлявшихся случайностей. Это было постоянной руководящей идеей нашей политики съ 1815 года. Императоръ Николай, наслѣдовавъ ее отъ своего Августѣйшаго Брата, оставался ей вѣренъ.

Давно уже Николай Павловичъ предложилъ Свою помощь Императору Францу-Іосифу, но экспедиція генерала Лидерса въ Трансильванію показала, что всякая частная помощь, какъ полумѣра, не будетъ имѣть надлежащаго значенія, а потому Императоръ Николай рѣшился дѣйствовать не иначе, какъ только посредствомъ вполнѣ достаточныхъ военныхъ силъ (*), при чемъ въ устраненіе всякихъ могущихъ произойти вредныхъ разномыслій при командованіи ими, Императоръ Николай рѣшилъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Впрочемъ, Онъ ничего не требовалъ отъ Австріи за Свою услугу, даже не желалъ возмѣщенія Своихъ военныхъ издержекъ въ эту кампанію. Увѣряютъ, что во время пребыванія своего въ Варшавѣ, Императоръ Николай былъ побуждаемъ предложить австрійскому правительству нѣкоторый территоріальный обмѣнъ, въ видахъ возвращенія Россіи части Галиціи. Конечно, Австрія слишкомъ сильно тогда нуждалась въ насъ, чтобы не *купить* помощи, отъ которой зависѣло ея спасеніе; но, не смотря на это, если изложенная идея и имѣлась, то ей не было дано развитія, вѣроятно, вслѣдствіе неуклонной правдивости Императора Николая. Онъ только желалъ поддержанія европейскаго Status quo, которое онъ признавалъ необходимымъ для безопасности Россіи. Если Онъ и поднималъ оружіе, то собственно для возстановленія порядка. Онъ отступилъ бы отъ Своихъ правилъ, допустивъ модификацію, хотя бы даже и въ интересахъ Россіи.

Что касается до Императора Франца-Іосифа, то онъ, изъ весьма естественнаго чувства самолюбія, долго затруднялся принять предложенную ему помощь. Однако, положеніе Австріи дѣлалось столь критическимъ, что долѣе не возможно было медлить. И Францъ-Іосифъ уже не только не колебался болѣе, но прямо умолялъ о помощи своего Августѣйшаго союзника, усиливъ самыя сердечныя свои изліянія при варшавскомъ съ Нимъ свиданіи, явившіяся печальнымъ противорѣчіемъ тому, что вскорѣ затѣмъ послѣдовало.

---

*) Когда въ Венгрію было двинуто 200000 русскихъ, одно высокопоставленное лицо спросило Императора Николая: „какая надобность употреблять въ дѣло такую огромную силу?“ На это Царь отвѣтилъ: „Такая сила нужна потому, что эта война такъ непопулярна въ моемъ Государствѣ, что ее необходимо окончить, въ три мѣсяца. Kossuth. Souvenirs et écrits de mon exil, Periode de la guerre d' Italie, Paris. 1880. Стр. 110—111.

Дѣйствительно, политика всегда подчиняется неумолимымъ требованіямъ необходимости, а Государи обязаны прежде всего сообразовать ее съ нуждами ихъ страны.

Впрочемъ, должно согласиться, что слишкомъ много произведено шуму по случаю *неблагодарности* Австріи. Политика, обыкновенно, не признаетъ чувствъ подобнаго рода. Это наука разума и расчета. Если мы расчитываемъ на благодарность въ дѣлахъ политики,—мы сами себя обманываемъ. Въ сущности мы пришли на помощь Австріи отнюдь не по любви къ ней, а потому, что ея сохраненіе намъ казалось нужнымъ. Она приняла эту помощь потому, что не могла безъ ней обойтись. Во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ мѣста чувству благодарности. Но вотъ еще урокъ: оказалось, что консервативная система, повидимому, лежавшая въ основаніи общности нашихъ интересовъ съ Австріей, есть ни что иное, какъ иллюзія. Если бы система эта была построена на истинѣ, то и приносимыя нами жертвы имѣли бы разумное основаніе. Въ моментъ, когда въ дѣйствительности эти основы оказались не существующими,—принесенныя нами жертвы явились излишними и безполезными.

Прибавимъ еще одно разсужденіе, чтобы объяснить себѣ заблужденіе Императорскаго кабинета.

Обыкновенно, правительство по необходимости обязано бываетъ основывать свои соображенія на тѣхъ интересахъ, какіе оно предполагаетъ у Правительства, съ которымъ трактуетъ. Мы могли думать, что въ интересахъ Австріи поддерживать союзъ съ нами. Мы полагали—отъ него зависѣло ея политическое существованіе. Впослѣдствіи это соображеніе подтвердилось, потому что своимъ поведеніемъ относительно насъ въ 1854 году, Австрія подготовила свою потерю Италіи и Германіи. Но тогда нашъ Кабинетъ могъ ли предполагать подобное заблужденіе со стороны Правительства, славнаго своимъ дипломатическимъ искусствомъ, вошедшимъ даже въ пословицы? Смѣло отвѣтимъ: *нѣтъ*, если одинъ только разумъ руководитъ политическими комбинаціями,—*да*—если принимаются въ расчетъ человѣческія страсти.

Существуютъ одолженія унижающія!

Великая держава не въ состояніи переварить тяжкой необходимости сознаться, что своимъ спасеніемъ она обязана сосѣдней державѣ. Такъ устроено человѣчество! И если знакомство съ чувствованіями сердца человѣческаго не достаточно, чтобы просвѣтить насъ въ этомъ отношеніи, то насъ должны бы въ томъ убѣдить—событія.

Впечатлѣніе, произведенное тріумфальнымъ шествіемъ нашихъ войскъ по воюемой странѣ; взаимныя симпатіи, выразившіяся въ нашихъ отношеніяхъ къ Венгерцамъ;—способъ положенія оружія Гергеемъ,—все это, вмѣстѣ взятое, нанесло слишкомъ чувствительные удары самолюбію австрійцевъ. Они это доказали пріемомъ, сдѣланнымъ ходатайству Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича (въ Бозѣ почившаго Императора Александра II), за виновныхъ Венгерцевъ, которыхъ, не смотря на это высокое хода-

тайство, отъ Имени Императора Николая,—немедленно безпощадно казнили.

Скажемъ въ заключеніе: если въ идеяхъ консерватизма, тогда преобладавшихъ въ политикѣ Императорскаго кабинета, занятіе Венгріи было логическимъ развитіемъ его принциповъ, въ особенности имѣя въ виду Польшу, то мечта, что наша помощь поселитъ къ намъ добрыя чувства въ помыслахъ Вѣнскаго кабинета, была грубой политической ошибкой.

Можно прибавить, что сѣмена непріязни, брошенныя нами въ сердца Венгерцевъ, которыя въ другомъ случаѣ были бы къ намъ симпатичны, событіе достойное вѣчнаго сожалѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, однако паденіе Венгріи было рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ космополитической революціи, и затѣмъ обаяніе и нравственное вліяніе Императора Николая достигло своего апогея.

Такое положеніе льститъ національной гордости, но оно опасно потому, что возбуждаетъ зависть и вражду. Такъ Англія лорда Пальмерстона не могла снизойти до признанія такого преобладанія русской политики.

Чѣмъ больше этотъ государственный человѣкъ запутывался въ содѣйствіи революціи, тѣмъ меньше онъ былъ склоненъ видѣть насъ выходящими изъ этого ужаснаго кризиса не только невредимыми, но еще поднявшимися на степень выше въ нравственномъ могуществѣ и, наконецъ, съ усилившимся авторитетомъ въ Европѣ. По этому лордъ Пальмерстонъ повсюду старался устроить намъ затрудненія и хлопоты, чтобы мы испытали удары, которые доказали бы, что Россія вовсе не неуязвима и что въ тоже время значеніе Англіи нисколько не уменьшилось.

Первыя попытки въ этомъ родѣ были сдѣланы Пальмерстономъ по поводу венгерскихъ инсургентовъ, удалившихся въ Валахію.

Порта приняла этихъ эмигрантовъ съ отмѣнною благосклонностью, что было, впрочемъ, весьма недальновидно, потому что торжество революцій въ Венгріи и въ Польшѣ, было бы въ сущности смертнымъ приговоромъ Оттоманской имперіи. Но страсти не разсуждаютъ. Съ момента начала войны между Венгерцами и русскими, первые сдѣлались предметомъ благосклонной заботливости Турокъ. Императорскій кабинетъ выразилъ желаніе, чтобы названные бѣглецы были изгнаны изъ Турціи, а австрійское правительство, ободренное нашей поддержкой, пошло дальше—потребовавъ ихъ выдачи. Требованія эти были безразсудны. Порта, побуждаемая Франціей и Англіей, сдѣлала изъ этого требованія вопросъ своей чести, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ (между другими генералъ Бемъ), приняли магометанство.

Произошелъ кризисъ, вскорѣ сдѣлавшійся крайне опаснымъ. Даже приготовились образовать противъ насъ коалицію, какъ въ 1854 г. Но осуществить этого плана не могли—время еще не приспѣло! Людовикъ Наполеонъ не утвердилъ еще своей власти, не связавъ еще себя прочнымъ союзомъ съ лордомъ Пальмерстономъ, и отказался гарантировать Порту

противъ случайностей, какимъ она могла подвергнуться, отвергая наши требованія. Результатомъ было, что переговоры кончились мировой сдѣлкой, на которую нашъ кабинетъ скромно согласился. Императоръ Николай не хотѣлъ новыхъ осложненій на Востокѣ. Повторяемъ, Онъ стремился только къ возстановленію и утвержденію европейскаго Status quo.

Рѣшили, что польскіе и венгерскіе бѣглецы будутъ удалены въ глубь Турціи, вдаль отъ границъ русскихъ и австрійскихъ. Но таково было возбужденіе Англіи, что адмиралъ Паркеръ прошелъ за тѣмъ со своей эскадрой Дарданеллы, чтобы, напугавъ Турокъ, заставить ихъ произвести разрывъ съ нами. Это дѣйствіе Англичанъ было нарушеніемъ конвенціи 1841 года о проливахъ. Нашъ кабинетъ энергично протестовалъ и Франція была вынуждена къ тому-же.

Въ данную минуту разсказанный случай имѣлъ только два результата, принесшіе свои плоды впослѣдствіи: 1) онъ пріучилъ Францію расчитывать на помощь Англіи противъ насъ на Востокѣ и 2) онъ утвердилъ въ насъ ошибочное понятіе о готовности Австріи дѣйствовать съ нами за одно!

Не это ли сѣмена Крымской войны!?

Вышесказаннымъ причины нашего вмѣшательства 1849 года въ венгерскія дѣла вполнѣ выясняются и представляются столь серьезными, что за тѣмъ теряютъ всякій смыслъ объясненія этого же событія, дѣлаемыя, напримѣръ, столь пристрастнымъ лицемъ, какъ бывшій венгерскій диктаторъ, знаменитый Кошутъ (*).

Въ своихъ „Souvenirs“ (Idem) онъ говоритъ, что „уполномоченный его, нѣкто Людвигъ, часто проводилъ время въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ въ Бельгіи, преимущественно вспоминая старину. Однажды Людвигъ спросилъ посланника: „какая была, говоря откровенно, дѣйствительная причина вмѣшательства Россіи въ 1849 году?“ Посланникъ отвѣтилъ, что это вмѣшательство не имѣло ни какихъ основаній; — что въ Россіи никто на немъ не настаивалъ, ни кто его не совѣтовалъ и ни кто его не оправдывалъ. Оно было плодомъ личной фантазіи Императора Николая I-го, который, впослѣдствіи, Самъ раскаявался въ этой *страстной политикѣ*.

„Очень много вѣроятнаго, говорилъ русскій посланникъ, въ разсказѣ, будто-бы Царь Николай, въ Варшавѣ, указывая рукою на статую короля Яна Собіесскаго, этого перваго спасителя Габсбурговъ, назвалъ этого Короля: „*Безумецъ I-й*“! потомъ, указывая на Себя, продолжалъ: *Безумецъ II-й*“.

Затѣмъ, посланникъ замѣтилъ, что со стороны Венгерцовъ было большею ошибкою допустить Поляковъ въ свою армію.

(*) Кошутъ родился 16 Сентября 1802 г., въ Земплинскомъ комитатѣ. Характеристика Кошута и его политической дѣятельности чрезвычайно вѣрно и энергично очерчена извѣстною M-me Adam въ статьѣ ея „Patrie Hongrois“ въ “La Nouvelle Revue“, 1 Сент. 1884.

На это Людвигъ отвѣчалъ, что Венгерцы принимали Поляковъ въ свои ряды вовсе не въ видахъ враждебной демонстраціи противъ Россіи и что такая идея была слишкомъ отъ нихъ далека. Но венгерцевъ обвиняли въ стремленіи къ угнетенію Славянъ и польская эмиграція въ Парижѣ прославляла какъ бы войну за освобожденіе, измѣну Кроатъ, подкупленныхъ Австріей. Венгерцы не могли оставить этого обвиненія безъ противодѣйствія.

„Я, говоритъ Кошутъ, замѣтилъ Людвигу: „вы дали точный, но не полный отвѣтъ. Напрасно русскіе увѣряютъ, что ихъ вмѣшательство вызвано пріемомъ, оказаннымъ нами Полякамъ. Напрасно насъ считать такими простаками, чтобы мы повѣрили этой ссылкѣ. Въ дѣйствительности, въ Августѣ 1848 года, не было еще ни одного поляка въ венгерской службѣ, когда уже русскіе заняли Молдавію и лордъ Пальмерстонъ писалъ сэру Страффорду Кеннингу: „Его Императорское Величество, Царь, имѣетъ въ виду возможность призыва со стороны Австріи, для водворенія порядка въ Пештѣ“. Въ сущности, вмѣшательство было рѣшено во время Веронскаго конгресса, (рѣшено, т. е. обѣщано) гораздо прежде, чѣмъ Австрійцы напали на Венгерцевъ. Бану Іелачичу приказано наступать только тогда, когда уже русскіе были въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

Въ 1849 г. Вѣнскій Дворъ не требовалъ вмѣшательства, онъ только призналъ, что таковое сдѣлалось въ данную минуту необходимымъ.

Затѣмъ, восклицаетъ Кошутъ, что же они ссылаются на пріемъ Поляковъ? Число ихъ никогда не превышало 5000 человѣкъ. Этотъ маленькій легіонъ ни сколько не могъ безпокоить Московское Государство. Русскіе это знали. Они также знали, что я вовсе не стремился къ увеличенію числа Поляковъ въ нашей арміи и что я положительно воспретилъ расширять театръ войны, захватывая въ него Польшу“ (Стр. 113—114).

Мы находимъ умѣстнымъ привесть здѣсь еще одно мнѣніе о причинахъ нашего вмѣшательства въ венгерскія дѣла и о послѣдствіяхъ таковаго.

„Въ настоящее время, говоритъ бывшій венгерскій генералъ Клапка (La guerre d'orient en 1853 et 1854 etc. Geneve. 1854), ясно: что было причиной занятія Венгріи русскими и что отъ этого выиграла Австрія?

Эта послѣдняя таковымъ событіемъ была побуждена погасить у себя послѣдніе проблески конституціонныхъ учрежденій и принесть въ жертву древнія федеральныя отношенія сверхъестественной централизаціи уничтожившей сѣмена національнаго развитія, повергнувъ въ отчаяніе всѣ народы, составляющіе названную Монархію. Съ момента, когда Паскевичъ написалъ своему Государю: „Венгрія у ногъ Вашего Величества“, древняя Австрія перестала существовать, а новая вскорѣ увидѣла себя безъ животворныхъ принциповъ, безъ внѣшняго могущества, вынужденною въ дѣлахъ внутреннихъ опираться на безсмысленную систему террора и грубой силы.

Своимъ великодушнымъ вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, Россія

исполнила свое призваніе. Она лишила самостоятельнаго бытія и заковала въ цѣпи единственный еще ей опасный народъ на берегахъ Дуная,—народъ, который при каждомъ польскомъ возстаніи, всегда являлъ готовность помочь своимъ угнетеннымъ сосѣдямъ; народъ, существованіе котораго, съ его государственнымъ устройствомъ и избыткомъ народныхъ силъ, былъ постоянной угрозой осуществленію ея предпріятій противъ Турціи; народъ, вдвинувшійся между южными и сѣверными славянами, противустоя развитію панславистскихъ идей Россіи; народъ, который въ рѣшительной войнѣ противъ Россіи, побудилъ бы Австрію принять участіе въ составѣ дѣйствующей коалиціи. Русскіе достигли своихъ цѣлей съ помощью Австріи, южныхъ славянъ и Валаховъ, легко подавленныхъ, при чемъ, въ свою очередь, Австріи нанесенъ смертельный ударъ и будущность ея поставлена въ зависимость отъ Россіи".

Возвращаюсь къ своимъ походнымъ запискамъ.

Служа въ одномъ изъ полковъ направленныхъ въ Галицію, (*) а именно въ Камчатскомъ егерьскомъ, я разскажу о томъ, чѣму былъ личнымъ свидѣтелемъ во время этого похода и что происходило съ отрядомъ, въ которомъ состою.

1 Мая 1849 года мы простились съ отечествомъ.

Сердца многихъ изъ насъ сжало томительное предчувствіе. Многимъ, о! вѣроятно многимъ, не суждено увидѣть родныхъ полей и чужая земля засыпетъ ихъ очи, отуманенныя теперь предчувственной слезой, или сверкающія тѣмъ беззаботнымъ восторгомъ, какимъ проникается душа русскаго человѣка, когда онъ становится лицемъ къ лицу съ опасностью, или съ самою смертью.

Съ гигантскаго пространства нашей Отчизны сколько молитвъ возносится къ Престолу Божію за воиновъ, составляющихъ наши ряды! Сколько за насъ пролито горячихъ слезъ! Что до насъ, то мы бодро и весело идемъ въ чужую землю; съ надеждой на успѣхъ ждемъ войны; съ твердостью думаемъ о смерти.

Казалось, сама природа Россіи прослезилась, отпуская насъ на чужбину: пока мы стягивались къ границѣ, погода намъ благопріятствовала, но съ утра 1 мая, небо покрылось тучами и когда начался общій, торжественный молебенъ,—пошелъ дождь.

Не плачь родимая о любимыхъ дѣтяхъ своихъ! На славный подвигъ идутъ они въ чужую сторону: тамъ сплетутъ они тебѣ новый вѣнецъ, подобный тому прекрасному и лучезарному вѣнцу, въ какомъ красуешся ты

(*) Въ это время я былъ полковымъ адъютантомъ въ Камчатскомъ егерьскомъ полку, нынѣ—пѣхотный.

со временъ своего Благословеннаго Царя! Радуйся святая Русь, имя Великаго Царя, Отца твоего, снова прогремитъ изъ конца въ конецъ вселенной и титло „Умирителя“ народы присоединятъ къ Его другимъ, хвалебнымъ титламъ!

И такъ, 1 Мая, чрезъ Волочискую таможню, мы вступили въ Австрію.

Нашъ эшелонъ, будучи авангардомъ русскихъ силъ, вступавшихъ въ Галицію, черезъ названную таможню, находился подъ начальствомъ генералъ-маіора Петра Никифоровича Житкова, командира составлявшей этотъ эшелонъ 2-й бригады 11 пѣхотной дивизіи. Бригада эта состояла изъ егерьскихъ полковъ: Охотскаго (командиръ полковникъ Бибиковъ) и Камчатскаго (командиръ генералъ-маіоръ Колзаковъ). Въ составъ нашего эшелона входили легкія батареи 11 артиллерійской бригады №№ 4 и 5.

Въ одномъ переходѣ за нами слѣдовалъ второй эшелонъ нашего отряда, состоявшій подъ начальствомъ командира 1 Бригады той-же дивизіи генералъ-маіора Бурковскаго, изъ 1-й Бригады той же дивизіи, полковъ: Селенгинскаго (командиръ генералъ-маіоръ Ротъ) и Якутскаго (командиръ полковникъ Толпыга), съ двумя батарейными батареями 11 артиллерійской Бригады.

Многіе изъ насъ надѣялись, въ самый день перехода границы Имперіи, встрѣтить множество предметовъ, которые, своими рѣзкими особенностями, пріятно разнообразили-бы нашу трудовую жизнь. Но искавшіе новизны разочаровались. Край, по которому мы идемъ,—какъ бы продолженіе такъ называемаго у насъ „Подоля“, являясь совершеннымъ ему подобіемъ. Тѣ-же красивыя мѣстоположенія, тѣ-же плодоносныя долины, игриво прорѣзанныя отрогами Карпатскаго хребта и ручьями, живописно извивающимися по цвѣтущимъ полянамъ, покрытымъ чрезвычайно сильною растительностью и отороченнымъ густымъ кустарникомъ или перелѣсками разнообразныхъ лиственныхъ деревъ. И тутъ тѣ-же хаты, ярко блестящія своею бѣлизною въ тѣни густыхъ садовъ черешень и сливъ, что и у насъ, на „Подолѣ“; тѣ-же костюмы мужчинъ и женщинъ; тотъ-же языкъ, нравы, обычаи, что и у подольскихъ простолюдиновъ;—то же уніатское вѣроисповѣданіе, которому были вынуждены слѣдовать и жители Подоля до незабвеннаго часа воссоединенія ихъ съ нашею церковью.

Только, такъ сказать, оффиціальными предметами выражается, что проходимая нами страна —не наша. Такъ, окраска перилъ на мостахъ и оврагахъ, шлагбаумовъ и придорожныхъ столбовъ не та, что у насъ, а черная съ желтымъ; другой всюду гербъ, туземные солдаты не по нашему держатъ ружье, не по нашему съ нимъ обращаются и тому подобное.

Бѣлые мундиры австрійскихъ солдатъ; зеленыя древесныя вѣтви, воткнутыя, обыкновенно, въ дула ихъ ружей и въ киверъ; неуклюжіе холщевые [illegible] и колпаки ихъ рекрутъ, способъ отданія воинской чести солда[illegible] другое, вызывало насмѣшки нашихъ балагуровъ.

[illegible]ницѣ насъ встрѣтили офицеръ и чиновникъ, назначенные со-

провождать насъ въ пути. Жители городовъ, мѣстечекъ, деревень, безъ различія сословій, сбѣгались толпами смотрѣть на насъ. Чѣмъ глубже проникали мы въ Галицію, тѣмъ радушнѣе встрѣчали пріемъ не только отъ крестьянъ, но и со стороны интеллигенціи. Была ли главною причиною этого гостепріимства страсть къ новизнѣ, которой мы въ значительной степени удовлетворяли своимъ появленіемъ, или мѣстные друзья спокойствія и порядка дѣйствительно видѣли въ насъ орудіе къ достиженію того и другаго, столь необходимыхъ ихъ странѣ, измученной многолѣтними сумятицами, —а жаждущіе волненій и смутъ, горячія головы, которыхъ здѣсь немало, боялись насъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, а офицеровъ въ Галиціи окружали такимъ вниманіемъ, что это радушное гостепріимство становилось иногда въ тягость намъ, изнуреннымъ, бывало, еще не совсѣмъ для насъ привычными большими переходами и съ прибытіемъ на квартиры искавшимъ только покоя. Въ городахъ обыватели, на перерывъ другъ передъ другомъ, запрашивали насъ къ себѣ на квартиру,—явленіе, къ которому насъ отнюдь не пріучили походы по отечественнымъ городамъ; у сколько нибудь зажиточнаго хозяина, офицеръ находилъ приготовленную для него лучшую комнату, свѣжую воду, чудесную постель, кофе, закуску и за чаемъ общество порядочныхъ людей, милое и, нерѣдко, весьма образованное.

Главнѣйшія нужды нашего солдата также здѣсь обезпечены. Австрійское правительство отпускаетъ на каждаго солдата по $^1/_2$ фунту мяса три раза въ недѣлю, а во время форсированныхъ маршей—ежедневно, чарку водки (надо признаться очень плохой, картофельной, перегнанной съ анисомъ),—три фунта хлѣба, извѣстную часть соли и крупъ. Обыкновенно наши артельщики, уѣхавъ ночью за станцію впередъ, успѣваютъ къ нашему приходу на ночлегъ, сварить изъ этихъ матеріаловъ весьма вкусную кашу, которую сами нѣмцы, впрочемъ, можетъ быть только изъ вѣжливости, похваливаютъ, когда мы ихъ, бывало, уговоримъ, по нашему примѣру, хлебнуть нѣсколько ложекъ изъ солдадскаго котла.

Проходимая нами страна весьма населенна и земля превосходно обработана, чѣмъ, въ сущности, она и отличается отъ сосѣдней подольской земли. На значительномъ пространствѣ не видишь клочка земли, на которомъ не было бы слѣдовъ труда и терпѣнія человѣка; впрочемъ, за умѣренный даже трудъ, здѣсь природа, обыкновенно, и вознаграждаетъ сторицею. Край благословенный, повторяю, подобіе лучшихъ уголковъ нашего Подоля и Украйны, только въ улучшенномъ видѣ.

Въ три перехода мы пришли въ уѣздный городъ *Тарнополь*,—первый заграничный городъ, что большинству изъ насъ довелось посѣтить.

Видъ на Тарнополь, пріютившійся у огромнаго пруда, очень картиненъ. Готическая архитектура его костеловъ и нѣкоторыхъ домовъ, придаетъ ему отличный отъ нашихъ городовъ характеръ.

За нѣсколько верстъ отъ города насъ встрѣтили воинскія власти города

верхомъ. Въ полуверстѣ отъ Тарнополя мы сдѣлали привалъ; большія толпы народа (въ Тарнополѣ 13000 жителей) окружили насъ и смотрѣли какъ на чудо:—мы были *первыми* изъ русской арміи, проходившими здѣсь.

Провожаемые толпами любопытныхъ, посреди рядовъ народа, стоявшаго шпалерами по обоимъ сторонамъ дороги, вплоть до города, мы прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо своего Начальника Дивизіи и, лучшими улицами города, потянулись дальше, на ночлегъ. Когда мы проходили мимо Австрійскихъ войскъ, выстроенныхъ фронтомъ, въ одну шеренгу, для нашей встрѣчи, они намъ кричали „vivat!“, что очень удивляло нашихъ солдатъ, отвѣчавшихъ имъ своими, не лишенными юмора, шутками.

Сколько я успѣлъ замѣтить, Тарнополь (*), красотою, чистотою, порядкомъ, не похожъ на наши русскіе города; впрочемъ, говорятъ, онъ и въ Австріи—одинъ изъ лучшихъ городовъ своего разряда. Городъ основанъ въ XVI столѣтіи Иваномъ Тарновскимъ, Краковскимъ Кастелляномъ и названъ во имя его: Tarno-Polia.

Замѣчательный въ торговомъ отношеніи, этотъ, издавна богатый, городъ, прилегая къ владѣніямъ народовъ враждебныхъ Польшѣ (подъ властью которой онъ долго находился), весьма часто испытывалъ тяжесть ихъ оружія. Нерѣдко Казаки или Татары господами гуляли по стогнамъ Тарнополя, но нерѣдко и эти хищники уносились вихремъ, разбитые, отъ его стѣнъ.

Верстахъ въ 25-ти отъ Тарнополя лежитъ знаменитый въ нашихъ лѣтописяхъ *Теребовль*, нынѣ городъ *Трембовля*. Говорятъ, вблизи его и доселѣ существуютъ развалины древняго замка.

Въ Тарнополѣ всѣ свободные отъ службы наши офицеры собрались въ лучшую гостинницу, гдѣ встрѣтили офицеровъ и начальниковъ мѣстнаго австрійскаго гарнизона. Разумѣется сейчасъ же познакомились. Австрійцы стали угощать насъ краснымъ виномъ и провозгласили при этомъ тостъ за здоровье нашего Государя, при чемъ всѣ вмѣстѣ крикнули „ура“, такъ что окна задрожали, а мы тотчасъ потребовали шампанскаго и еще громче грянули тостъ за здоровье Австрійскаго Императора. Такъ произошло наше первое сближеніе съ нашими союзниками.

Въ Тарнополѣ мы вышли на шоссе. Подобные искуственные пути прорѣзываютъ Австрію во всевозможныхъ направленіяхъ и хотя эти шоссе далеко не такъ щегольски устроены и содержаны, какъ, напримѣръ, наше Московско-Петербургское, но все таки они чрезвычайно облегчаютъ сообщенія.

Слѣдуя на Лембергъ, мы ночевали въ М. Езерно, въ которомъ нѣкогда былъ оборонительный замокъ, и пройдя нѣсколько хорошенькихъ деревень, вступили въ уѣздный городъ Злочевъ, весьма живописный и чистенькій. Не доходя города, на право отъ дороги, посреди осунувшихся

(*) Родина извѣстнаго Заруцкаго, столь памятнаго въ нашей исторіи крамолами, которыми онъ преступно увеличивалъ несчастія, тяготѣвшія надъ нашимъ отечествомъ въ 1612 году.

земляныхъ укрѣпленій, возвышается древній замокъ Яна Собіесскаго, построенный имъ посредствомъ плѣнныхъ турокъ и татаръ. Нѣкогда, этотъ прекрасно укрѣпленный замокъ, видѣлъ много битвъ подъ своими стѣнами и выдержалъ не одну осаду. Самыми памятными годами въ исторической жизни Злочева можно назвать 1649 годъ по осадѣ его татарами,—1674—разбитіемъ татаръ у его стѣнъ и, наконецъ, 1690—погромомъ его тѣми-же татарами.

Въ Злочевѣ насъ встрѣтили весьма гостепріимно: его любезные жители наперерывъ старались предупредить малѣйшее наше желаніе. На чужой сторонѣ такъ пріятно подобное вниманіе; такъ пріятно хоть на нѣсколько часовъ промѣнять бивакъ на уютную гостинную,—сырую землю на мягкій диванъ и грубый говоръ своихъ товарищей—солдатъ на оживленную бесѣду изысканнаго общества.

Слѣдующій ночлегъ мы имѣли у почтеннаго ксенза деревни Виники и подивились какъ славно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами, духовныя лица.

Въ домѣ нашего хозяина соединялось все чего только можно желать въ деревенскомъ жилищѣ: чудесный садъ наполненный цвѣтами и фруктовыми деревьями;— комфортабельно устроенное помѣщеніе съ гостинной—въ оранжереѣ;— большая библіотека; картины недюжинныхъ мастеровъ по стѣнамъ. Мать и сестры ксенза служили прекраснымъ дополненіемъ домашней жизни нашего хозяина, по видимому, полной довольства и спокойствія.

Но какъ ни пріятна была бесѣда въ благовонной оранжереѣ, все же мы должны были промѣнять ее на походнаго коня и въ этотъ день прошли мимо, такъ называемой здѣсь „*Печенѣжской могилы*“, насыпанной, какъ говорятъ на мѣстѣ битвы Печенѣговъ вѣроятно съ нашими предками. Наконецъ пройдя еще довольно большее пространство по картинной мѣстности, мы взобрались на возвышеніе, съ котораго въ долинѣ обставленной живописными холмами, увидѣли Лембергъ, во всей его красотѣ. Сколько воспоминаній связано у русскаго человѣка съ этимъ городомъ! Многое прійдетъ въ голову при видѣ этого древняго нашего Львова, снова узрѣвшаго русскія войска, ставшія бивакомъ по окрестнымъ высотамъ, пришедшія изъ далекой отчизны не воротить его себѣ, а спасать отъ бурь мятежа и такъ сказать, закрѣпить за новыми его властителями.....

Толпы народа окружали насъ все время, что мы дѣлали привалъ, ожидая приказанія вступить въ городъ. Насъ разсматривали какъ диковинку, удивлялись нашей одеждѣ,—молодечеству нашихъ солдатъ,—осматривали ихъ вооруженіе,—артиллерійскія орудія,—любовались нашими лошадьми. Наконецъ послѣдовало приказаніе и мы двинулись церемоніальнымъ маршемъ по среди народа стоявшаго шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги и занявшаго крыши домовъ, окна, крыльцы, заборы.

На одномъ перекресткѣ наши знамена были привѣтствованы музыкою коннаго полка, такъ называемыхъ „шволежеровъ“, а на другомъ—насъ

ожидалъ, окруженный многочисленною свитою генералъ Гаммерштейнъ, военный и гражданскій начальникъ Галиціи, человѣкъ извѣстный своею рѣшимостью и благоразуміемъ, а также нашъ корпусный командиръ, генералъ отъ инфантеріи Чеодаевъ, со своимъ штабомъ.

Въ этотъ день мы уже сдѣлали около 30 верстъ,—встали въ полночь,—прійдя къ городу долго ждали приказанія вступить въ него, казалось—все это въ совокупности должно было очень утомить солдатъ; но не тутъ-то было! Когда настала минута, то каждый, что называется, подтянулся, чтобы передъ чужеземцами не ударить лицемъ въ грязь и такимъ образомъ полки прошли мимо начальства такими молодцами что удивили зрителей, особенно когда загремѣла и залилась, въ каждой миновавшей начальство ротѣ, удалая солдатская пѣсня!

Людей разставили по обывателямъ; городъ приготовилъ имъ пищу. Всѣ были довольны этой стоянкой: солдаты любезностью и радушіемъ обывателей,—обыватели порядочнымъ поведеніемъ солдатъ. За всю стоянку въ Лембергѣ не возникло со стороны жителей ни одной жалобы на солдатъ, не смотря на то, что въ городѣ, кромѣ частей состоявшихъ при корпусномъ штабѣ, помѣстился весь нашъ отрядъ. Что касается до офицеровъ, то имъ отвели квартиры въ лучшихъ домахъ, гдѣ хозяева приняли ихъ въ свои семейства, предложивъ имъ отдѣльныя комнаты, прекрасный столъ, готовый экипажъ для осмотра города, словомъ—гостепріимство вполнѣ славянское.

Но прежде чѣмъ разсказать, что въ Лембергѣ преимущественно обратило на себя наше вниманіе, не умѣстно-ли воскресить нѣкоторыя черты его прошлаго?

Въ каждой географіи можно прочесть что славянскій Львовъ, (по нѣмецки Лембергъ, по французски—Леополь) основанъ въ то давно минувшее время, когда настоящая Галиція, подъ именемъ Червоной Руси, и въ послѣдствіи Галицкаго королевства, была достояніемъ русскихъ князей.

Основателемъ Львова, впервые упоминаемаго въ лѣтописяхъ въ 1259 году, называютъ Льва Даниловича Галицкаго, отъ котораго городъ и получилъ свое названіе.

Разсказываютъ, что Левъ Галицкій, первоначально построилъ небольшой каменный замокъ на верху крутой горы, господствующей надъ окрестностью, а въ 1268 году, переселился на житье въ этотъ замокъ. Послѣ этого, у подошвы увѣнчанной замкомъ горы началъ разростаться городъ, сдѣлавшійся столицей Галицкаго королевства. Гора эта, съ едва замѣтными на ней остатками древняго замка, существуетъ и понынѣ, скрывъ свой первобытный видъ подъ кудрявой зеленью парка, разбитаго по ея скатамъ. Напротивъ этой горы возвышается другая, называемая горою Вроновскаго, на которой недавно найдены каменные истуканы, какъ полагаютъ находившіеся въ капищѣ, вѣроятно существовавшемъ на этой горѣ во времена язычества.

Древнее достояніе русскихъ, Львовъ, впервые былъ у нихъ отнятъ

Польскимъ Королемъ Казиміромъ (1340), которому городъ сдался на капитуляцію, съ условіемъ, что православная вѣра его жителей останется неприкосновенною. При этомъ занятіи Львова Казиміръ воспользовался значительными богатствами русскихъ князей хранившимися въ замкѣ. Изъ этихъ сокровищъ, по преданію, драгоцѣннѣйшимъ былъ ящикъ, весь золотой, отдѣланный драгоцѣнными камнями, заключавшій въ себѣ часть животворящаго Креста Господня. Говорятъ эта святыня доселѣ хранится въ Краковскомъ каѳедральномъ соборѣ. Затѣмъ Львовъ на время былъ освобожденъ отъ польскаго владычества княземъ Даніиломъ Острожскимъ и Дашкомъ Перемышльскимъ (1344), но вновь захваченъ Поляками и послѣ того, какъ Галицкая земля подпавъ власти Венгровъ, была возвращена оружіемъ королевы Ядвиги (1390). Галиція со Львовомъ оставались за Польшей, до раздѣла ея въ 1772 году. Поэтому раздѣлу часть Галиціи, со Львовомъ, досталась Австріи, а другая часть Галиціи, а именно Тарнопольская область, состоявшая изъ земель по рѣкамъ Стры и Днѣстру, образовавшихъ своды Тарнопольскій и Чартковскій съ населеніемъ въ 400000 душъ, отдана была Россіи, за которою и оставалась по 1815 годъ.

Во времена польскаго владычества Лембергъ пережилъ не одну тяжелую минуту. Мы знаемъ, что если не самый городъ, то его обширныя предмѣстья не рѣдко были опустошаемы врагами, послѣ кровавыхъ приступовъ. Такъ казаки съ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1648 году, подступивъ къ городу, взяли съ него богатый окупъ состоявшій изъ всѣхъ драгоцѣнностей его жителей; за тѣмъ его не разъ громили турки, татары, молдоване,—знаменитый же Карлъ XII (въ 1704 году) былъ первымъ непріятелемъ вступившимъ побѣдоносно въ Галицкія ворота Львова, надъ которыми до того времени хвастливо красовалась надпись: „intacta virgo“, (т. е. *еще дѣва!)* Это славное вступленіе ознаменовано такими подвигами личной воинской доблести Сѣвернаго Палладина, что каждый солдатъ долженъ воскресить ихъ въ своей памяти при воспоминаніи о Лембергѣ.

Вотъ въ чемъ заключались они. Двадцатидвухлѣтній герой устремился на Польшу, что бы посадить на ея престолъ Станислава Лѣщинскаго. Польскій король Августъ бѣжалъ въ Варшаву; русскіе отступили отъ Ярослава-Галицкаго въ отечество; ихъ мѣсто заняли шведскія войска пославшія Львову приказъ доставить имъ продовольственные припасы. Жители Львова, сторонники Августа, надѣясь на помощь союзниковъ и собственную силу, не отвѣчали на это требованіе и рѣшились защищаться отъ Шведовъ. Вслѣдствіе этого Карлъ не замедлилъ подступить къ городу, но былъ встрѣченъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ жителей, занявшихъ весьма выгодную позицію передъ городомъ. Закипѣлъ „сѣверный левъ!“ немедленно созвалъ военный совѣтъ и не смотря на возраженіе всѣхъ членовъ его, приказалъ, не ожидая прибытія своихъ главныхъ силъ и артиллеріи, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, штурмовать городъ.

Приказаніе было исполнено. Въ 5 часовъ утра начался штурмъ, при-

чемъ Карлъ употребилъ военную хитрость. Ночью онъ скрытно подвелъ свою спѣшенную кавалерію подъ ограду Кармелитскаго монастыря и самъ бросивъ первую ручную гранату за эту ограду приказалъ топорами проложить черезъ нее дорогу. Въ нѣсколько минутъ монастырь былъ взятъ Шведами. Отсюда то и былъ поведенъ дальнѣйшій приступъ къ городу. Карлъ послалъ часть отряда овладѣть башней и пороховымъ погребомъ, лежавшими напротивъ монастыря, а другую часть отряда поставилъ на возвышеніи, приказавъ, безпрестанно бросать въ городъ ручныя гранаты. Гарнизонъ Львова защищался отчаянно. Ружейный и пушечный огонь не прерывался, во всѣхъ пунктахъ Шведы встрѣтили рѣшительный отпоръ и вынуждены были податься назадъ; но тутъ ихъ полковники: Красовъ, Бухвальдъ и Дю-Керъ бросились въ самый пылъ битвы, остановили отступающихъ и полезли по плечамъ солдатъ на эскарпъ. Первымъ ворвался на валъ полковникъ Бухвальдъ гдѣ и удержался. Лѣвымъ крыломъ штурмующихъ командовалъ полковникъ Дю-Керъ, а въ первыхъ рядахъ его сражающихся солдатъ былъ Король! Увидя Карла, Дю-Керъ началъ умолять его пощадить свою жизнь и безполезно не бросаться въ опасность, утверждая, что это не его, не королевское дѣло и что обязанность овладѣть чѣмъ указано, лежитъ на немъ, Дю-Керъ, какъ на рядовомъ начальникѣ.... „Перестань, закричалъ на него Карлъ, хочу быть съ моими людьми, когда они идутъ на смерть! Знаю—ты лихой солдатъ, но и я, Король твой, хочу быть такимъ-же!“ и держа въ зубахъ обнаженный палашъ Карлъ XII полезъ на крѣпостную стѣну, становясь на плечи солдатъ и ими поддерживаемый. Взобравшись на верхъ, Король съ ожесточеніемъ бросился на осажденныхъ со своими солдатами и тотчасъ сбилъ ихъ съ позиціи. Львовъ былъ взятъ.

Во время пребыванія Карла XII во Львовѣ, Станиславъ Августъ ударилъ на Лещинскаго и выгналъ его изъ Варшавы. Лещинскій явился къ Карлу въ Львовъ и такова странная игра судьбы: въ этомъ городѣ, на *родинѣ* Лещинскаго, Шведскій Король, короновалъ его Королемъ Польши и Галиціи.

Однако Львовъ отказался присягнуть на вѣрноподданство, своему бывшему гражданину, подъ тѣмъ предлогомъ, что присягнувъ Августу, городъ не хочетъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, присягая другому. Лещинскій былъ такъ великодушенъ, что убѣдилъ Карла въ справедливости доводовъ города и шведскія войска выступили изъ Львова съ цѣлью выгнать Августа изъ Варшавы, послѣдствіемъ чего было утвержденіе на нѣкоторое время польской короны на главѣ Лещинскаго, Альтранштатскимъ договоромъ.

Вообще многія событія прошлой жизни Львова такъ замѣчательны, что и до сего времени остались въ преданіяхъ жителей, переживъ поколѣнія и вѣка. Во многихъ изъ этихъ событій играютъ роль наши князья и бояре; это естественно увеличиваетъ для насъ интересъ таковыхъ событій. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ любопытныхъ разсказовъ Лембергской старины.

Елисавета, дочь князя Ильи Острожскаго, по смерти отца осталась единственною его наслѣдницею и вступила подъ опекою матери своей Беаты, во владѣніе огромными имѣніями на Волынѣ и Подолѣ. Женихамъ богатой и прекрасной княжны не было счету, но сердце ея не лежало ни къ кому изъ нихъ. Первымъ и самымъ рѣшительнымъ претендентомъ на руку Елисаветы явился ея сосѣдъ по имѣніямъ, князь Димитрій Сангушко, который получивъ формальный отказъ на сдѣланное имъ предложеніе; рѣшился силою меча добыть плѣнившее его существо. Въ слѣдствіе такого рѣшенія, Сангушко пошелъ войной на Острогъ, взялъ приступомъ его замокъ, въ которомъ жила княжна Елисавета, овладѣлъ ею и увезъ ее въ Богемію. Но похитителю было суждено не долго почивать на розахъ. Покровитель Острожской княжны, калишскій кастеллянъ Мартинъ Зборовскій, отыскавъ Сангушку, убилъ его на поединкѣ и возвратилъ княжну Елисавету ея матери. Боясь новыхъ своеволій, Беата, съ несчастной дочерью, явилась къ королевѣ Бонѣ и осталась жить при дворѣ ея. Но искательства вельможъ не прекращались. Однако Елисавета полюбивъ въ это время Слуцкаго князя Симеона, съ согласія матери обѣщала ему свою руку, что впрочемъ не положило предѣла ея страданіямъ. Надо замѣтить, что польскіе магнаты, стремясь всевозможными средствами къ увеличенію своихъ богатствъ и значенія, пользовались обыкновенно всякимъ случаемъ расширять и утверждать свою власть въ западно русскихъ земляхъ. Естественно по этому было ихъ желаніе не выпустить изъ своихъ рукъ огромныхъ имѣній Острожской княжны. Въ этихъ видахъ, одинъ изъ польскихъ магнатовъ, Лука Гурко, сталъ просить руки княжны Елисаветы, но получилъ отказъ, какъ отъ матери княжны, такъ и отъ нее самой. Тогда Гурко, не оставляя своего намѣренія, черезъ посредство дружившихъ ему нѣкоторыхъ магнатовъ, обратился съ просьбою къ королю и тотъ повелѣлъ выдать княжну Елисавету за мужъ за Гурко. Однако Княгиня Беата воспротивилась этому варварскому рѣшенію,—не выдала дочери и укрылась съ нею опять таки при дворѣ королевы Боны, у которой и оставалась все время, пока эта замѣчательная женщина не уѣхала изъ Польши, на свою родину—въ Италію. По отъѣздѣ королевы Боны, Беата съ дочерью и со своей дружиной принуждена была искать убѣжища въ Львовскомъ монастырѣ Доминикановъ. Этимъ обстоятельствомъ Гурко не замедлилъ воспользоваться, вновь обратился съ просьбою къ королю и тотъ повелѣлъ Львовскому старостѣ выдать княжну Елисавету—просителю. По счастію княгиня Беата была, какъ видно, не изъ слабыхъ натуръ и потому, когда пришли, по королевскому повелѣнію, взять ея дочь, она оружіемъ прогнала дерзкихъ. Монастырь осадили; городъ заперли. Но любовь жениха княжны Елисаветы, князя Слуцкаго, преодолѣла всѣ преграды: въ одеждѣ нищаго онъ пробрался въ монастырь и обвѣнчался съ княжной Елисаветой Однако счастіе новобрачныхъ было непродолжительно. Осада монастыря со дня на день становилась тягостнѣе для осажденныхъ, почти совершенно

лишенныхъ продовольствія; наконецъ осаждающіе испортили трубы, которыми была проведена вода въ монастырь и тѣмъ принудили княгиню Беату къ сдачѣ, съ условіемъ, что княгиня Слуцкая не будетъ выдана Гурко, впредь до новаго королевскаго повелѣнія. Княгиню Елисавету заперли въ большой замокъ какъ арестантку и ждали королевскаго суда противъ ослушницы, результатомъ котораго, не смотря на неоднократныя письма самой Елисаветы и Львовскаго старосты, было повелѣніе отдать Елисавету—Гурко, что и было приведено въ исполненіе силою. Неизвѣстно какая судьба постигла ея мужа—князя Слуцкаго, но Гуркѣ не было суждено насладиться плодами своихъ усилій: княгиня Елисавета рѣшительно его отвергла и терзаемая горемъ, въ насильственной разлукѣ съ любимымъ ею мужемъ, вскорѣ умерла бездѣтною.

Огромныя богатства княгини Елисаветы достались по праву наслѣдованія, князю Константину Острожскому. (1559 г.).

Но возвратимся къ настоящему, преисполненному такого живаго интереса, такой занимательности, что передъ нимъ блѣднѣютъ событія минувшихъ вѣковъ! Бросимъ взглядъ на лучшую часть Лемберга: разбитыя бомбами, нѣкогда стройныя башни ратуши, академіи,—театръ и нѣсколько другихъ большихъ зданій города стоятъ печальными свидѣтелями событій предшествовавшихъ нашему вступленію въ Галицію. События эти, какъ утверждаютъ, были результатомъ злой воли горсти людей, искавшихъ, подъ видомъ стремленія къ общему благу,—средствъ поставить свои идеи законами человѣчеству, съ тѣмъ чтобы, въ концѣ концевъ, можетъ быть привесть его, путемъ смутъ, раздоровъ и безпорядка, къ великимъ бѣдствіямъ, вмѣсто обѣщаемаго ими золотаго вѣка.

Всѣмъ извѣстны ковы, какіе начали строить польскіе магнаты и вообще галиційскіе помѣщики противъ австрійскаго правительства, въ 1846 году. Всѣмъ извѣстно, какъ эти господа были поражены собственнымъ своимъ оружіемъ—крестьянами, которыхъ они хотѣли возстановить противъ правительства, но которыхъ правительство съ умѣло возстановить противъ нихъ самихъ. Впрочемъ, знаменитая галиційская рѣзня уничтожила не всѣхъ еще *пановъ*,—зло не съ корнемъ было вырвано! Февральская революція закипѣвшая въ 1848 во Франціи, разлилась по западной Европѣ и проникла въ австрійскую имперію,—въ самую Вѣну и разумѣется—въ Галицію. Слабый и бездарный австрійскій императоръ Фердинандъ I, вынужденъ былъ пойти на всевозможныя уступки революціоннымъ партіямъ, а въ томъ числѣ и на разрѣшеніе формировать во всемъ государствѣ *національную гвардію*. На этомъ основаніи таковая же была сформирована и въ Галиціи. По несчастію, ряды этой гвардіи вмѣсто того, чтобы составиться изъ почтенныхъ городскихъ обывателей, заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка и законности въ своемъ обществѣ, составились преимущественно изъ пролетаріевъ.—недоучившихся юношей—готовыхъ бѣжать отъ докучныхъ лекцій,—наконецъ

изъ людей, что называется отпѣтыхъ, которымъ нечего было терять въ жизни. Новый мундиръ національной гвардіи, казалось, на аршинъ заставлялъ выростать каждаго, кто только надѣвалъ его! Вскорѣ послѣ сформированія этой гвардіи, ни офицерамъ регулярныхъ войскъ, ни императорскимъ чиновникамъ не стало житья въ Гелиціи, особенно въ Львовѣ: всюду ихъ встрѣчали грубости, дерзости, даже толчки. Между солдатами регулярныхъ войскъ и національными гвардейцами часто стали повторяться драки. Такъ въ одну ночь нашли двухъ императорскихъ гренадеръ—убитыми. Изъ этого возникла открытая вражда между регулярнымъ войскомъ и національной гвардіей. Между тѣмъ, пока разгоралась вражда въ этой сферѣ, свобода печати, дарованная императоромъ одновременно съ другими льготами народамъ—дѣлала свое дѣло въ массѣ народа: либеральныя а чаще, радикальныя идеи стали проповѣдываться открыто, стихами, публичными рѣчами, брошюрами, каррикатурами, сатирами, театральными пьесами, эпиграммами и наконецъ—прокламаціями. Пришлецы изъ странъ взволновавшагося запада,—искатели приключеній, эммисары различныхъ революціонныхъ обществъ,—наши польскіе эмигранты, ищущіе народныхъ волненій гдѣ бы то ни было, раздували въ народѣ пламя анархіи и наконецъ, пламя это пробилось наружу! Революціонеры собрались въ ратушѣ города Львова и въ театрѣ, а такъ названный „академическій легіонъ“—въ зданіи академіи. Эти сходки потребовали отъ мѣстной власти: немедленнаго выступленія регулярныхъ войскъ изъ города,—передачи управленія города въ ихъ руки и тому подобное. Когда же на требованія эти послѣдовалъ отказъ—революціонеры приступили къ постройкѣ въ городѣ—баррикадъ. Генералъ Гаммерштейнъ начальствовавшій надъ всѣми австрійскими властями въ Галиціи, тотчасъ потребовалъ отъ возмутителей: разбора баррикадъ,—очищенія занятыхъ постоемъ зданій,—роспуска, собравшейся вооруженной толпы. Но революціонеры предложеній имъ сдѣланныхъ не принимали,—угрозъ не слушали и начали стрѣлять въ войска. Тогда генералъ Гаммерштейнъ занялъ артиллеріей возвышенность господствующую надъ городомъ со стороны „замковой“ горы и другую у епископскаго замка и открылъ огонь по городу—холостыми зарядами, чтобы устрашить непокорныхъ, еще щадя ихъ и вновь послалъ имъ послѣдній разъ предложеніе, принять немедленно его условія. Революціонеры отвѣчали насмѣшками. Тогда начата была дѣйствительная бомбардировка города, при чемъ обстрѣливали только городскую ратушу, зданія театра и академіи, щадя сосѣдніе обывательскіе дома. Вскорѣ обстрѣливаемыя зданія загорѣлись—и австрійскіе гренадеры штыками разогнали инсургентовъ, перебивъ и переранивъ многихъ изъ нихъ и арестовавъ еще большее число, а именно всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать за-границу. Въ Лембергѣ объявлено военное положеніе. Спокойствіе было возстановлено, но наука и искусство понесли большія потери: прекрасныя зданія разрушены, замѣчательная библіотека и музеи помѣщавшіеся въ зданіяхъ академіи почти уничтожены, а сколько

ческихъ жертвъ принесено этому кровавому богу междоусобной брани! Сколько семействъ осиротѣло!....

Во время стоянки въ Лембергѣ мы исходили его вовсевозможныхъ направленіяхъ и нашли, что если не по обширности, то по изящной наружности своей, по архитектурѣ зданій, весьма разнообразной—то новѣйшей европейской, то средневѣковой, готической,—по величинѣ прекрасно обставленныхъ площадей;—по ширинѣ улицъ и тротуаровъ; по обилію садовъ и вообще по преобладающей въ немъ чистотѣ и порядку, онъ можетъ быть причисленъ къ лучшимъ европейскимъ городамъ и только тяжелое впечатленіе производитъ на наблюдателя, какъ нарочно отвсюду виднѣющіеся темные, обгорѣлые остовы разбитыхъ бомбардировкою зданій.... Въ Лембергѣ особенно замѣчательны слѣдующія зданія: монастырь Св. Юра (Св. Георгія—грекоуніатскій) раскинутый на высокой, господствующей надъ городомъ горѣ, заключая въ своихъ стѣнахъ грекоуніатскую семинарію. Латинскій каѳедральный соборъ (Кляшторъ доминикановъ), въ которомъ красуется великолѣпный, мраморный мавзолей, работы великаго Торвальдсена, воздвигнутый Аннѣ Дунинъ-Барковской ея сыномъ. Группа этого мавзолея состоитъ изъ генія смерти, съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, ведущаго умершую въ область тѣней, при чемъ ея юный сынъ силится удержать ее.

Уніатскій соборъ—древняя православная церковь, во имя Св. Онуфрія, сооруженная еще при князѣ Львѣ Галицкомъ, слѣдовательно современная основанію самого города Львова, изъ которой, какъ говоритъ преданіе, польскій правитель Червоной Руси, князь Владиславъ Опольскій, при королѣ Людовикѣ, въ 1342 году, перенесъ въ Ченстохово чудотворную икону Божіей Матери извѣстную по нынѣ подъ именемъ „Ченстоховской".

Зданіе Осолинскаго, съ картинною галлереей и замѣчательной библіотекой, основаніе которой положилъ императоръ Іосифъ II, подаривъ Львову одну изъ Вѣнскихъ публичныхъ библіотекъ, замѣтивъ при этомъ, что *для вѣнцевъ слишкомъ много и одной библіотеки*, такъ какъ они не любятъ читать!

Кромѣ названныхъ зданій въ Лембергѣ обращаютъ на себя вниманіе: Архіепископскій дворецъ, обширный госпиталь, древняя Армянская церковь и многія другія.

Богатые, торговые магазины Лемберга занимаютъ большую часть нижнихъ этажей домовъ на лучшихъ улицахъ города и главной площади. Товары въ лавкахъ и магазинахъ выставлены съ большимъ вкусомъ. Въ магазинахъ этихъ все можно найти самое роскошное, модное, изящное, но разумѣется, все это предметы намъ не доступные, такъ какъ съ нашимъ сюда приходомъ, цѣны на все значительно подняты торговцами. Мѣстные жители удивлялись, откуда русскіе берутъ столько денегъ, чтобы за все платить въ тридорога,—а мы удивлялись въ свою очередь: какъ у этихъ [illegible]ованныхъ европейцевъ достаетъ совѣсти, за то, что мы принесли имъ

миръ и твердую надежду на возстановленіе въ странѣ спокойствія и порядка—обирать насъ! Но намъ слѣдовало бы помнить, что здѣсь вся торговля въ рукахъ жидовъ, для которыхъ мы представляемъ собою только счастливую случайность сдѣлать хорошій *гешефтъ!*

Въ лучшемъ ресторанѣ города, мы за дорогую, относительно цѣну, нашли весьма не гастрономическій обѣдъ и за двѣ бутылки плохой мадеры заплатили полуимперіалъ.

Ресторанъ наполняли лембергскіе обыватели и австрійскіе офицеры. Одни изъ посѣтителей играли въ домино, въ карты, на билліардѣ,—другіе, слушая жидовскій очень изрядный оркестръ, попивали прекрасное пиво изъ отмѣнно высокихъ стакановъ и плохое австрійское вино поданное въ маленькихъ бутылочкахъ.

Въ театрѣ, въ которомъ лучшіе актеры Лемберга немилосердно искажали Шиллеровыхъ разбойниковъ, зрители сидѣли въ шляпахъ; но когда мы, вѣрные своимъ обычаямъ, войдя въ партеръ сняли каски, публика хотя видимо удивилась нашему дѣйствію, послѣдовала однако нашему примѣру и обнажила головы. Такимъ образомъ лембергскій театръ, по нашей милости, впервые увидѣлъ парики и лысины своихъ посѣтителей!...

Жители всей западной Евровы въ настоящее время раздѣлены на партіи; какже было галиційскому обществу не увлечься этой маніей? Хотя большая часть членовъ партіи враждебной правительству настолько уже пострадали, что сдѣлались сдержаннѣе, но партіи все таки не уничтожились; поэтому жители Лемберга встрѣтили насъ различно: одни съ восторженными криками, забрасывая насъ цвѣтами и конфектами;—другіе какъ бы игнорируя наше торжественное вступленію въ ихъ городъ; наконецъ нѣкоторые облекшись въ глубокій трауръ и принявъ мрачный и угрюмый видъ. Но мы не обращали вниманія на партіи и на ихъ настроенія. Мы пришли не разбирать политическихъ мнѣній населенія страны нами занятой, а выполнить велѣнія своего Государя. Мы совсѣми были одинаково ласковы и вѣжливы; всѣмъ, иногда сжимая сердце, говорили любезности; во всѣхъ публичныхъ обществахъ, не обращая вниманія состоитъ оно изъ лицъ довольныхъ или недовольныхъ нашимъ сюда вступленіемъ,—лили рѣкою шампанское гремя родимое „ура“ за здравіе и долгоденствіе насъ сюда пославшаго и Его юнаго Союзника. Словомъ, обращеніемъ съ туземцами, мы заставили ихъ почти единогласно, хвалить русскихъ офицеровъ, удивляться ихъ тароватости ихъ славянской размашистости. Таковъ былъ отзывъ о насъ всѣхъ здѣшнихъ партій, но насъ ждала, нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашемъ вступленіи въ Галицію партія русиновъ, составляющихъ три части всего населенія Галиціи.

Оторванные отъ лона нашей церкви дѣятелями уніи, порабощенные Польшею, русины цѣлые вѣка страдали подъ гнетомъ магнатовъ и теперь только узрѣли воскресеніе своей народности вслѣдствіе дарованія имъ кон-

ституціи австрійскимъ императоромъ, въ награду за ихъ постоянную вѣрность его Престолу и за ту активную помощь, какую они оказали правительству при подавленіи развивавшейся въ Галиціи анархіи.

Русскій народъ въ Галиціи все время польскаго надъ нимъ владычества хранилъ неприкосновенно свои обычаи,—свой русскій языкъ, конечно нѣсколько въ искаженномъ видѣ (на которомъ теперь пишутся однако стихи, пѣсни, значительныя литературныя произведенія, учебники, даже издается газета „Зоря Галицка"),—норелигія его предковъ исказилась уніей. Впрочемъ уніатскіе ксензы русиновъ, можетъ быть раздѣляя сочувствіе къ намъ своей паствы, по видимому, искренно намъ преданы. Многіе изъ нихъ приходили по ближе познакомиться съ нами, откровенно намъ высказывая, что они гордятся нами, какъ своими братьями, передъ нѣмцами и поляками и сопровождали насъ привѣтами и благословеніями, когда мы потянулись далѣе—за Лембергъ.....

Однако, куда же мы идемъ?.. спрашивалъ каждый изъ насъ. Показывали маршрутъ до Дукло, на границѣ Венгріи. А тамъ? станемъ ли грознымъ сторожемъ на этомъ рубежѣ или намъ суждено: карой небесной пасть на возмутившихся Мадъяръ,—русскія знамена водрузить тамъ, гдѣ онѣ еще не развѣвались,—освѣтить Карпатскія вершины блескомъ русскихъ штыковъ,—въ долинахъ Тейсы и верхняго Дуная громомъ русскаго оружія провозгласить гибель непокорнымъ и помилованіе заблудшимъ и наконецъ, водворивъ миръ и тишину въ монархіи связанной священнымъ союзомъ съ нами, съ пѣснями новой славы Царю своему торжественно воротиться въ отечество. Насъ волновало нетерпѣніе. Одна мысль о битвѣ уже воодушевляла насъ. Солдаты шли чѣмъ дальше, тѣмъ свободнѣе, веселѣе, въ надеждѣ скоро, можетъ быть очень скоро, встрѣтиться съ врагомъ.

Восемьнадцать лѣтъ русскіе не оттачивали своего оружія. Новое молодое поколеніе составляетъ большую часть нашихъ боевыхъ рядовъ; но мы дѣти тѣхъ что подъ знаменами Суворовыхъ, Кутузовыхъ побѣждали сильнѣйшихъ воителей міра;—мы братья или потомки тѣхъ предъ кѣмъ падали сотни крѣпостей и городовъ и клали оружіе цѣлыя арміи;—таже въ насъ русская кровь,—тотже непреклонный русскій духъ;—

„Мы подъ *тѣми же* орлами,
Тѣже съ нами знамена!"

16 Іюля. Городъ Дукло, въ Галиціи, близь Венгерской границы.

Форсированнымъ маршемъ мы пошли изъ Лемберга на Дукло. Переходы были весьма значительны; дневокъ, разумѣется и въ поминѣ не было. Но быстрый маршъ не утомлялъ насъ: намъ благопріятствовала погода, стояли прохладные дни, къ тому-же каждаго изъ насъ, отъ солдата до генерала, томило нетерпѣніе, скорѣе вступить на театръ войны,—скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ. Такимъ образомъ пространство какъ бы исчезало передъ нами незамѣтно. Замѣчательно, что солдаты съ удивительнымъ терпѣніемъ переносили труды этого похода, хотя большинство ихъ состояло изъ молодежи, еще не втянувшейся въ трудности службы.

Утомительнымъ походомъ въ мирное время, солдатъ обыкновенно выражаетъ свое горе, неудовольствіе, истому и досаду—бранью. Великъ ли переходъ; —обманываютъ ли солдата встрѣчные прохожіе умышленно ложно или ошибочно обозначая, на его вопросы, число остающихся до ночлега верстъ; разноголосятъ ли таковыя показанія нѣсколькихъ прохожихъ между собою;—стерлась ли надпись на поверстномъ столбѣ;—плохъ ли былъ и голоденъ послѣдній ночлегъ;—солдатъ обыкновенно бранится на чемъ свѣтъ стоитъ, но разумѣется, въ полголоса, такъ что только товарищи слышатъ. Утомленный походомъ, солдатъ бранитъ и край, по которому проходитъ и его обитателей,—бранитъ товарищей, уроженцевъ этого края и смѣется надъ ними;—бранитъ каждаго проѣзжающаго—какъ ему удобно ѣхать! каждаго проходящаго на легкѣ—какъ ему легко идти! каждаго пахаря и селянина работающаго въ полѣ—какъ ему весело дома! каждую пролетную птицу—куда хочетъ полетѣла, когда и гдѣ хочетъ сѣла! каждаго коршуна сидящаго съ лакомой добычей на ближнемъ курганѣ—„ишь, подлецъ, ѣстъ—ненаѣстся!“

Но здѣсь, теперь, было дѣло другое, дѣло, что называется, на чистоту—теперь идемъ на войну! и солдатъ стиснувъ зубы, шелъ впередъ весело и бодро; отсталыхъ у насъ почти не было; громкая пѣсня неумолчно оглашала чуждыя поля и только рѣзкія шутки весельчаковъ пробуждали перекатный хохотъ товарищей.....

Станція за станціей, переходъ за переходомъ оставались за нами. Чѣмъ дальше мы углублялись въ Галицію, тѣмъ прекраснѣе намъ представлялось эта страна. Казалось, не было клочка необработанной земли; видимо—довольство разлито во всѣхъ классахъ народа, даже между нисшими слоями евреевъ.

За нами остался *Грудекъ*, когда то, въ цвѣтущія времена свои, взятый на копье Богданомъ Хмѣльницкимъ (1654) и съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся такимъ же ничтожнымъ „мѣстечкомъ“, какихъ у насъ множество въ западномъ краѣ. Черезъ *Садовую Вишню*, городъ памятный страшнымъ пораженіемъ татаръ въ 1659 году и *Мосцискъ*, родину извѣстнаго польскаго проповѣдника Мельхіора, мы наконецъ приблизились къ столь слав-

ному въ русской исторіи *Перемышлю* (Пшемысль), теперь циркуловому, т. е. по нашему—губернскому городу королевства, нѣкогда столицѣ удѣльнаго княжества, игравшей значительную роль, въ свое время.

Мы стали бивакомъ близь города. Онъ рисовался предъ нами и казалось, манилъ посѣтить его. Да и кто изъ насъ утерпѣлъ бы не побывать въ городѣ, (основанномъ по словамъ польскихъ историковъ королемъ Лешко I), которымъ такъ славно владѣли наши предки, со временъ Владиміра святаго, отвоевавшаго эту страну въ 981 году, отъ Польши.

Раскинутый по берегу р. Сана, при сліяніи ея съ р. Варомъ, Перемышль представляетъ двѣ превосходныя картины.

Одна—это самый городъ. Стройныя зданія отѣненныя развѣсистыми каштанами и стрѣльчатыми тополями, соборы, церкви и монастыри,—сохранившіяся стѣны, съ шестью большими башнями замка, на высокой горѣ, скаты которой покрыты густою зеленью общественнаго сада,—мостъ перекинутый черезъ р. Санъ соединяющій двѣ части города, все это вмѣстѣ составляетъ по истинѣ,—живописное цѣлое.

Другую картину представляетъ видъ на городъ и его окрестности изъ за замка:

Видъ этотъ восхитителенъ. Предъ вами открывается, на много верстъ во кругъ, необозримая мѣстность прорѣзанная голубыми лентами извивающихся и сливающихся рѣкъ; предъ вами, какъ въ панорамѣ:—лѣса и холмы, болота и деревни;—шоссе, разбѣгающееся въ различныхъ направленіяхъ по обширнымъ полямъ, мѣстомъ совершенія столькихъ развязокъ самыхъ кровавыхъ драмъ, вѣковѣчными свидѣтелями которыхъ, кое гдѣ торчатъ на горизонтѣ остроконечные курганы, изъ которыхъ, къ югу отъ города, особенно отличается огромностью такъ называемый—„*Снесеніе*“, (вѣроятно отъ слова *сносить*—землю для его *насыпки*), и наконецъ, у ногъ вашихъ самый городъ, во всемъ своемъ маститомъ величіи.

Бродя по Перемышлю, мы видѣли нѣсколько зданій замѣчательныхъ размѣрами и красотою архитектуры. Таковы: каѳедральный латинскій соборъ, искусно росписанный внутри alfresco, основанный въ 1375 г. вслѣдствіе буллы папы Григорія XI.

Описатели Перемышля говорятъ, что въ этомъ храмѣ хранятся два старые стяга, подъ которыми древніе князья Перемышльскіе, Рюрикова рода, боролись со врагами. Разумѣется мы гурьбою бросились въ костелъ посмотрѣть на означенную древность, священную для каждаго русскаго, тѣмъ болѣе воина; но кого изъ ксензовъ мы ни просили указать намъ древнія русскія хоругви, всѣ отвѣчали, что впервые слышатъ объ ихъ существованіи. Впрочемъ, другаго отзыва отъ ксензовъ о памятникѣ древности, доказывающемъ былую принадлежность этой страны Россіи и ожидать было трудно. Мы однако неунывали. Отыскавъ, наконецъ, такъ называемаго „за[illegible]“, т. е. ризничаго, мы обратились къ нему съ тѣмъ же вопро[illegible] къ ксензамъ и этотъ удивился! Однако попросивъ позволенія

сдѣлать необходимую справку, куда то ушелъ, проходилъ болѣе получасу и наконецъ явился съ разсказомъ что дѣйствительно здѣсь были русскія знамена, съ древками окованными серебромъ и золотомъ, но когда, при Императорѣ Іосифѣ, изъ монастырей и костеловъ отбирали въ казну всѣ излишнія богатства и украшенія, то взяты были и эти древки, что-же касается до полотна этихъ стягoвъ, то оно пришло отъ времени въ такую ветхость, что разваливалось отъ прикосновенія, а такъ какъ на нихъ виднѣлись священныя изображенія, то полотна эти—сожгли.

Намъ оставалось только раскланяться!

Дома въ городѣ большею частію каменные, старинной архитектуры; улицы чрезвычайно узки и тѣсны, содержатся крайне нечистоплотно, потому что большинство городскаго населенія—жиды.

Перемышль на нашемъ пути былъ уже четвертымъ городомъ, въ которомъ мы наполняли госпиталь своими людьми. Хотя Лембергскій госпиталь и огромнѣе другихъ, нами встрѣченныхъ, будучи выстроенъ на 1000 человѣкъ, но Перемышльскій госпиталь мнѣ показался удобнѣе и какъ-то пріятнѣе для больныхъ: здѣсь небольшія, но свѣтлыя, прекрасно вентилированныя, сухія комнаты обращенныя окнами преимущественно въ большой, тѣнистый садъ. Лѣтомъ садъ составляетъ незамѣнимое наслажденіе для больнаго. Видъ цвѣтущей, роскошной природы будто оживляетъ его собственную. Но какъ бы госпиталь ни былъ благоустроенъ, большинству больныхъ было горько въ немъ оставаться. Разумѣется и у насъ есть лѣнтяи и дармоѣды, которымъ госпитальная жизнь доставляетъ полное удовольствіе. Такіе люди всегда охотно остаются въ госпиталѣ; но большинство смотритъ на госпиталь какъ на парадное предвѣріе могилы или какъ на темницу, въ которую насильно заключаетъ ихъ судьба, отрывая отъ друзей и товарищей. По этому то я видѣлъ непритворныя слезы многихъ старыхъ солдатъ, когда привезъ въ этотъ госпиталь партію больныхъ со всего эшелона.

Прошлое Перемышля памятно нѣсколькими битвами происходившими подъ его стѣнами, да нѣсколькими осадами и погромами города. Изъ битвъ замѣчательна между венгерцами съ одной стороны половцами съ русскими—съ другой, при чемъ венгерцы были разбиты на голову. Изъ осадъ замѣчательны: Болеслава Храбраго (1069) покорившаго Перемышль Польшѣ и Шведская подъ начальствомъ генерала Дугласа (1656), при чемъ мужественный гарнизонъ Перемышля не отворилъ воротъ, не смотря на усилія несравненно многочисленнѣйшаго врага, также какъ и передъ Юріемъ Ракочи (1657) пять недѣль его осаждавшимъ. Что же касается до погромовъ, то сильнѣйшій Перемышль понесъ въ 1498 году отъ Стефена Господаря Валашскаго, опустошившаго не только городъ, но и весь край.

Осматривая древній замокъ Перемышля, полуразрушенный нынѣ, я нашелъ, что онъ совершенное подобіе тѣхъ замковъ нашихъ древнихъ князей, которые такъ часто встрѣчаются на Волынѣ и на Подолѣ, какъ на-

примѣръ, лучше другихъ сохранившійся въ Луцкѣ. Это *Кремль*. Толстыя и высокія стѣны его, съ прорѣзанными амбразурами и съ бойницами, составляютъ обыкновенно большой четвероугольникъ съ болѣе или менѣе высокими башнями по угламъ. Внутри четвероугольники, видно, были зданія стоявшія посреди и прислоненныя къ стѣнамъ. Разумѣется, этихъ зданій уже не существуетъ, ихъ разрушили люди или время. Въ стѣнѣ, черезъ которую большими воротами надо входить въ замокъ со стороны города, устроенъ трактиръ съ билліардомъ, а потому, на древней кремлевской стѣнѣ Перемышля, нѣкогда столь грозной его врагамъ, теперь виситъ глупѣйшая вывѣска, приглашающая: *„выпить и закусить“*.

Скаты горы, служащей подножіемъ замку, рвы и валы, которыми онъ былъ окруженъ, обращены въ публичное гульбище,—по нимъ раскинутъ садъ, нынѣ весьма тѣнистый. Аллеи этого сада наполнены студентами двухъ здѣсь помѣщающихся семинарій: уніатской и латинской,—бродящими съ тетрадями и книгами въ рукахъ, читая и заучивая уроки,—и щегольски одѣтыми ксензами, по большей части весьма юными. Тутъ на этихъ славныхъ, нѣкогда боевыхъ мѣстахъ, будущіе пастыри душъ, обдумываютъ свои проповѣди или диссертаціи, приготовляютъ лекціи предназначаемыя для прочтенія въ семинаріи и въ *глубокомъ смиреніи* опускаютъ долу очи, когда хорошенькая, элегантная галиціанка касается ихъ иноческой рясы своимъ шелковымъ платьемъ, пробѣгая по узкимъ аллеямъ сада, для утренняго моціона.

Тутъ впервые мы увидѣли на стѣнахъ стараго замка, оставляемыя мѣстной полиціей неприкосновенными, различныя революціонныя надписи и возгласы противъ австрійскаго правительства. Хотя вѣроятно это произведенія школьниковъ, но все таки эти надписи указываютъ на духъ какимъ проникнута здѣшняя молодежь, да и однако молодежь!?..... Доказательствомъ, что стѣнная пропаганда не дѣтская шалость собственно—многочисленные побѣги студентовъ латинской семинаріи подъ знамена венгерскихъ мятежниковъ.

Едва мы выступили изъ Перемышля, какъ насъ догналъ курьеръ съ приказаніемъ вмѣсто того, чтобы идти на Дукло, повернуть назадъ и слѣдовать на городъ Самборъ. Такимъ образомъ, мы побывали въ Перемышлѣ будто только для того, что бы посмотрѣть этотъ замѣчательный древне русскій городъ!

Правду сказать—не понутру намъ было это обратное движеніе.

Русскій солдатъ на войнѣ охотно и весело идетъ впередъ, но возвращаться съ дороги—ему ножъ вострый! Сейчасъ у солдатъ является ро[illegible], разумѣется, опять таки не открытый, а что называется у нихъ: *„[illegible]сь себя“*: зачемъ насъ напрасно гоняютъ съ мѣста на мѣсто? [illegible]е жалѣютъ солдатскихъ ногъ и не могутъ сразу сообразить: куда

необходимо идти и куда ходить ненадо!? Сейчасъ у салдатъ начали являться вопросы: зачѣмъ повернули насъ въ Самборъ? не обратный ли это походъ въ Россію?.....

Скучно и мрачно было наше дальнѣйшее движеніе по цвѣтущей богатой всякою растительностью округѣ Перемышльской. Не слышно было перекатныхъ солдатскихъ пѣсень,—ни веселыхъ шутокъ,—ни звонкаго смѣха. Все примолкло, все пріуныло. Каждый, казалось, бродилъ мыслью въ будущемъ силясь разгадать: что ждетъ насъ?

Впослѣдствіи выяснилось, что это обратное наше движеніе было плодомъ новыхъ соображеній нашего главнокомандующаго. Осторожный до крайности фельдмаршалъ Паскевичь, не желая рисковать ни однимъ лепесткомъ своего лавроваго вѣнца, не хотѣлъ и въ данномъ случаѣ подвергнуть наши небольшія воинскія части неблагопріятнымъ случайностямъ, допустивъ возможность встрѣчи этихъ частей съ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ сосредоточившимъ свои силы въ естественной твердынѣ Карпатъ. Князь Варшавскій рѣшился дать намъ отдохнуть отъ форсированныхъ маршей, надо сказать правду, до сего времени насъ еще вовсе неутомившихъ! Фельдмаршалъ рѣшился остановить насъ здѣсь, въ этомъ роскошнѣйшемъ углу Галиціи, выждать сближеніе къ границамъ нашихъ грозныхъ полковъ, чтобы потомъ двинувъ войска большими массами за Карпаты, разомъ подавить бунтъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, а мы направились на Самборъ и въ эти нѣсколько дней пути прошли хорошенькое мѣстечко *Добромиль*, гдѣ на насъ смотрѣли какъ на чудо, потому что мы были первыми изъ русскихъ здѣсь появившихся. Что до насъ лично, то сильно уставъ съ дороги, мы даже не осмотрѣли издавна здѣсь существующую извѣстную соляную варницу, стоящую надъ глубокимъ источникомъ соленой воды и все что видѣли въ Добромилѣ, такъ это костелъ, (основанный въ 1513 году) съ портретомъ его строителя, на стѣнѣ. Въ право отъ Добромиля, между горами (которыхъ довольно рѣзкая возвышенность поднявшись отъ Карпатъ на Сѣверѣ, проходитъ тутъ и затѣмъ поворотивъ къ Львову, Авратынскимъ хребтомъ входитъ въ предѣлы Россіи), на высокой скалѣ, рисуются огромныя развалины древняго замка угасшаго нынѣ дома Гербуртовъ, нѣкогда владѣвшаго и этимъ городомъ и округою. Этотъ замокъ, придающій нынѣ своими развалинами какую то романическую прелесть всей окрестности, прославился выдержаніемъ сильныхъ осадъ отъ Шведовъ и Трансильванцевъ.

Въ слѣдованіи до Перемышля намъ предшествовала кавалерія, изъ этого города она продолжала свое наступленіе по прежнему маршруту, а мы своротили съ дукльскаго тракта. Послѣдней нашей станціей подъ Самборомъ было мѣстечько *Хирово*, сожженное нѣсколько недѣль назадъ, по словамъ жителей *умышленно*, проходившею австрійскою командою.

Верстъ 15 не доходя до Самбора, при крутомъ поворотѣ шоссе, мы

[illegible] дороги, мѣстечько *Старе—Място*. Го[illegible] [illegible] былъ первоначально г. Самборъ. осно[illegible] [illegible] однимъ изъ русскихъ князей и что толь[illegible] [illegible] польскій король охотясь въ лѣсныхъ окрест[illegible] [illegible] [illegible] оленя на мѣстѣ нынѣшняго Самбора и [illegible] [illegible] заложилъ тутъ городъ, давъ ему въ гербъ про[illegible] [illegible] сохраненный Самборомъ доселѣ. Въ дѣйствитель[illegible] [illegible] на его настоящее мѣсто въ 1241 году. послѣ [illegible] [illegible] уничтожившаго первобытный городъ. Польскіе лѣто[illegible] [illegible] [illegible], пишутъ, что Самборъ. бывшій еще тамъ, гдѣ теперь Старе Място основанъ въ IV вѣкѣ какимъ-то народомъ *Саборами* [illegible] городъ и получилъ будто бы свое названіе. тогда какъ [illegible] [illegible] предположить, что въ названіе города вошли [illegible] [illegible] слова: *самъ* и *боръ*.

[illegible] не доходя города насъ стали встрѣчать толпы Сам[illegible] [illegible] торопившихся посмотрѣть своихъ новыхъ гостей. Тол[illegible] [illegible] [illegible] съ каждымъ нашимъ шагомъ и вмѣстѣ съ нами [illegible] къ городу, даже мѣшая двигаться нашей колоннѣ. Но вотъ [illegible] городъ. Маіоръ, командиръ стоявшаго въ Самборѣ пѣхотнаго [illegible] батальона, полка графа Гартмана, выѣхалъ къ намъ на вст[illegible] [illegible] офицерами.

Церемоніальнымъ маршемъ посреди привѣтствовавшихъ насъ горожанъ [illegible] на городскую площадь,—выстроились, съ музыкой отнесли [illegible] на квартиру полковаго командира и разошлись по домамъ. Мнѣ [illegible] прекрасное помѣщеніе у добрыхъ и радушныхъ хозяевъ, состояв[illegible] [illegible] чистенькой, изящно меблированной комнаты, окнами на главную [illegible] города. Впрочемъ не я одинъ, а всѣ мои товарищи вполнѣ были [illegible] Самборскими квартирами.

Самборъ не большой но красивый городокъ. Жаль только что Днѣстръ [illegible] не подъ самымъ городомъ, а верстахъ въ трехъ отъ него; рѣ[illegible] [illegible] хотя еще очень узка и мелководна здѣсь, но все таки она проте[illegible] подъ городомъ украшала бы его и доставляла бы ему многія удобства.

Лежащая подъ моими окнами городская площадь— лучшій уголокъ [illegible], квадратная, она обставлена прекрасными каменными двухъ и трехъ [illegible] домами, чистая, гладко вымощенная. Посреди площади—город[illegible] ратуша древней постройки: но легкой и изящной архитектуры; улицы впадающія въ площадь узки, какъ во всѣхъ старинныхъ западныхъ городахъ, но прямы и чисто содержаны. Одна изъ этихъ улицъ приводитъ насъ къ древнему костелу. Это капитальное зданіе, построенное въ 1370 году Елисаветой де-Снытко, женою Краковскаго воеводы. Внутренняя отдѣлка этого храма отличается изысканной простотой. Нѣсколько большихъ образовъ замѣчательнаго письма; нѣсколько скромно убранныхъ алтарей; [illegible] мраморныхъ изваяній почернелыхъ отъ времени; деревянные рѣз-

ные амвоны, исповѣдальники и скамьи,—вотъ все внутреннее украшеніе весьма обширнаго храма. Другой храмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ описаннаго, уніатскій, представляетъ совершенно особый характеръ, какъ наружной архитектурой, такъ внутреннимъ убранствомъ и обстановкой вслѣдствіе смѣшенія обрядовъ восточной церкви съ обрядами западной.

Долженъ замѣтить, что уніатскій храмъ производитъ на меня какое-то тяжелое впечатленіе, котораго не испытываю въ католическомъ костелѣ. Здѣсь видишь самостоятельность; какъ будто осязаешь твердость тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется эта церковь. Въ уніатскомъ храмѣ совсѣмъ другое. Тутъ видна какая-то фальшь, что то дѣланое, натянутое. Такъ, напримѣръ, смотришь на священнодѣйствующаго *попа*, (какъ называютъ его здѣшніе простолюдины), ну такъ и кажется, что облаченіе на немъ, (какая то смѣсь одежды нашего іерея и католическаго ксендза),—не его, а имъ у кого то прихваченное на скорую руку. За тѣмъ, органа нѣтъ здѣсь въ уніатской церквѣ, но за то католическій напѣвъ клира, (и не съ клироса, а съ хоръ) хотя и поющаго по славянски, непріятно поражаетъ слухъ.

Кстати упомяну о томъ, скажу—тяжеломъ впечатленіи, какое произвелъ на насъ, въ уніатскомъ храмѣ, видъ австрійскихъ солдатъ, выстроенныхъ въ двѣ шеренги, шпалерами отъ церковныхъ дверей до олтаря, съ ружьями у ноги, въ аммуниціи и *въ киверахъ на головѣ*, снимаемыхъ только при нѣкоторыхъ моментахъ литургіи. Что за профанація богослуженія! Такое же впечатленіе произвелъ на насъ и проповѣдникъ, хотя и говорившій на мѣстномъ, простонародномъ языкѣ, намъ, знакомымъ съ польскимъ языкомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ,—очень понятномъ, но испестрившимъ свою проповѣдь такими кудреватыми выраженіями, такими цвѣтами ложнаго краснорѣчія, что, конечно, большинство его слушателей—простолюдиновъ ровнехонько ни чего не поняли изъ этой проповѣди.

За городомъ указываютъ остатки окоповъ, по словамъ преданія нѣкогда окружавшихъ замокъ Самборскаго воеводы Мнишка, отца знаменитой жены нашихъ самозванцевъ—Марины. Слѣдовъ самого замка нѣтъ; остались только рвы и валы, образующіе большой четвероугольникъ, въ которомъ теперь, (такова превратность судьбы), стоитъ бивакомъ наша батарея, и часовой, бродя по знаменитымъ валамъ, не подпускаетъ любопытныхъ соотечественниковъ Марины приближаться къ орудіямъ, вылитымъ изъ мѣди царства, на мгновеніе ей принадлежавшаго! И на мѣстѣ, гдѣ строились такіе страшные ковы противъ нашего отечества, гдѣ бѣглый русскій дьяконъ заключилъ (25 Мая 1604 года) съ польскимъ магнатомъ условіе—овладѣть престоломъ Россіи и обратить ее въ латинство,—на мѣстѣ, гдѣ въ первые развитъ кровавый стягъ, подъ которымъ пошли на Русь войной легіоны искателей приключеній;—на этомъ, слишкомъ памятномъ Россіи мѣстѣ, теперь, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, беззаботно лежитъ подъ пушкой русскій солдатъ, отрывисто бесѣдуя съ товарищемъ объ

Библиотека
16145

особенностяхъ новаго для нихъ края, о прошедшихъ и будущихъ походахъ.....

Самборъ, можно сказать, колыбель счастія Димитрія Самозванца. По словамъ нѣкоторыхъ повѣствователей, здѣсь въ первые признали его Царевичемъ; здѣсь онъ влюбился въ Марину; здѣсь онъ заключилъ извѣстный контрактъ съ ея отцомъ, здѣсь она, еще частнымъ образомъ названа его невѣстою; отсюда Марина поѣхала въ Москву; здѣсь во имя Димитрія собрались польскіе полки и отсюда они двинулись для водворенія Самозванца на Московскомъ престолѣ. Словомъ, въ чудной судьбѣ Лжедимитрія Самбору было суждено играть блистательную роль.

Но кромѣ этой славы, стяжанной бѣдствіями нашего Отечества, Самборъ извѣстенъ въ исторіи пораженіемъ подъ его стѣнами: шведовъ (1656), трансильванцевъ (1657) и турокъ (1672), наконецъ еще тѣмъ, что жиды, прежде какъ и теперь державшіе въ Польшѣ всю торговлю въ своихъ рукахъ, были лишены до 1732 года права торговать въ Самборѣ!

Мы прожили въ Самборѣ не долго, но весело. Сначала мы было пріуныли ввиду разнесшагося слуха, будто другіе полки уже въ Венгріи, уже дерутся, уже торжествуютъ. Слухи эти подтверждались нѣмецкими газетами, передававшими за истину цѣлыя реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ, напримѣръ, о разрушеніи г. Кашау генераломъ Зассъ, будто бы въ отмщеніе за упорство жителей, не хотѣвшихъ сдать ему городъ, по первому его требованію. Молва трубила о множествѣ геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ, какъ потомъ оказалось, вовсе небывалыхъ; но вскорѣ мы успокоились, получивъ оффиціальныя свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ, еще не переходившихъ Венгерской границы; зависть и досада насъ одолѣвавшія—изчезли,—воскресла надежда не остаться гарнизономъ въ Галиціи, а, въ свое время, раздѣлить съ товарищами бранный пиръ. У насъ настала новая жизнь. Мы сблизились съ австрійскими офицерами—венгерское и шампанское полилось рѣкой. То мы сходились ужинать и читать газеты въ городское казино,—то находили предлогъ устроить общій завтракъ или обѣдъ,—то собирались пріятельской и шумной гурьбой, къ доброму командиру нашего полка А. П. Колзакову, слушать музыку, которая почти каждый день гремѣла на площади у его оконъ. Словомъ, мы жили весело и я увѣренъ, что Самборцы долго будутъ съ любовью вспоминать насъ за оживленіе ихъ города, за разнообразіе, внесенное нами въ ихъ тихую жизнь. Такъ, напримѣръ, каждый вечеръ импровизировалось большое гулянье на городской площади, гдѣ независимо отъ ежедневно игравшей музыки, каждый вечеръ производилась „заря съ церемоніей“. Очень кстати также нашъ генералъ Колзаковъ получилъ новое назначеніе, что было предлогомъ задать пиръ „на весь міръ“. Дѣйствительно—[redacted] весь день. Во первыхъ устроили обѣдъ подъ тѣнью вѣковыхъ [redacted] одного изъ католическихъ монастырей. конечно въ первые, [redacted]разомъ, увидавшаго въ своихъ мирныхъ стѣнахъ русскій военный

праздникъ, Да и было что посмотрѣть на этомъ оригинальномъ праздникѣ! Все на немъ останавливало взоръ наблюдателя или поражало слухъ его: эти пестрыя группы русскихъ офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія съ австрійскими; эти австрійскіе военачальники въ блестящихъ мундирахъ съ почетнѣйшими обитателями города и его гражданскими властями то же въ парадныхъ мундирахъ;—эти католическіе ксендзы и монахи съ уніатскими попами и нашими полковыми священниками; эти кучки перемешавшихся русскихъ съ австрійскими солдатами; этотъ громъ русскихъ пѣсенъ со звуками нашей музыки и разноязычнымъ говоромъ толпы. Одушевленный виномъ народъ веселился и шумѣлъ. Во время нашего обѣда, солдаты тутъ же въ саду плясали въ присядку,—танцовали вальсъ съ австрійцами, для потѣхи нарядившись въ ихъ уродливые кивера, а на австрійцевъ нахлобучивъ свои фуражки,—пили, выставленное и имъ и австрійцамъ, вино, пиво, водку,—шутили другъ надъ другомъ,—вели между собою самые оживленные разговоры, какъ то понимая другъ друга,—тѣшили австрійцевъ своей неизбѣжной *„лоджой“*, наконецъ увлеклись до того, что одинъ лихой карабинерный унтеръ, съ огромными усищами, косая сажень въ плечахъ, схвативъ молоденькаго австрійскаго солдата, вскинулъ его, какъ вскидываютъ унтеръ-офицеры ружье на плечо и подойдя съ этимъ импровизированнымъ ружьемъ къ генералу Колзакову, сдѣлалъ *имъ* на караулъ. Наши при этомъ неистово закричали: „ура!“ отъ восторга, тогда какъ офицеры австрійскіе, кажется обидѣлись этой выходкой.....

Обѣдъ кончился, отворили монастырскія ворота и лучшее общество города вмѣстѣ съ толпами народа пришло смотрѣть какъ русскіе веселятся? Хорошенькія галиціянки, пришедшія со своими семействами, смѣшались съ нашимъ обществомъ, лакомились предложеннымъ имъ мороженымъ, конфектами, весело и непринужденно болтали съ нами и по французски и по польски, восхищались русскимъ войскомъ,—безъ всякой церемоніи, при австрійцахъ, отдавали намъ во всемъ преимущество противъ нихъ,—выражали желаніе, что бы мы поближе познакомились съ галиціанами и подольше погостили. Разумѣется, мы отвѣчали всевозможными любезностями и маленькими услугами. Вообще—было весело. Время летѣло быстро; мы жили на роспашку, удивляя галиціянъ русской тароватостью, (хотя, правду надо сказать, мы ставили, поддерживая такую жизнь, послѣдній полуимперіалъ ребромъ) и наконецъ, для разнообразія придумали тѣшить галиціанъ военными эволюціями. Начались у насъ, чуть ли не всякій день, эффектныя ученья, *съ порохомъ*, и на нихъ выходило смотрѣть все населеніе Самбора, какъ на даровое театральное представленіе.

Когда мы исполняли всевозможныя эволюціи на бѣгломъ шагу, то разсыпаясь въ цѣпь, то собираясь въ кучки, то бросаясь въ бѣшенную атаку штыками, то отбивая рьяный натискъ воображаемаго непріятеля, и все это при громѣ выстрѣловъ, при грохотѣ барабановъ,—и все это въ тучахъ пороховаго дыма и пыли,—не только мирные жители Самбора, но

даже австрійскіе офицеры удивлялись нашей выучкѣ, порядку и *чистотѣ*, съ которыми унасъ дѣлались всѣ построенія, — подвижности, ловкости и вмѣстѣ — твердости нашего фронта. Похваламъ и восторгамъ не было конца. Даже сами австрійскіе офицеры сознавались, что въ ихъ войскѣ нѣтъ подобной военной подготовки.

Наши хорошія отношенія съ Самборцами побудили ихъ дать балъ въ честь нашу. Мы всѣ были приглашены на этотъ пиръ. Балъ вышелъ на славу: онъ отличался многолюдствомъ, — изяществомъ и вмѣстѣ простотою костюмовъ, — множествомъ хорошенькихъ женщинъ, — обильнымъ угощеніемъ и полною непринужденностью, водворившею на этомъ балу неподдѣльное веселье.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Самборѣ, мы были свидѣтелями, и нѣкоторымъ образомъ, даже участниками, католическаго, церковнаго, народнаго торжества, извѣстнаго подъ именемъ *„празднованія Божьяго тѣла“*, (Боже-цяло — по польски).

Въ день торжества, на четырехъ углахъ главной городской площади, устроили олтари, украсивъ ихъ цвѣтами, иконами, зеленью, разноцвѣтными тканями, хоругвями, изваяніями святыхъ и картинами духовнаго содержанія. Послѣ литургіи, изъ католическаго собора потянулась процессія. Впереди шли, длинной вереницей дѣти, попарно, подобранныя по ранжиру, — самыя маленькія впереди; за ними потянулись пѣвчіе и другіе служители всѣхъ городскихъ церквей, — далѣе въ блестящихъ одеждахъ всѣ священники города и его окружностей, они несли парчевой балдахинъ, украшенный золотыми шнурами, кистями, позументами и страусовыми перьями, — подъ которымъ шелъ старѣйшій ксендзъ съ св. дарами. Вслѣдъ за этимъ священникомъ слѣдовала *наша полковая музыка;* затѣмъ отрядъ австрійскихъ солдатъ и большія толпы народа, разодѣтаго въ самые пестрые и яркіе костюмы. Во время шествія наша музыка играла непереставая, согласно даннаго ей приказанія, разныя духовныя пьесы, преимущественно: „Коль славенъ нашъ Господь!“ Выходило очень оригинально. Конечно, впервые звуки православной молитвы такъ братски сливались съ неумолкавшимъ пѣніемъ псалмовъ латинскими ксендзами, и гдѣ-же? въ странѣ, столь давно принадлежащей Польшѣ! Но всего было оригинальнѣе, что въ самый торжественный моментъ церемоніи, когда ксендзъ, остановившись передъ олтаремъ вознесъ горѣ дароносицу съ дарами и благословилъ *тѣломъ Господнимъ*, — павшій при этомъ на колѣни народъ, при чемъ участвующіе въ церемоніи австрійскіе солдаты отдали честь св. дарамъ троекратнымъ ружейнымъ залпомъ, наши музыканты грянули „Боже Царя храни!“ Совершенно неожиданно раздавшіеся звуки этого народнаго нашего гимна, разумѣется, насъ привели въ восторгъ, — не безъ искренняго, можетъ быть, сочувствія были встрѣчены и присутствовавшимъ при церемоніи простымъ народомъ, — но такое ли же они произвели впечатленіе на ксендзовъ и пановъ — крайне сомнительно. Впрочемъ, какъ бы ни было — волей или неволей, а собравшіяся народныя массы, въ торжественнѣйшую минуту одного изъ главнѣйшихъ своихъ празднествъ,

должны были вознести къ престолу Божію молитву за русскаго Царя! Случай этотъ, ни кѣмъ не предвидѣнный, польстилъ нашей народной гордости!

По окончаніи процессіи народъ ликовалъ въ теченіи всего дня. Толпы женщинъ и дѣвушекъ, въ цвѣтахъ и яркихъ уборахъ, ходили пестрыми вереницами по городу, привлекая своими заунывными пѣснями кавалеровъ, угощавшихъ ихъ дешевыми лакомствами. Тутъ-то можно было насмотрѣться на хорошенькихъ! Въ Самборѣ много красивыхъ женщинъ, но въ деревняхъ ихъ еще больше, а ко дню „Божьяго тѣла“, собрались въ Самборъ жители со всѣхъ окрестностей, будто нарочно устроивъ для насъ выставку красавицъ. И то сказать, если-бы намъ пришлось постоять въ Самборѣ подольше, то немало нашихъ оказалось бы въ вѣчномъ плѣну у Самборянокъ; но бранная труба уже гремѣла вдали; ея чарующіе звуки уже начали долетать до насъ, заглушая сладкія пѣсни галиціанокъ. Получаемыя офиціальныя извѣстія заставляли насъ ждать похода съ минуты на минуту и наконецъ—мы его дождались. Войска стянулись къ границамъ и вдругъ, въ одинъ прекрасный полдень прискакалъ курьеръ съ пакетомъ... Приказаніе: выступить въ день полученія пакета и сдѣлать, порядочный таки, для перваго раза, переходъ! Однако—мы были въ восторгѣ. Какъ ни хороша была наша стоянка въ Самборѣ и для офицеровъ, и для солдатъ; но и тѣ и другіе обрадовались походу. Велики ли наши сборы?!—Въ 3 часа по полудни, мы уже служили напутственный молебенъ на Самборской площади. Раздалась обычная команда, походныя пѣсни загремѣли и наша колонна, съ артиллеріей, вытянувшись по шоссе, какъ змѣя, заблистали своею стальною чешуей. Самборцы толпами вышли провожать насъ, напутствуя тысячами пожеланій и увѣреніями въ живѣйшей, сердечной къ намъ привязанности. Искренни ли были эти увѣренія?—Извѣстно только Богу, но въ настоящую минуту, мы принимали ихъ за чистую монету: намъ хотѣлось вѣрить имъ, и мы имъ вѣрили, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что онѣ льстили нашему самолюбію, такъ какъ мы видѣли, что тѣже Самборцы, въ тоже самое время, совсѣмъ другаго рода чувства высказывали при насъ, въ глаза, австрійскимъ офицерамъ, хотя мы уходимъ отъ нихъ вѣроятно на всегда, а тѣ также вѣроятно надолго съ ними остаются.

Замѣтимъ кстати, что всю нашу стоянку въ Самборѣ мы съ квартировавшими тамъ же австрійскими офицерами, жили очень дружно и не имѣли ни какихъ столкновеній.

Опять мы прошли, черезъ сожженный, и конечно, еще неоперившійся Хировъ: опять перевалили черезъ отрасль карпатскаго хребта, пробирающуюся мимо Львова на Русь; прошли черезъ маленькій городокъ *Лизко* и мѣстечько *Устрцики*, вступивъ наконецъ въ г. *Санокъ*, одинъ изъ самыхъ плохихъ между обводовыми городами Галиціи. Какъ ближайшій къ

венгерской границѣ г. Санокъ, въ былыя времена неоднократно дѣлался первою жертвою удалыхъ народовъ закарпатскихъ, когда они являлись въ галицію, неся войну Руси или Польшѣ, либо неменѣе опасную помощь свою той или другой. Вотъ, полагаю, причина печальнаго до сего время ничтожества г. Санока.

Дневки—мы давно забыли. Идемъ да идемъ впередъ, по-Суворовски, быстро и весело, по этому мы скорехонько подошли къ *г. Дукло.*

Тутъ пронеслась вѣсть о пріѣздѣ Государя. Всѣ радовались: Отецъ нашъ пріѣхалъ благословить насъ на брань,—пріѣхалъ проститься съ нами,—многимъ въ послѣдній разъ дать взглянуть на Себя!

Говорили: Царь насъ встрѣтитъ въ Дукло. Этотъ слухъ побудилъ всѣхъ, по солдатскому выраженію, *подтянуться.* Солдаты смахнули мѣдь и желѣзо, но о чисткѣ аммуниціи нечего было и думать—теперь было бы ружье на плечѣ, да штыкъ поострѣе... Въ двухъ верстахъ отъ Дукло, у лѣсочка, насъ остановили, осмотрѣли, выровняли и, воображая что Государь изволитъ насъ встрѣтить у заставы, повели въ городъ, чуть не церемоніальнымъ маршемъ!...

Но вотъ и Дукло. Оказалось что насъ встрѣтилъ и пропустилъ мимо себя не Государь, а кавалерійскій генералъ Глазенапъ! (*)

Каково разочарованіе!

Дукло незначительный городокъ. Изъ зданій въ немъ обращаетъ особенное вниманіе большой старинный и уродливый палаццо графа Менжинскаго, (тайнаго поборника мятежа) ограбленный еще въ 1846 году, такъ и стоящій доселѣ съ окнами и дверьми большею частію выбитыми, но окруженный тѣнистымъ садомъ и превосходнымъ паркомъ, съ разными затѣями стариннаго богатаго панства. Впрочемъ, нѣсколько помѣстительныхъ каменныхъ зданій, (занятыхъ нашими подъ госпитали), значительныхъ размѣровъ костелъ: немало каменныхъ двухъ и трехъ этажныхъ еврейскихъ домовъ, образующихъ нѣсколько довольно широкихъ улицъ и просторную площадь, посреди которой, по обычаю галиційскихъ городовъ, возвышается ратуша,—придаютъ Дукло очень порядочный видъ. Хотя Дукло, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ венгерской границы и извѣстенъ значительной торговлей преимущественно венгерскими винами, но едвали онъ когда нибудь бывалъ такъ оживленъ, какъ нынѣ.

Близость главной нашей квартиры, положеніе Дукло на пути слѣдованія значительной части нашихъ войскъ на походѣ въ Венгрію,—особенно же избраніе этого города главнымъ складочнымъ пунктомъ всевозможныхъ нашихъ запасовъ вѣдомствъ: коммисаріатскаго, артиллерійскаго и интендантскаго, наполнили его военными всѣхъ родовъ оружія, двухъ союзныхъ Имперій. Австрійцы, въ разнообразныхъ мундирахъ, мусульмане,

(*) Тотъ самый генералъ-лейтенантъ Глазенапъ, у котораго фельдмаршалъ Паскевичъ [illegible] за Дебречинское дѣло—какъ ниже значится.

наши гусары, чиновники, казаки, инженеры, пѣхотинцы, артиллеристы и свитскіе, доктора и священники,— бродили густыми толпами по городу,— наполняли единственные въ городѣ трактиръ и кондитерскую и до нашего еще прихода, успѣли уничтожить все, что въ нихъ было съѣстнаго: по этому мы почли за лучшее поскорѣе убраться на свой бивакъ, верстъ за 5 отъ города и удовольствоваться издѣліями нашей скудной, походной кухни, недостатки которой мы, на этотъ разъ, восполнили бутылкой добраго венгерскаго вина, пріобрѣтеннаго въ Дукло.

И такъ, намъ не удалось видѣть Батюшку-Царя! Но, будто въ утѣшеніе, намъ прислали Его приказъ, отъ 1 Іюня. Мы торжественно прочли этотъ приказъ передъ баталіонами и долго неумолкавшимъ „ура!“ отвѣтили на него солдаты, причемъ шапки полетѣли вверхъ и загремѣла полковая музыка народной русской молитвой—гимномъ за Того, Кто такъ отечески и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ по Царски, сказалъ намъ: „Ребята!“

„Новые труды, новые подвиги вамъ предстоятъ! Мы идемъ помочь Союзнику, усмирить тотъ же мятежъ, который, попранный вами за 18 лѣтъ въ Польшѣ, вспыхнулъ вновь въ Венгріи! Съ помощію Божею, вы явитесь тѣми же православными воинами, какими русскіе всегда и вездѣ были: страшными врагами всего священнаго, великодушными къ мирнымъ жителямъ. Вотъ чего ждетъ отъ Васъ вашъ Государь и наша святая Россія.

Впередъ ребята, за нашимъ Варшавскимъ героемъ—на новую славу! Съ нами Богъ!“

Государь, съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и фельдмаршаломъ Паскевичемъ уже въ м. Змигродѣ, куда пріѣхали изъ Кракова, въ 11 часовъ ночи, 2 Іюня.

Судьба городовъ подобна судьбѣ отдѣльныхъ личностей. Также города, какъ и люди, живутъ, отживаютъ; также и въ жизни городовъ иногда является что либо необыкновенное, нежданно негадано доставляющее имъ извѣстность. Такъ, ничтожные до сего времени, городки: Змигродъ и Дукло, на нашихъ такъ сказать глазахъ, составили себѣ извѣстность и пріобрѣли имя въ исторіи: Змигродъ, какъ мѣстопребываніе нашего Государя, гдѣ Онъ, въ послѣдній разъ смотрѣлъ Свои войска, отпуская ихъ на войну;—Дукло, какъ кормилецъ и поилецъ нашей арміи, дѣйствовавшей въ Венгріи. Что касается до Дукло, то городъ этотъ стоитъ своей извѣстности, имѣя важное стратегическое значеніе. Дѣйствительно, Дукло защищенъ со стороны Венгріи горами и тѣснинами Карпатъ, для охраненія которыхъ не требовалось большихъ силъ, а между тѣмъ, по своему центральному положенію, представляетъ всѣ удобства для образованія въ немъ главнаго продовольственнаго пункта арміи.

10 ІЮНЯ. С. ТИЛЯВА.

Венгерская граница.

Пройдя Дукло и переночевавъ у с. *Тренцяны*, (4 Іюня) на бивакѣ, ввиду Карпатъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Галиціи, мы надѣялись въ тотже день встрѣтиться съ непріятелемъ, судя по жидовскимъ разсказамъ о его близости. Но вышло не по нашему. Нашъ отрядъ раздробили: начальникъ нашей дивизіи генералъ Бѣлогужевъ, съ Охотскимъ егерьскимъ полкомъ и его артиллеріею, усиленнымъ двумя батальонами нашего, Камчатскаго полка, съ двумя конными орудіями и тремя сотнями Донскихъ казаковъ, 5 Іюня, пошелъ впередъ, въ горы, а мы, въ составѣ двухъ батальоновъ, съ батареей артиллеріи, остались у Тренцянъ. Правда, насъ утѣшали надеждой, что будто насъ воротятъ въ Дукло и представятъ Государю; но не тутъ то было: съ разсвѣтомъ мы заняли другую позицію, нѣсколько верстъ впереди, у *с. Тилява*, тогда какъ отрядъ Бѣлогужева прошелъ *с. Барвинокъ*, австрійскую таможню, и занялъ позицію въ ущельѣ, близь *с. Нижняго Коморника*. Въ пяти—шести верстахъ отъ этого отряда стояли венгерскіе пикеты. Нѣсколько дней тому какъ сс. Коморникъ и Барвинокъ были заняты передовыми постами Дембинскаго, имѣвшаго свою главную квартиру въ *Бартфельдѣ*, венгерскомъ городѣ, ближайшемъ къ галиційской границѣ. Однако Дембинскій, извѣстный польскій генералъ, уже мѣрявшій съ нами свое оружіе во время польскаго мятежа, счелъ благоразумнѣе ретироваться при нашемъ приближеніи, хотя имѣлъ шансы дать намъ въ занятыхъ имъ природныхъ карпатскихъ твердыняхъ не шуточный отпоръ. Такимъ образомъ, въ день вступленія нашего на позиціи у Тилявы, разъѣзды нашего отряда, противъ ожиданія, не открыли непріятеля и все было спокойно. Что же до насъ касается, то мы въ день нашего прибытія на телявскую позицію нескучали, принимая различныя воинскія предосторожности противъ возможнаго набѣга на насъ изъ горъ, и затѣмъ *торопились* хорошенько отдохнуть, послѣ утомительныхъ форсированныхъ маршей. Мы *торопились* отдыхомъ, надѣясь, что или этою же ночью, или утромъ пойдемъ впередъ. По нашимъ военнымъ соображеніямъ, быстрое и рѣшительное наступленіе наше на непріятеля, засѣвшаго въ горахъ, было очевидною необходимостью; но на этотъ вопросъ иначе смотрѣло наше высшее начальство и вотъ мы осуждены стоять неподвижно на этой скучной позиціи, ждать у моря погоды, быть защитниками Дукло и оберегать ведущее къ нему изъ горъ, такъ называемое, „Барвинское дефиле“, которое намъ формально приказано: „умереть, а не уступить врагу“! Но, гдѣ же этотъ врагъ? Пусть бы явился!... горячилась наша молодежь и въ своемъ увлеченіи доходила до желанія, чтобы Венгерцы по[illegible] изъ горъ наши передовыя части—авось тогда и насъ пошлютъ выручку! Однако, день уходилъ за днемъ, а насъ не посылали [illegible]ы томились бездѣйствіемъ. Приходилось, отъ нечего дѣлать,

изучать бытъ туземцевъ-Русняковъ, шляться для этого по ихъ убогимъ хатамъ, вслушиваться въ ихъ разсказы; наблюдать ихъ нравы и обычаи.

Впрочемъ, страна нами теперь занимаемая и ея природа, стоютъ ближайшаго наблюденія.

Едва мы отошли нѣсколько верстъ отъ Дукло, предъ нами рѣзче обрисовались дотолѣ только вдали синевшія Карпаты; тутъ же мы вступили въ ихъ предгорія, и все время, нѣсколько подымаясь въ гору, шли по ущелью, въ которомъ лежитъ и настоящая наша позиція. Чѣмъ дальше чѣмъ обширнѣйшіе предъ нами раскрываются горизонты, тѣмъ горы становятся выше, лѣсъ, мѣстами ихъ покрывающій, все гуще и крупнѣе, а жители все бѣднѣе и какъ бы несчастнѣе. По истинѣ, положеніе туземцевъ,—русняковъ по преимуществу, достойно сожалѣнія. Хотя этотъ край и не былъ театромъ войны, хотя онъ и не страдалъ отъ реквизицій, фуражировокъ, (можетъ быть, собственно потому, что нечего было брать у народа!) и отъ передвиженій войскъ, въ такой степени какъ другія мѣстности Венгріи, но здѣшнее населеніе, все таки въ крайне жалкомъ и бѣдномъ положеніи. Причиною, что мѣстные жители владѣютъ слишкомъ незначительными участками земли и то между горами, и по горамъ, слѣдовательно невсегда удобными для хлѣбопашества. Неурожаи здѣсь частые, недороды постоянные: то ранній морозъ осенью уничтожаетъ посѣвы, то поздній—губитъ ихъ весною, то дѣйствуютъ на нихъ разрушительно излишніе дожди или продолжительные туманы, а у крестьянъ, въ большей части случаевъ, хлѣба нѣтъ —какъ нѣтъ! Могло бы мѣстное населеніе существовать заработками на сторонѣ. Былъ вѣрный заработокъ въ Венгріи—нанимались тамъ обрабатывать землю и имѣли таки отъ этого кусокъ хлѣба, но война, въ два послѣдніе года, уничтожила этотъ промыслъ. Другимъ охота доставляла средства существованія—теперь не позволяютъ стрѣлять по случаю военнаго времени. Иные, что грѣха таить, промышляли контробандной торговлей табакомъ—теперь самые отчаянные контробандисты боятся: поймаютъ пріймутъ за шпіона—и повѣсятъ! Горе, горе мирнымъ жителямъ страны объятой войной. Жаль смотрѣть на жителей: неурожаи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ сряду обездолили ихъ совершенно, а война ихъ доконала. Говорятъ, прошедшей зимою многіе едва не умерли съ голоду. Теперь лѣто. Человѣкъ будетъ сытъ хоть ягодами,—какими нибудь кореньями, травой;—теперь съ голоду не умрутъ, правда, но и теперь еще люди ходятъ какъ тѣни, особенно женщины, видно нужда и лишенія высосали изъ нихъ жизненныя силы. На хлѣбъ, употребляемый мѣстными жителями въ пищу, страшно посмотрѣть. Хлѣбъ изъ муки пополамъ съ какой-то травой,—укого осталось сколько нибудь картофелю—съ картофелемъ, не то, какъ съ отрубями или мякиной. Чтобы имѣть возможность дешево покупать хлѣбъ у нашихъ солдатъ, жители распродали чуть-ли не послѣднее изъ своего хозяйства: укого еще оставалась коровенка, лошадь или праздничная одежда—все перешло въ жидовскія руки, въ обмѣнъ на монету. Кажется жители готовы были

[illegible] *въ большинствѣ* случаевъ весьма порядочные. (бре- [illegible] *избы въ сѣверовосточныхъ* губерніяхъ, не обязан- [illegible] *подъ одною крышею*, обыкновенно заключающіе и жилье, и [illegible] *и амбары)*, кажется продали бы жизнь свою!... Но [illegible] бѣдняковъ, ихъ жалкая жизнь?! Вообще тягостны [illegible] бѣднымъ народомъ,—не развлеченіе а душевную [illegible] нагоняютъ невыносимую тоску! Отъ нечего дѣлать, [illegible] строить шалаши изъ хворосту; но день, другой и [illegible] Наблюдать явленія природы? только бы этого недоста- [illegible] заниматься метереологіей! Хотя бы дѣйствитель- [illegible] природой, гдѣ въ половинѣ іюня днемъ—жара [illegible] подъ вечеръ, а ночью—морозъ! Вотъ причина [illegible] пошло въ госпиталь; какже не желать по- [illegible] трущобы. А между тѣмъ новостей никакихъ. Что [illegible] Гдѣ она? Куда пошла? Скоро-ли пойдемъ и мы, и [illegible]......

Нашъ [illegible] изъ отлично устроенныхъ шалашей, раски- нулся [illegible] мѣстомъ нашей офицерской сход- ки, [illegible] въ которой мы сидимъ и лежимъ, бесѣ- дуя или играя въ [illegible] — не пройдетъ ли какой офицеръ съ приказаніемъ, или [illegible] изъ передоваго отряда, чтобы узнать: какія новости? Вдругъ, [illegible] небольшая колонна приближавшая- ся со стороны [illegible] выглядываемся... ведутъ плѣнныхъ! Плѣн- ные!... [illegible] за это восторгъ! Вѣсть о неожидан- номъ [illegible] и всѣ, кажется допослѣдняго [illegible] приведенныхъ, какъ сбѣга- [illegible] на цыганъ съ медвѣдями. Солдаты—тѣже [illegible] развлекаетъ всякая малость, всякій пустякъ.

Плѣнныхъ было восемь человѣкъ пѣшкомъ и двое изрубленныхъ—на повозкѣ. Одѣтые въ бѣлыя венгерки съ свѣтлозелеными гусарскими шнурами, въ бѣлые, короткіе плащи и обыкновенныя, австрійскаго фасона, фуражки со шнурами и кокардою революціонныхъ цвѣтовъ, плѣнные шли по два въ рядъ, печально поникнувъ головами. Одинъ только изъ нихъ, въ тирольской шляпѣ съ перомъ, далеко будучи старше своихъ товарищей, судя по его лицу, мощнѣе и какъ бы величавѣе ихъ, шелъ смѣло и бодро. По види- мому это былъ изъ начальствующихъ. Партія остановилась. Почти всѣ плѣн- ные говорили по [illegible] и могли намъ объяснить что большая часть сол- датъ венгерскаго войска [illegible] по [illegible] и ничего другаго не желаетъ какъ [illegible] и мира. Вѣроятно эти плѣнные принадлежали къ *ландштурму*.

Надо знать, что кромѣ регулярныхъ венгерскихъ войскъ, объявившихъ себя на сторонѣ революціоннаго правительства *) и значительно пополнен-

*) Изъ [illegible] арміи, расположенной въ различныхъ пунктахъ [illegible] на сторону [illegible] и [illegible] эскадроновъ гусаръ.

ныхъ новобранцами, у революціоннаго правительства было еще войско, а именно—образованнный имъ *Ландштурмъ*, т. е. ополченіе. Это войско если и представляло собою нѣкоторое значеніе, то развѣ только своею численностью. По словамъ самихъ венгерскихъ военачальниковъ, Ландштурмъ былъ грозенъ только вдали отъ непріятеля, но съ его приближеніемъ, Ландштурмъ обыкновенно расходился не сдерживаемый дисциплиной и не имѣя начальниковъ, которые бы могли и умѣли. сильною властью, удержать въ повиновеніи эти безпорядочныя толпы. Понимая дѣло лучше другихъ венгерскихъ военачальниковъ, генералъ Гергей, какъ главный начальникъ Ландштурма, въ порученномъ ему округѣ, сдѣлалъ распоряженіе чтобы Ландштурмъ употреблялся въ дѣло не иначе, какъ большими массами и непремѣнно съ артиллеріей. Присутствіе артиллеріи до такой степени ободряло Ландштурмъ, что набирая въ него людей, тѣмъ только и можно было уговорить—стать въ его ряды, что при формируемомъ отрядѣ будутъ пушки. Гергей дозволялъ употреблять Ландштурмъ только для защиты поселеній, переправъ, ущелій, а также, для сопровожденія транспортовъ; но рѣшительно воспретилъ выводить ландштурмъ въ открытое поле. Гергей такимъ распоряженіемъ справедливо надѣялся отвратить безполезную потерю людей и думалъ извлечь изъ ландштурма хотя нѣкоторую пользу. Очевидно, что для другаго назначенія, ландштурмъ не пригоденъ: недостаточно или вовсе необученый, онъ, не способенъ не только маневрировать, но даже исполнять простѣйшія военныя эволюціи. При томъ, по словамъ самого Гергея, Ландштурмъ до такой степени боялся непріятельскихъ орудій, что при одномъ только звукѣ пушечномъ выстрѣлѣ, люди составляющіе ландштурмъ, нерѣдко кричали: „измѣна!“ и бросались бѣжать, покидая свое ржавое оружіе: косы, пики и едва стрѣляющія охотничьи ружья. Бѣгущій ландштурмъ могла остановить одна только усталость! (*)

Я подошелъ къ лежавшимъ на повозкѣ раненымъ. У одного изъ нихъ было девять ранъ: подбородокъ перерубленъ шашкой,—шея проколота пикою. Я спросилъ этого раненнаго, по польски, не нужно ли ему чего? Въ отвѣтъ, онъ, на чистомъ польскомъ языкѣ, посовѣтывалъ мнѣ: „убираться къ черту!“ Это былъ полякъ, не смотря на его озлобленіе, я все таки предложилъ ему крышку холодной воды,—онъ жадно проглотилъ нѣсколько капель, но не только не поблагодарилъ меня за услугу, но даже не посмотрѣлъ на меня. Другой раненый былъ кротокъ и съ благодарностью принялъ наши услуги.

Конвой перемѣнили. Плѣнные и повозка тронулись въ путь, но онъ

всего 41,799 человѣкъ и 6198 коней. Венгерцы захватили 2402 артиллерійскія орудія съ прислугою, къ которымъ были поставлены артиллеристы Пештскаго гарнизона, студенты различныхъ школъ и волонтеры изъ иностранцевъ.

(*) Извѣстно что въ сраженіи при Швехатѣ, національная венгерская гвардія рѣшительно бѣжала съ поля сраженія, при первыхъ австрійскихъ выстрѣлахъ, побросавъ оружіе, амуницію и ранцы, чтобы легче было бѣжать. *Кошутъ* пытался было остановить бѣгущихъ, но они, приподнявъ шляпы, кричали: „да здравствуетъ президентъ“ и неостанавливаясь—бѣжали дальше...

Библіотека Народныхъ

былъ затрудненъ толпами солдатъ, тѣснившихся, чтобы поглазѣть на плѣнныхъ непріятелей. Можно бы приказать солдатамъ разойтись, идти въ свои мѣста, но не хотѣли этого дѣлать: „пусть ихъ любуются“!—говорилъ нашъ командиръ. И дѣйствительно, солдаты любовались новой для нихъ картиной, при чемъ многіе впервые видѣли *заправскаго*, какъ они выражались, непріятеля, съ товарищами котораго еще прійдется перевѣдаться въ честномъ бою. И вотъ каждому хотѣлось поближе протискаться къ плѣннымъ, чтобы въ подробности разсмотрѣть ихъ. Остротамъ, замѣчаніямъ не было конца. „Такъ вотъ они, голубчики!“ качали головой одни. „Такъ вотъ съ какими мы пришли сюда драться!“ Говорили бывалые старики. „Видали мы и не эдакихъ!“ Экое диво, подумаешь, замѣчали иные, есть что тутъ смотрѣть: черкесы, вонъ почище будутъ этихъ молокососовъ, да и тѣхъ, бывало на веревочкѣ важивали! Мы вамъ не австрійцы, гордо прибавляла молодежь;—мы васъ поучимъ драться!“

И долго еще солдаты смотрѣли вслѣдъ удалявшейся партіи плѣнныхъ и послѣ того, дня два, по крайней мѣрѣ, только и было рѣчи у солдатъ, что объ нихъ: критиковали ихъ одежду,—смѣялись надъ ихъ маленькими фуражками, надъ короткими плащами,—надъ ихъ полусапожками, зашнурованными сбоку.....

Появленіе этихъ плѣнныхъ довело до крайности любопытство не однихъ солдатъ; появленіе ихъ намъ показало, что наша главная колонна уже встрѣтилась съ непріятелемъ и дѣйствуетъ. Но гдѣ же средства узнать: что тамъ дѣлается? По счастію случилось служебное дѣло и меня послали въ Венгрію, давъ мнѣ въ конвой двухъ казаковъ. Можно вообразить, съ какою радостью я встрѣтилъ это приказаніе.

Проѣхавъ версты двѣ отъ Тилявы мы миновали эполементъ, построенный австрійцами для защиты Барвинскаго дефиле, предназначенный обстрѣливать какъ дорогу, выходящую изъ горъ, такъ и всю небольшую долину, на которой лежитъ въ верстѣ съ небольшимъ отъ границы м. Барвинокъ, съ таможней. Крайніе дома мѣстечка со стороны Венгріи, баррикадированы и приведены въ оборонительное положеніе австрійцами; нѣкоторыя окна въ этихъ домахъ заложены на глухо, нѣкоторыя обращены какъ бы въ амбразуры, а въ стѣнахъ продѣланы бойницы для ружейнаго огня. Наконецъ и Барвинокъ, остался за нами,—мы въ Венгріи.

На меня какъ бы повѣяло другимъ воздухомъ здѣсь, гдѣ и природа совсѣмъ другая. Со всякимъ шагомъ моего коня, предо мною горы какъ бы росли все выше и выше; тѣснина, по которой вилось шоссе, (тутъ сдѣлавшееся невыносимо дурнымъ), становилась все уже, а лѣсъ покрывающій горы—все крупнѣе и гуще. Предомною открывались все новые виды—одинъ живописнѣе другаго. Но вотъ вдали синѣетъ дымокъ. Всматриваемся—казачій постъ, какъ бы нарочно здѣсь поставленный для оживленія грандіозной картины предвѣрія Карпатъ; и дѣйствительно, онъ дополнялъ собою эту картину: этотъ сторожевой донецъ, опершись на длин-

ную пику, держа въ поводу осѣдланнаго коня, внимательно озирающій окрестность.—этихъ нѣсколько человѣкъ, лежащихъ вокругъ костра и эти „казачьи тощія лошадки“, что „стоятъ рядкомъ, повѣся носъ“,—развѣ не представляютъ собою поэтическаго цѣлаго въ общемъ съ окрестной природой!?

Еще версты двѣ, и по горамъ показалась цѣпь нашихъ аванпостовъ; вотъ главный ихъ караулъ печетъ картофель въ золѣ бивачнаго костра, а вотъ, наконецъ, *с. Нижній Коморникъ* и бивакъ нашего главнаго отряда по обѣимъ сторонамъ села. Опять есть на что засмотрѣться: роты стали бивакомъ по ребрамъ ущелья, тамъ, гдѣ нашли себѣ болѣе удобное мѣсто. Живописный безпорядокъ бивачныхъ шалашей, всюду пылающіе костры; группы солдатъ у артельныхъ котловъ; нѣсколько поодаль пестрая ватага казаковъ подъ шатрами изъ бурокъ и плащей, развѣшанныхъ на козла изъ составленныхъ пикъ; табуны осѣдланныхъ и неосѣдланныхъ коней; артиллерійскія орудія, стоящія въ стройномъ и грозномъ порядкѣ на позиціи; кругомъ изъ древесныхъ опушекъ и кустовъ выглядывающіе часовые; группы барабановъ посреди бивака съ положенными на нихъ знаменами и въ довершеніе пестроты развѣшанное на деревьяхъ и кустахъ бѣлье,—все это вмѣстѣ взятое представляло преисполненную жизни и прелести баталическую картину: но я недолго ею любовался: отдѣлавшись отъ разспросовъ товарищей, думавшихъ, что я привезъ имъ новости, и вѣсточки изъ Россіи, къ которой въ послѣднее время я все таки былъ ближе чѣмъ они,—скорѣе самъ пустился искать сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о томъ: что дѣлалось на театрѣ войны, а дѣлалось на этомъ театрѣ вотъ что: впервые русскіе появились въ Венгріи у Градиша, прибывъ по желѣзной дорогѣ, подъ командою генералъ-лейтенанта Панютина, 3 мая, въ числѣ около 11000 пѣхоты съ 48-ю орудіями. лѣвѣе этого отряда вступилъ въ Венгрію другой отрядъ, а именно въ долину р. Арвы, подъ командою генералъ-лейт. Засса (кавказскаго), 1 мая, а 4 мая онъ уже побилъ венгерцевъ въ незначительной, впрочѣмъ, стычкѣ у с. Новой Мишши, затѣмъ 27 мая, генералъ Зассъ заставъ инсургентовъ, собиравшимися сжечь мостъ черезъ р. Арву, въ д. Кнеженахъ, а потому напалъ на нихъ, и опрокинулъ. Въ свою очередь генералъ Граббе 8 іюня произвелъ поискъ изъ Алзо-Кубины на г. Розенбергъ, причемъ наши казаки перешли, подъ огнемъ непріятельскимъ, вбродъ и вплавь р. Вагу и прогнали Венгерцевъ изъ г. Розенберга (*).

(*) „Balleddier“ этотъ смѣлый поискъ казаковъ разсказываютъ слѣдующимъ образомъ: „узнавъ о приближеніи русскихъ, инсургенты, занимавшіе г. Розенбергъ, сожгли мостъ на р. Ваагѣ и считая себя безопасными за рѣкою стали дурачить казаковъ, неимѣвшихъ перевозочныхъ средствъ для переправы на ихъ берегъ. Для этого они посадили на пику большаго *барана* и укрѣпили ее на берегу рѣки, помѣстивъ между его рогами, сдѣланную, огромными буквами слѣдующую надпись:

Когда этотъ баранъ заблѣетъ,
Тогда казакъ перейдетъ
Рѣку Ваагъ и насъ острижетъ!

Таковы были первыя боевыя встрѣчи нашихъ войскъ съ венгерцами, а вслѣдъ за этимъ сталъ приводиться въ исполненіе, утвержденный Государемъ Императоромъ планъ нашего общаго наступленія на венгерскихъ мятежниковъ и 5 іюня русскія войска въ нѣсколькихъ пунктахъ перешли венгерскую границу (*).

Такое наступленіе стотысячной арміи русскихъ на Венгрію и сорокатысячной на Трансильванію ставило Венгерцевъ въ безвыходное положеніе. Которой изъ наступающихъ колоннъ могли Венгерцы противупоставить свои войска въ увѣренности, что другія наши колонны не охватятъ ихъ съ фланговъ и тыла? Такой маневръ нашъ былъ причиной, что непріятель не рѣшился оказать намъ серьезнаго сопротивленія въ Карпатскихъ тѣснинахъ, а вынужденъ былъ покинуть ихъ безъ боя.

Перейдя въ Венгрію, наши главныя силы двинулись далѣе четырьмя колоннами: — *правая* — генерала Лабынцева, пошла чрезъ Карпаты на Тарно; *средняя* — генерала Купріянова, наступала черезъ Конечно; *лѣвая* — черезъ Змигродъ и Грабъ на д. Смилько — всѣ эти три колонны, разными путями, направлялись на г. Бартфельдъ, а *четвертая*, наша колонна, генерала Бѣлогужева, отъ д. Барвинокъ на Свидникъ и Стропко, при чемъ ея обязанностью было дѣлать демонстрацію, распуская слухъ, что она составляетъ авангардъ главныхъ русскихъ силъ и отвлекать на себя непріятеля отъ вышеназванныхъ трехъ колоннъ.

Резервъ, подъ начальствомъ генерала Чеодаева, сосредоточился 5-го іюня у Змигрода и пошелъ на С. Поляны; что же касается до защиты Барвинскаго дефиле и слѣдовательно, въ частности, до охраненія Дукло, съ его огромными военными запасами, то эта обязанность, какъ видно изъ вышеизложеннаго, лежала на генералѣ Колзаковѣ, въ командѣ котораго мы

Усмотрѣвъ такое эксцентрическое воззваніе, русскій генералъ усмѣхнулся и указавъ не него своей шпагой, сказавъ своимъ войскамъ: солдаты! видно Венгерцы еще легкомысленнѣе чѣмъ мы ожидали, если смѣютъ надѣяться устрашить орловъ—этимъ смѣшнымъ бараномъ. Докажемъ, что русскимъ орламъ не нужны мосты для перехода рѣкъ, не нужно ножницъ что бы стричь враговъ, въ какой бы шкурѣ они ни ходили: въ ослиной ли, въ тигровой ли или въ бараньей! „Впередъ же ребята!“—Впередъ! воскликнули казаки, бросились въ рѣку и переплыли ее подъ покровительствомъ огня четырехъ своихъ орудій, дѣйствовавшихъ съ берега. Инсургенты бѣжали восклицая: „должно быть русскіе орлы амфибіи“!!

(*) *1 колонна*—Лѣвая, подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала Паскевича, направляется отъ Дукло на г. Эперіесъ и Кашау, пѣхоты 68 батальоновъ—53000 чел. кавалеріи 64 эскадрона—9000 челов. и 28 сотенъ—3000 чел., 16 пѣшихъ и 6 конныхъ батарей артиллеріи.

2 колонна.—Правая, графа Ридигера, черезъ Нейермаркъ идетъ на соединеніе съ лѣвой колонной: пѣхоты 34 батал.—23009 чел., 32 эскадр.—4000 чел., 12 донскихъ сотенъ—1550 чел. 8 пѣшихъ и 3 конныхъ батареи артиллеріи.

3 колонна генерала Лидерса вступаетъ въ Трансильванію; пѣхот. 26 бат. 20400 челов. 16 эскадр. 2380 чед. 18 донскихъ сотенъ 2370 чел. 1 конная и 6 пѣшихъ батарей артиллеріи.

4 колонна генерала Гротенгельма вступаетъ черезъ Буковину въ сѣверную Трансильванію; пѣхоты 8 батал. 6900 чел. 6 эскадр. 880 челов. 1 донская сотня 130 челов. 1 конная и 2 пѣшихъ батареи артиллеріи.

Кромѣ того, западную границу охраняетъ отрядъ генерала Граббе, пѣхоты 16 батал. 12000 чел. 6 донскихъ сотенъ—800 чел. и 4 легкія батареи. Остальную Галицію оберегаетъ генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, пѣхоты 8 бат. 6500 челов. 12 эскадроновъ 300 чел., 5 донскихъ сотенъ 670 чел. 1 конная и 2 пѣшихъ батареи артиллеріи.

и были оставлены съ двумя батальонами Камчатскаго полка, съ нѣсколькими казаками и легкою № 5 батареей 11 артиллерійской бригады.

Колонна Бѣлогужева въ точности исполнила свое назначеніе, ставъ въ Нижнемъ Коморникѣ, гдѣ я ее и догналъ, и посылая казацкіе разъѣзды въ окрестности.

6 Іюня колонна эта осталась на мѣстѣ, когда главныя силы двинулись впередъ и казачій разъѣздъ ея, посланный къ Свиднику, подъ начальствомъ урядника Дементьева, узнавъ, что въ этомъ мѣстечкѣ есть венгерскіе пѣхотницы, пустился туда на рысяхъ. Десять венгерцевъ, вѣроятно фуражиры, услышавъ о приближеніи казаковъ, сѣли на повозки и бросились бѣжать, но казаки ихъ увидѣли и помчались въ догонку. Венгерцы не видя возможности уйти, остановились и встрѣтили казаковъ, изъ за повозокъ, ружейнымъ огнемъ; по счастію казаки попались молодцы, не струсили, ударили въ пики и сбили венгерцевъ. Особенно мужественно защищались двое изъ нихъ, но девятая рана повалила храбрѣйшаго и казаки взяли ихъ въ плѣнъ. Это то и были тѣ самые плѣнные, которыхъ мы видѣли въ Тилявѣ. Оба эти молодца, какъ мы узнали впослѣдствіи, умерли на другой или на третій день послѣ нашего съ ними свиданія.

Эта стычка съ венгерцами, въ сущности ничтожная, но обратившая на себя вниманіе, какъ одна изъ первыхъ встрѣчъ нашихъ съ непріятелемъ, доставила уряднику Дементьеву георгіевскій крестъ, а прочимъ 11 казакамъ разъѣзда по рублю сереб., въ награду.

Была и другая стычка съ венгерцами въ нашей главной колоннѣ, тоже ничтожная. 8 Іюня, 2-й батальонъ Охотскаго егерьскаго полка, съ нашимъ дивизіоннымъ квартермистромъ, капитаномъ, генеральнаго штаба Рыльцовымъ, (*) кавказскимъ офицеромъ, былъ посланъ для открытія непріятеля, какъ говорили, воздвигавшаго укрѣпленіе между Краснымъ Бродомъ и деревнею Мезо-Лаборчь. Дѣйствительно Рыльцовъ открылъ работающихъ и разогналъ ихъ нѣсколькими выстрѣлами — воротился.

Вотъ и всѣ новости, какія я собралъ во время своей поѣздки и привезъ товарищамъ, продолжавшимъ стоять и скучать въ Тилявѣ. (**) Всѣхъ

(*) Рыльцовъ великимъ былъ забулдыгой и пьяницей, когда мы его знали, но онъ слылъ храбрымъ и весьма способнымъ офицеромъ. Боевая извѣстность Рыльцева составилась на кавказѣ. Между многими подвигами его, тамъ совершенными, особенное на себя обращаетъ вниманіе его мужество и распорядительность въ извѣстной своимъ несчастнымъ исходомъ экспедиціи генерала Граббе, въ Ичкерію, въ 1842 году, гдѣ Рыльцевъ, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, принялъ въ командованіе 2-й батальонъ Кабардинскаго полка, послѣ тяжело раненаго командира батальона, и 1 іюня, у урочища Башилъ Ирзау, и 2 іюня, при отступленіи отряда въ Кажелыковскій оврагъ, находясь въ аріергардѣ, совершилъ съ нимъ чудеса мужества и храбрости.

(**) Между тѣмъ наши войска продолжали наступленіе.

7 Іюня главная квартира уже вступила въ г. Бартфельдъ и въ тотъ же день фельдмаршалъ, въ присутствіи Вел. Князя Константина Николаевича, предпринялъ рекогносцировку занятой Венгерцами позиціи у д. Лофальва. Тутъ Венгерцы смяли было Донскихъ казаковъ полка Юдина, но бросившіеся на выручку мусульмане и линейцы конвоя фельдмаршала, опрокинули ихъ шашками. Ночью Венгерцы оставили свою позицію. Въ это же почти время, 8 іюня, Ридигеръ столкнулся въ Венгерцами у с. Гетарсъ и ловкимъ маневромъ далъ возмож-

измучило ожиданіе. Наши дни проходили въ чаяньи новыхъ вѣстей. Покажется ли какой адъютантъ со стороны Венгріи,—скачетъ ли ординарецъ по дорогѣ изъ главной квартиры, каждый изъ насъ обращается немедленно въ вопросительный знакъ; каждый ждетъ: вотъ остановится проѣзжающій, спроситъ: гдѣ стоитъ нашъ начальникъ? пойдетъ и передастъ распоряженіе выводящее насъ изъ бездѣйствія! Но всѣ ѣдутъ мимо и мимо, а если останавливаются у насъ, если идутъ къ нашему командиру, то съ какими нибудь приказаніями самаго мирнаго свойства. И вотъ ропотъ на судьбу,

---

ность полковнику Лысенко, (убитъ въ Севастополѣ) командиру Полоцкаго егерьскаго полка, познакомить ихъ съ русскимъ штыкомъ! (За это удачное дѣло полковникъ Лысенко произведенъ въ генералъ-маіоры). Далѣе наши пошли на Эперіесъ, который и заняли безъ боя. Между тѣмъ, въ день вступленія въ Эперіесъ главной квартиры 11 іюня, передовыя части отряда Ридигера встрѣтили нѣкоторое сопротивленіе Венгерцевъ –подъ *Шамошемъ*, но нанесли имъ чувствительное пораженіе, при чемъ отличился блистательными атаками гусарскій полкъ Ея И. В. Великой Княгини Ольги Николаевны, въ особенности Ротмистръ Раденъ, (раненый, получившій за это дѣло Георгія 4-й степени) и тяжело раненый эсаулъ Грековъ.

Послѣдствіемъ столкновенія подъ Шамошемъ было занятіе, безъ боя, города Кашау, 12 іюня.

Такимъ образомъ Венгерцы, проигрывая во всѣхъ боевыхъ встрѣчахъ съ нами, отступали на всѣхъ пунктахъ передъ нашей арміей, не смотря на множество укрѣпленныхъ ими и весьма выгодныхъ для нихъ позицій, даже не смотря на силы довольно достаточныя чтобы дать намъ если не рѣшительный, то хотя нѣкоторый отпоръ; не смотря напылкость вождей революціи Дембинскаго и Высоцкаго!—не смотря наконецъ на то, что отряды непріятеля нашего состояли преимущественно изъ поляковъ такъ давно, по ихъ словамъ, жаждавшихъ кровавой съ нами встрѣчи. (*)

Не тайна для насъ замыслы поляковъ найти въ Венгерской націи орудіе возстановленія своего королевства. Много уже лѣтъ поляки интригуютъ въ этой сторонѣ и не мало въ послѣднее время раздували пламя вспыхнувшаго въ Венгріи мятежа. Со всѣхъ концовъ міра они стеклись сюда лишь поднято было здѣсь революціонное знамя. Ихъ генералы частію стали, частію сидились стать во главѣ венгерскихъ армій. Дембинскій (**) и Бемъ (***) создали самый планъ войны; болѣе 20,000 поляковъ составляли чуть ли не самую лучшую часть войска венгерцевъ съ такими генералами, кромѣ упомянутыхъ, какъ Высоцкій, Клапка и др. Не тайна для насъ главная идея поляковъ одновременно съ венгерскимъ возстаніемъ поднять Галицію, русскую Польшу и вооружить противъ насъ Дунайскія княжества, недовольныя нами за

(*) Удивительно, что стоявшій во главѣ Венгерскаго правительства Кошутъ и его ближайшіе сотрудники, имѣли такъ мало точныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи вещей, что нехотѣли вѣрить нашему вступленію въ Венгрію; или они старались обмануть сами себя! Когда Высоцкій донесъ правительству о бывшей у него стычкѣ съ нашими передовыми войсками, ему отвѣчали изъ Пешта: „Вы не разсмотрѣли, вы приняли австрійскихъ уланъ за русскихъ казаковъ!“

(**) Дембинскій участвовалъ съ войсками Понятовскаго во французской кампаніи; воротясь въ отечество въ 1815 году онъ принялъ живое участіе въ революціи 1831 года, сражаясь съ нами въ качествѣ польскаго генерала, затѣмъ эмигрировалъ въ Францію и занимался тамъ изученіемъ механики. Приглашенный Кошутомъ, Дембинскій подъ видомъ механика пріѣхалъ въ Венгрію.

(***) Изъ краткой біографіи Бема, помѣщенной въ изданіи Иверсона „медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей“ Спб. 1878, усматривается: Іосифъ Бемъ родился 1795. Въ 1812 году онъ вступилъ въ польскую конную—артиллерію и въ 1819 назначенъ преподавателемъ въ Варшавскую артиллерійскую школу, но въ 1825 году за вредное направленіе отставленъ отъ должности. Въ революцію 1830 года Бемъ въ чинѣ генерала командовалъ артиллеріею у поляковъ и послѣ взятія Варшавы бѣжалъ во Францію и агитировалъ какъ тамъ, такъ и въ Испаніи въ пользу Польши, а въ 1848 году и явился въ Галицію во время октябрскаго возстанія въ Вѣнѣ принялъ на себя командованіе въ ней революціонными войсками противъ Виндишгреца, но не выждавъ паденія Вѣны поролъ въ Венгрію гдѣ и принялъ начальство надъ войсками въ Трансильваніи гдѣ, прибавимъ отъ себя, былъ разбитъ нашими войсками. По окончаніи венгерской войны Бемъ бѣжалъ въ Турцію, принялъ Исламъ и подъ именемъ Амуратъ Паши занялъ важную должность, но по протесту Россіи и Австріи, посланъ венгерскими бѣглецами въ Алеппо, гдѣ подавилъ возстаніе Арабскихъ племенъ противъ [illegible]. Вскорѣ послѣ этого Бемъ умеръ.

поставившую насъ въ такое страдательное положеніе,—дѣлается все слышнѣе между нами. Что если мы всю кампанію пробудемъ въ вагенбургѣ? Будемъ печь хлѣбъ, сушить его въ сухари,—конвоировать транспорты, плѣнныхъ, содержать гарнизоны? нечего сказать: завидная доля!... Но всему есть предѣлъ: не оказалась вѣчною и наша стоянка въ Тилявѣ! наконецъ-то пришла жданная вѣсть: походъ, походъ! Все встрепенулось. Когда выступаемъ?—Спрашиваютъ, бѣгаютъ, кричатъ.—Сегодня. „Слава Богу, слава Богу!“—Куда?...—Представьте: *назадъ*—въ Дукло!....

общее наше съ турками вмѣшательство въ ихъ дѣла. Не тайна для насъ, что замыслы поляковъ распространяются на поднятіе противъ насъ и Украйны и даже казачества. Одною изъ лучшихъ иллюстрацій польскимъ замысламъ могутъ служить слѣдующія выдержки изъ письма къ Дембинскому, князя Адама Чарторыжскаго, этого импровизированнаго короля Польши, изъ Парижа, 5-го іюня, н. с., 1849 года.

„Генералъ. Я счастливъ, что вы доставили мнѣ случай выразить вамъ мой восторгъ и поздравленія по случаю благопріятнаго оборота венгерской войны, принятаго ею съ вашимъ прибытіемъ, а равно по случаю вашихъ,—столь значительныхъ побѣдъ. Приближается рѣшительный моментъ. Скажу больше, онъ насталъ—русскіе полки начинаютъ дѣйствовать за одно съ австрійцами. Будемъ молить о помощи Господа силъ, васъ генералъ, доселѣ неоставлявшаго, Господа, который, смѣю надѣяться, поведетъ васъ къ новымъ побѣдамъ, доколѣ вы не достигнете освобожденія нашей отчизны.

Страшусь только новыхъ ошибокъ и неповиновенія! Боюсь что вамъ не предоставятъ главное командованіе надъ арміею. Такимъ именно недоразумѣніямъ я приписываю продолжительное бездѣйствіе вашей арміи въ то драгоцѣнное время, когда силы непріятеля не были еще возстановлены, послѣ нанесенныхъ ему пораженій. Эта ошибка можетъ на далеко отодвинуть насъ отъ цѣли.

Я увѣренъ, генералъ, судя по обнародованному вами воззванію, что вы не переставали стремиться къ сближенію со славянами. Этого требуетъ справедливость; къ этому побуждаютъ собственные интересы Мадьяръ; въ этомъ сближеніи они должны видѣть свое обезпеченіе въ будущемъ, свой успѣхъ въ настоящемъ и возможность удачнаго отпора не измѣримымъ силамъ враговъ, силамъ все болѣе и болѣе возрастающимъ, силамъ, которыя даже при удачѣ, не могутъ быть сокрушены однимъ ударомъ.

Господинъ Кошутъ, надѣюсь, съ вами въ настоящую минуту, (сожалѣю, что раньше онъ не могъ быть у васъ) и объяснитъ вамъ желанія славянъ, обѣщающихъ произвесть энергическое возстаніе.

Если вы согласитесь немедленно приступить къ осуществленію этихъ желаній, вы окажете огромную услугу какъ Мадьярамъ, такъ и Польскому королевству. Справедливый, благородный и скромный образъ дѣйствій принесетъ Мадьярамъ, вслѣдъ за побѣдою,—европейскую славу и огромныя выгоды.

Вопросъ въ какую минуту и какимъ способомъ нашей отчизнѣ принять участіе въ наступающей борьбѣ? долженъ быть предметомъ вашего постояннаго размышленія.

Думаю, что Польшу, истерзанную столькими утратами,—скованную столькими бѣдствіями, необходимо, сколь возможно долѣе, оставить внѣ дѣйствія.

Эта мысль тѣсно связана съ мнѣніемъ выраженнымъ въ вашемъ письмѣ.

Пусть поляки воюютъ подъ венгерскими знаменами; но пусть королевство польское остается въ резервѣ до послѣдняго удара! и да не устроитъ оно своей собственной гибели частными востаніями, плохо подготовленными, возстаніями, всегда влекущими за собою, послѣ всякой новой неудачи, плачевныя послѣдствія для страны.

Существуетъ еще другой могущественный мотивъ, долженствующій удержать насъ отъ преждевременнаго возстанія. Мы знаемъ, что даже въ русскую армію заброшены сѣмена неудовольствія. Эти сѣмена уничтожатся безслѣдно если поляки возмутьтся слишкомъ рано. Въ настоящее время русскіе исключительно заняты венгерской войной и вотъ, съ увѣренностью можно сказать, что они не будутъ противодѣйствовать желаемому развитію помянутыхъ сѣмянъ. Надо дать имъ время—пустить ростки, окорениться.

Намъ необходимо дѣйствовать на провинціи подвластныя Россіи. Необходимо произвесть военную экспедицію въ Литву и на Украйну, прежде чѣмъ допустить инсурекцію самой страны. Поляки Кракова и Галиціи не должны подыматься пока ихъ провинціи не будутъ заняты венгерскими войсками. Но самый сильный способъ дѣйствія противу Россіи заключается

Г. Дукло. Іюнь.

12 Іюня мы выступили въ Дукло и стали частію бивакомъ подъ городомъ, частію заняли квартиры въ самомъ городѣ. Мнѣ, съ полковой канцеляріей и съ четырнадцатью казаками, состоявшими при полковомъ штабѣ нашемъ, отвели большую жидовскую корчму, въ которой помѣстились всѣ повозки нашего штаба и лошади: верховыя полковаго командира, наши собственныя, т. е. чиновъ и штаба, казачьи и всего обоза полковой канцеляріи.

Расположившись въ единственной чистой комнаткѣ корчмы, разложивъ свои вещи и устроивъ походную постель, —въ другой, большой общей комнатѣ помѣстивъ канцелярію и открывъ ея дѣйствіе, я, не смотря на палящій зной, отправился завтракать къ батарейному командиру, капитану Воронкову, куда были приглашены многіе мои товарищи и офицеры батареи нашего хозяина. Тутъ мы бражничали часа три, плотно закусили, хорошо выпили отличнаго венгерскаго вина и за тѣмъ пошли всѣмъ обществомъ побродить по городу. Идемъ изъ улицы въ улицу, какъ выйдя на одну, видимъ: улицу намъ преграждаетъ большее зданіе, по наружному виду корчма, съ деревянной крышей... невольно какъ-то остановились, смотримъ— крыша этого зданія *горитъ* какъ свѣча, пламенемъ почти безъ дыма и никто, кромѣ насъ, этого не замѣчаетъ!.. Еще мгновеніе и я, съ ужасомъ, *узналъ* что горящее зданіе—это та именно корчма, въ которой я такъ комфортабельно размѣстился сегодня съ обозомъ полковаго штаба!... броситься къ ней, ударомъ ноги распахнуть ея ворота, вскочить въ пылающее зданіе и закричавъ какимъ то нечеловѣческимъ голосомъ: „пожаръ, горимъ, спасайтесь!“ и въ тоже время начать хлестать нагайкой привязанныхъ лошадей—было дѣломъ одного мгновенья. На мой отчаянный крикъ выскочили казаки, писаря, вѣстовые, кучера, началась неописанная суматоха; испуганныя мною лошади сорвались съ привязей и чего почти никогда въ подобныхъ случаяхъ не бываетъ, выбѣжали, какъ бѣшеныя, изъ сарая.

Крыша во многихъ мѣстахъ уже прогорѣла; ея горящія части валились во внутрь зданія, но дружными усиліями людей, всѣ повозки мигомъ были выкачены на улицу,—писаря, кто развернулъ уже свои *дѣла*, потащилъ ихъ скомканными, въ сукнѣ, обыкновенно покрывающемъ писарской

въ организаціи экспедиціи на Кавказъ. Имѣйте въ виду, что русскіе офицеры изъ Поляковъ служившіе въ войскахъ противу васъ идущихъ; также какъ и офицеры изъ Литвиновъ, при началѣ настоящей кампаніи отправлены русскимъ правительствомъ въ кавказскія войска.

Вотъ тамъ то должно произойти у васъ сближеніе съ казаками.

Необходимо чтобы почва была подготовлена польскими офицерами. Необходимо чтобы тамъ воцарился польскій духъ. Необходимы денежные фонды, чтобы имѣть армію, солдатъ, офицеровъ, чтобы были средства дѣлать походъ. Мадьяры, будучи руководимы собственными интересами, могутъ доставить необходимый фондъ. Вы уже позаботились объ этомъ, генералъ и говорите что подъ вашу росписку уже отпущено около 10 милліоновъ. Эта сумма будетъ употреблена на важнѣйшія потребности войны, но примѣрно, два-три милліона должны быть предназначены на приготовленія къ эспедиціи, которая должна предшествовать возстанію Польши, долженствующему произойти непремѣнно“.

столъ.... Тутъ я вспомнилъ, что уходя изъ квартиры, положилъ подъ подушку своей постели, свою походную кожанную сумку и въ ней 50 полуимперіаловъ, все свое богатство... Бѣгу къ своей комнатѣ—она уже въ огнѣ! Кричу: „Русановъ, Русановъ!“ такъ зовутъ моего деньщика... вижу онъ пробѣгаетъ сквозь огонь... „А деньги мои? Русановъ!“ —На мнѣ,— кричитъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, махнувъ рукой и тащитъ вмѣстѣ съ вѣстовымъ завернутые въ коверъ мои походные пожитки. „Ну, слава Богу!“ Такимъ образомъ благодаря испытанной честности моего стараго деньщика Терентія Русанова, для меня лично, этотъ пожаръ кончился ничѣмъ, а для города Дукло, пожаръ этотъ начавшійся съ занятой мною корчмы, и происшедшій, какъ говорили одни, отъ *трубочки* казаковъ расположившихся на сѣновалѣ, а какъ утверждали другіе отъ поджога, кончился крайне плачевно—почти весь городъ сгорѣлъ.

Докрайности быстрому распространенію огня способствовала скученность построекъ,—чрезвычайная сушь, неимѣніе пожарной команды и огнегасительныхъ инструментовъ, наконецъ множество винныхъ складовъ бывшихъ въ городѣ. Пожаръ угрожалъ зданіямъ занятымъ нашими провіантскими, комисаріатскими и даже артиллерійскими складами. Уже загорались крыши нѣкоторыхъ изъ этихъ зданій, но мы отстояли свое добро: наши офицеры и солдаты обгорали, но, въ какомъ то дикомъ увлеченіи, боролись съ разрушительной стихіей и вышли побѣдителями. За то австрійскіе солдаты дѣйствовали иначе. Они, или побуждаемые еврейскими подачками, спеціально занимались спасеніемъ жидовскаго имущества или, пользуясь общей суматохой, тащили что попало на свой бивакъ. Тутъ-то и произошли первыя непріятныя столкновенія у нашихъ офицеровъ съ австрійцами: отчасти были даже пущены въ ходъ нагайки, а нѣсколь кочеловѣкъ арестовано съ награбленнымъ добромъ и приведено въ нашъ лагерь. Конечно на другой день всю эту исторію постарались потушить, арестованныхъ отдали ихъ начальству, о расправѣ нагайками заговорили было, но замолчали, а все таки черная кошка уже пробѣжала между нами и нашими союзниками. Пожаръ совершенно прекратился только къ утру. Измученные до чрезвычайности мы отдохнули уже на бивакѣ, разбитомъ ввиду города. Что же касается до самаго города, то въ немъ оставаться было невозможно. Уцелѣвшія отъ пожара зданія были переполнены всевозможнымъ народомъ, кромѣ жителей, большинство которыхъ тоже бивакировало. На улицахъ людно, какъ на рынкѣ: тутъ толкались и состоящіе въ госпиталяхъ, и люди проходящихъ командъ, и погонцы, и чиновники разныхъ военныхъ вѣдомствъ, и разнообразный людъ, обыкновенно слѣдующій за арміей, и жиды, жиды, и жиды....

Отъ тѣсноты помѣщеній, отъ многолюдства, отъ зловредныхъ міазмъ образовавшихся отъ неуборки нечистотъ и гніенія сгорѣвшаго скота, подъ палящимъ дневнымъ зноемъ, наконецъ отъ холодныхъ ночей, смѣняющихъ здѣсь жаркіе дни, стали появляться довольно сильные *холерные* припад-

ки. Сохрани Богъ, если въ настоящую кампанію разовьется холера! Много, о много лишнихъ жертвъ зароемъ тогда въ венгерскую землю!

Въ слѣдствіе ли пожара или того что жители Дукло преимущественно евреи, исключительно занимающіеся торговлей венгерскимъ виномъ, мы терпимъ здѣсь крайній недостатокъ во всемъ необходимомъ. Не говоримъ уже что нельзя купить сахару, сигаръ, табаку, бумаги,—не гдѣ пообѣдать,—не гдѣ купить бѣлаго хлѣба, а если что и можно достать, то буквально *цѣною злата*! Во первыхъ приходилось дорого платить; во вторыхъ, со своихъ новенькихъ такихъ хорошенькихъ полуимперіаловъ, мы получали отъ жидовъ, въ рукахъ которыхъ вся здѣшняя торговля сдачу, или такими истертыми цванцигерами, что на нихъ невозможно было отличить знаковъ, или, чаще всего, рваными австрійскими бумажками, возбуждающими и досаду и смѣхъ. Да и какъ не смѣяться, когда вамъ выдаютъ, напримѣръ вмѣсто гульдена, ассигнацію соотвѣтствующую этой цѣнности, *разорванную на четыре* равныя *части*. Это, извольте видѣть, австрійское правительство почувствовавшее, во время революціи недостатокъ въ мелкой монетѣ, дозволило разрывать ассигнаціи, равнявшіяся одному гульдену на четыре равныя части, съ тѣмъ, что каждая изъ такорыхъ шла бы за 15 крейцеровъ.....

18 Іюня, м. Грабъ.

Войска наши, перейдя Карпаты и отдохнувъ нѣсколько дней послѣ форсированныхъ маршей, что было не по вкусу очень многимъ, доказывавшимъ необходимость суворовскихъ безустанныхъ походовъ, если желать успѣховъ быстрыхъ и рѣшительныхъ; при чемъ обезпечили себя продовольствіемъ и сблизили свои запасы, двинулись наконецъ впередъ. 14 Іюня главная квартира выступила изъ Кашау, а 16 Іюня и мы изъ Дукло.

Нашъ путь въ Кашау не тотъ, которымъ я ѣздилъ въ Венгрію, по шоссе на Барвинокъ, а западнѣе его, черезъ другой карпатскій перевалъ,— на Грабъ.

Въ м. Змигродѣ мы должны взять подъ свою охрану нѣсколько милліоновъ рублей золотомъ и серебромъ и конвоировать ихъ, впредь до приказанія. Двинулись. Первый переходъ небольшой. Солдаты шли весело. На первомъ же привалѣ отрядъ построили въ каре и прочли ему слѣдующій приказъ генералъ-фельдмаршала:

„Государь Императоръ осчастливилъ насъ милостивымъ словомъ своимъ, изъявивъ въ приказѣ 1 Іюня увѣренность, что мы побѣдимъ мятежъ въ сопредѣльномъ намъ дружественномъ государствѣ.

Настала минута исполнить волю Государя, и мы исполнимъ ее. Мы стоимъ теперь на рубежѣ Венгріи и отдѣляемся отъ крамольниковъ только хребтомъ Карпатовъ. Завтра и того рубежа не будетъ между нами.

Идемъ товарищи! и каждый изъ насъ долженъ быть убѣжденъ, что сдѣлавши шагъ впередъ—не пойдемъ назадъ.

Съ нами Богъ!“.

Раздалось громкое „ура!“ Восторгъ былъ общій. Странно: каждый вѣдь зналъ, что завтра карпатскій хребетъ будетъ за нами, но прочли это торжественное объявленіе, говорящее о томъ же и какъ бы какое-то новое, радостное чувство хлынуло въ душу!

Мы ночевали въ дрянномъ мѣстечкѣ Змигродѣ, раскинутомъ на равнинѣ, у подошвы горнаго хребта. На этой равнинѣ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ нашимъ войскамъ. Сохранились слѣды этого смотра: кругомъ потоптанныя поля и луга,—дозрѣвавшій хлѣбъ, скошенный нашими войсками,—множество деревьевъ и въ томъ числѣ и фруктовыхъ срублено. Но жители не ропщутъ: Государь за *все* заплатилъ по Царски, пожаловавъ владѣльцамъ потоптанныхъ земель, по оцѣнкѣ понесенныхъ убытковъ сдѣланной самими владѣльцами—5400 руб. сер.

За Змигродомъ природа рѣзко измѣнилась: передъ нами вставалъ уже настоящій Карпатскій хребетъ. Потянулись живописнѣйшіе виды. Необыкновенно красивыя горы, поросшія лѣсомъ, загромоздили горизонтъ; вступивъ въ ихъ среду, мы спускались съ одной горы, чтобы подняться на другую, болѣе высокую и такъ казалось, до безконечности; порою мы входили въ облако, какъ въ густой туманъ и все окружающее скрывалось отъ насъ, но вотъ мы миновали облако, оно оказалось ползущимъ подъ наш

ми ногами, изорванное въ лохмотья и цѣпляющееся за верхушки вѣковыхъ деревъ, по ребрамъ выступающихъ изъ лѣсной чащи утесовъ;—то тамъ, то сямъ сверкаютъ тысячами лучей горные ручьи, то бѣшено несущіеся по каменистому ложу, то образующіе каскады и водопады.

Въ горныхъ ручьяхъ этихъ водится форель, въ лѣсахъ, покрывающихъ горы разный звѣрь и главное—медвѣдь.

Жители горъ, Русняки, также бѣдны, какъ и обитатели предгорій; также и здѣсь народъ, въ настоящее время чуть не умираетъ съ голоду. Жилища здѣсь тоже на манеръ русскихъ избъ—бревенчатыя. Тесовая или гонтовая крыша большихъ размѣровъ, обыкновенно покрываетъ и жилье хозяина и всѣ его службы. Жилье собственно—курная изба, впрочемъ довольно высокая, отчего при топкѣ, дымъ не стелется до самаго полу, какъ въ нашихъ избахъ—„по черному“; жилье обыкновенно хорошо освѣщено большими, красными окнами со стеклами. Замѣчательно: въ избѣ не держатъ иконъ. Отчего? говорятъ: не хорошо держать ихъ въ курной избѣ, въ дыму и копоти, а потому иконы помѣщаются надъ дверями, снаружи дома.

Съ горы на гору, мы прошли до 20 верстъ отъ Змигрода и увидѣли предъ собою маленькое мѣстечко Грабъ, границу Венгріи.

Нѣсколько избъ; большое каменное зданіе таможни; два-три дома таможенныхъ чиновниковъ, да разоренная корчма, вотъ и все мѣстечко. Въ полуверстѣ впереди, на холмѣ, у шоссе, виднѣется каменный, пограничный столбъ.

До м. Граба Государь Императоръ изволилъ провожать войска; тутъ Онъ еще разъ простился съ ними, откушалъ съ генералами у управляющаго таможнею, при чемъ пожаловалъ орденъ св. Анны 3 степени *съ бантомъ*, австрійскому оберъ-лейтенанту, постоянно стоявшему здѣсь съ ротою и неоднократно прогонявшему незначительныя шайки инсургентовъ, покушавшихся пощипать австрійскую таможню;—простился съ генералами, особенно съ фельдмаршаломъ и наконецъ, еще разъ благословивъ Великаго Князя Константина Николаевича, оставилъ Царевича на опытѣ изучать кровавое искусство брани.

Съ сердечнымъ трепетомъ я переступилъ Венгерскую границу!.....

26 Іюня, Г. Кашау.

Наконецъ-то можно спокойнымъ взоромъ окинуть прожитое время, со дня перехода Венгерской границы, потому что здѣсь, къ нашему горю и въ разрушеніе нашихъ радужныхъ надеждъ, намъ прійдется долго стоять гарнизономъ и нести несносную караульную службу, тогда какъ наши товарищи, что впереди, будутъ пожинать лавры.

16 Іюня мы выступили изъ Дукло въ составѣ 6 ротъ Камчатскаго полка съ легкой № 5 батареей, 11 артиллерійской бригады.

Оставивъ за собою разрушенное м. Грабъ, мы недолго уже тянулись къ облакамъ, пока не достигли гребня перевала черезъ Карпаты, оттуда и спустились словно въ глубокую пропасть, въ поляну, лежащую у подошвы хребта, черезъ который переваливали. Тутъ мы ночевали въ д. Полянка.

Такого утомительнаго перехода, никто изъ насъ, не служившихъ на Кавказѣ, не запомнитъ. Дорога наша подымалась почти на отвѣсныя высоты. Стоялъ невыносимый зной. Отъ зноя и крутизны подъема особенно тяжелаго солдату навьюченному ружьемъ, ранцомъ, патронами, сухарями и пр., люди падали десятками. Трудность подъема усилилась по милости слѣдовавшаго съ нами большаго обоза и артиллеріи. Неудобная конструкція нашихъ неуклюжихъ полуфурковъ и патронныхъ ящиковъ— безсиліе лошадей сдерживать ихъ при подъемахъ на почти отвѣсныя высоты, было причиною паденія многихъ изъ повозокъ въ боковыя шоссейныя канавы и скатываніе нѣкоторыхъ обратно, подъ гору. Вытаскивать упавшія повозки приходилось солдатами, употреблявшими чрезвычайныя усилія, а потому, во избѣжаніе частыхъ повтореній подобныхъ случаевъ, неизбѣжныхъ при подъемѣ повозокъ лошадьми, рѣшили: повозки, патронные ящики и артиллерію поднять до перевала исключительно людьми. Много было потрачено солдатскихъ силъ на этотъ подъемъ по горамъ, подъ лучами палящаго солнца, подъ заунывный мотивъ „дубинушки“. По счастію, добравшись до половины подъема, мы очутились въ великолѣпномъ лѣсу, подъ прохладною тѣнью котораго и сдѣлали продолжительный привалъ. Вторую часть перевала, т. е. спускъ съ горъ, хотя мы и дѣлали съ обновленными силами, но онъ представилъ немаловажныя трудности другаго рода—пришлось спускать съ горъ опять таки людьми и обозъ, и патронные ящики, и артиллерію.

Что до меня,—жажда замучила: утомленная каской, разболѣлась голова, а снимешь каску чтобы освѣжиться, солнце будто прожигаетъ черепъ... Измученный конь еле двигается... Казалось—не будетъ конца этому мученью! Но вотъ, вдали, подъ горою, группа хорошенькихъ зданій, такъ и сіяющихъ на солнцѣ, словно отлитыя изъ серебра. Будто прибавилось силъ. Живѣе сдѣлалось движеніе отряда. Нагайка начала похлестывать чаще и конь прибавилъ шагу. Голова будто перестала болѣть и жажда словно уменьшилась... Издали мы въ группѣ показавшихся домовъ различили постоялые дворы, корчмы—тѣмъ лучше. Наконецъ то мы приблизились къ

желаннымъ зданіямъ и...—о Боже! что мы увидѣли!.. Такъ вотъ какія встрѣчи ждутъ насъ въ этой обѣтованной странѣ... Дома безъ оконъ; стѣны закоптѣли отъ костровъ и снаружи и внутри зданій; полы взломаны, вѣроятно искателями поживы, печи разбиты, нигдѣ живаго существа, кромѣ кошки, тоскливо мяукающей на крышѣ... Заглянули въ колодцы—они завалены мусоромъ и всякою дрянью...

Подобныя картины намъ часто потомъ встрѣчались до самого г. Кашау, на мѣстности, которая была *охраняема*" вольными и неподлеглыми" воинами генерала Дембинскаго, имѣвшаго задачей удержать насъ при переходѣ Карпатъ, къ чему онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ никакой попытки. Вообще край по которому намъ предстояло слѣдовать сильно пострадалъ отъ войны. Здѣсь, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Венгры гнали Австрійцевъ не щадившихъ страны ими покидаемой. Затѣмъ толпы инсургентовъ, безъ дисциплины и порядка, бродили здѣсь, то производя наборъ, то собирая продовольствіе какъ для арміи, такъ и для своего существованія,—то требуя средствъ передвиженія съ одного мѣста на другое. Навѣрное знаемъ, что мѣстные жители терпѣли несравненно больше отъ своихъ непрошенныхъ защитниковъ и покровителей, чѣмъ, напримѣръ отъ насъ, русскихъ, хотя Кошутъ во множествѣ своихъ рѣчей и въ прокламаціяхъ къ народу, провозглашаетъ насъ, русскихъ, чуть не каннибалами (*)!

Доказательствомъ лежащая предъ нами д. Полянка, до которой мы наконецъ добрались. Не говоримъ уже, что здѣсь такое же разрушеніе, какъ и въ тѣхъ корчмахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, этого мало: инсургенты увели съ собою, разумѣется насильно всю деревенскую молодежь, а мѣстнаго Войта, (старосту) сожгли живаго, за какое то неповинованіе!

Въ м. Змигродѣ къ намъ присоединилась, бывшая тамъ въ караулѣ, 4 карабинерная рота нашего полка и согласно предписанія завѣдующаго

(*) По словамъ Ballaidier (Histoire de la guerre de Hongrie en 1848—49. Paris. 1853. стр. 169), Кошутъ разрисовалъ насъ Венгерцамъ самыми мрачными красками. Онъ представилъ фельдмаршала Паскевича ни чѣмъ инымъ, какъ атаманомъ грабителей, каждый шагъ которыхъ ознаменуется кровью и пожарами, убійствомъ и разбоемъ, разрушеніемъ и отчаяніемъ.

Вообще манеры пугать нами жителей тѣхъ мѣстностей, которыя намъ предстояло занять или только приходить, практиковалось съ первыхъ моментовъ вступленія нашего въ австрійскіе предѣлы. Въ виду этого обстоятельства въ Львовской газетѣ „Зоря Галицка", 7/19 мая 1849 (739) появилась передовая статья, въ которой читаемъ:

„Насъ увѣдомляютъ, что злонамѣренные люди всѣми силами стараются возмущать народъ въ селахъ, увѣряя его будто бы русское войско съ тѣмъ вступило въ нашъ край чтобы его присоединить къ Россіи, а поселянъ принудить снова несть барщину. Люди распускающіе въ народѣ такіе лживые слухи, тѣже самые что на выборахъ, а съ того времени во всѣхъ важныхъ случаяхъ, представлявшихся въ нашей странѣ, туманили и мутили народъ. Надѣемся что нашъ народъ успѣлъ основательно изучить этихъ людей и больше имъ ни въ чемъ не повѣритъ. Можемъ удостовѣрить нашихъ согражданъ, что русскіе пришли сохраняя пріязнь къ нашему краю, черезъ который они только *проходятъ* въ Венгрію, чтобы помочь нашему войску потушить венгерскій мятежъ, гдѣ дѣло такъ далеко зашло, что Мадьяры постановили совершенно отложиться отъ Австріи и отъ Императорскаго Дома и, или образовать у себя республику, или поставить въ короли кого либо другаго вмѣсто царствующаго Государя. Что русскіе и помогаютъ нашимъ сдѣлать Венгровъ послушными. Наконецъ надлежитъ обратить вниманіе, что въ Венгріи собралось множество поляковъ (говорятъ до 30000), которые имѣютъ намѣреніе вести войну въ наши предѣлы и затѣмъ перенесть вѣ Царство Польское. Чтобы предупредить такое намѣреніе и двигаются русскія войска въ Венгрію",

продовольственною частью арміи Сенатора, генералъ лейтенанта, барона Ренне, мы приняли подъ свою охрану, для препровожденія въ главную квартиру, вышеупомянутый транспортъ золотой и серебряной монеты.

Второй и третій переходы оказались несравненно менѣе гористы, но все таки изобиловали величественными и живописными картинами. Солдаты идутъ веселѣе, какъ потому что на сѣверной сторонѣ горъ, за переваломъ чрезъ высшій кряжъ Карпатъ, зной не такъ великъ, какъ до перевала, такъ и потому, что меньше было возни съ обозами. Солдаты бывавшіе на Кавказѣ и молчавшіе въ первый день движенія по Карпатамъ, теперь заговорили,—начали разсказывать всякія небылицы про свой „Кавказъ“, подсмѣиваясь и надъ нашими обозными лошадьми, и надъ самыми Карпатами, которыя, по ихъ словамъ: „и въ подметки Кавказу не годятся, также какъ Венгерцы-Черкесамъ“.

—„Одно ужь то, понимай братцы, говорили бывалые, что разѣ такъ по Кавказу пойдешь, какъ здѣсь идемъ, да еще—вона съ какими обозами? Нѣтъ, тамъ и людей перебили бы, и обозы черкесскихъ рукъ не миновали бы“!

И то сказать: удивляться надо съ какой безпечностью мы переходили Карпаты, надо замѣтить, ни разу еще не разбивъ непріятеля и въ точности не зная даже его силъ! Транспорты съ продовольственными припасами или со снарядами, иногда въ 150, въ 200 повозокъ русскихъ извощиковъ, или даже мѣстныхъ жителей, двигались сотни верстъ по непріятельской землѣ, съ 5—10 конвойными, подъ командою унтеръ-офицера, рѣдко—офицера. Войско шло въ заранѣе опредѣленномъ направленіи, по предварительно составленнымъ маршрутамъ, слѣдовательно ни для кого не составлявшимъ тайны,—не освѣщая впереди себя и вокругъ мѣстности кавалеріею, которую фельдмаршалъ Паскевичъ считалъ даже *безполезною* при переходѣ черезъ горы, что прямо было выражено начальникомъ главнаго штаба дѣйс. арміи княземъ Горчаковымъ, въ предписаніи генералъ лейтен. Зассу (4 іюня 1849 № 45), оставляя въ окрестностяхъ Дукло 2 бригаду 4 легкой кавалер. дивизіи съ ея артиллеріею, равно какъ 1 бригаду 2 легкой кавалерійс. дивизіи, тоже съ ея артиллеріею. Мы шли точно по Россіи. Казалось, мы можемъ наткнуться на засады,—подвергаться нечаяннымъ нападеніямъ, особенно по ночамъ;—казалось—одиночные люди, транспорты, обозы должны бы исчезать у насъ во множествѣ. Между тѣмъ во всю кампанію не было сдѣлано на наше войско ни одного нечаяннаго нападенія, не отбито у насъ ни одной обозной повозки, ни одного куля муки. Надо полагать, что причиною такого бездѣйствія инсургентовъ было несочувствіе мѣстныхъ жителей венгерскому дѣлу, и въ слѣдствіе того совершенная невозможность встрѣтить насъ, при первыхъ же нашихъ шагахъ въ Карпаты—народною войной. Напротивъ жители принимали насъ радушно, какъ бы сочувственно. Когда мы, передъ вечеромъ 18 іюня, стали подходить къ м. Зборо, красиво раскинутому въ небольшой долинѣ, при входѣ

въ живописное ущелье, обставленнее подоблачными великанами, жители принесли продавать намъ сыръ, превосходную сливовицу, (водка выгнанная изъ сливъ), съ высокими достоинствами которой мы тутъ впервые познакомились,—пироги со сливами, огурцы. Плату здѣсь за все брали съ насъ самую умѣренную и на своемъ словакскомъ нарѣчіи, хотя и славянскаго корня, но весьма мало намъ понятномъ, старались высказать свое доброе къ намъ расположеніе.

На одной изъ самыхъ высокихъ горъ, ограняющихъ занятую нами долину, возвышаются грандіозныя развалины древняго замка. Нашелся между пришедшими поглазѣть на насъ жителями Зборо, старикъ, который объяснилъ, что это развалины замка принадлежавшаго Ракочи здѣсь жившему во время послѣдней своей войны съ императоромъ и что Ракочи отправляясь въ этотъ походъ, скоропостижно умеръ верстахъ въ 4-хъ отъ этого замка. (*) На мѣстѣ этой внезапной смерти знаменитаго воина, воздвигнутъ каменный столбъ, который мы и осматривали на другой день. На этомъ столбѣ доселѣ сохранилась грубо изсѣченное изображеніе рыцаря въ доспѣхахъ и слѣды надписи, которую уже невозможно разобрать.

Не смотря на усталость послѣ утомительнаго перехода, по горамъ, мы таки взобрались въ самый замокъ. Къ нему нѣтъ ни дороги, ни тропинки. Утесъ составляющій подножіе замка покрытъ крупнымъ, густымъ лѣсомъ. Въ замкѣ множество полуразрушенныхъ стѣнъ съ бойницами,—ходовъ и переходовъ,—подземелій со сводами,—помѣщеній видимо бывшихъ блиндированными,—потайныхъ выходовъ,—строеній бывшихъ жилыми,—но все это болѣе чѣмъ полуразрушено временемъ. Во многихъ мѣстахъ, внутри замковыхъ строеній, ростутъ чуть ли невѣковыя деревья. Съ замковыхъ стѣнъ открывается восхитительная панорама горъ то обнаженныхъ, то покрытыхъ лѣсомъ, прорѣзанныхъ долинами съ сверкающими по нимъ извилистыми рѣчками,—словомъ открывается картина неописанной красоты. Заходившее солнце своею прихотливою и могучею кистью какъ бы дорисовывало эту картину предъ нами, почти ежеминутно накладывая новыя свѣтотѣни на ту или другую изъ ея грандіозныхъ частей и тѣмъ измѣняя колоритъ цѣлаго.

Тѣмъ, что мы видѣли, мы вполнѣ были вознаграждены за трудъ подъема на высокое и утесистое подножіе развалинъ Ракочіева замка. Спустившись къ биваку мы, съ радостью, нашли случайно подъѣхавшаго маркитанта, съ большимъ запасомъ всякой съѣстной и питейной всячины, быстро разбиравшейся нашими проголодавшимися товарищами. Съ помощью маркитантской провизіи, мы, у бивачнаго костра, состряпали ужинъ на славу и запили его австрійскимъ виномъ съ водою взятою изъ сосѣдняго источника,

(*) По всей вѣроятности эта легенда относитсь до Ракочи стоявшаго во главѣ конфедераціи противъ Австріи въ 1671 году т. е. отца знаменитаго Ракочи князя Венгерскаго и [illegible]скаго, Франца II Леопольда, союзника императора Петра I, искавшаго польскаго

очень вкусною, кисловатою и кипѣвшею въ стаканѣ, какъ только что откупоренная бутылка сельтерской воды. Солдаты попивая эту шипучую воду, увѣряли, что здѣсь „такая уже страна, *бунтующая!* Не только жители бунтуютъ, говорили они, но даже вода!“

Въ Зборо къ намъ присоединилиеь наши два Камчатскіе баталіона, остававшіеся въ отрядѣ нашего начальника дивизіи генер. лейт. Бѣлогужева, который имѣлъ назначеніемъ содержать въ повиновеніи окрестную страну, впрочемъ, кажется и не воображавшую выходить изъ повиновенія къ намъ. Отрядъ Бѣлогужева, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, во все время своей миссіи имѣлъ съ инсургентами одно только вышеуказанное столкновеніе посредствомъ казачьяго разъѣзда и то, въ сущности, ничтожное. Но отрядъ этотъ, при всѣхъ своихъ передвиженьяхъ былъ въ полной готовности встрѣтить непріятеля грудью, хотя готовность эта и не выражалась тѣми воинскими предосторожностями, которыя указываются элементарными правилами военной науки, обыкновенно, обезпечивая войску спокойную стоянку и таковое же передвиженіе. Готовность эта въ отрядѣ Бѣлогужева имѣла совершенно особенный характеръ, а потому однажды и поставила отрядъ въ комическое положеніе.

Вотъ этотъ случай. Во время одного изъ переходовъ, на горизонтѣ было замѣтно какое то движеніе. Кто то доложилъ объ этомъ начальнику отряда. Генералъ Бѣлогужевъ, начальникъ нашего отряда, почтенный, честный старикъ, добрый человѣкъ, но уже слишкомъ устарѣлый и, за шагистикой, за пригонкой трынчиковъ и рѣмешковъ совершенно забывшій боевую практику, при томъ по природѣ своей до крайности суетливый, наконецъ, какъ огня боящійся всякой отвѣтственности (*). Обладая таки-

(*) Александръ Николаевичъ Бѣлогужевъ, сибирякъ родомъ, умеръ въ Петербуртѣ, членомъ капитула Императорскихъ и Царскихъ орденовъ. Покойникъ великимъ былъ оригиналомъ. Дослужившись до чина генералъ лейтенанта, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго образованія, даже писалъ по старинному, напримѣръ изображая букву *в*—буквою *п*, подчеркнутою внизу и тому подобное. Что же касается до правописанія, то законы таковаго ему на столько были извѣстны, что онъ до конца дней своихъ дѣлалъ ошибку въ собственной фамиліи ставя въ ней букву *е*, а не *ѣ*, какъ бы слѣдовало. Въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый получившій какой либо орденъ въ періодъ времени съ 1852 по 1870 годъ, заглянувъ въ грамоту выданную ему на таковой орденъ. По поводу этой *ошибки* въ фамиліи Бѣлогужева произошелъ однажды куріозъ. Какъ то, бывшій въ большой фаворѣ у Бѣлогужева, старшій дивизіонный адъютантъ капитанъ Мешетичь, при докладѣ, попробовалъ было, шуточкой, объяснить генералу, что надлежало бы устранить изъ его фамиліи неправильно забравшуюся туда букву, замѣнивъ ее имѣющею несомнѣнное право на таковую честь, буквою Ѣ. Такъ, вѣдь, Бѣлогужевъ какъ разсердился! Какъ прикрикнулъ на Мешетича! „Я, сударь, 40 лѣтъ, (это было въ 1850 году) офицеръ своему Государю;—такъ я всегда подписывалъ свою фамилію, не рѣдко на донесеніяхъ до Его Величества доходившихъ, не мѣнять же мнѣ эту подпись въ угоду какому нибудь молокососу“!

Много разсказывали странностей про Бѣлогужева, напримѣръ, увѣряли, будто онъ, по послѣдней своей должности бывшій въ необходимости часто участвовать въ различныхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, никогда фактически не употреблялъ носоваго платка, (хотя и имѣлъ его при себѣ—для формы), а всегда *обходился собственными пальцами*!

Разсказывали, будто не болѣе какъ за два, за три года до кончины, онъ сталъ ложиться спать *раздѣвшись* и то только уступивъ настоянію своего доктора, а до того всегда спалъ *въ штанахъ*. Удивлявшимся пріятелямъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „кто его знаетъ? вдругъ тревогу ударятъ, штановъ надѣть и не успѣешь“!

Корпуснымъ командиромъ былъ у насъ, одно время, извѣстный баронъ Димитрій Ero-

ни не совсѣмъ на войнѣ удобными для военачальника качествами, генералъ Бѣлогужевъ, съ момента перехода венгерской границы не разставался съ огромной, выдвижной, подзорной трубой, безпрестанно обозрѣвая окрестность вѣроятно ежеминутно думая открыть непріятеля, съ одной стороны забывая при этомъ, что по этому пути прошли уже наши войска, а съ другой, что для открытія непріятеля надежнѣе и цѣлесообразнѣе употреблять состоявшихъ при отрядѣ гусаръ и казаковъ, чѣмъ подзорную трубу!

Вотъ въ эту то подзорную трубу и началъ Бѣлогужевъ расматривать происходившее на горизонтѣ движеніе, когда ему о таковомъ доложили и послѣ долгихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что это наступаютъ венгерцы. Тотчасъ ударили тревогу, подняли находившійся на привалѣ отрядъ, артиллерію поставили на позицію, даже фители приказали зажечь— пѣхоту построили въ боевой порядокъ и гусаръ на полныхъ рысяхъ послали впередъ, для открытія непріятеля. Бѣлогужевъ изъ себя выходилъ,— метался во всѣ стороны, распекалъ, бранился, кричалъ. словомъ—готовился къ дѣлу, и .....о разочарованіе! вмѣсто наступающаго непріятеля, оказалось большее стадо барановъ и воловъ!...

19 Іюня мы пришли въ г. Бартфельдъ, (Бартфа—по Венгерски; Бардіова—по Словацки).

Насъ очень интересовалъ первый на нашемъ пути венгерскій городъ, только нѣсколько дней какъ доставшійся въ наши руки.

фѣевичъ Остенъ Сакенъ, (впослѣдствіи графъ-начальникъ Севастопольскаго гарнизона]. Сакенъ очень недолюбливалъ Бѣлогужева и старался сбыть его изъ своего корпуса, разумѣется съ почетомъ, на который онъ пріобрѣлъ право долголѣтнею службою. Представился удобный случай—Царскій смотръ подъ Луцкомъ, въ 1851 году. Предполагалось что Государь будетъ доволенъ корпусомъ, слѣдовательно возможно ожидать милостей начальствующимъ лицамъ. Такъ и было дѣло поведено Димитріемъ Ерофѣевичемъ Послѣ смотра, которымъ Николай Павловичъ былъ вполнѣ доволенъ, Государь изволилъ кушать въ особо выстроенной, по распоряженію Сакена, столовой залѣ, при доминѣ доктора Гакеля, въ которомъ изволилъ имѣть пребываніе Государь Императоръ. За обѣдомъ, видя Государя въ отличномъ расположеніи духа, Сакенъ осмѣлился просить позволенія Государя представить Его Величеству, рѣдкость которая несомнѣнно удивитъ Его своею необычайностью.

„Очень радъ, отвѣчалъ Государь, что же это такое можетъ быть"?

— Позвольте, Государь, представить Вамъ; вашего генерала, который два раза былъ въ Парижѣ и ни разу не былъ въ Петербургѣ.

„Можетъ ли это быть? Кто же это такой?"

— Генералъ Бѣлогужевъ.

„Бѣлогужевъ! Неужели правда"? спрашивалъ Государь.

— Точно такъ, правда, Ваше Величество!

„Но какже это могло случится?"

— Въ Парижъ, первый разъ, докладывалъ Бѣлогужевъ, я прошелъ съ полкомъ, походомъ, прямо изъ Сибири, гдѣ поступилъ на службу; второй разъ я вступилъ въ Парижъ съ войсками послѣ 1815 года; въ Петербургъ же надо было нарочно ѣхать, отпускъ брать, а я, въ всю сорокалѣтнюю службу ниразу въ отпускахъ не бывалъ, Ваше Величество!

„Ну, заключилъ Государь, ты дѣйствительная рѣдкость! Такъ Я же тебѣ Самъ покажу Петербургъ!"

И вотъ немедленно, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, послѣдовалъ приказъ о назначеніи ген. лейт. Бѣлогужева членомъ капитула орденовъ. Старикъ доконца дней проблаженствовалъ въ этой должности, благословляя свою судьбу; да и какъ было не благословлять [illegible] Бѣлогужевъ имѣлъ отличную, роскошно меблированную казенную квартиру, большее [illegible] даже придворный экипажъ. Будучи холостымъ и одинокимъ Бѣлогужевъ былъ вполнѣ [illegible] имѣлъ возможность хотя на склонѣ дней своихъ пріютить у себя и содержать [illegible] его роднаго брата, не имѣвшее обезпеченныхъ средствъ существованія.

Первый налетѣлъ на Бартфельдъ лихой полковникъ конной артиллеріи Степанъ Александровичъ Хрулевъ, (*) съ 50-ю казаками, входившими въ составъ передоваго отряда, которымъ онъ командовалъ. Венгерцы при этомъ налетѣ быстро отступили, покинувъ городъ,— бывшій главною квартирою генерала Дембинскаго, безъ боя, и Хрулевъ успѣлъ захватить въ Бартфельдѣ только 9 повозокъ съ провіантомъ и 17 отсталыхъ инсургентовъ.

Незначительный, въ сущности, настоящій успѣхъ Хрулева, впрочемъ уже третій въ эту, едва только—начинающуюся кампанію, заставилъ—говорить объ этомъ офицерѣ въ арміи и сдѣлалъ возможнымъ надѣяться, что онъ пожнетъ не мало лавровъ въ эту войну. О Хрулевѣ нѣсколько уже разъ пробѣгала молва въ нашихъ кружкахъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени энергичномъ, и не останавливающимся ни передъ чѣмъ на пути къ намѣченной цѣли, хотя-бы приходилось иногда дѣйствовать вопреки буквѣ всесильныхъ „уставовъ“ и издавна укоренившихся служебныхъ порядковъ.

Припоминали два случая съ Хрулевымъ изъ недавней нашей стоянки въ Россіи.

Хрулевъ со своей батареей стоялъ въ какомъ-то, непомню хорошенько, мѣстечкѣ, кажется въ Берестечкѣ, верстахъ въ 50, слишкомъ, отъ извѣстной Почаевской Лавры. Въ это время происходила памятная польскимъ панамъ смута въ Галиціи. По странѣ этой бродили банды повстанцевъ, нерѣдко появляясь вблизи и нашей границы. Какъ-то черезъ всевѣдущихъ жидковъ дошелъ до Хрулева слухъ, что одна значительная банда галицкихъ польскихъ повстанцевъ собирается въ Подкаменьѣ, мѣстечкѣ Галиціи, верстахъ въ 12-ти отъ Почаевской Лавры, съ тѣмъ, чтобы будущею ночью напасть на Лавру и разграбить ее. Надо замѣтить, что охраненіе Почаевской Лавры никто и не думалъ возлагать на Хрулева,—она охранялась полуротою инвалидовъ, постоянно въ ней проживавшихъ, которые впрочемъ, понятно, ни отъ какого враждебнаго покушенія охранить ее не могли, равно какъ и разбросанные по границѣ посты пограничной стражи,—слѣдовательно Лавра дѣйствительно была беззащитна. Но не такой человѣкъ Хрулевъ, чтобы отсутствіе распоряженія со стороны начальства могло ему помѣшать охранить честь и достояніе отечества. По этому Хрулевъ, тотчасъ по полученіи сказаннаго извѣстія, поднялъ свою батарею и менѣе какъ черезъ сутки былъ уже съ нею въ Почаевѣ, поставилъ орудія на избранную имъ позицію, удобную для защиты Лавры и потребовалъ, чтобы Почаевскіе инвалиды стали въ прикрытіи къ его батареѣ, что тѣ и исполнили. О дѣйствіи своемъ Хрулевъ, тотчасъ по прибытіи въ Почаевъ, съ нарочнымъ донесъ начальству.

Прибытіе ли Хрулева для защиты Лавры было причиною, что нападенія на нее не было сдѣлано, или таковаго и дѣлать никто не предпола-

(*) Впослѣдствіи столь славный.

[illegible] нападенія на Лавру не послѣдовало, а потому [illegible] сутокъ на позиціи, ушелъ на свои квартиры.

[illegible] самовольный поступокъ Хрулева чуть было не отдали [illegible] только тѣмъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ, какъ [illegible] внимательно посмотрѣлъ на этотъ случай, выразивъ въ [illegible] благодарность Хрулеву за очевидно исправное состояніе [illegible] всегда, какъ показалъ настоящій случай, готовой къ [illegible] времени *арестовавъ* Хрулева на трое сутокъ за самоволь- [illegible] порученною ему батареею.

[illegible]. Въ январѣ 1849 года, въ Каменцѣ Подольскомъ [illegible] отрядъ подъ командою генералъ квартермейстера дѣйст- [illegible]-лейтенанта Фрейтага съ цѣлью противодѣйствовать [illegible] вторженію въ наши предѣлы извѣстнаго генерала Бема, [illegible] возможнымъ послѣ того какъ онъ разбилъ всѣ австрій- [illegible] въ Трансильваніи. Въ составъ отряда генерала Фрейта- [illegible] между прочимъ, и 4 конно-артиллерійская бригада пол- [illegible] стоявшая въ Староконстантиновскомъ, кажется, уѣздѣ. По [illegible] Хрулеву, пространство отъ его квартиръ до Каменца [illegible] пройти въ 8 дней, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, [illegible]). Между тѣмъ Хрулевъ, нетерпѣливо жаждавшій скорѣй- [illegible] непріятелемъ и полагавшій, что чѣмъ скорѣе явиться, при [illegible] обстоятельствахъ, на назначенный пунктъ, тѣмъ лучше, вопреки [illegible] пришелъ въ Каменецъ въ пять сутокъ, т. е. тремя днями ранѣе [illegible] срока. Тѣмъ временемъ самая надобность въ артиллеріи [illegible] и вообще въ сформированіи отряда Фрейтага миновалась, [illegible] австрійскій главнокомандующій въ Галиціи, генералъ Гаммер- [illegible] увѣрить нашего главнокомандующаго, что Бемъ разбитъ [illegible] бѣжалъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, но [illegible] вслѣдовала отмѣна сдѣланныхъ у насъ распоряженій и начальнику [illegible], къ которому принадлежалъ Хрулевъ, генералу Павлову, долженст- [illegible] слѣдовать на сформированіе отряда генерала Фрейтага, посланъ [illegible] курьеръ, съ приказаніемъ воротиться на прежнія квартиры. Не найдя [illegible] Павлова въ головѣ отряда, гдѣ бы ему надлежало находиться со [illegible] выступленія въ походъ, курьеръ поскакалъ отыскивать его въ Старо- [illegible], гдѣ и засталъ его только готовящимся къ выѣзду съ цѣлью [illegible] отрядъ на походѣ. Между тѣмъ пока происходила эта курь- [illegible] скачка, Хрулевъ былъ уже въ Каменцѣ Подольскомъ, откуда и дол- [illegible] возвратиться сдѣлавъ напрасно 109 верстъ, въ одинъ конецъ.

Случай [illegible] этотъ далъ поводъ корпусному командиру нашему, генералу отъ [illegible] Чеодаеву, строго предписать всѣмъ начальникамъ дивизіи на- [illegible] бы младшіе исполняли распоряженія начальствующихъ, *„не [illegible] ни малѣйшихъ отступленій“*.

[illegible] разъ, говорилъ генералъ Чеодаевъ въ своемъ предписаніи,

принимая въ уваженіе форсированнымъ движеніемъ доказанную исправность 4-й конно-артиллерійской бригады и находя неправильное (??), но дѣйствительное усердіе полковника Хрулева явиться скорѣе, я ограничился сдѣланіемъ ему строгаго выговора.

„Полковникъ Хрулевъ подвергнутъ только выговору, въ томъ предположеніи, что онъ, какъ лично мнѣ извѣстный разсудительный офицеръ, командующій уже значительною частью, продолжительнѣе будетъ памятовать *вторично* сдѣланный имъ проступокъ и при томъ мое къ нему снисхожденіе".

Оригинальное предписаніе это имѣло слѣдующее, по истинѣ, комическое заключеніе:

„Въ настоящемъ случаѣ дѣйствуя не строгостью, а убѣжденіемъ, присовокупляю, что дѣйствительно исправнымъ офицеромъ только тотъ себя почитать можетъ, кто точнымъ образомъ исполняя свою обязанность, *не допускаетъ укоризны въ чьемъ либо снисхожденіи*". (Sic!) (18 февраля 1849. № 303. г. Дубно).

Что касается до двухъ вышеупомянутыхъ нами подвиговъ Хрулева, совершенныхъ уже въ эту кампанію, то таковые заключались въ слѣдующемъ.

Въ первыхъ числахъ мая, въ г. Дукло, для защиты формировавшихся тамъ нашихъ складовъ, образовался подъ командою полковника Игнатьева, командира пѣхотнаго полка герцога Велингтона небольшой отрядъ, въ составъ котораго, кромѣ пѣхоты, вошли три сотни Донскаго казачьяго № 51 полка и конная батарея полковника Хрулева. Впереди нашего отряда, на горныхъ перевалахъ стояли австрійцы. Хрулевъ убѣдилъ Игнатьева назначить его начальникомъ передовыхъ постовъ русскихъ и австрійскихъ. Игнатьевъ исполнилъ желаніе Хрулева, донеся объ этомъ распоряженіи начальству и такимъ образомъ Хрулевъ, на всю кампанію, попалъ въ свою настоящую сферу—ближайшаго соприкосновенія съ непріятелемъ. Энергіи и дѣятельности Хрулеву не занимать было стать! И вотъ казаки его передовыхъ постовъ пошли рыскать по Венгріи, то подъ предлогомъ открытія приближающагося непріятеля, то подъ видомъ фуражировокъ. Такимъ образомъ, 18 мая, Хрулевъ съ 120-ю казаками, однимъ конным орудіемъ и съ 80-ю австрійцами, налетѣлъ на богатое мѣстечко Стропко, лежащее верстахъ въ 20-ти отъ Галиційской границы, захватилъ тамъ венгерскаго комиссара, производившаго рекрутскій наборъ и нѣсколькихъ административныхъ лицъ инсурекціи, оружіе и съѣстные припасы. За тѣмъ, въ другой разъ, Хрулевъ съ двумя эскадронами гусаръ и двумя сотнями казаковъ бросился на мѣстечко Зборо, въ то самое время когда наши войска достигли гребня Грабовскаго перевала, уничтожилъ находившійся тамъ венгерскій постъ и привелъ 40 человѣкъ плѣнныхъ, на площадь м. Змигрода, прямо къ дому, въ который только что прибылъ Государь Императоръ.

Понятно, что Хрулева эти лихіе подвиги дѣлали популярнымъ въ

арміи, тѣмъ болѣе, что еще никто не заставлялъ говорить о себѣ, да и не было ни кому возможности выдвинуться изъ общаго уровня, такъ какъ доселѣ еще не было ни одного дѣла съ повсюду отступавшими Венгерцами (*).

Бартфельдъ—хорошенькій городокъ. Въ центрѣ его—площадь, съ каменнымъ зданіемъ ратуши посрединѣ, обставлена, съ трехъ сторонъ большими каменными домами, обращенными въ военно-временные наши госпитали, не смотря на ихъ изящную наружность и богатство внутренней отдѣлки. Съ четвертой стороны площадь завершается католическимъ, каѳедральнымъ соборомъ. Воспользовавшись приваломъ, мы успѣли осмотрѣть это древнее зданіе, готической архитектуры и весьма значительныхъ размѣровъ. Говорили что живопись помѣщенныхъ въ этомъ соборѣ образовъ заслуживаетъ особаго вниманія, но ее почти различить не возможно, потемнѣвшую отъ времени; за то мы съ удивленіемъ остановились передъ желѣзной оковкой каменныхъ столбовъ поддерживающихъ куполъ храма: судя по изяществу работы этой оковки, состоящей какъ бы изъ частой чрезвычайно красивой сѣтки, самаго разнообразнаго и прихотливаго узора, надо полагать что эта желѣзная оковка сдѣлана отнюдь не для прочности столбовъ ею одѣтыхъ, а для украшенія храма. Замѣчательно что на одномъ изъ этихъ окованныхъ столбовъ, виситъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ, большая *кость*, какого то, очевидно допотопнаго животнаго, вѣроятно мамонта. По мѣстному преданію, это кость одного изъ *великановъ*, аборигеновъ страны, павшихъ въ борьбѣ съ настоящими ея властителями. Оригинальна также *каѳедра*, въ соборѣ, будто кружевная, тоже желѣзная. Говорятъ всѣ эти *желѣзныя* украшенія принадлежатъ глубокой старинѣ.

(*) Въ остальную кампанію, по тому-ли, что она была очень непродолжительна, и вообще, не отличалась частыми боевыми встрѣчами съ непріятелемъ;—по тому-ли, что отличительнымъ характеромъ этой войны была чрезмѣрная, до излишества доходившая осторожность главнокомандующаго, можетъ быть какъ результатъ преувеличенно высокаго мнѣнія его о силахъ и свойствахъ непріятеля;—потому-ли что фельдмаршалъ какъ бы умышленно не предоставлялъ инціативы, даже въ частныхъ дѣйствіяхъ, своимъ подчиненнымъ, а старался двигать ими какъ шашками по шахматной доскѣ,—но Хрулеву не выпало на долю ознаменовать себя какими либо блистательными подвигами, если не считать его столкновенія съ самимъ Гергеемъ, которому онъ, стараясь выпутаться изъ бѣды, случайно его постигшей послѣ Вайценскаго сраженія, какъ извѣстно, черезъ посланныхъ парламентовъ, предложилъ положить оружіе. Но вовсякомъ случаѣ изъ Венгерской компаніи, Хрулевъ вышелъ, въ числѣ весьма немногихъ, съ нѣкоторою боевою извѣсностью. Репутацію выдающагося изъ общаго уровня командира части, Хрулевъ съ достоинствомъ поддержалъ во время стоянки нашей подъ Луцкомъ, для приготовленія къ Царскому смотру. Такъ всѣ мы, неоднократно бывали свидѣтелями необыкновенныхъ, для того времени, ученій конной батареи Хрулева. Дѣло въ томъ, что тогда какъ прочіе батарейные командиры только и думали чтобы ихъ кони не потеряли тѣла къ предстоящему Царскому смотру и въ тоже время неслишкомъ бы разнесли ихъ командирскіе карманы, а потому ученій своимъ батареямъ производили какъ можно меньше и притомъ дѣлая построенія на шагу, изрѣдка на маленькой рыси. Хрулевъ чуть ли не каждый день выѣзжалъ на учебный плацъ со своей батареей и всѣ эволюціи производилъ обыкновенно на полномъ карьерѣ. Товарищи, батарейные командиры, были недовольны Хрулевымъ за такой способъ дѣйствій; даже начальство выражало ему за это свое неудовольствіе; но за то мы молодежь, восхищались красотою и мастерствомъ его построеній, удалью его людей, быстротою и выѣздкою его коней, молодечествомъ его самого и всей его, по истинѣ, боевой батареи. Эти лихія ученья Хрулева сдѣлали его извѣстнымъ не только офицерамъ но и солдатамъ всего корпуса, расположеннаго подъ Луцкомъ. Ни одного изъ прочихъ батарейныхъ командировъ, бывшихъ подъ Луцкомъ, никто изъ насъ и фамиліи-то не зналъ, а Хрулевъ куда [illegible] показался, сейчасъ, бывало слышишь: „Смотри, смотри—Хрулевъ!“.

Дома, выходящіе на площадь Бартфельда и на лучшія его улицы, представляютъ интересную особенность, будучи расписаны снаружи, alfresco, и преимущественно самыми яркими красками. Такъ, на одномъ домѣ видимъ Архангела Михаила, пламеннымъ мечемъ поражающаго дьявола,—на стѣнѣ сосѣдняго дома картина самаго эротическаго свойства,—слѣдующій домъ расписанъ гербами владѣльца и изображеніемъ Божіей Матери, патронессы Венгріи,—за тѣмъ на другихъ домахъ картины священно-историческаго содержанія перемѣшаны съ эмблемами различныхъ профессій домохозяевъ, ихъ спеціальностей и предметовъ производимой ими торговли и промышленности. Въ цѣломъ такой способъ наружнаго украшенія жилищъ производитъ немалый эффектъ.

При нашемъ вступленіи въ городъ лавки были заперты. Жители, видно, еще боятся насъ, еще не освоились съ нами, а между тѣмъ эта пріостановка торговли намъ очень неудобна, такъ какъ намъ необходимо многимъ запастись. Однако, какой-то добрый человѣкъ взялся насъ устроить въ этомъ отношеніи и указалъ намъ задній, незапертый, ходъ въ одну изъ лучшихъ лавокъ. Дѣйствительно, въ этой лавкѣ все можно было достать, начиная отъ простой водки до бархата и кружевъ. Здѣсь намъ даже предложили выпить и закусить соленьями и копченьми, что мы и не замедлили исполнить, запасаясь всѣмъ необходимымъ и кстати, купивъ на память большой, венгерскій, стеклянный пугаръ, (высокій стаканъ), съ изображеніемъ въ стеклѣ, бартфельдскаго каѳедральнаго собора, о которомъ говорено выше. Здѣсь же, въ лавкѣ мы узнали, что въ нѣсколькихъ отсюда шагахъ, на гаубтвахтѣ содержится трое плѣнныхъ, раненныхъ венгерскихъ офицеровъ, находящихся въ жалкомъ положеніи, нуждаясь въ самомъ необходимымъ. Мы поспѣшили послать *врагамъ*—страдальцамъ табаку и приличное количество съѣстнаго, за что услышали отъ хозяевъ лавки весьма лѣстные отзывы о русскомъ великодушіи, съ откровеннымъ замѣчаніемъ, что австрійскіе офицеры—такъ бы не поступили.

Едва мы расположились бивакомъ близъ города, какъ рѣшились посѣтить извѣстныя Бартфельдскія купальни, лежащія верстахъ въ 4-хъ отъ города. Переходъ въ этотъ день былъ небольшой, всего 13 верстъ, утомиться мы не могли, а потому позволили себѣ задуманное удовольствіе. Мы покатили въ купальни большимъ обществомъ и вполнѣ были вознаграждены за свою любознательность. Къ купальнямъ, лежащимъ у подошвы горъ, покрытыхъ крупнымъ лѣсомъ, ведетъ шоссе, пробѣгающее частію по живописной долинѣ, прорѣзанной ручьями, испещренной рощицами, частію—по грандіозному ущелью. Купальни представляютъ собою какъ бы городокъ. Домики заведенія, въ числѣ пятидесяти, если не болѣе, одни раскинуты амфитеатромъ по гребню ущелья, другіе образуютъ три чистенькія улицы въ долинѣ. Затѣмъ, тутъ курзалъ, садъ, паркъ со множествомъ [illegible] бесѣдокъ, скамеекъ, укромныхъ живописныхъ уголковъ для отдыха, [illegible] большимъ навѣсомъ обширный мраморный бассейнъ, [illegible] будто

кипитъ постоянно отъ углерода безпрестанно выбухающаго со дна источника.

Вообще, говорятъ, вся окрестная мѣстность до того изобилуетъ жилами минеральной воды, что стоитъ только, на любомъ мѣстѣ, вырыть колодезь въ аршинъ глубины, и покажется минеральная вода. Минеральныхъ ключей здѣсь множество; они никогда не замерзаютъ и постоянно содержатъ 10° тепла по R. Взболтаешь свѣжую минеральную воду въ стаканѣ и она вся какъ бы проникнется пузырьками; прихлопнешь ее рукой въ бокалѣ и она зашипитъ, запѣнится какъ шампанское, отъ котораго ее даже по вкусу трудно отличить если прибавить въ бокалъ полъложечки сахару и хоть четверть рюмки стараго венгерскаго. Таковыя качества бартфельдская вода, хорошо закупоренная въ бутылкѣ, сохраняетъ очень долго. Воды эти, большею частію содержащія въ себѣ и желѣзо, имѣютъ свойство укрѣплять слабый организмъ; излечиваютъ отъ солитера, глистовъ, золотухи, ревматизма, подагры, катара желудка. Здѣсь счастливо сгруппированы матерью природой, источники минѣральной воды различныхъ свойствъ,—въ этомъ и причина изцѣленія здѣшними водами отъ разнообразныхъ недуговъ. Однѣ воды пьютъ, въ другихъ—только купаются. Для питья служатъ преимущественно источники: Доктор-брюнъ, Гауп-брюнъ и въ особенности Шпрудель-брюнъ—постоянно какъ бы кипящій. Купаются въ двухъ только источникахъ, находящихся неподалеку другъ отъ друга, внутри поселенія—забылъ ихъ названія. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ четырехсотъ, (устроенныхъ) минеральныхъ источниковъ Венгріи, бартфельдскія воды пользуются наибольшею извѣстностью. Торговля этими водами развилась съ 1700-хъ годовъ, когда ихъ стали вывозить, въ значительномъ количествѣ, заграницу. На бартфельдскія воды, въ лечебный сезонъ, съѣзжалось обыкновенно до 1200 человѣкъ. Плата здѣсь за пользованіе водами крайне умѣренная. Такъ, напримѣръ, ванна, смотря по изяществу и комфортабельности обстановки, стоитъ отъ 6 до 10 крейцеровъ. Вообще жизнь на этихъ водахъ очень дешева и пріятна: здѣсь постоянно гремитъ музыка,—устраиваются танцы, поѣздки въ горы—пикниками, словомъ здѣсь бывало очень весело, но разумѣется, только въ мирное время, теперь же воды пусты до того, что мы проведя здѣсь часа полтора—никого не встрѣтили.

Подъ вечеръ мы воротились на бивакъ, расположенный верстахъ въ двухъ за городомъ, на мызѣ какого то венгерскаго магната, ушедшаго въ повстанье и бросившаго на произволъ военныхъ случайностей, все что не могъ захватить съ собою. Понятно, что мы застали мызу этого патріота въ самомъ жалкомъ видѣ, полуразрушенную нашими предшественниками. Мы пришли и довершили разрушеніе, тѣмъ болѣе естественное, что дождь къ ночи пошелъ какъ изъ вѣдра и стало холодно. Солдаты потащили для [redacted] бивака съ мызы, все что только могли оторвать, сломать или [redacted]. Повалились, какъ трава подъ косой, старыя плодовыя деревья,—[redacted] двери, столы, даже разбитыя зеркала, пустыя бочки изъ погре[redacted]ль,—все пошло на костры, пылавшіе всю ночь. Мы, штабные,

устроили своего генерала и себя возможно удобнѣе, въ одной изъ комнатъ господскаго дома, хотя и лишенной оконъ и дверей. Мнѣ, напримѣръ, уцѣлевшій столъ послужилъ отличной кроватью, съ сѣдломъ вмѣсто подушки, съ потникомъ—вмѣсто тюфяка.

На разсвѣтѣ, придя погрѣться къ бивачному костру, мы подслушали разсказъ солдата, что эта мыза такъ ужасно разорена потому, что будто бы здѣсь, при вступленіи нашего авангарда, *отравленъ* офицеръ и 30 солдатъ, хозяиномъ мызы, съ притворнымъ радушіемъ предложившимъ обѣдъ этимъ несчастнымъ. Конечно этотъ разказъ не имѣлъ другаго основанія кромѣ убѣжденія, что въ народной войнѣ, непріятеля истребляютъ всевозможными способами, однако подобные разсказы до того усвоились нашей арміи, что при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи въ глубь Венгріи, не только солдаты, но даже офицеры, въ случаяхъ когда приходилось имъ пользоваться гостепріимствомъ венгерцевъ или питаться съ ихъ кухни, хотя бы и за деньги, заставляли своихъ хозяевъ, предварительно ѣсть или пить ими предлагаемое. Замѣчательно, что таковою неучтивостью Венгры не оскорблялись, вѣроятно потому, что совѣсть ихъ была чиста и никто изъ нихъ не мыслилъ прибѣгать къ отравленіямъ и впослѣдствіи, неожидая уже нашей просьбы: попробовать самимъ предлагаемое,—по собственной иниціативѣ—ѣли и пили предлагаемое намъ,—все шутя и смѣясь...

20 іюня вечеромъ мы проходили большее село Домети, намѣреваясь стать за нимъ бивакомъ, если найдемъ удобную для того позицію, но проѣзжая мимо воротъ прекраснаго барскаго дома въ этомъ селѣ, мы были встрѣчены помѣщикомъ, убѣдительно просившимъ нашего генерала отобѣдать у него со всѣми офицерами. Генералъ далъ слово исполнить любезное желаніе помѣщика, поставивъ отрядъ на бивакъ. Такимъ образомъ здѣсь, впервые, намъ пришлось посѣтить семейство венгерскаго магната.

Мы были встрѣчены съ большею предупредительностью. Хозяинъ представилъ насъ своимъ дамамъ—женѣ и сестрѣ, недавно только возвратившимся изъ плѣна, въ который были увезены своими же венгерцами, при ихъ поспѣшномъ отступленіи. Оказалось, что нашъ хозяинъ близкій родственникъ Гергея и его вліянію наши хозяйки обязаны своимъ скорымъ освобожденіемъ. Правда, что не смотря на это родство нашего хозяина съ излюбленнѣйшимъ венгерскимъ вождемъ, долго здѣсь пировавшіе инсургенты, при отступленіи, кромѣ дамъ, забрали изъ дому все, что было поцѣннѣе и на виду; лошадей, оружіе, попавшее имъ на глаза серебро, бѣлье и даже большую коллекцію трубокъ, тщательно собранную нашимъ хозяиномъ, страстнымъ ихъ любителемъ.

За обѣдомъ (*) радушные хозяева очень усердно подчивали насъ то тѣмъ, то другимъ изъ весьма многочисленныхъ блюдъ, намъ подававшихся. Правду надо сказать, что не смотря на радушіе предложенія, мы могли

(*) Въ Венгріи обыкновенно обѣдаютъ въ полдень и ужинаютъ въ 7 часовъ.

ѣсть только немногія кушанья. Венгерская кухня пришлась намъ не повкусу: супъ съ шафраномъ; на особомъ блюдѣ холодная, вареная говядина и къ ней, въ соусникѣ, какой-то кислый соусъ; нѣсколько соусовъ, большею частію приправленныхъ черносливомъ и изюмомъ; гора весьма жирнаго плова и въ вершинѣ этой горы, будто кратеръ, углубленіе наполненное—грибнымъ соусомъ; какія-то ватрушки только формою похожія на наши; жареные цыплята, поданые на манеръ телячьихъ ножекъ у насъ, т. е. обваленные въ мукѣ и обжареные и т. д. Большая часть кушаньевъ на свиномъ салѣ. Хрѣнъ, въ большинствѣ случаевъ замѣняетъ горчицу. Пирожное подаютъ прежде жаркого, обыкновенно сопровождаемаго разными салатами, въ томъ числѣ, изъ стручковаго перца. Вообще, высушеннымъ и истолченнымъ въ порошекъ стручковымъ перцемъ, замѣняющимъ у нихъ *кайенну*, Венгерцы обильно посыпаютъ чуть ли не каждое кушанье, не смотря на то что *паприки* т. е. стручковый перецъ послужилъ уже приправой для многихъ изъ нихъ. Редиска стоитъ на столѣ весь обѣдъ и ее разносятъ послѣ разныхъ кушаній. Вмѣсто кваса—питье изъ вишневаго сока—очень вкусное. Вино, сладкое и кислое, превосходныхъ качествъ, настоящее венгерское, предлагалось въ изобиліи. Послѣ обѣда подаютъ черный кофе.

По выходѣ изъ за стола, какъ и у насъ въ старосвѣтскихъ семействахъ на Руси, хозяинъ цѣлуется съ хозяйкой, благодаря ее за хлопоты, а гости подходятъ благодарить хозяевъ, при чемъ цѣлуетъ руку хозяйки.

Во время обѣда много говорили о томъ: чѣмъ и какъ питается венгерское простонародье? Хозяинъ разсказывалъ, что католики и словаки строго соблюдаютъ посты. Въ эти дни ихъ главною пищу составляетъ кукуруза въ различныхъ видахъ, большею частью замѣняющая имъ хлѣбъ, (хотя венгерцы употребляютъ пшеничный хлѣбъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и ржаной),—затѣмъ борщь, чаще изъ недозрѣлаго винограда. (*) Въ скоромные дни и венгерцы и словаки употребляютъ много свинаго сала,—приправляя имъ кушанья и въ сыромъ видѣ, разумѣется просоленное или прокопченное, просто съ хлѣбомъ. По этому венгерцы разводятъ много свиней. (**) Мясо рогатаго скота простолюдины здѣсь рѣдко употребляютъ въ пищу, а имѣя большое овцеводство, бьютъ на пищу много барановъ и мастерски умѣютъ приготовлять баранину, приправляя ее различными пряностями. Вообще венгерцы употребляютъ много фруктовъ въ различныхъ видахъ, также дынь, арбузовъ, огурцевъ, превосходно ими приготовляемыхъ въ прокъ, на зиму.

Въ Тейсѣ, Ваагѣ, Дунаѣ много рыбы, которую ловятъ прибрежные жители преимущественно для домашняго употребленія. Въ горныхъ рѣчкахъ

(*) Кстати замѣтимъ, что нашимъ солдатамъ этотъ венгерскій борщь очень пришелся [illegible] они стали варить себѣ такой же, съ говядиной или саломъ, а когда еще не было [illegible]ихъ гроздій, то борщь варили изъ молодыхъ побѣговъ виноградной лозы.

(**) Свиньи здѣсь особой породы, на высокихъ ногахъ, съ огромными ушами, большею [illegible]ершенно черныя, страшныя такія, но дающія очень вкусное мясо и способныя до[illegible]ьшею тучности.

водится форель, впрочемъ не крупная. Жители угорій большіе охотники и питаются преимущественно добычей охоты: медвѣдями, козами, зайцами, во множествѣ водящимися въ горахъ, при чемъ Словаки не имѣютъ тѣхъ предразсудковъ что нашъ крестьянинъ и ѣдятъ: *всего* медвѣдя, *всего* зайца. Охота доставляетъ главную пищу жителямъ, потому что хлѣбъ въ этихъ мѣстностяхъ почти не родится, (да горцы, большею частью, и сѣютъ то только ячмень), уничтожаемъ будучи холодными утренниками лѣтомъ и морозами: ранними—осенью, поздними весною. Вообще климатъ въ Венгріи чрезвычайно измѣнчивъ, отъ этого въ Банатѣ, напримѣръ, одинъ хорошій урожай бываетъ въ семь лѣтъ, таковымъ признаютъ урожай прошлаго года. Причиной неурожая въ Банатѣ, наиболѣе занимающемся хлѣбопашествомъ, откуда хлѣбные запасы доставляются при урожаѣ на европейскіе рынки, прежде чѣмъ откуда бы то ни было, —частыя засухи: если въ маѣ нѣтъ дождя, то хлѣбъ не родится, также его губятъ не рѣдко туманы въ іюнѣ и первыхъ числахъ іюля, когда жатва почти бываетъ готова къ уборкѣ.

Послѣ обѣда, законченнаго многочисленными тостами, мы повели своихъ хозяевъ полюбоваться нашимъ бивакомъ.

Пришли и музыка загремѣла, зазвучала солдатская пѣсня; молодежь устроила танцы, подъ открытымъ небомъ; разумѣется наши хозяйки и хозяева, повидимому отъ души, веселились съ нами до поздней ночи и въ заключеніе мы съ музыкой и пѣснями, проводили ихъ до самого ихъ дома гдѣ, на прощанье, роспили еще не одну бутылку стараго венгерскаго.

Таково было наше первое знакомство съ венгерскимъ семействомъ изъ порядочнаго общества.

21 іюня, мы имѣли привалъ на брошенномъ бивакѣ значительнаго венгерскаго отряда. Бивачные шалаши непріятеля послужили намъ матеріаломъ для потѣшныхъ огней. Признаться—не понимаю: зачемъ и для чего жгли эти шалаши? Если они не были нужны намъ собственно, то могли пригодиться какому нибудь другому нашему отряду или транспорту, которому пришлось бы заночевать въ этомъ полѣ.

Но, въ томъ то и дѣло, что у нашего солдата есть жилка такая: сжечь или сломать все то, чего онъ съ собою не можетъ захватить! Но простительно ли начальству позволять солдатамъ развивать въ себѣ подобные инстикты?

Пройдя затѣмъ долину Капи, ввиду господствующаго надъ нею древняго замка, носящаго имя „Капушанскаго“,—долину, на которой былъ устроенъ венгерцами укрѣпленный лагерь, раскинутый по обѣимъ сторонамъ шоссе и брошенный ими безъ боя, такъ какъ наши не атаковали этой позиціи, а обошли ее,—мы оставили за собою мѣстечко Капи и мѣстечко Шебешь, на скорую руку упрѣпленное уже нашими войсками и, передъ вечеромъ, вступили въ городъ Эперіесъ, (Прешовъ—по словакски, древній Fragopolis).

Жители Эперіеса, большею частію, Словаки, враги инсурекціи Венгерцевъ, сторонники австрійскаго императора, встрѣтили насъ съ выраженіемъ не только пріязни, но даже восторга, хотя мы были уже не первыя русскія войска, вступавшія въ этотъ городъ, слѣдовательно не имѣли за собою достоинства новинки.

Подъ Эперіесомъ мы сдѣлали маленькій привалъ,—немножко пообчистились, вообще оправились и, съ распущенными знаменами, съ музыкой и пѣснями вступили въ городъ. Насъ встрѣтилъ колокольный звонъ со всѣхъ церквей и большія толпы народа на улицахъ, кричавшаго: Vivat и Эліенъ! Множество дамъ, большею частію очень красивыхъ, смотрѣли изъ оконъ домовъ проходимыхъ нами улицъ, бросали на насъ цвѣты и конфекты; махали намъ платками и привѣтствовали радостными криками. Городскія власти встрѣтили насъ при входѣ въ городъ и провожали вплоть до мѣста избраннаго подъ нашъ бивакъ, версты за двѣ отъ города. Разумѣется, мы офицеры, съ бивака немедленно воротились въ городъ, во первыхъ—пообѣдать,—во вторыхъ посмотрѣть: нѣтъ ли въ немъ чего интереснаго? Гостинница, лучшая въ городѣ, оказалась плохою, за то мѣстнаго приготовленія игристое вино подъ именемъ „Эперіескаго шампанскаго“, найдено нами ни чуть не хуже продаваемаго у насъ подъ именемъ настоящаго шампанскаго.

Эперіесъ лежитъ въ живописной мѣстности, въ долинѣ, обставленной горами покрытыми виноградниками. Это городъ чистенькій, красивый, съ этажными каменными домами и съ большею, готической архитектуры церковью, во имя Іоанна Крестителя. Это, какъ оказалось, кафедральный соборъ, обыкновенно здѣсь проживающаго Грекоуніатскаго Епископа, управляющаго всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ въ королевствѣ.

Смеркалось когда мы воротились на бивакъ, гдѣ застали многихъ жителей, пришедшихъ изъ города поближе посмотрѣть на своихъ гостей и послушать ихъ залихватскихъ пѣсенъ, родными, славянскими звуками, ласкавшихъ ихъ слухъ.

Большинство Эперійцевъ было въ широкополыхъ черныхъ шляпахъ съ низкой тульей, въ курткахъ—или бѣлыхъ, суконныхъ, расшитыхъ черными шнурами или—въ овечьихъ, дубленой кожи, расшитыхъ шелками яркихъ цвѣтовъ,—всѣ въ синихъ чакчирахъ, также расшитыхъ шнурами по гусарски, и въ маленькихъ гусарскихъ сапогахъ.

Эперіесцы—это Словаки, что подъ именемъ Венгерцевъ такъ недавно еще скитались по всей Россіи, до Восточной Сибири включительно,—по нашимъ городкамъ и деревнямъ, по помѣщикамъ и попамъ, таская пѣшкомъ, заспиною, тяжелый ящикъ съ разными, какъ они называли „Олей-[redacted]“, т. е. лекарственными маслами.

[redacted]йствительности, въ коробѣ Венгерца помѣщались не одни „Олей-[redacted]номъ смыслѣ этого слова. Тутъ были кромѣ пузырьковъ [redacted]добными, маслами, разными домашними средствами отъ раз-

ныхъ болѣзней, отъ моли, клоповъ, таракановъ и пр.: гранаты въ видѣ ожерелій, образки, четки изъ черной ароматной массы, иголки, ножницы, наперстки, бритвы, перочинные ножи, карандаши, краски, различные косметики, въ особенности розовое масло, дешевыя раскрашенныя литографіи и разная другая мелочь. Эти такъ называемые Венгерцы, помнимъ, бывали желанными гостьми въ нашихъ деревенскихъ захолустьяхъ. Помнимъ, изъ временъ нашего дѣтства, съ какимъ замираніемъ нашихъ маленькихъ сердецъ, мы ждали, какъ начнетъ бывало, развязывать свой коробъ такой Венгерецъ. Съ какимъ любопытствомъ мы разсматривали всякую вещицу изъ этого короба; съ какимъ удовольствіемъ мы вслушивались въ полурусскую рѣчь Венгерца, какую то ломаную и отличавшуюся особеннымъ акцентомъ. Живо помнимъ, сколько наслажденій доставляли намъ, въ свое время, эти неутомимые скитальцы. Теперь ихъ не видать у насъ, на Руси. Имъ запретили торговать *олейками*, *) главнымъ образомъ предметомъ ихъ прежней у насъ торговли и вотъ если они и попадаются у насъ въ настоящее время, то или съ мышеловками и другими жестяными издѣліями, или съ краснымъ товаромъ, большею частію, московской фабрикаціи.

22 Іюля мы сдѣлали переходъ въ Кашау. Хотѣлось скорѣе добраться до этого города, —цѣли настоящаго похода,—хотѣлось скорѣе узнать наше дальнѣйшее назначеніе, узнать: что ждетъ насъ въ ближайшемъ будущемъ? а переходъ, какъ нарочно, большой, въ 28 верстъ и все „съ горки на горку!“. Подвигаемся медленно, тяжело.

Вотъ и мѣстечко Самосъ. Здѣсь, ровно десять дней тому, какъ произошло кровавое столкновеніе нашихъ передовыхъ войскъ съ аріергардомъ отступавшихъ Венгерцевъ. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Было приказано авангарду генерала Анрепа перейти къ Самосу, занятому Венгерцами и на разсвѣтѣ 12 іюня, атаковать его. Этого распоряженія въ точности исполнено не было: говорятъ—наши не вытерпѣли. Два эскадрона гусаръ полка Вел. Княгини Ольги Николаевны, съ казаками Донскаго № 32 полка и конною № 4 батареею, подъ командою генерала Багговута, бросились на отступающихъ Венгерцевъ еще 11 іюня, подъ самымъ мѣстечкомъ и завязали съ ними дѣло. Говорятъ—столкновеніе было ожесточенное. Наши ворвались даже въ мѣстечко, занятое непріятелями и произвели между ними большее опустошеніе; особенно отличился одинъ изъ эскадронныхъ командировъ, баронъ Раденъ, изрубившій нѣсколько венгерскихъ гусаръ и самъ раненый. Ночь положила конецъ битвѣ и подъ ея покровомъ Венгерцы очистили Самосъ.

За Самосомъ предъ нами раскинулись Будомірскія высоты, замыкающія долину, по которой мы тянулись по прекрасному шоссе, берегомъ р. Торчи. Названныя высоты, поросшія крупнымъ лѣсомъ, были хорошо ук-

*) Аптекарскія снадобья и различныя врачебныя средства, которыя слыли подъ именемъ олейковъ, были нерѣдко средствами шарлатанскими, для здоровья вредными, иногда опасными, а потому торговля ими запрещена.

рѣплены венгерцами: по обѣ стороны шоссе возвышались бастіоны, съ глубокими рвами, господствовавшіе надъ долиною. Казалось бы венгерцы могли дать на этой позиціи сильный отпоръ нашимъ войскамъ, на нихъ наступавшимъ, но они покинули свои укрѣпленія безъ боя, лишь только 12 іюня, 4 пѣхотная дивизія съ частями Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, направилась на эту позицію съ фронта, а 5 пѣхотная дивизія, съ кавалеріей, пошла въ обходъ позиціи съ права, горами, черезъ Лѣсъ на Кишфалу, въ то время какъ третья наша колона пошла въ обходъ позиціи слѣва, черезъ Богдани, прямо на Кашау. Съ такими силами венгерцы бороться не рѣшились и поспѣшили отступить на Кашау.

Взобравшись на Будомірскія высоты, мы бросили взглядъ на пройденное нами пространство. Предъ нашимъ взоромъ, доколѣ онъ только могъ достигать, была прелестная долина, прорѣзанная живописными извивами быстрой р. Торчи, испещренная группами деревень и ферм, садами и виноградниками по скатамъ холмовъ съ ихъ чрезвычайно красивыми издали, бѣлыми, каменными огородами, драпированными фестонами всевозможныхъ ползучихъ растеній и бѣлыми домиками съ зелеными жалузи, пріютившимися въ цвѣтахъ и зелени садика, обыкновенно окружающаго такой домикъ мѣстнаго винодѣла.

Но вотъ всѣ обозы нашей колоны вытянулись на высоты,— ударили подъемъ и мы вошли въ крупный лѣсъ, тянувшійся до самаго почти Кашау, города, роскинувшагося, наконецъ, передъ нами по правому берегу мелководной здѣсь рѣчки Гернада, въ долинѣ обставленной отрогами весьма живописныхъ горъ. Долина, по которой теперь лежалъ нашъ путь, прорѣзана рядами очень хорошихъ и удачно поставленныхъ земляныхъ укрѣпленій; но всѣ онѣ достались нашимъ войскамъ безъ боя, какъ и самое Кашау, составлявшее послѣдній горный оплотъ венгерцевъ. Очевидно, что Дембинскій, у котораго было не болѣе 25000 войска и то не дисциплинированнаго и плохо обученнаго, не могъ рѣшиться вступить въ открытую борьбу со всей нашей арміей, надвигавшейся на него, грозной, компактной массой; не смотря на превосходство позицій, бывшихъ въ его рукахъ и потому покинулъ горные проходы, при томъ населенные враждебными его дѣлу жителями—Словаками и поспѣшилъ спуститься въ степи коренной Венгріи, гдѣ могъ расчитывать и на полную поддержку со стороны населенія и на возможность своего соединенія съ главными венгерскими силами.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго привала на берегу р. Гернада, оправившись, отдохнувъ и помывшись, мы вступили, церемоніальнымъ маршемъ, въ Кашау, главный городъ Абуйварскаго камитата. (*)

По всему было видно, что мы вступаемъ въ городъ, населенный враждебными намъ жителями—не то, что въ Эперіесъ. Ни какой встрѣчи, ни малѣйшей оваціи: вездѣ нахмуренные, враждебные взгляды; ни какого дру-

[redacted]

(*) [redacted]—по словацки, *Касса*—по венгерски, имѣетъ до 30000 жителей.

желюбнаго вниманія къ намъ съ чьей бы то ни было стороны; исполненіе требованій и приказаній, какъ уступка силѣ, безъ малѣйшей предупредительности и радушія. Въ Эперіесѣ насъ всюду привѣтствовали разодѣтыя, по праздничному дамы,—здѣсь, если и встрѣчалась изрѣдка порядочная женщина, то непремѣнно въ глубокомъ траурѣ по отчизнѣ, разумѣется, и съ опущенною вуалью. Въ траурѣ были и мужчины. Ихъ трауръ выражался пуховой шляпой съ низенькой тульей, обшитой широкой черной лентой или чернымъ крепомъ, съ серебряною пряжкой. Фельдмаршалъ Гайнау особой прокламаціей, запретилъ носить эти шляпы, но мы ихъ видѣли на всѣхъ почти изъ тѣхъ немногихъ венгерцевъ, которые остались въ городѣ, почему либо не имѣя возможности стать въ ряды защитниковъ отечества, съ оружіемъ въ рукахъ.

При самомъ почти вступленіи нашемъ въ городъ, насъ встрѣтила печальная новость: мы остаемся гарнизономъ въ Кашау! Наши надежды на скорое присоединеніе къ арміи разлетѣлись дымомъ. Нашему полковому командиру, генералу Колзакову, приказано принять военное начальство надъ городомъ и окрестной страной. Тотчасъ образовался отрядный штабъ и я назначенъ завѣдывать имъ. Опять томительныя, письменныя занятія и вмѣсто кипучихъ боевыхъ похожденій, скучное сидѣнье въ канцеляріи. И это въ двухъ, трехъ шагахъ отъ театра самыхъ, казалось, оживленныхъ военныхъ дѣйствій. Большинство изъ насъ было искренно огорчено выпавшей намъ долей.

Ни сколько насъ не утѣшали, ни тѣ великолѣпныя помѣщенія во дворцахъ бѣжавшихъ магнатовъ, которыя мы заняли, ни тотъ полнѣйшій комфортъ, который мы тамъ нашли, едвали кѣмъ либо изъ насъ дотолѣ испытанный, тѣмъ болѣе рѣдкій въ походной жизни. Наше время проходило въ томительномъ безъдѣйствіи, въ ожиданіи завтрашняго дня, который, думалось, авось измѣнитъ наше положеніе..... Но день уходилъ за днемъ и все оставалось по прежнему,—ни откуда ни какихъ вѣстей. Курьеры проѣзжаютъ только въ главную квартиру, а оттоль—ни кого. Почти цѣлый день гуляемъ по бульвару, закуривая папиросу за папиросой отъ вѣчно-тлѣющаго фитиля у артиллеристовъ, что стоятъ при двухъ орудіяхъ, поставленныхъ у бульвара, для обстрѣливанія—въ случаѣ чего—главной улицы и площади города; слушаемъ полковую музыку, каждый вечеръ играющую, одно и то же, на бульварѣ; сидимъ въ казино, что на томъ же бульварѣ, потягивая превосходное венгерское поданое въ маленькихъ, будто кованныхъ бутылочкахъ; завтракаемъ да ужинаемъ тутъ же, очень порядочно, ѣдимъ отличные фрукты..... вотъ и все наше обычное, ежедневное, времяпрепровожденіе!..... Читать нечего; говорить не съ кѣмъ и не очемъ, потому что все давно переговорено. Тоска..... Молодымъ военнымъ людямъ, тоска въ странѣ, про которую говорятъ: Венгрія—это прелестныя женщины, превосходные кони, отличное вино, чарующая и опьяняющая цыганская музыка и упоительный *чардашъ!*..... Странно!

Принялись укрѣплять полуразрушенную ограду кладбища, на выѣздѣ, съ юго-западной стороны города. Въ каменной оградѣ дѣлаютъ бойницы для ружейной обороны. Устраиваютъ тамъ же какія то невѣроятныя приспособленія для пушекъ. И зачѣмъ все это?—подумаешь. Зачѣмъ эта напрасная трата солдатскихъ силъ и казенныхъ денегъ? Развѣ можно отстоять этотъ хламъ отъ непріятеля, сколько нибудь предпріимчиваго? Тѣмъ болѣе, что эта кладбищенская ограда примыкаетъ къ группѣ гнилыхъ городскихъ домишекъ, которые загорятся отъ первыхъ непріятельскихъ снарядовъ. Говорятъ: это укрѣпленіе необходимо для склада нашихъ продовольственныхъ и всякихъ другихъ запасовъ. По моему, скорѣе оно необходимо для очищенія совѣсти нѣкоторыхъ господъ, что бы, въ случаѣ чего, можно было сказать: были приняты необходимыя мѣры защиты.....

Но вотъ, безмятежность нашей жизни нарушилась хотя событіями далеко и нежеланными. Въ арміи появилась и внезапно разсвирѣпѣла холера. Этого бича Божія никто не ожидалъ и для встрѣчи его, для принятія его ударовъ—не было взято ни какихъ мѣръ. Госпитальная часть въ арміи была въ полнѣйшей дезорганизаціи. Заболевавшихъ холерою и различными другими болѣзнями: лихорадкой (въ данномъ случаѣ венгерской, весьма опасной и безотвязной), дезинтеріей, горячкой и тифомъ, а такъ же раненыхъ, по счастію, впрочемъ, не многочисленныхъ, начали отсылать въ тылъ арміи, т. е.—къ намъ. Были дни, что въ Кашау привозили больныхъ до 1000 человѣкъ, а между тѣмъ ни какихъ предварительныхъ распоряженій объ устройствѣ хотя бы какихъ нибудь временныхъ госпиталей сдѣлано не было, и не было отпущено ни какихъ денежныхъ или матеріальныхъ средствъ для ихъ устройства. Въ городѣ скопилось до 5000 больныхъ, а на лицо было всего четыре медика, человѣкъ 10 фельдшеровъ, одинъ священникъ, да человѣкъ 70 прислуги неумѣлой, взятой изъ фронта, понятія неимѣющей объ обязанностяхъ лазаретнаго служителя или санитара.

Въ виду такого плачевнаго положенія дѣла всѣ мы принялись за работу съ цѣлью достигнуть возможно лучшаго устройства доставленныхъ къ намъ больныхъ и раненыхъ. Генералъ Колзаковъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ величайшей энергіей. Давали, что могли. Подъ лазаретныя помѣщенія заняли лучшія въ городѣ дома магнатовъ. Больныхъ укладывали на роскошныхъ диванахъ, обитыхъ штофомъ и рытымъ бархатомъ; клали больныхъ и на сдвинутыхъ креслахъ и въ тѣхъ же комнатахъ, съ золочеными карнизами и роскошными драпировками, просто—на паркетѣ, пославъ на него сѣна или соломы. Постельнаго бѣлья, необходимой посуды не было и въ поминѣ. Поручикъ Левшинъ, имѣвшій отъ генерала Колзакова порученіе завѣдывать полицейскою частью въ городѣ, по счастію, открылъ, зарытый гдѣ то въ землѣ большой складъ отличнаго бѣлья, приготовленнаго для инсургентовъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ одежды, [redacted] амуниціи. Послѣдніе изъ этихъ предметовъ были взяты въ [redacted] бѣлье и одежду роздали по лазаретамъ, что значительно улуч-

шило положеніе больныхъ, лежавшихъ до того въ грязномъ бѣльѣ. За тѣмъ, посредствомъ полиціи набрали у жителей и въ лавкахъ необходимую посуду; всѣ вольныя аптеки заставили изготовлять потребныя лѣкарства, объявивъ ихъ содержателямъ, что въ послѣдствіи, за все у нихъ взятое по рецептамъ нашихъ медиковъ, будетъ имъ произведена надлежащая уплата; всѣхъ вольно практикующихъ въ Кашау лекарей, заставили, подъ надзоромъ нашихъ медиковъ, лечить больныхъ въ устроенныхъ госпиталяхъ; австрійскаго коммиссара Печи, человѣка очень милаго и услужливаго, пригласили доставлять въ госпитали потребные продукты для продовольствія больныхъ и такимъ образомъ госпитальное дѣло у насъ кое-какъ наладилось, хотя холера и свирѣпствовала до того, что бывали страшные дни, въ которые хоронили человѣкъ по двѣсти! Разумѣется, такая смертность происходила преимущественно отъ того, что изъ числа привозимыхъ въ Кашау почти ежедневно больныхъ, часть доставлялась уже полумертвыми. Не было транспорта, который не похоронилъ бы въ пути нѣсколько десятковъ человѣкъ, и все таки, бывало, вынимая привезенныхъ изъ форшпановъ, находили по нѣскольку человѣкъ мертвыми! И говорить нечего, что такое положеніе дѣла производило сумятицу въ госпитальной администраціи, сформированной, къ тому же, на скорую руку. Людей, большою частью, привозили безъ билетовъ;—многіе изъ привезенныхъ даже не знали другъ-друга; поэтому очень часто хоронили неизвѣстно кого. Теряли даже счетъ умершимъ, такъ же какъ не знали и счета живымъ-больнымъ, состоявшимъ на попеченіи госпитальнаго начальства; не могли установить ни какой отчетности; о надлежащемъ порядкѣ никто и думать не могъ; заботились только о томъ что бы умершаго скорѣе вынести изъ комнаты,—о томъ, что бы по возможности всѣхъ доставленныхъ въ госпитали накормить, и всѣмъ дать какую нибудь, медицинскую помощь. По счастію, время года было такое благопріятное и стояла такая прелестная погода, что окна и двери домовъ занятыхъ подъ больныхъ, всегда можно было держать открытыми и не было затѣмъ нужды въ искуственной вентиляціи и дезинфекціи помѣщеній, а то накопленіе зловредныхъ міазмовъ въ лазаретныхъ помѣщеніяхъ, неминуемо вызвало бы новыя болѣзни.

Транспорты больныхъ приходили на венгерскихъ *форшпанахъ*,— это большія, длинныя повозки, несравненно болѣе удобныя для лежанія и сидѣнья чѣмъ наши уродливыя полуфурки. Но больные бывали набиты въ эти форшпаны въ такой степени, что путешествіе въ нихъ представлялось крайне неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что по распоряженію высшаго начальства, больные должны были отправляться, изъ частей, со всѣмъ ихъ оружіемъ и аммуниціей. Ружья, тесаки, ранцы, сумы, все это наваленное на одну повозку съ больными, разумѣется, наваленное безъ малѣйшаго вниманія и порядка, увеличивало мученье перевозимаго больнаго или раненаго, и само коверкалось и ломалось. У насъ скорехонько образовался большой складъ этого добра, сваленнаго въ громадныя кучи, вмѣстѣ съ различнымъ солдат-

требованія австрійскихъ властей, доказывая, что мы присланы сюда Государемъ отнюдь не для того, что бы обратиться въ австрійскихъ жандармовъ и что, наконецъ, онъ не имѣетъ ни какого прямого распоряженія по этому поводу, отъ своего начальства; но когда Австрійцы предъявили ему письменное распоряженіе своего начальства, основанное на соглашеніи австрійскаго правительства съ нашею высшею военною властію и заявили, что въ случаѣ отказа генерала отъ исполненія предъявленнаго къ нему требованія, вся отвѣтственность за лишеніе ихъ возможности захватить заговорщиковъ, останется на немъ, генералѣ Колзаковѣ,—то онъ уступилъ настоянію Австрійцевъ.

Въ тотъ же вечеръ былъ сдѣланъ соотвѣтствующій нарядъ и трое изъ насъ: я, поручики: Левшинъ и Гебель, получили приказаніе, принявъ въ свою каманду каждый по 30 человѣкъ солдатъ, при унтеръ-офицерахъ, съ заряженными боевыми патронами ружьями, этою же ночью арестовать и доставить въ австрійское управленіе тѣхъ лицъ, на которыхъ намъ укажутъ австрійскіе коммиссары.

Вся эта экспедиція противъ мирно-спавшихъ кашаусскихъ обывателей, должна была совершиться, и въ дѣйствительности совершилась, въ величайшей тайнѣ. На долю каждаго изъ насъ досталось арестовать по 20 лицъ. Говоря другими словами, каждому изъ насъ привелось въ эту ночь быть свидѣтелями и невольными дѣйствующими лицами въ двадцати душу раздиравшихъ драмахъ!

Ночь была—зги не видать. Съ потайными фонарями мы пробирались по не освѣщеннымъ улицамъ города и—окруживъ указанный намъ комиссаромъ домъ,—занимали по его же указанію всѣ выходы таковаго. Комиссаръ стучалъ во входную дверь или ворота и когда ему отворялъ ихъ привратникъ, мы съ десятью человѣками пробирались къ квартирѣ намѣченнаго лица. Нѣкоторыя изъ квартиръ отворялись тотчасъ послѣ того, какъ въ ихъ двери стучалъ коммисаръ, а нѣкоторыя, не смотря на его настойчивыя требованія, именемъ закона и австрійскаго Императора, отворялись только послѣ угрозы сломать двери. Угрозу эту пришлось выполнить въ трехъ домахъ: въ одномъ мы сломали ворота и въ двухъ квартирахъ—двери. Послѣ вступленія въ квартиру начинался поискъ требуемаго лица и тутъ то происходили сцены, какихъ не дай Богъ видѣть ни кому. Признаться, не разъ приходилось украдкой утирать слезы, невольно бѣжавшія изъ глазъ, когда напримѣръ, вдругъ почтенная старушка, мать арестовываемаго, бросалась предъ нами на колѣни и обхватывала наши ноги, отчаяннымъ голосомъ умоляя пощадить и нетрогать ея единственнаго сына, или когда мы были вынуждены отстранять молодую женщину, въ истерическомъ припадкѣ, вцѣпившуюся въ увлекаемаго отъ ней мужа, при раздирающемъ душу плачѣ и крикѣ нѣсколькихъ малютокъ, перепуганныхъ нашимъ появленіемъ и горестью своихъ родителей. Конечно, эти несчастныя семейства [illegible] нашихъ увѣщаній на чуждомъ имъ языкѣ, но если бы и пони-

мали—развѣ эти увѣщанія могли бы ихъ успокоить и утѣшить! Эти несчастные видѣли одно, что ихъ милыхъ, единственную можетъ быть опору ихъ существованія, ихъ кормильцевъ,—ихъ исключительную, можетъ быть, любовь, увлекаютъ вооруженные солдаты, что бы отдать въ руки австрійскаго правительства, представитель котораго тутъ присутствовалъ! Довольно имъ было этого факта, чтобы прійти въ отчаяніе.

Многіе изъ арестованныхъ были только заподозрены въ чемъ то австрійскими властями; впослѣдствіи они вполнѣ доказали свою невинность и, какъ мы слышали, были освобождены; но въ минуту ареста, самый невинный изъ нихъ шелъ какъ на смерть и такъ какъ идущаго на смерь провожали его близкіе. Венгерцы до того ненавидѣли австрійскіе суды, до того трепетали ихъ и не вѣрили въ ихъ безпристрастіе, что считали невозможнымъ благополучный исходъ изъ случайнаго даже столкновенія съ ними. Венгерцы говорили, что стоитъ только кому нибудь изъ нихъ попасться въ австрійскую тюрьму, хотя бы только по одному намеку на политическую неблагонадежность, что бы сгнить въ какомъ нибудь казаматѣ.

Разумѣется, мы съ своей стороны, употребили всѣ средства, что бы по возможности ослабить впечатлѣніе совершенныхъ нами ночныхъ подвиговъ, произведенное на нашихъ жертвъ и ихъ окружающихъ. Мы не позволили нашимъ солдатамъ ни одного грубаго движенія, ни какого насилія противъ арестуемыхъ, хотя нѣкоторые пытались даже отбиваться отъ насъ; мы какъ умѣли, старались успокоивать ихъ семейныхъ, но конечно безуспѣшно и были совершенно счастливы, когда кончили свою миссію и сдали арестованныхъ въ городскую ратушу, подъ караулъ, поставленный тамъ австрійцами отъ пѣхотнаго полка „Парма,“ два батальона котораго здѣсь квартировало.

Былъ уже бѣлый день, когда мы собрались къ генералу дать отчетъ въ нашихъ ночныхъ похожденіяхъ и затѣмъ, съ нимъ вмѣстѣ отправились къ заключеннымъ, что бы узнать: не можемъ ли быть чѣмъ нибудь имъ полезными. Мы нашли всѣхъ 58 арестованныхъ, (двухъ изъ намѣченныхъ жертвъ не отыскали) въ залѣ ратуши, охраняемыми наружными часовыми у каждой двери, кругомъ всей ратуши и внутреннимъ австрійскимъ карауломъ. Всѣ арестованные были—въ чемъ взяты: кто въ одномъ сюртукѣ, кто кутался въ пальто или пледъ. Арестованные пріютились одни на креслахъ, другіе просто на полу. Генералъ, чрезъ переводчика, освѣдомился о нуждахъ каждаго и сейчасъ же распорядился, по возможности удовлетворить желаніе каждаго изъ заключенныхъ. Тотчасъ послали по ихъ домамъ принести: тому бѣлье, тому подушку или одѣяло, либо коверъ, обувь, платье, а между тѣмъ распорядились доставить всѣмъ изъ ближайшей гостинницы по стакану кофе и по булкѣ. Нѣкоторые изъ арестованныхъ отвѣчали благодарность на такую о нихъ заботу и любезность,—другіе—упорно молчали, сохраняя недовольный и мрачный видъ. На горячія объясненія нѣкоторыхъ на несправедливый и ни на чемъ не основанный арестъ съ

просьбою стать въ ихъ защиту и приказать освободить ихъ, генералъ Козаковъ просилъ переводчика разъяснить арестованнымъ, что мы не можемъ принимать на себя рѣшенія ихъ участи, даже не зная мотивовъ, послужившихъ основаніемъ ихъ ареста;—что если мы и приняли активное участіе въ производствѣ таковаго, то единственно, какъ физическая сила, отданная въ распоряженіе австрійскаго правительства Высшими нашими властями и потому если и можемъ что нибудь сдѣлать въ интересахъ заключенныхъ, то собственно не выходящее за предѣлы обыкновеннаго сочувствія несчастію.

Дѣйствительно, какая была наша роль въ военно-гражданскомъ управленіи краемъ? Мы представляли собою не что иное, какъ физическую силу, недостававшую австрійскому правительству. Ни какой инициативы мы не имѣли и имѣть не могли. Все управленіе страною совершалась подъ надзоромъ австрійскихъ чиновниковъ и главное управленіе каждымъ комитатомъ, занятымъ нашими войсками, сосредоточивалось въ рукахъ австрійскаго комисара и его канцеляріи. Въ каждомъ городѣ, независимо отъ нашего военнаго начальника, былъ австрійскій, такъ называемый плацъ-маіоръ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось вся административная, хозяйственная и отчасти судебная власть. Этотъ же штабъ-офицеръ былъ секретнымъ надсмотрщикомъ Правительства за всѣмъ, что дѣлалось въ городѣ и его окружіи; находился въ непрестанномъ общеніи съ нашимъ воинскимъ начальникомъ въ городѣ; способствовалъ исполненію всѣхъ нашихъ законныхъ требованій. Въ свою очередь мы обязаны были во всемъ содѣйствовать австрійскому плацъ-маіору, который, въ сущности, безъ насъ ничего бы не могъ дѣлать, хотя у него, въ Кашау напримѣръ, въ распоряженіи было два батальона Австрійцевъ и толпа послушныхъ ему полиціантовъ. Представлялась ли необходимость собрать подводы съ деревень, или доставить войскамъ изъ окружности потребное количество продовольственныхъ запасовъ, мы посылали своихъ солдатъ съ венгерскими чиновниками. разумѣется, сторонниками австрійскаго правительства, въ самыя глухія, горныя трущобы и предъявляемыя требованія исполнялись немедленно и безпрекословно. Пошли же австрійскій плацъ-маіоръ, съ тѣмъ же требованьемъ своихъ солдатъ—ихъ непремѣнно передушили бы Венгерцы. Приходилось ли секвестровать имущество ушедшаго въ поветанье помѣщика, опять таки посылали нашихъ и распоряженіе приводилось въ исполненіе безъ всякаго противудѣйствія, тихо и смирно. Словомъ: гдѣ только гражданской власти предстояло употребить давленіе или поддержать свой авторитетъ,—всюду употребляли насъ, исключительно.

Такое вліяніе наше весьма рѣзко выразилось въ исполненіи одной изъ мѣръ, признанныхъ необходимой австрійскимъ правительствомъ, а именно, при изъятіи изъ обращенія ассигнацій революціоннаго правительства, [redacted] называемыхъ *„кошутокъ“*.

[redacted] нѣсколько словъ о томъ: что это такое—*„кошутки“*?

Еще до венгерской революціи, тотчасъ послѣ утвержденія австрійскимъ Императоромъ, такъ называемой, Ольмюцкой конституціи, немедленно по образованіи самостоятельнаго венгерскаго министерства, венгерскій національный банкъ произвелъ выпускъ огромнаго количества ассигнацій, фондомъ которыхъ была сама Венгрія. Ассигнаціи эти принимались не только въ Венгріи но и въ прочихъ австрійскихъ провинціяхъ, такъ какъ эти страны, постоянно и въ большемъ изобиліи обмѣнивались сырыми и мануфактурными произведеніями съ Венгріей и такъ какъ венгерскія войска, получавшія содержаніе этими ассигнаціями, были расквартированы по всей Австріи. Такимъ образомъ, когда закипѣла венгерская революція, австрійское правительство не нашло возможнымъ признать венгерскія ассигнаціи потерявшими цѣнность и не рѣшилось прекратить ихъ пріемъ въ свои казначейства, боясь, въ это смутное время вооружить противъ себя всѣхъ тѣхъ своихъ подданныхъ, которые располагали болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ такихъ ассигнацій. Между тѣмъ Кошутъ, ставъ во главѣ управленія Венгріей, при совершившемся его же стараніемъ окончательномъ отложеніи ея отъ Имперіи, поступилъ болѣе рѣшительно и безцеремонно. Кошутъ воспретилъ обращеніе въ Венгріи вышеупомянутыхъ ассигнацій, какъ и вообще ассигнацій австрійской Имперіи, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы владѣльцы ассигнацій венгерскаго національнаго банка немедленно обмѣняли ихъ на выпущенныя имъ ассигнаціи независимой Венгріи. Такимъ образомъ Кошутъ обогатилъ венгерскую казну многими милліонами ассигнаціонныхъ гульденовъ, имѣвшихъ свободное обращеніе не только во всей Имперіи, но и за границей, пріобрѣтя этимъ способомъ возможность покрывать расходы внѣ предѣловъ Венгріи. Въ то же время выпускомъ огромнаго количества ассигнацій независимой Венгріи, Кошутъ удовлетворилъ потребностямъ революціоннаго правительства, внутри страны. Ассигнаціи, выпущенныя революціоннымъ правительствомъ получили названіе „кошутокъ“, отъ подписи самого Кошута на ассигнаціяхъ стоимостью въ гульденъ и выше. Такая мѣра и принудительный курсъ *кошутокъ*, вызвали изчезновеніе изъ Венгріи серебрянной и золотой монеты. Каждый владѣлецъ звонкой монеты постарался припрятать ее въ надежное мѣсто, такъ какъ, естественно не видѣлъ ничего надежнаго ни въ австрійскихъ ни въ венгерскихъ ассигнаціяхъ, потому что тамъ, гдѣ признавалась власть исключительно венгерскаго правительства, прекращалось обращеніе австрійскихъ ассигнацій, а въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нашими или австрійскими войсками, *кошутки* признавались недѣйствительными.

Что до насъ, мы получали содержаніе золотомъ, причемъ полуимперіалъ намъ выдавался за 5 р. 30 к., а серебрянный рубль за 1 р. 5 к., а мы, мѣняя эти монеты на австрійскіе банкъноты, (*кошутокъ* мы не принимали), получали за полуимперіалъ 11 рейнскихъ минцъ, т. е. 6 р. 60 к. и за серебрянный рубль—2 рейнскихъ минцъ, т. е. 1 р. 20 коп. Этою разницею въ курсѣ, получаемой нами на содержаніе монеты, при огра-

ничтожности нашихъ средствъ, мы были очень довольны, тѣмъ болѣе, что эта прибавка составляла порядочную цифру, такъ какъ мы получали двойное жалованье, кромѣ порціоновъ, раціоновъ и фуражныхъ на вьючныхъ лошадей (такъ же верховыхъ—кому таковыя полагались).

Кошутки были: въ 15 и въ 30 крейцеровъ, въ 1, 2, 5, 10 и 100 гульденовъ. Ассигнаціи эти очень красивы на видъ, хотя бумага ихъ довольно толста и груба. Такъ, на примѣръ, *кошутка* въ 2 гульдена—розовая, съ бѣлыми водными знаками, гербомъ Венгріи и съ надлежащими подписями съ лицевой стороны, гдѣ на пяти, употребляемыхъ населеніемъ Венгріи языкахъ (а именно: на венгерскомъ, нѣмецкомъ, сербскомъ, чешскомъ и молдованскомъ), мелкимъ шрифтомъ напечатано извлеченіе изъ законовъ, касающихся до обращенія этихъ ассигнацій, съ указаніемъ наказаній, какимъ подвергаются поддѣлыватели этихъ денежныхъ знаковъ.

По мѣрѣ занятія края нашими войсками, какъ мы уже выше замѣтили, прекращалось обращеніе *кошутокъ*, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго, князя Варшавскаго. Но австрійское правительство не удовольствовалось этою мѣрою: оно исходатайствовало распоряженіе фельдмаршала, которымъ повелѣвалось жителямъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся русскіе воинскіе начальники, сдать въ ихъ управленіе, въ продолженіи 48 часовъ со дня вывѣшенія объявленія въ городѣ, всѣ имѣющіяся у жителей *кошушки, подъ росписки* тѣхъ офицеровъ, которые для таковаго пріема будутъ назначены мѣстнымъ русскимъ воинскимъ начальствомъ.

Здѣсь въ Кашау, мнѣ досталось исполненіе этого тяжелаго и непріятнаго порученія.

Это бы еще ничего, что въ продолженіи двухъ сутокъ сряду, пришлось не имѣть свободныхъ двухъ часовъ, что бы выспаться, такъ какъ все это время я, не вставая изъ за письменнаго стола, принималъ приносимыя жителями деньги въ *кошуткахъ*; что я тутъ же за работой, не прерывая ее, пилъ чай и обѣдалъ, но исполненіе этого порученія было тяжело тѣмъ, что сопровождалось раздирающими душу сценами. Не забудемъ, что тутъ многимъ бѣднякамъ приходилось отдавать подъ простую мою росписку, написанную на четвертушкѣ простой бумаги, порусски, съ приложеніемъ полковой печати, все свое достояніе. Получится-ли когда нибудь этимъ несчастнымъ, (да, и откого получится?) взамѣнъ моей росписки, отдаваемый имъ теперь капиталецъ, скопленный можетъ быть тяжкимъ, многолѣтнимъ трудомъ, и бывшій единственнымъ обезпеченіемъ будущности какъ его, такъ и его присныхъ! И вотъ, неудержимыми рыданіями сопровождаетъ старикъ передачу въ мои руки толстой пачки разноцвѣтныхъ [illegible]. Такого рода сцены, съ безчисленными варіаціями, повторялись [illegible] этихъ двухъ сутокъ, одна за другою и я отъ души перекре[illegible] когда эта мучительная пытка кончилась, при послѣднемъ ударѣ часовъ, возвѣстившемъ окончаніе, сорока восьми часоваго срока пріема ко[illegible]. Въ результатѣ были груды ассигнацій. Пересчитали—оказалось

далеко болѣе полумилліона рейнскихъ. Что же дѣлать съ такою массою ассигнацій? Въ казенный ящикъ онѣ помѣститься не могли. Связали кошутки въ тюки, запечатали и свалили въ уголъ канцеляріи, впредь до распоряженія. Невольно пришло въ голову: что будутъ дѣлать многіе бѣдняки съ моими росписками? Полагаю—передадутъ ихъ на память о посѣщеніи ихъ страны русскими, своимъ дѣтямъ и внукамъ! Да, пожалуй, еще завѣщаютъ ненависть и проклятіе намъ, какъ бы ограбившимъ ихъ, такъ какъ они, непосредственно австрійскимъ властямъ, ни за что, съ такою покорностью, какъ намъ, не выдали бы своего достоянія. (*)

Вскорѣ послѣ окончанія сказаннаго порученія по сбору кошутокъ, моя жизнь въ Кашау начала разнообразиться новыми случайностями.

Начать съ того, что по распоряженію главнаго штаба было прекращено всякое сообщеніе наше съ главной квартирой. Впредь, до особаго приказанія было воспрещено посылать не только команды выздоровѣвшихъ, провіантскіе и артиллерійскіе транспорты, но приказано останавливать почты, проѣзжающихъ въ главную квартиру и даже курьеровъ. Результатомъ было, что наше общество увеличилось интересными личностями, ѣхавшими изъ Петербурга и Варшавы, отъ которыхъ мы услышали много новостей. Затѣмъ, воспользовавшись воспрещеніемъ дальнѣйшаго слѣдованія, чиновники и почталіоны, препровождавшіе изъ Россіи почты, нѣсколькими транспортами, сдали таковыя въ наше вѣдѣніе, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ подводъ. Дня три мы возились надъ разборомъ этихъ почтъ, имѣя ввиду опредѣлить: что именно надлежитъ, при первой возможности отправить въ главную квартиру, что надо отослать обратно, по тракту на Дукло, расположеннымъ войскамъ на этомъ пространствѣ, наконецъ, что принадлежитъ собственно намъ,—войскамъ кашаускаго горнизона? По счастію, наши труды не были напрасны: мы имѣли наслажденье отыскать и письма и газеты намъ адресованныя. Понятно, съ какою жадностью мы на нихъ набросились, не имѣя ни какихъ извѣстій о своихъ близкихъ современи нашаго выступленія изъ Россіи.

Затѣмъ, стали носиться самые настойчивые слухи, что инсургенты вновь заняли многіе пункты не подалеку отъ Кашау, ими было покинутые при нашемъ вступленіи въ край и что особенно сильными партіями заняты: Токай, Керештуръ, Уйгелъ и др. Эти слухи, вначалѣ смутные, стали подтверждаться самымъ положительнымъ образомъ сторонниками австрійскаго

(*) Когда мы выступали изъ Кашау, мы сдали отобранныя кошутки мѣстному австрійскому начальству, которое и сожгло ихъ на площади. Не знаемъ, всѣ ли полученныя отъ насъ кошутки сожжены австрійцами, но слышали, что послѣ нашего внезапнаго отступленія изъ Кашау къ Эперіесу, кошутки опять было начали ходить въ Кашау въ прежней цѣнѣ, а за тѣмъ, по окончательномъ нашемъ выступленіи изъ Венгріи, кошутки охотно скупались жидами, разумѣется, за безцѣнъ. Говорили, что жиды нашли какую-то возможность получить отъ австрійскаго правительства уплату за представленныя ими кошутки. Въ то же время утверждали, что венгерское населеніе ничего не успѣло получить отъ австрійскаго правительства въ вознагражденіе за суммы, сданныя подъ наши росписки. Такимъ образомъ оправдалось горе и отчаяніе тѣхъ, которые сдавали намъ свое достояніе.

правительства, бѣжавшаго изъ названныхъ мѣстъ въ Кашау, спасаясь отъ возвратившихся венгровъ. При томъ плѣнные, восклицавшіе австрійскихъ коммиссаровъ въ болѣе или менѣе близкой окрестности, возвращаясь, увѣрили насъ, что дѣйствительно шайки инсургентовъ, воспользовавшись продвиженіемъ нашихъ главныхъ силъ въ глубь страны, появились въ значительномъ числѣ въ тылу главной арміи, между ею и нами, въ пространствѣ совершенно обнаженномъ отъ нашихъ войскъ. По означеннымъ свѣдѣніямъ, эти шайки, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все больше и больше вліяніе на мѣстныхъ жителей; укрѣпляютъ въ странѣ свое владычество; вербуютъ молодежь въ свои ряды; снабжаютъ жителей оружіемъ и боевыми зарядами; собираютъ продовольственные припасы; вновь водворяютъ *комиссаровъ*; убѣждаютъ народъ, что Венгры всюду торжествуютъ въ боевыхъ встрѣчахъ съ нашими войсками; что большая часть нашихъ арміи погибла отъ холеры и битвъ; и что, въ самомъ непродолжительномъ времени, венгерская армія перейдетъ въ наступленіе и мы будемъ выброшены изъ страны, а Венгрія совершенно и окончательно сдѣлается свободною.

Было ясно: если оставить инсургентовъ спокойно дѣйствовать въ городахъ и мѣстечкахъ, ими вновь нынѣ занятыхъ, то это будетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ достовѣрности враждебныхъ намъ слуховъ, ими распускаемыхъ, что дастъ имъ смѣлость простирать свои замыслы дальше и дальше, а можетъ быть и поможетъ поднять противъ насъ страну, едва только отчасти умиротворенную, что при слабости и разбросанности нашихъ силъ въ этой мѣстности, можетъ имѣть пагубные для насъ результаты.

Въ виду этого обстоятельства, генералъ Казаковъ отправилъ меня къ начальнику нашей коммуникаціонной линіи, (въ чьей командѣ и мы состояли), генералъ-маіору Сельвану, въ Эперіесъ, доложить о нашемъ затруднительномъ положеніи и просить дальнѣйшихъ инструкцій.

Передъ вечеромъ, съ козакомъ, на почтовомъ венгерскомъ форшпанѣ, мы помчались чрезъ Будоминскія высоты въ Эперіесъ и на разсвѣтѣ я разбудилъ генерала.

Почтенный старикъ Сельванъ обласкалъ меня какъ родного,—онъ зналъ меня еще ребенкомъ, будучи знакомъ съ моимъ семействомъ лѣтъ пятнадцать назадъ. *)

Обстоятельно распросивъ меня во всей подробности о происходящемъ у насъ, Сельванъ, свѣривъ мною полученныя, повѣрилъ своими и заявилъ,

---

*) [illegible] случайность [illegible] приходится здѣсь сказать, что это была моя первая и послѣдняя встрѣча съ генераломъ [illegible] мнѣ довелось быть на его похоронахъ въ Кала-[illegible] Сельванъ, какъ извѣстно, палъ на несчастномъ и [illegible] состояніемъ, турецкаго передоваго фор-[illegible] неудачнаго штурма, который возлагается, [illegible] Говоря по справедливости, истина [illegible] Мнѣ удалось почтить память покойнаго [illegible] изображеннаго турками тѣла, я поручилъ [illegible] рисунокъ каплицы и могилы Сельвана. [illegible]

что по собственнымъ соображеніямъ намѣревался освѣтить мѣстность впереди и на флангахъ нашего отряда, а потому очень радъ, что его взглядъ совпадаетъ съ таковымъ-же генерала Колзакова и сейчасъ же сдѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе.

Черезъ нѣсколько часовъ я уже мчался, съ письменными приказаніями Сельвана, въ Кашау и явился генералу Ковзакову еще до разсвѣта, а въ 2 часа пополудни, 5 іюля, долженъ уже былъ выступить изъ Кашау отрядъ, составленный изъ 2-го батальона Камчатскаго егерьскаго полка при двухъ орудіяхъ пѣшей артиллеріи, изъ полуэскадрона гусаръ, сформированнаго изъ выздоровѣвшихъ людей полковъ графа Радецкаго и принца Эмилія Гессенскаго, (Штабъ ротмистръ этого полка Скворцовъ) и изъ 20 казаковъ Донскаго № 41 полка.

Отряду приказано идти по направленію къ Токаю, начальникомъ отряда назначенъ командиръ 2 батал. Камчатскаго полка маіоръ Радомскій. (*) Что до меня, то я былъ, по приказанію Сельвана, приданъ отряду въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего я и пристроился къ казакамъ, которыми командовалъ мой хорошій пріятель—эсаулъ Поповъ.

Въ данной намъ инструкціи приказывалось дойти до мѣстечка Шанто и очистить, какъ его, такъ и всѣ лежащія до него и по сторонамъ села и деревни, отъ инсургентовъ; укрѣпить сторонниковъ австрійскаго правительства въ ихъ преданности къ оному; навесть страхъ на явныхъ и тайныхъ поборниковъ мятежа; отобрать оружіе, гдѣ таковое окажется у жителей; забрать и, по возможности, доставить въ Кашау, а въ случаѣ невозможности такой доставки, истребить продовольственные и другіе запасы, сдѣланные инсургентами или для нихъ приготовленные жителями; наконецъ, объявить жителямъ, что если они будутъ принимать шайки инсургентовъ, какъ друзей или давать имъ средства, какими бы то ни было способами вредить намъ,—то съ этими жителями будетъ поступаемо со строгостью воинскихъ законовъ, грозно наказывающихъ мятежниковъ.

Можно вообразить съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ всѣ мы, отъ начальника нашего отряда до послѣдняго солдата, пошли въ экспедицію. Съ какою завистью смотрѣли на насъ наши оставшіяся въ Кашау товарищи, обреченные на томительное бездѣйствіе и всѣмъ надоѣвшее однообразіе скучной жизни! Мы думали: наконецъ-то мы понюхаемъ пороху; испытаемъ прелесть опасности и тревоги боевой жизни; наконецъ-то мы встрѣтились лицемъ къ лицу съ нашимъ противникомъ. Что-то ждетъ насъ? Словомъ—разыгрывались мечты, ласкали надежды! Особенно моему юному чувству казалось обольстительною доставшаяся мнѣ роль въ этой экспедиціи. Это не то, что идти во фронтѣ пѣхотной колонны, представляя собою ничтожную единицу въ компактной массѣ безраздумныхъ исполнителей чужихъ приказаній,

(*) Впослѣдствіи полковникъ и командиръ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, умершій при защитѣ Севастополя отъ раны полученной на вылазкѣ.

какъ предстояло другимъ моимъ товарищамъ по чину. Нѣтъ, на лихомъ конѣ, съ нѣсколькими удальцами, гарцовать далеко впереди наступающаго отряда, съ нѣкоторою самостоятельностью въ дѣйствіяхъ, имѣя ввиду возможность *первой* встрѣчи съ непріятелемъ,—при томъ въ живописной мѣстности, въ прекрасное время года,—да эта сама поэзія!

Выступивъ изъ города въ 2 часа по полудни, мы съ казаками пошли крупной ходой и далеко оставили за собою двигавшійся за нами отрядъ, вытянувшійся по каменистой дорогѣ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ принятыхъ при движеніи вблизи непріятеля.

Начиная отъ хорошенькаго мѣстечька Гидасъ-Немети, въ которомъ мы дали только вздохнуть лошадямъ и гдѣ нашъ отрядъ имѣлъ ночлегъ, начался подъемъ на облегавшія долину лѣсистыя горныя высоты. Отъ попадавшихся намъ на встрѣчу жителей, объяснявшихся съ нами по словацки, мы слышали одинъ отвѣтъ, что Угры значительными силами занимаютъ Токай и партіи ихъ находятся во всѣхъ попутныхъ намъ селахъ и городкахъ, производя вербовку молодежи въ свои ряды и сборъ всевозможныхъ припасовъ для арміи инсургентовъ. Извѣстивъ объ этихъ слухахъ начальника нашего отряда, запискою, мы выбрали возвышенную полянку, на которой и провели ночь, не разводя костровъ. Выступивъ съ бивака еще до разсвѣта, мы прибавили шагу и около полудня увидѣли предъ собою, потонувшее въ садахъ и виноградникахъ, живописное мѣстечко Шанто, при чемъ на единственной его церквѣ ясно разсмотрѣли развѣвающійся большой революціонный флагъ. Очевидно, нашего прихода здѣсь не ждали и по всей вѣроятности мѣстечко занято инсургентами; но въ какомъ числѣ? Что же дѣлать? Какъ нарочно не видать ни кого, въ ближайшей окрестности, отъ кого можно было бы получить сколько нибудь точное разрѣшеніе нашему недоумѣнію. Однако нельзя было терять времени. Пославъ козака съ запискою начальнику отряда о нашемъ положеніи, мы прибавили просьбу о скорейшей присылкѣ гусаръ къ намъ на подкрѣпленіе, такъ какъ мы рѣшились занять мѣстечко. И мы дѣйствительно его заняли, просто—на удалую! Выславъ, за тѣмъ, нѣсколько козаковъ за селеніе, мы остановились на площади, у церкви, прискакавъ туда полнымъ карьеромъ, къ неописанному изумленію, если не къ ужасу, выбѣгавшихъ изъ домовъ жителей. У самой церкви мы увидѣли пробираущагося ксендза, вѣроятно торопившагося скрыться, и тотчасъ его захватили. Блѣдный, трепещущій, онъ однако заговорилъ съ нами на языкѣ намъ нѣсколько понятномъ—по словацки. Очень кратко и повидимому достаточно ясно, мы втолковали нашему плѣннику, что ни кто иной какъ самъ онъ, своею персоною, отвѣтитъ намъ за всякое могущее произойти [redacted] насъ покушеніе жителей мѣстечка, или можетъ быть находящихся [redacted] инсургентовъ; что мы, не что иное какъ передовые отряда, [redacted] черезъ полчаса будетъ на этой площади, слѣдовательно, собственное [redacted] сохраненіе требуетъ сказать намъ правду: гдѣ инсургенты?

[redacted] часъ тому, какъ выступили отсюда, былъ отвѣтъ.

„Кто же, спросили мы ксендза, какъ не онъ долженъ отвѣчать за вывѣшеніе трехцвѣтнаго флага, на колокольнѣ“!

Ксендзъ отвѣчалъ, что онъ не властенъ направлять политическія мнѣнія своей паствы и что если бы онъ не позволилъ вывѣсить этотъ флагъ на колокольнѣ, то, вѣроятно, былъ бы повѣшенъ на его мѣстѣ.

„Положимъ, это правда, настаивали мы, но вовсякомъ случаѣ, идите съ козаками и приведите сюда начальника мѣстечька, какой есть“.

— Онъ ушелъ съ инсургентами.—

Между тѣмъ, съ десятокъ жителей было окружено козаками. Мы потребовали, что бы понимающій насъ ксендзъ, тотчасъ раопорядился: первое—революціонный флагъ замѣнить австрійскимъ,—приказаніе это исполнено моментально; второе—въ наказаніе городу за очевидную измѣну австрійскому правительству и за добровольное подчиненіе мятежникамъ, тотчасъ доставить на эту площадь: мяса, крупъ, вина, водки, хлѣба и соли на шестсотъ человѣкъ праближающагося отряда, также овса и сѣна на 100 лошадей; за тѣмъ, третье—выдать имѣющееся у жителей оружіе.

Второе требованіе ксендзъ, переговоривъ съ жителями, обѣщалъ исполнить немедленно, что же касается до третьяго требованія, то онъ поклялся, что ни одного ружья нѣтъ въ селеніи;—у кого таковое и было то тотъ или увѣденъ инсургентами или отдалъ на вооруженіе забранной отсюда молодежи. И дѣйствительно, мы еще только издали увидѣли приближающихся къ мѣстечку гусаръ, а уже на площадь было доставлено три отличные вола, боченокъ сливовицы, боченокъ вина и груды разныхъ съѣстныхъ припасовъ и хлѣба. Сдавъ все принесенное жителями подошедшимъ вскорѣ гусарамъ и захвативъ себѣ, на дорогу, что получше, мы съ козаками, пустились въ дальнѣйшій путь и остановились выйдя на высоту господствующую надъ Шанто, что бы покормить лошадей и сварить похлебку утомленнымъ козакамъ.

Тутъ мнѣ впервые пришлось видѣть козацкій способъ артельнаго продовольствія. Оказывается, что вся партія козаковъ, обыкновенно, дѣлится на маленькія артели или товарищества. Добыча съѣстнаго каждымъ отдѣльнымъ членомъ товарищества составляетъ общее достояніе всего товарищества или артели. Вотъ и теперь, едва успѣли стреножить козаки коней, какъ уже пылаютъ костры и на нихъ подвѣшено нѣсколько котелковъ. Въ данномъ случаѣ висѣло три котелка на всю партію. Но, что же это? Смотрю у каждаго котѣлка сидитъ человѣка по три козаковъ и каждый держитъ что то на веревочкѣ! Оказалось, что каждый изъ этихъ козаковъ былъ представителемъ своей артели, или товарищества, и держалъ, варившуюся въ общемъ котлѣ, добычу своихъ товарищей, по артели: одинъ держалъ на веревочкѣ, опущенную въ котелокъ курицу, другой—кусокъ мяса, третій—поросенка. Бульонъ, который изготовлялся такимъ образомъ изъ разнообразныхъ мясъ, былъ общимъ достояніемъ всей партіи, а мясо съѣдали тѣ члены товарищества, которымъ оно принадлежало. И безобидно, и вкусно

Въ Шанто, къ маіору Радомскому, явился какой-то почтенный господинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, какъ онъ говорилъ сторонникъ австрійскій, и передалъ состоявшему при нашемъ отрядѣ австрійскому коммисару, что Токай занятъ значительнымъ отрядомъ Венгерцевъ, при 4-хъ орудіяхъ, что Керештуръ инсургенты укрѣпляютъ и что передовые ихъ отряды стоятъ въ Маадѣ, Таліи, Замборѣ и разсыпаны, мелкими постами, по всей окрестности.

Получивъ это извѣстіе Радомскій, нерѣшаясь нарушить данной ему инструкціи, предписывавшей не ходить далѣе Шанто, и вмѣстѣ съ тѣмъ считая невозможнымъ оставить занятую нами мѣстность не освѣщенною, потребовалъ меня и приказалъ въ 2 часа ночи идти съ козаками въ Талію и Маадъ, открыть непріятеля, развѣдать о его численности и намѣреніяхъ, добыть языка, но ни подъ какимъ видомъ не завязывать дѣла съ непріятелемъ, стараясь только, если представится возможность, навесть его на главный отрядъ. Маіоръ Радомскій объявилъ мнѣ, что если непріятеля въ ближайшей мѣстности не окажется въ 4 часа утра, выступитъ изъ Шанто, для сохраненія съ нами сообщенія и въ случаѣ нужды для подкрѣпленія насъ, полуэскадронъ гусаръ, самъ же онъ, со всѣмъ отрядомъ, выступитъ по тракту на Маадъ, въ 5 часовъ утра.

Въ назначанный часъ мы, крупнымъ шагомъ пошли впередъ, соблюдая всѣ воинскія предосторожности, такъ какъ предстояло пробираться по гористой и лѣсистой мѣстности. Передовымъ разъѣздомъ были высланы самые благонадежные козаки, изъ бывалыхъ. Тѣмъ большую необходимо было соблюдать осторожность, что нашъ путь пролегалъ по лѣсистому ущелью, въ которое, справа и слѣва, впадало множество другихъ, покрытыхъ виноградниками и густыми садами, огороженными каменными заборами, со множествомъ каменныхъ погребовъ и такихъ же домиковъ, что, вмѣстѣ взятое, благопріятствовало возможной противъ насъ засадѣ непріятеля.

Разсвѣтало, когда мы вскакали въ хорошенькое село Талію, отъ хозяевъ крайней избы узнавъ, что за полчаса до нашего прихода, отсюда вышли, здѣсь ночевавшіе 15 венгерцевъ. Не медля ни минуты, мы пошли дальше, на рысяхъ, думая догнать инсургентовъ, но пройдя нѣсколько верстъ, мы очутились у подъема на высокую, поросшую крупнымъ лѣсомъ гору. Давъ лошадямъ вздохнуть съ четверть часа, осмотрѣвшись, оправившись, мы стали подыматься на гору и не доходя ея перевала, встрѣтили стараго Словака, въ косматой буркѣ. На вопросъ: гдѣ Угры? получили отвѣтъ, изъ котораго и спровождавшей его жестикуляціи поняли, что они здѣсь, подъ горой.—Наконецъ то! Слава тебѣ Господи! Соскочить съ лошадей, подтянуть подпруги, вскочить опять въ сѣдло,—попробовать свободно ли вынимается шашка,—перемѣнить пистоны на ружьяхъ и пистолетахъ,—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и мы усиленной ходой стали [illegible]ться на гребень перевала. Поднялись и передъ нами раскинулась [illegible] картина долины Гернада, слѣва обрамленной отрогомъ Карпатъ,

такъ называемой *Токайской горой*, а прямо, и вправо, роскинувшейся на необозримое, совершенно ровное пространство, сливающееся съ синевою неба, испещренное живописными хуторами, городками, селами и деревнями, виноградниками и садами,—пространство прорѣзанное, въ различныхъ направленіяхъ, сверкающими ручьями и рѣчками, извивающимися въ пологихъ, зеленыхъ берегахъ. Неуспѣли мы всмотрѣться въ частности развернувшейся предъ нами картины, какъ наше вниманіе было-привлечено вдругъ, подъ самою горою, заклубившимся облакомъ пыли, понесшимся по дорогѣ. Тутъ мы поняли, что спугнули венгерскій пикетъ отъ насъ теперь убѣгавшій и какое то опъяненіе овладѣло нами: ногайки засвистали и мы, какъ снѣжный комъ катится съ утесистой вершины, покатились въ долину за убѣгавшимъ отъ насъ, впереди нами усмотрѣннымъ врагомъ. Никогда еще не охватывало души моей такого чувства какое я испыталъ въ эту минуту. Забывъ все окружающее и въ головѣ не имѣя мысли о какой нибудь опасности, даже не оглядываясь: всѣли козаки скачутъ за нами? мы видѣли одно только передъ собою—убѣгающее облако пыли и мчались, въ бѣшеной скачкѣ, чтобы его настигнуть. Такъ, бурной лавой, съ гикомъ и крикомъ, опустивъ пики, мы ворвались въ городокъ Маадъ, пронеслись на противуположную его сторону и вдругъ потеряли изъ виду, внезапно отъ насъ скрывшееся, завѣтное облачко пыли, цѣль нашей неудержимой погони. Оказалось что дорога, по которой мы мчались, извивавшаяся по самому краю долины, у подошвы горныхъ скатовъ, покрытыхъ садами и виноградниками, отороченными и прорѣзанными каменными заборами, версты заполторы отъ города, круто повернула на лѣво, за горный кряжъ, вдавшійся мысомъ въ долину. За этотъ то мысъ скрылось убѣгавшее отъ насъ облако пыли, за нимъ же ускакало три передовыхъ козака, самыхъ быстроконныхъ. Но непрошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ видимъ, наши передовые, съ такою же быстротою несутся назадъ, съ какою только что гнались за убѣгавшимъ отъ насъ облачкомъ; но теперь они скачутъ и машутъ намъ руками и что то кричатъ.

— Что такое?

„Венгерцы, Ваше б—іе, Венгерцы!“

— Многоли?

„Видимо—невидимо!“

Положимъ, возгласъ самый козачій,—самый у нихъ обыкновенный; но всегда ли надъ нимъ можно смѣяться? Мы осадили лошадей. Однако, безусловно вѣрить козакамъ тоже дѣло не подходящее! Перекинуться нѣсколькими словами съ есауломъ, взять двухъ лучшихъ наѣзниковъ и съ ними броситься впередъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла, было для меня дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Но, лишь только мы выскакали за мысъ, какъ увидѣли человѣкъ десять венгерцевъ, съ обнаженными саблями, крупною рысью, идущихъ намъ на встрѣчу, въ какихъ нибудь ста саженяхъ отъ насъ и въ тоже время, у двухъ—трехъ большихъ строеній (какъ

оказалось впослѣдствіи корчмы „Замбора-Чадра“), лежавшихъ отъ насъ саженяхъ въ двухстахъ, садилось на лошадей нѣсколько всадниковъ. Думать было нечего. Мы повернули назадъ и понеслись къ своимъ, сдѣлавъ по наступающимъ инсургентамъ нѣсколько выстрѣловъ на скаку, оставленныхъ ими безъ отвѣта. Доскакавъ до своихъ козаковъ, стоявшихъ на мѣстѣ, гдѣ мы ихъ оставили, мы увидѣли выходящихъ, изъ за мыса, венгерцевъ, шедшихъ маленькой рысцой и въ тоже время усмотрѣли, вправо по долинѣ, направляющихся намъ во флангъ, отъ деревни Замборъ, толпу всадниковъ, человѣкъ въ 20, повидиму намѣревающихся отрѣзать намъ отступленіе. Но движеніе непріятеля не имѣло рѣшительнаго характера. Они не рѣшались, повидимому, ударить на насъ, полагая вѣроятно, что Маадъ уже занятъ нашимъ отрядомъ и что мы ихъ только на него наводимъ. Пользуясь этою нерѣшительностью непріятеля, мы пошли шагомъ къ городу, держа ружья на готовѣ. Венгерцы шли за нами на ружейный выстрѣлъ, но огня не открывали. Подходимъ къ городу. Теперь что дѣлать? А если въ городѣ уже ждутъ насъ инсургенты и приставшіе къ нимъ вооруженные жители и пока у насъ съ ними произойдетъ драка, насядутъ на насъ сзади преслѣдующіе насъ Венгерцы?

— Что дѣлать? крикнулъ эсаулъ Поповъ.

„Мимо, ваше б—іе, мимо“, кричитъ передовой урядникъ, въ городѣ видна суматоха, бѣготня, слышны крики! Обскачемъ городъ!..... и онъ было повернулъ своего коня влѣво съ дороги, что бы оставить городъ въ право.

— Эхъ, братцы, закричалъ я, видите—рѣченка вьется. Вдругъ тамъ трясина,—увязнемъ, какъ утокъ перестрѣляютъ насъ! Валяй прямо въ городъ. На людяхъ и смерть красна“! А самъ думаю: въ случаѣ чего въ какую нибудь избу ворвемся, отсидимся въ ней, пока подойдутъ наши, на пальбу..... И мы съ мѣста маршъ—маршемъ, понеслись по улицамъ города, держа ружья и пистолеты со взведенными курками, къ ужасу разбѣгавшагося и что то, дѣйствительно кричавшаго по венгерски, въ большихъ массахъ толпившагося народа. Десяти минутъ не прошло какъ мы уже были за городомъ и послав козака доложить начальнику отряда, что непріятель открытъ, пошли шагомъ на встрѣчу своимъ. Венгерцы не посмѣли войти въ городъ и выставили пикеты по ту его сторону, что вскорѣ сдѣлали и мы, лишь только достигли первой высоты, на которой и остановились. Добрый часъ прошелъ у насъ въ созерцаніи другъ друга. Мы не могли и не считали себя вправѣ, что нибудь предпринять не получивъ приказаній своего начальника;—венгерцы, вѣроятно, не смѣли двинуться на насъ. Видимъ изъ села Замбора къ ихъ пикетамъ подошло еще [illegible] десять. Теперь, думаемъ, не двинуться ли впередъ и нетерпеливо [illegible]емъ назадъ,—а нашихъ—нѣтъ какъ нѣтъ! Но вотъ, смотримъ, [illegible]али съѣзжаться въ одинъ пунктъ;—вотъ они повернули на лѣ[illegible] шагомъ ушли за вышеупомянутый мысъ. А въ городѣ, меж-

ду тѣмъ видимъ, бѣготня и суматоха продолжаются. Вѣроятно жители боятся нашего вступленія, суетятся и прячутъ,—что надѣются спасти отъ нашей хищности! Прошелъ еще часъ пока мы завидѣли нашихъ гусаръ, снускавшяхся съ перевала. Мы было на коней, что бы идти въ городъ, какъ прискакалъ козакъ съ запискою начальника отряда, приказывавшаго не двигаться впередъ съ мѣста на которомъ записка насъ застанетъ, а мнѣ прибыть къ начальнику въ м. Талію, гдѣ остановился отрядъ. Оказалось: получено приказаніе—немедленно возвратиться въ Кашау.

Вотъ такъ разочарованіе! Быть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ непріятеля, при томъ, превосходя его въ силахъ, по тому что въ Токаѣ, (какъ и оказалось впослѣдствіи), было всего 500 человѣкъ инсургентовъ при 4-хъ орудіяхъ; кипя готовностью вступить въ бой, имѣя всѣ шансы успѣха, вдругъ повернуть назадъ, и почему то, отступать,—по истинѣ, печальная случайность.

Однако, по соглашенію съ Эсауломъ Поповымъ и шт.-ротм. Скворцовымъ, прибывшимъ со своимъ полъэскадрономъ, мы рѣшились занять Маадъ, что бы въ виду нашего поспѣшнаго возвращенія изъ за этого городка, послѣ встрѣчи съ венгерскими пикетами, не унизить значенія русскаго войска въ глазахъ мѣстныхъ жителей. По этому, оставивъ гусаръ, въ видѣ резерва не входя въ Маадъ, на позиціи, съ которой можно было наблюдать всю окрестность, мы съ козаками вошли въ мѣстечко, выславъ разъѣздъ передъ городъ, къ сторонѣ Токая.

Жители съ невольною покорностью вышли къ намъ на площадь; начальство города привѣтствовало наше вступленіе и выразило готовность исполнить всѣ наши требованія, буде таковыя послѣдуютъ.

Развѣвавшіеся на колокольняхъ революціонные флаги были уже замѣнены австрійскими. Австрійскій коммиссаръ, пріѣхавшій къ намъ изъ отряда, успѣлъ уже отъ кого то пронюхать, что въ ратушѣ имѣется складъ оружія. Дѣйствительно, посланный туда разъѣздъ нашелъ: революціонные флаги, барабанъ, 105 копій, болѣе сотни косъ насаженныхъ торчмя на длинныя палки, нѣсколько десятковъ дрянныхъ, большею частію охотничьихъ двухствольныхъ ружей, нѣсколько паръ пистолетовъ и съ полусотню венгерскихъ сабель, разныхъ формъ и видовъ. Весь этотъ хламъ мы объявили конфискованнымъ, вытребовали подводу и, подъ конвоемъ, отправили въ свой резервъ. Между тѣмъ жители богатаго Маада устроили намъ на площади роскошный завтракъ, натащивъ всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, превосходной сливовицы и отличнаго венгерскаго вина, повидимому, съ полнѣйшимъ радушіемъ, принявшись угощать насъ, причемъ сами вызвались отвезть съѣстныхъ припасовъ и людямъ оставшимся внѣ города. Надо полагать, что таковая готовность напоить насъ была вызвана отчасти опасеніемъ нашей мести за видимое для насъ общеніе жителей съ инсургентами, частію благодарностью за тотъ, вѣроятно, неожиданный венгерцами порядокъ, который они, ожидавшіе съ нашей стороны грабежа и насилій,

[illegible] надо огибать, насъ встрѣтитъ [illegible] съ этихъ нависшихъ надъ [illegible] вершинъ! И думать тогда о спасеніи [illegible] своего врага!

[illegible] мы тянулись ущельями верстъ пят- [illegible] увидѣли на огромной скалѣ, [illegible] развалины древняго замка и деревушку, [illegible] подножія, въ котловинѣ, изъ которой раз- [illegible] различнымъ направленіямъ, независимо того, [illegible] была деревня *Фони*.

[illegible] надо было дѣйствовать рѣшительно. Ос- [illegible] изъ нѣсколькихъ человѣкъ на высотѣ гос- [illegible] мы, крупнымъ галопомъ вошли въ дерев- [illegible] трехъ жителей весьма почтенной наружно- [illegible] оказался деревенскимъ старшиной. По счастію, [illegible] нами по словацки и мы ломая языкъ до невѣ- [illegible] имъ, что за нами, въ Болдокъ Варалли стоитъ [illegible] идущій и что мы собственно посланы взять вен- [illegible] оружіе и революціонныя знамена находящіеся въ ихъ [illegible] такое объясненіе своимъ плѣнникамъ, сбѣжалось [illegible] по видимому, сильно взволнованное и съ угрожаю- [illegible] населеніе деревни, которое мы однако близко къ себѣ [illegible] наруживъ себя выдвинутою впередъ казачьею цѣпью. По- [illegible] о немедленной выдачѣ оружія и скрывающихся въ де- [illegible] мы дополнили объявленіемъ, что въ случаѣ какой либо [illegible] противъ насъ со стороны жителей, мы прежде всего поса- [illegible] любъ тремъ задержаннымъ нами старикамъ. Вслѣдствіе этого [illegible] что-то стали кричать, по венгерски, сбѣгавшемуся народу, [illegible] успокоивая его, а намъ дали понять, что мы находимся у дру- [illegible] что въ деревнѣ нѣтъ ни гонведовъ, ни оружія. За тѣмъ оче- [illegible] приказаніе своихъ вожаковъ нами захваченныхъ, жители [illegible] потащили къ намъ, на площадь, кувшины вина, хлѣбъ, сыръ, мя- [illegible] фрукты, предлагая намъ подкрѣпить свои силы. Но мы, не слезая съ [illegible] объявили, что тогда только пріймемъ ихъ радушное предложеніе, [illegible] они исполнятъ наше требованіе въ продолженіи слѣдующей четверти [illegible] т. е. выдадутъ имѣющееся у нихъ оружіе, въ противномъ случаѣ мы [illegible] ихъ деревню. Для большаго устрашенія жителей, козаки тутже [illegible] развесть костеръ показывая жителямъ, что горящія головни [illegible] тотчасъ на крыши ихъ домовъ, въ случаѣ дальнѣйшаго ихъ [illegible] Угроза эта имѣла успѣхъ. И двадцати минутъ не прошло какъ [illegible] притащили нѣсколько десятковъ дрянныхъ охотничьихъ [illegible] старыхъ сабель и около полусотни косъ, насаженныхъ [illegible], а равно большой, національный флагъ. Принесенныя ко-

сы мы тутже бросили въ пылавшій костеръ, остальное воружіе казаки понавѣшали на себя и на лошадей, свернули флагъ вокругъ древка, —поблагодарили жителей за ихъ покорность законному правительству,—повторили тѣ же наставленія, что дѣлали въ Маадѣ,—выпили по стакану предложеннаго намъ вина,—забрали, кто сколько хотѣлъ, хлѣба и мяса и присоединивъ къ себѣ остававшихся за деревней людей, потянулись къ слѣдующей деревнѣ, взявъ проводника изъ жителей.

Едва скрылась изъ глазъ оставленная нами деревня, мы на первой встрѣченной лужайкѣ сдѣлали продолжительный привалъ; накормили, напоили лошадей,—отдохнули сами и затѣмъ углубились въ одно изъ рисовавшихся предъ нами ущелій, тянувшееся паралельно Кашаусской дорогѣ.

Опять пошли горы, по истинѣ, такой красоты что мы и не рѣшаемся напрасно трудится надъ ихъ описаніемъ, въ убѣжденіи, что не только наше, но перо и болѣе сильное не дастъ возможности читателю составить надлежащее представленіе объ этихъ несомнѣнныхъ чудесахъ природы. Другое бы дѣло ознакомить читателя съ орографіей страны, представить дѣльное геологическое описаніе этихъ горныхъ мѣстностей. Но, опять таки, это дѣло ученаго, а не солдата. Все что можемъ сказать о горахъ, въ которыхъ мы скитались, это что по красотѣ своей, онѣ не уступаютъ Альпамъ, а естественными богатствами въ ихъ нѣдрахъ заключающимися далеко оставляютъ за собою всѣ европейскія горы, искони вѣковъ славясь доставленіемъ весьма значительнаго количества различныхъ, даже благородныхъ, металловъ и менералловъ. Дѣйствительно, до открытія Америки, венгерскія горы были единственнымъ мѣстомъ добычи, въ Европѣ, благородныхъ металловъ, особенно Шемницкіе рудники, извѣстные уже болѣе 900 лѣтъ. Чтоже касается до минералловъ, то венгерскіе Карпаты изобилуютъ ими и издавна снабжаютъ Европу превосходными гранатами, аметистами, лучшими видами агатовъ и въ особенности *опалами*, по величинѣ и чудной водѣ, едвали имѣющими себѣ равныхъ. Главнѣйшія мѣсторожденія опала, говорятъ, имѣются именно тутъ, по близости нашихъ настоящихъ скитаній, близь д. Фони. Говорятъ, опалъ попадается здѣсь не только въ штольняхъ, но и на поверхности земли, гнѣздами, въ конгломератахъ трахита. Опалъ этотъ такъ знаменитъ красотою своихъ переливчатыхъ цвѣтовъ, что въ прежнія времена его здѣсь скупали турецкіе торговцы, посылали въ Индію для отдѣлки и оттоль привозили на продажу, черезъ Голландію, въ Европу—и даже въ Венгрію, какъ издѣліе Востока, но уже поднявшимся въ цѣнѣ, до невѣроятныхъ размѣровъ. Разсказываютъ, что въ регаліяхъ Австрійскаго Императора красуются два здѣшніе опала весьма значительной величины, оцѣненные чуть ли не въ милліонъ нашихъ серебряныхъ рублей каждый. (*)

(*) *Опалъ благородный* по большей части бѣлаго или молочно-бѣлаго цвѣта съ сильнымъ блескомъ, яснымъ отливомъ и игрою всевозможныхъ радужныхъ цвѣтовъ. Высокій сорт это Arlequin Opale или Восточный опалъ Opale orientale. Лучшая коллекція благород опала въ Императорскомъ кабинетѣ, въ Вѣнѣ.

Однако намъ было не до ученыхъ изслѣдованій: надо было торопить-
ся дойти указанныя намъ деревни и присоединиться къ своему отряду.

Не стану повторять почти тождественныхъ разсказовъ о нашемъ по-
ложеніи въ нѣсколькихъ лежавшихъ на нашемъ пути горныхъ деревенькахъ.
Скажу только, что мы занимали эти деревни, ближе лежавшія къ г. Ка-
шау, уже гораздо смѣлѣе, не опасаясь ни возстанія противъ насъ жителей,
ни внезапнаго нападенія инсургентовъ. Вездѣ мы отобрали имѣвшееся у
жителей оружіе (которое подъ конецъ поиска везли на подводахъ), наці-
ональные флаги; вездѣ мы были накормлены и напоены, а въ одной дере-
внѣ, какъ добровольно выдали, вслѣдствіе настоянія мѣстнаго ксендза, двухъ
венгерскихъ эмиссаровъ, присланныхъ инсургентами, какъ письменно зая-
вилъ намъ сказанный ксендзъ,—подымать населеніе противъ австрійскаго
правительства, проповѣдуя поголовное вооруженное возстаніе. Двухъ этихъ
несчастныхъ мы взяли съ собой. Другихъ особыхъ приключеній, которыя
бы стоило разсказать, съ нами не было и мы догнали свой отрядъ, до-
вольно быстро двигавшійся въ Кашау.

Къ стоявшему на бивачномъ привалѣ, у ручья, въ долинѣ, отряду,
мы подъѣхали съ нарочитымъ эффектомъ. Отрядъ не зналъ о нашемъ прибы-
тіи, не могъ насъ видѣть въ лѣсистыхъ горахъ, тогда какъ мы, съ
горы, его видѣли, какъ на ладонѣ.

Мы построили казаковъ по три въ рядъ и раздавъ имъ четырнад-
цать нами взятыхъ флаговъ, частію трехцвѣтныхъ, частію красныхъ съ
вышитымъ посрединѣ гербомъ Венгріи, давъ имъ свободно развѣвать по
вѣтру, съ громкой, казацкой пѣснью, вдругъ выдвинулись изъ лѣсной ча-
щи. Неожиданное наше появленіе привело въ восторгъ бивакирующій от-
рядъ, (правда въ немъ могло родится другое чувство, если-бы подъ зна-
менами надъ нами развѣвавшимися, вдругъ, съ горъ ринулись венгерцы!—
дѣло совершенно возможное при очевидной безпечности нашего отряда),—
раздалось громкое „ура!“ и всѣ бросились къ намъ на встрѣчу.

Разсказамъ не было конца. Мы угощали товарищей привезеннымъ на-
ми виномъ и сливовицей; разсматривали забранное нами оружіе, флаги;
осыпали вопросами плѣнныхъ. Было шумно и весело, какъ вдругъ прика-
залъ казакъ съ письменнымъ приказаніямъ ускорить движеніе колонны къ
Кашау, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, вслѣдствіе особаго повелѣнія
полученнаго изъ главной квартиры, а мнѣ приказано немедленно явиться
къ генералу. Часу затѣмъ не прошло какъ я уже мчался, съ козакомъ, съ
отобранными нами флагами, этими жалкими трофеями нашей экспедиціи,
съ добытомъ австрійскимъ коммисаромъ, находившимся при отрядѣ, форш-
манѣ, запряженномъ четверкою добрыхъ лошадокъ, цугомъ, безъ форейтора,
—à la Daumont! Перемѣнивъ лошадей въ Гидасъ Немети, я, ночью 9-го
былъ уже въ Кашау, куда вскорѣ послѣ моего пріѣзда, прискакалъ
курьеръ изъ главной квартиры съ приказаніемъ—*отступать!*
ихъ двумя курьерами предписаній усматривалось что 2 іюля,

фельдмаршалъ Паскевичъ извѣстился отъ главнокомандующаго австрійскими войсками, что Гергей, выступивъ изъ крѣпости Коморна, направился лѣвымъ берегомъ Дуная—свѣдѣніе подтверждавшееся донесеніями нашихъ разъѣздовъ. Въ слѣдствіе этого, главныя силы нашей арміи были сосредоточены при с. Гартіанъ, 5 іюля. Затѣмъ Венгры атакованные на позиціи при городѣ Вайценѣ, отступили по направленію на Ватъ—Кердъ и такимъ образомъ могутъ предпринять движеніе къ сѣверо-востоку, чтобы проникнуть въ Дебречинъ или Токай, а можетъ быть и коснуться г. Кашау. По этому предписывалось Кашауусскому гарнизону: больныхъ если возможно, помѣстить въ томъ (замѣтимъ—дурацкомъ, выше мною упомянутомъ) укрѣпленіи, что мы устроили при выѣздѣ изъ города; тѣхъ-же, которые не умѣстятся въ этой *крѣпости*—помѣстить въ городѣ, объявивъ жителямъ, что эти люди отдаются на ихъ личную отвѣтственность, затѣмъ присоединивъ къ себѣ все могущее двигаться, отступать на Епериесъ. (*)

Понятно—какая у насъ поднялась кутерьма, въ особенности по полученіи въ тотъ же день, тождественнаго съ первымъ, предписанія главнаго штаба. Слово „ретирада“—вообще деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ

(*) Вотъ подлинное предписаніе, полученное генераломъ Колзаковымъ, 9 іюля.

„Командиру Камчатскаго егерьскаго полка г. генералъ-маіору и ковалеру Колзакову.

2 числа іюля мѣсяца, г. главнокомандующій арміею, получилъ свѣдѣніе отъ фельдмаршала австрійскихъ войскъ, что начальникъ мятежниковъ Гергей выступилъ изъ Коморна и слѣдуетъ лѣвымъ берегомъ Дуная; свѣдѣнія эти были подтверждены разъѣздами, высланными отъ передоваго отряда генералъ-маіора князя Бебутова. Въ слѣдствіе сего главныя силы арміи были сосредоточены при с. Гартіанъ; 5 числа сего мѣсяца непріятель аттакованный на позиціи близь Вайцена отступилъ по направленію на Ватъ—Кердъ и можетъ предпринять движеніе къ сѣверо-востоку для того, чтобы проникнуть въ Дебречинъ или Токой, а можетъ быть коснуться города Кашау.

Сообщая объ этомъ Вашему Пр—у, предписываю всѣхъ имѣющихся у васъ больныхъ стараться помѣстить въ самомъ укрѣпленіи, тѣхъ-же которые не могутъ быть помѣщены въ укрѣпленіи, расположить въ самомъ городѣ, объявивъ жителямъ, что безопасность больныхъ лежитъ на личной отвѣтственности города, съ которымъ, въ противномъ случаѣ, будетъ поступлено по всей строгости закона.

Затѣмъ, оставивъ для защиты укрѣпленія, достаточно сильный, по усмотрѣнію вашему гарнизонъ, со всѣми оставшимися у васъ войсками, выздоровевшими, обозами и тяжестями, имѣете немедленно выступить изъ г. Кашау въ Епериесъ, куда по прибытіи, явиться генералъ-маіору Сельвану, въ распоряженіи котораго состоять и впредь. О времени вашего выступленія, съ объясненіемъ: съ какими именно частями выступите и какія затѣмъ остаются въ г. Кашау, мнѣ донести.

При семъ присовокупляю, что генералъ-лейтенантъ Ренне доноситъ, что генералъ-интендантъ арміи отправляетъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи 60,000 полуимперіаловъ. Его свѣтлости угодно дабы Ваше Пр—о не только остановили слѣдованіе сего транспорта, но подъ надежнымъ прикрытіемъ направили бы оный въ г. Епериесъ, для храненія, генералъ-маіору Сельвану.

Подписалъ начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.

На этой бумагѣ, собственной рукой князя Горчакова приписано: „Добавлнется, обозами съ тяжестями не обремѣнять войска при слѣдованіи изъ Кашау въ Епериесъ, а оставьте ихъ въ укрѣпленіи. Подп. ген. адъют. князь Горчаковъ № 415. 6 іюля 1849. г. Вайценъ.

Можемъ надѣяться, что настоящее обнародованіе этого подлиннаго документа, подписаннаго Начальникомъ главнаго штаба арміи, распоряженія котораго, какъ извѣстно, исполняются какъ бы повелѣнія самого главнокомандующаго, снимаетъ всякую отвѣтственность на командира нашего полка, генерала Колзакова какъ Кашауусскаго коменданта, въ этомъ странномъ отступленіи нашемъ изъ Кашау, передъ какимъ то призрачнымъ непріятелемъ. тѣмъ, повидимому, это отступленіе, въ главной квартирѣ хотѣли поставить въ вину

на войска; тѣмъ болѣе оно непріятно звучало въ нашихъ ушахъ, что было совершенно и неожиданно и нежданно.

Кромѣ того, мы были въ чрезвычайномъ затрудненіи. Что намъ было дѣлать съ тремя почти тысячами больныхъ, бывшихъ у насъ на рукахъ? Также—съ огромнымъ количествомъ всякихъ коммисаріатскихъ, артиллерійскихъ и провіантскихъ запасовъ, у насъ скопившихся?

Генералъ послалъ меня къ австрійскому Плацъ Маіору, нашему общему пріятелю Маіори Вечени, условиться на счетъ тѣхъ перевозочныхъ средствъ, какія намъ могутъ немедленно доставить австрійскія власти. Вечени обѣщалъ переговоривъ съ главнымъ австрійскимъ коммисаромъ Печи, употребить всѣ усилія чтобы помочь намъ. Черезъ часъ я получилъ отъ Плацъ Маіора записку на французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: „Если вамъ нужны повозки, тотчасъ пошлите человѣкъ сто солдатъ въ распоряженіе г. Печи. Онъ ихъ отправитъ въ окрестныя деревни чтобы собрать подводы. Вашимъ солдатамъ нечего опасаться потому, что опасность еще не такъ велика; они воротятся съ повозками, которыми вы можете распоряжаться по усмотрѣнію. Такимъ образомъ ваше выступленіе не можетъ

ламъ Колзакову и Сельвану, или, по крайней мѣрѣ, признавая это отступленіе мѣрою ошибочною, указывали на этихъ генераловъ, какъ на совершившихъ его—*произвольно*. Иначе не могло бы имѣть мѣста замѣчаніе генерала адъютанта барона Николаи, помѣщенное въ „Запискахъ“ его, подъ датой 15 іюля, (*Русская Старина октябрь 1877*), тѣмъ болѣе, что генералъ этотъ состоялъ при Государѣ Императорѣ, и вѣроятно говоритъ въ данномъ случаѣ въ этомъ смыслѣ, какъ было денесено Его Величеству изъ главной квартиры. „Вѣсть, говоритъ баронъ Николаи объ этомъ приближеніи, (*) по видимому, отозвалась было и на нашихъ военныхъ начальникахъ, не говоря о комиссаріатскихъ и разныхъ другихъ чиновникахъ; ибо комендантъ нашъ въ Кашау, (**) по приказанію будто бы (?) князя Горчакова, (***) отступилъ оттуда, оставивъ до 1500 нашихъ больныхъ подъ прикрытіемъ лишь одного баталіона, а изъ Эперіеса генералъ Сельванъ на укрѣпленную позицію въ Капи, (****) оставивъ лишь гарнизонъ въ фортѣ“.

Впрочемъ, И. Ореусъ, въ своемъ „*Описаніи Венгерской войны 1849 года*“ (Спбургъ, 1880) иначе отзывается объ этомъ самомъ событіи. Онъ объясняетъ, что послѣ Вайценскаго дѣла, фельдмаршалъ Паскевичъ, въ числѣ предположеній о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Гергея, считалъ, между прочимъ, возможнымъ что онъ, достигнувъ Рима-Сѣчь или Путнока, повернетъ на Кашау, истребитъ наши запасы и проникнувъ черезъ сѣверовосточную Венгрію въ Трансильванію, безпрепятственно соединится съ войсками дѣйствующими на югѣ.

Согласно этого предположенія, главнокомандующій, рѣшился принять мѣры къ охраненію запасовъ въ Кашау, при чемъ 4-му корпусу приказалъ, въ случаѣ движенія Гергея на Кашау, всѣми силами идти ему во флангъ, отъ Мишкольца. Въ тоже время генералу Сельвану, предписано принять мѣры для обороны укрѣпленій, устроенныхъ въ Кашау, (хороши укрѣпленія!!!), Эперіесѣ и Бартфельдѣ и разсѣивать мелкія непріятельскія партіи, къ нимъ приближающіяся. Если же вся армія Гергея пойдетъ на Кашау то, невсвлекаясь въ неравный бой, отступать на войска барона Остенъ-Сакена, идущія изъ Галиціи.

Очевидно, что двукратное предписаніе намъ данное отступить изъ Кашау и потомъ приказаніе полученное Сельваномъ, бывшее, какъ ниже увидимъ причиною нашего поспѣшнаго, ночнаго, скажемъ правду—безобразнаго, отступленія отъ Эперіеса, на соединеніе съ отрядомъ барона Остенъ-Сакена, было основано на убѣжденіи фельдмаршала въ намѣреніи Гергея всей арміей своей двинуться на Кашау.

(*) т. е. о приближеніи Гергея къ Кашау и Эперіесу.

(**) т. е. генералъ Колзаковъ.

(***) Хорошо это „*будто бы*“, выраженное въ двухъ письменныхъ предписаніяхъ, посланныхъ двумя курьерами, разными дорогами.

(****) Изъ этой позиціи не укрѣпляли.

совершиться такъ скоро, но если вы отступите и ночью, вы всетаки не опоздаете. Только ни въ какомъ случаѣ не свозите вашихъ больныхъ въ укрѣпленіе, („dans le cгeposth“); одна граната, которая попадетъ въ эту часть города, уничтожитъ ее всю, такъ какъ тамъ много домиковъ крытыхъ соломой. Оставьте больныхъ тамъ, гдѣ они лежатъ, если ихъ не можете транспортировать и повѣрьте, если это Гергей займетъ наше мѣсто, онъ имъ не сдѣлаетъ никакого зла. Но подумайте о провіантѣ и аммуниціи—все это погибнетъ, хотя бы вы и возложили отвѣтственность за цѣлость этихъ предметовъ на городъ: что можетъ сдѣлать городъ противъ сорокатысячной арміи!!“ Кашау. 21 іюля 1849. Вечени. Маіоръ.

Генералъ рѣшился поступить по совѣту Вечени. Солдаты при унтеръофицерахъ отправлены къ Печи для сбора подводъ, а между тѣмъ началось выступленіе нашихъ обозовъ и наши личныя сборы въ походъ.

Въ сумерки стали прибывать подводы изъ ближайшихъ селъ и взятыя въ самомъ городѣ; подводы эти нагружали аммуниціей, оружіемъ и провіантомъ и по мѣрѣ окончанія нагрузки, партіями, отправляли по Эперіесской дорогѣ. Больныхъ въ укрѣпленіе не переводили, а только поставили въ немъ гарнизонъ изъ два баталіона Азовскаго пѣхотнаго полка, подъ командою подполковника Мосальскаго. Замѣчательно, что этому гарнизону не было дано ни какихъ инструкцій. Оставленъ онъ въ этомъ несчастномъ укрѣпленіи совершенно на произволъ судьбы, можно сказать на видимую погибель если бы дѣйствительно появился подъ Кашау Гергей со всей своей арміей. Сдаться Гергею—гарнизону не приходилось,—драться въ такихъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, въ какихъ онъ находился, охраняя порученное ему укрѣпленіе, тоже было не сладко; но что же дѣлать—высшее начальство приказало оставить гарнизонъ для защиты укрѣпленія и таковой оставленъ, хотя самое существованіе укрѣпленія въ Кашау было не болѣе какъ фиктивное.

Когда совсѣмъ смѣркло мы съ музыкой и пѣснями потянулись изъ города, къ явному восторгу венгерцевъ. Да, жители въ нашемъ отступленіи увидѣли зорю своего спасенія подъ вліяніемъ распространившихся между ними слуховъ, въ сущности невѣроятныхъ, о пораженіяхъ будто бы нанесенныхъ нашимъ главнымъ силамъ; о блистательныхъ побѣдахъ Гергея будто бы имъ одержанныхъ по выступленіи изъ Коморна; о томъ чрезвычайномъ разстройствѣ въ какое приведены наши войска, отчасти этими пораженіями, отчасти—холерою. Но, какая непріятная неожиданность поразила Кашауссскихъ жителей утромъ, послѣ нашего отступленія! Горожане съ самаго разсвѣта толпились передъ нашими прокламаціями прибитыми, по нашему распоряженію, ночью, ко всѣмъ большимъ зданіямъ города, а такъ же къ домамъ на углахъ и перекресткахъ. Прокламація эта написанная мною по русски и переведенная на три употребительнѣйшіе въ Кашау, языка: венгерскій, нѣмецкій и словацкій, была напечатана весьма [illegible]ъ шрифтомъ на листахъ толстой, почти оберточной бумаги. О

слова она гласила слѣдующее: *по словацки*: *„Оглас обывателем Места Кошицкего“* т. е. объявленіе жителямъ г. Кашау.

„Именемъ Его Свѣтлости, князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго, главнокомандующаго Россійскою арміею, (*) объявляется жителямъ города Кашау: повелѣно Его Свѣтлостью, вслѣдствіе военныхъ соображеній, оставивъ въ г. Кашау небольшой гарнизонъ, остальнымъ войскамъ изъ этого города выступить; всѣхъ больныхъ и продовольственные запасы, какъ свои, такъ и императорскія австрійскія отдать на сохраненіе жителямъ г. Кашау, обязавъ ихъ отвѣчать за цѣлость таковыхъ.

Присовокупляется: если кто либо изъ военныхъ будетъ оскорбленъ жителями или мятежниками; или оставляемые запасы будутъ тронуты, то Его Свѣтлость тотчасъ повелитъ весь городъ Кашау разграбить и обрабить въ ничто. Въ Кашау 21 іюля 1849. Эмерикъ Печи—Императорско-Королевскій комисаръ“.

Съ ужасомъ читали бѣдные Кашаусцы наше прощальное къ нимъ слово. Они поняли, что самое ожидаемое прибытіе къ нимъ арміи Гергея, если состоится, не много имъ сулитъ красныхъ дней въ будущемъ, такъ какъ, рано или подзно, громадныя силы русскихъ, все прибывающія, одолѣютъ его и городъ опять будетъ ими занятъ, причемъ придется тяжело поплатиться въ случаѣ если инсургенты не пощадили бы оставленныхъ въ Кашау русскихъ или сложенное тамъ ихъ имущество; впрочемъ были между Кашаусцами и такіе, что съ насмѣшками и глумленіемъ читали нашу прокламацію, будучи убѣждены, что насталъ часъ торжества венгерской *справы*. Въ такое заблужденіе венгерцамъ было впадать не впервые. Когда по Венгріи пронесся только смутный слухъ, что русскіе готовятся помочь Австріи въ усмиреніи венгерскаго возстанія, почти никто не придавалъ значенія этому слуху, въ слѣдствіе увѣреній Кошута, успѣвшаго убѣдить народныя массы, что вмѣшательство Россіи не возможно, потому, что въ случаѣ таковаго, ей немедленно объявятъ войну: Англія, Франція, Сардинія, Сѣверная Америка, Пруссія и Турція. (**) Ослѣпленіе венгерцевъ ихъ вожаками было таково, что они могли увѣрить ихъ будто наши полки тогда появившіеся у Градиша, слѣдуя на помощь австрійцамъ, были

(*) Въ нѣмецкомъ текстѣ почему то сказано переводчикомъ: „фельдмаршала и главнокомандующаго Императорскими русскими окупаціонными войсками“.

(**) Вотъ что по этому поводу говоритъ Кошутъ въ своихъ „Souvenirs etc“ ст.

„Европейскія правительства убѣждались въ истинѣ, что событія въ Венгріи не могутъ быть уподоблены тѣмъ простымъ революціоннымъ движеніямъ народовъ, стремившихся къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ новыхъ правъ—что потрясали въ то время всю Европу. Европейскія правительства начинали понимать, что въ Венгріи не нація бунтовала противъ своего правительства, а на противъ, правительство дѣйствовало вооруженной рукой противъ порядка вещей, основаннаго на трактатахъ, составляющихъ неотъемленную часть народныхъ правъ.

Часъ отъ часу все болѣе убѣждались, что это не народъ Венгерскій разорвалъ договоръ заключенный имъ съ царствующей династіей, а напротивъ, сама эта династія атаковала [illegible] въ рукахъ, страну, которую она была обязана защищать, а между тѣмъ которую [illegible] политической самостоятельности и унизила до степени простой области.

[illegible] вмѣшательство русскихъ произвело общее негодованіе. Одно изъ постановленій національ[illegible] французскаго собранія объявило это вмѣшательство опаснымъ для будущности Европы;

отнюдь не русскіе, а австрійскіе новобранцы переодѣтые въ русскіе мундиры и только въ битвѣ подъ Передомъ и Ашодомъ грохотъ русскихъ барабановъ и наше грозное „ура!“ убѣдили венгерцевъ, что они имѣютъ дѣло не съ австрійскими рекрутами, а со страшной арміей Бѣлаго Царя! Впрочемъ, благоразумнѣйшіе изъ Кашаусцевъ, на этотъ разъ не обманывали себя: однимъ только ухомъ слушали они стоустную молву гласившую объ успѣхахъ Гергея и подававшую имъ всевозможныя надежды и очень призадумались надъ нашей прокламаціей, сулившей имъ печальное будущее, несравненно болѣе вѣроятное. Поэтому то, какъ надо полагать, ни мы, остававшіеся въ городѣ до разсвѣта слѣдующаго за выступленіемъ дня, выпроваживая прибывавшія всю ночь подводы, послѣ надлежащей ихъ нагрузки, ни наши больные, остававшіеся въ городѣ,—ни гарнизонъ нашей несчастной *крѣпости*,—никто не видѣлъ со стороны венгерцевъ ни одной дерзкой выходки, ни одной непріятности. Вся манифестація жителей торжествовавшихъ въ душѣ наше внезапное отступленіе и приближеніе Гергея, выражалась оживленіемъ и радостью написанною на лицахъ жителей.

Утромъ, съ оставленнымъ при мнѣ казачьимъ конвоемъ, я пустился за своимъ отрядомъ и нагналъ его на ночлегѣ передъ Эперіессмъ. Съ разсвѣтомъ мы потянулись въ дальнѣйшій путь и пройдя Эперіесъ, стали бивакомъ за м. Самосъ. Весь путь, на значительномъ протяженіи былъ занятъ всевозможными обозами. По дорогѣ не было проѣзда. Попавъ въ рядъ повозокъ, поневолѣ приходилось тянуться съ ними шагомъ, обогнать ихъ не было возможности такъ какъ дорога пролегала по чрезвычайно пересѣченной и гористой мѣстности. Нашъ отрядный штабъ расположился въ нѣсколькихъ крайнихъ домикахъ мѣстечка, вокругъ купалень, устроенныхъ на минеральномъ ключѣ. Всѣ сосредоточившіеся здѣсь войска Кашауссkаго гарнизона: пѣхота, кавалерія, артиллерія, австрійскій баталіонъ, козаки, стали хотя и бивакомъ, но какъ бы у себя дома, въ Россіи, въ мирное время, не принявъ рѣшительно ни какихъ военныхъ предосторожностей, даже не выдвинувъ аріергарда и не выславъ разъѣздовъ въ окрѣстности. Забыли и думать, что отступаемъ отъ непріятеля, вѣроятно гораздо насъ сильнѣйшаго, если уже отступаемъ!..... Право, чудеса у насъ творятся, да и только!..... Дождемся мы таки когда нибудь хорошаго урока отъ непріятеля за безпрестанное игнорированіе военныхъ правилъ!.....

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, хотя нерасположенный въ нашу пользу, заявилъ при полномъ Собраніи Общинъ, слѣдующій оффиціальный взглядъ его правительства на венгерскія дѣла: „Это событіе чрезвычайное въ европейскомъ порядкѣ“ („an important European transaction“)—признаніе это очевидно вынужденное требованіями международной политики.

Могущественная республика Соединенныхъ Штатовъ послала своего дипломатическаго агента въ Венгрію. Этотъ прямой шагъ къ признанію нашей независимости сопровождался обѣщаніемъ всякой политической и матеріальной поддержки, которыя обыкновенно дѣлаются въ подобныхъ случаяхъ націямъ признаваемымъ воюющею стороною.

Вообще общественное мнѣніе цивилизованнаго міра начинаетъ высказываться въ пользу нашего праваго дѣла. Смѣю заявить открыто и прямо, что въ исторіи можетъ быть не было войны за независимость, которая бы пробуждала во всемъ мірѣ столько самыхъ искреннихъ симпатій“.

Утомленные большими переходами, солдаты расположились у костровъ и принялись варить кашу. Стемнѣло. Меня совершенно измучили послѣдніе дни преисполненные тревогъ, заботъ, физическихъ трудовъ постоянной верховой ѣзды и недоспанныхъ ночей и я, только успѣлъ сдѣлать нѣсколько глотковъ чаю завалился спать, мечтая въ эту ночь (съ 10 на 11 іюля), отдохнуть на славу. Но не тутъ-то было! Только сталъ я забываться сномъ какъ явился ординарецъ звать меня, какъ можно скорѣе, къ генералу, съ которымъ мы стояли vis à vis, черезъ улицу. Едва успѣлъ я перебѣжать это пространство, на бѣгу подстегивая саблю, какъ слышу—барабаны гремятъ подъемъ и вижу моему генералу подводятъ коня ко крыльцу. Что за исторія? Вскочивъ на подведеннаго и мнѣ коня, я помчался за генераломъ, къ отряду. Ночь уже успѣла надвинуться, мрачная, темная, непроглядная...

На бивакѣ мы застали страшную суматоху: костры полупотухли, залитые опрокинутой на нихъ кашей, (изъ которой, кто успѣлъ при этомъ, выхватилъ недоваренное мясо); батальоны строятся, вытягиваясь на шоссе; со всѣхъ сторонъ слышны командные возгласы и брань на всевозможные лады; также на шоссе выѣзжаетъ артиллерія,—остановленная, однако, проходящимъ баталіономъ и въ свою очередь остановившая движеніе слѣдовавшихъ за нею войскъ; тутъ обозъ въѣхалъ въ ряды баталіона и смѣшалъ его; между тѣмъ обозныя лошади бьютъ, рвутъ упряжь, перепутываютъ повозки, нѣкоторыя опрокидываются въ шоссейную канаву,—гвалтъ и крики усиливаются;—мелькаютъ бѣлые мундиры австрійскаго баталіона, потерявшаго свое мѣсто и куда то бегущаго; адъютанты и ординарцы скачутъ по разнымъ направленіямъ, съ какими-то, къ кому-то приказаніями и не находятъ тѣхъ къ кому посланы; тутъ очутились повозки эперіесскихъ жителей, самыхъ рьяныхъ сторонниковъ австрійскаго правительства, побоявшихся остаться въ Эперіесѣ послѣ нашего отступленія и бѣгущихъ за нами съ добромъ, какое успѣли захватить..... и вдругъ, посреди этой сумятицы, едва только, мѣстами освѣщенной потухавшими бивачными кострами, раздается дикое гиканье и чуждый европейскому слуху говоръ... Оказалось что это отрядъ кавказкихъ горцевъ, крупной рысью шедшій изъ Эперіеса, не обращая вниманія на скученность всевозможнаго народа и обозовъ на его дорогѣ, нагайками пролагалъ себѣ путь... словомъ, происходила неописуемая и невообразимая суматоха!.....

Но, чтоже, наконецъ, было причиной такой непозволительной, особенно въ военное время, неурядицы?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ полученное генераломъ Сельваномъ новое повелѣніе главнокомандующаго, безъ малейшихъ остановокъ продолжать ре[illegible], на соединеніе съ приближающимся отрядомъ генералъ адъютанта, [illegible] фонъ деръ-Остенъ-Сакена. Распоряженіе это сдѣлано вслѣдствіе под[illegible]шатося извѣстія о движеніи Гергея, послѣ дѣла подъ Вайценомъ, [illegible] комитаты, при чемъ разнесшаяся по всюду молва утверждала, что Гер-

гей, во главѣ сорока тысячной арміи, съ чрезвычайной быстротой, идетъ прямо на Эперіесъ—въ тылъ нашимъ арміямъ.

Получивъ такое повелѣніе, генералъ Сельванъ, тотчасъ приказалъ ударить подъемъ и разослалъ своихъ ординарцевъ съ приказаніемъ во всѣ части отряда: немедленно продолжать отступленіе.

Внезапно произведенная такимъ образомъ тревога, въ темную ночь, усиленная преувеличенными разсказами о близости венгерцевъ, въ связи съ непринятіемъ какихъ либо мѣръ къ освѣщенію окрестностей по средствомъ своевременной разсылки кавалерійскихъ разъѣздовъ,—въ связи съ совершеннымъ незнакомствомъ нашимъ мѣстности,—произвели нѣчто въ родѣ паники въ войскахъ, которыя ждали, что вотъ-вотъ, сію минуту, съ которой либо стороны, Венгерцы откроютъ по насъ огонь и сдѣлаютъ внезапное на насъ нападеніе..... Солдаты шли ускореннымъ шагомъ, выбиваясь изъ силъ, —буквально—безъ всякаго порядка, нестройною толпою, перемѣшавшись съ обозами, жителями, артиллеріей и кавалеріей.....

Въ такомъ безобразномъ движеніи прошла вся ночь и я только постичь не могъ, какъ, подъ ея покровомъ, я не сломалъ себѣ шею, не переломалъ рукъ или ногъ? Но что касается голоса, то отъ крику, отъ передачи приказаній, отъ брани—я его потерялъ, рѣшительно!....

Слава Богу! наконецъ начало свѣтать и мы стали бивакомъ, въ долинѣ, у подножія Капушанскаго замка, вѣнчавшаго своими развалинами утесистую гору. Съ разсвѣтомъ сталъ водворятся нѣкоторый порядокъ въ войскахъ. Части начали устраиваться. Бывшіе съ нами гусары, уланы, козаки, даже горцы, наконецъ то были разосланы въ разныя стороны, собирать свѣдѣнія о приближающемся, (мы все еще были убѣждены въ этомъ!!) непріятелѣ. Для артиллеріи выбрали соотвѣтствующую позицію. Обозы установили въ Вагенбургъ. Сформировали аріергардъ, выдвинули его на позицію и такъ далѣе..... Измученнымъ до нельзя солдатамъ приказали варить кашу.

Къ вечеру стали возвращаться наши разъѣзды, конечно съ извѣстіемъ что о непріятелѣ нѣтъ ни слуху ни духу!...

Затѣмъ, послѣ нашего постыднаго бѣгства, мы, почти трое-сутокъ простояли на бивакѣ у Капи, пока не получили предписанія генерала Остенъ-Сакена, вступившаго со своимъ отрядомъ въ Бартфельдъ, идти на занятіе Кашау. Собраться намъ было не долго. Ударили подъемъ и отрядъ длинной вереницей, но уже въ стройномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, потянулся по знакомой дорогѣ нашего недавняго отступленія, по необыкновенному счастію имѣвшаго характеръ болѣе комическій, чѣмъ трагическій.

Меня генералъ послалъ съ козаками—открыть сообщеніе съ Кашау.

Утромъ другаго дня, безъ малѣйшихъ приключеній, разумѣется не встрѣтивъ ни одной изъ вооруженныхъ шаекъ, будто-бы бродившихъ на нашемъ пути, мы дошли до Кашау и весело помчались по его улицамъ обрадовать своимъ возвращеніемъ оставленный нами въ укрѣпленіи гарнизонъ,

ежеминутно ожидавшій появленія или отрядовъ Гергея, или нападенія вооруженныхъ жителей, шайки которыхъ дѣйствительно стали бродить, по ту сторону Кашау, немедленно послѣ нашего отступленія. Чтоже касается до Кашаусскихъ жителей, то какъ мы уже замѣтили выше, они вели себя очень сдержанно, хотя ихъ дамы при насъ большею частью скрывавшіяся, наполняли городской бульваръ каждый вечеръ,—а въ торговлѣ опять появились „кошутки" въ прежней цѣнности. Въ тоже время молва, на тысячи ладовъ передавала о приближеніи Гергея, о его торжествѣ надъ нашими арміями и о близкомъ освобожденіи всей Венгріи. Слухи подобнаго рода казались до того правдоподобными, что мы сами потомъ читали въ искренно преданномъ нашему дѣлу „Галичо-Русскомъ вѣстникѣ". (ч. II. 849 г. 26 іюля и 7 авг.) извѣстіе о томъ будто-бы Гергей, 22 іюля (н. с.) занялъ Кашау, гарнизонъ котораго, уступивъ превосходному въ силахъ непріятелю, быстро ретировался.

17 Іюля кавалерійскій отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена вступилъ въ Кашау и мы получили предписаніе этого генерала (№ 377) немедленно отправить состоявшіе въ нашемъ отрядѣ: полуэскадронъ гусаръ и 20 козаковъ въ Гидасъ-Немети, съ тѣмъ чтобы они посылали оттуда разъѣзды въ Форро; для усиленія же нашего отряда къ намъ присланъ генераломъ Сакеномъ эскадронъ гусаръ и казаки изъ Эперіеса.

Вступивъ въ Кашау генералъ Остенъ-Сакенъ сдѣлалъ дневку своему кавалерійскому отряду и захвативъ съ собою баталіоны Азовскаго и два баталіона нашего Камчатскаго полковъ, двинулся на Токай, опять оставивъ нашъ штабъ, съ двумя остальными баталіонами Камчатскаго полка, въ Кашау.

Намъ непонятна и даже кажется странною медленность съ какою генералъ Остенъ-Сакенъ двигается со своей кавалеріей, дѣлая дневки и весьма небольшіе переходы. По нашимъ соображеніямъ отряду генерала Сакена не въ Кашау бы теперь уже надлежало быть, а далеко впереди! Намъ кажется, что Остенъ-Сакену предназначалось стать на пути отступленія Гергея за Тейсу, въ то время когда наша армія напирала на него у Вайцейна и Мишкольца. Такое заключеніе мы выводимъ изъ надписи на конвертѣ привезенномъ генералу Сакену курьеромъ отъ главнокомандующаго, адресованномъ, какъ мы сами видѣли «*Между Кашау и Мишкольцомъ*». (*) Значитъ Остенъ-Сакена главнокомандующій считаетъ находящим-

(*) Изъ исторіи Венгерской кампаніи 1849 года, Ореуса, самой подробной изъ доселѣ у насъ появившихся, нельзя заключить чтобы генералу Сакену было приказано преградить дорогу Гергею, между Мишкольцемъ и Кашау; да едвали и могло быть дано такое категорическое приказаніе, какъ по малочисленности Сакенскаго отряда, такъ и потому, что послѣ Вайцейнскаго дѣла, армія Гергея какъ бы ускользнула изъ виду нашего главнокомандующаго. Положительно, нѣкоторое время, у насъ не было въ точности извѣстно: куда именно она направилась? такъ дурно у насъ въ то время была организована развѣдочная часть. Между тѣмъ, изъ тойже исторіи усматривается, (стр. 289) что по полученнымъ въ главной квартирѣ донесеніямъ, было извѣстно, что генералъ Остенъ-Сакенъ, къ 11 іюля могъ сосредоточится у Змигрода, на Галиційской границѣ. Слѣдовательно, если отрядъ Сакена могъ 11 іюля соб[illegible] у Змигрода, то въ какіе нибудь четыре форсированные перехода, (безъ дневокъ ра-

ся на этомъ пространствѣ если ему такъ адресуетъ депешу, а не въ Кашау—на дневкѣ!...

Еще скучнѣе, еще несноснѣе показалась намъ теперь жизнь въ Кашау, послѣ выступленія Сакена, унесшаго съ собою послѣднюю нашу надежду на присоединеніе къ арміи дѣйствовавшей на главномъ театрѣ войны.

По счастію, мнѣ опять дали порученіе, хотя на нѣсколько дней оторвавшее меня отъ несносныхъ занятій.

Движеніе Гергея по направленію на Токай повлекло за собою, въ странѣ прилегающей къ пути имъ проходимому нѣкоторе оживленіе, подавленной было, инсурекціи. Ктомуже, его армія вынужденная продовольствоваться на средства жителей, должна была посылать фуражировъ даже въ мѣстности нами занятыя, на которыхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, возлагалась вербовка необходимая для пополненія инсурекціонныхъ войскъ. По этому нашей прямой обязанностью было, съ новымъ занятіемъ Кашау, водворить спокойствіе въ его окрестностяхъ, въ тылу послѣдовавшихъ къ Токаю нашихъ войскъ;—подавить развитіе инсурреккіи и лишить войска мятежниковъ подвоза продовольственныхъ припасовъ, изъ этой мѣстности. Съ такими цѣлями генералъ Сельванъ послалъ небольшой отрядъ по тракту на Ушваръ. Я опять былъ прикомандированъ къ этому отряду въ качествѣ офицера генеральнаго штаба.

Отрядъ состоялъ изъ 2-й и 3-й егерьскихъ ротъ Камчатскаго полка, изъ полуэскадрона гусаръ Короля Ганноверскаго и 25 козаковъ Донскаго № 51 полка, подъ командою Ротмистра гусарскаго Короля Ганноверскаго полка—Буренштама. Отряду поручалось прогнать венгерскихъ фуражировъ изъ части Земплинскаго комитата, прилегавшей къ Даргосскимъ горамъ,—очистить самыя эти горы отъ инсургентскихъ шаекъ и обезпечить трактъ отъ города Наги Михали на Токай.

зумѣется), онъ могъ подойти къ Токаю, т. е. около 15 іюля, а извѣстно что Гергей перешелъ за Тейсу подъ Токаемъ только 16—17 іюля и лишь 18 іюля сжегъ за собою мостъ. Очевидно, болѣе раннѣе прибытіе О. Сакена къ Токаю, присоединеніе къ нему отряда Граббе и удержаніе корпуса Чеодаева у Мишкольца, вмѣсто безполезнаго удаленія его къ Мезокеведзу и Копольно, наконецъ продолженіе дѣла Чеодаева на р. Гернадѣ, вмѣсто рѣшительнаго приказанія отступить къ С. Абрани, если бы даже началось у него дѣло съ Венгерцами, (*) совершенно измѣнило бы ходъ кампаніи и покончило бы оную, непремѣнно на правомъ берегу Тейсы.

Изъ вышесказаннаго, казалось бы, можно заключить, что главнокомандующій не расчитывалъ имѣть Сакена около 15 іюля между Кашау и Мишкольцемъ, т. е. на пути отступленія Гергея,—въ такомъ случаѣ, повторяемъ, зачѣмъ адресована была Сакену депеша въ эту мѣстность? Впрочемъ въ эту кампанію столь многое дѣлалось какъ бы ощупью, какъ бы на авось;—такъ мало было стройности и гармоніи въ движеніи частей, не смотря на кажущуюся систематичность, осторожность и расчитанность каждаго мѣропріятія, что и такое приближеніе О. Сакена къ непріятелю, не казалось невозможнымъ, вѣроятно даже и главной квартирѣ.

(*) Усматривается: 13 іюля отъ р. Гернада, на которой началолось у насъ дѣло съ Венгерцами, Гергей отступивъ въ одну сторону, въ то время какъ Чеодаевъ отступивъ—въ другую. „Такимъ образомъ, справедливо замѣчаетъ баронъ Николаи, представился, вѣроятной единственный въ военной исторіи случай, двухъ непріятельскихъ армій, до всякаго боя, отступающихъ другъ отъ друга въ противоположныя стороны“. (Война Россіи съ Венгріей 1849. Русская стар. 1877. Октября, стр. 237).

БИБЛІОТЕКА
Народнаго просвѣщенія
№ инв. 16145

Мы двинулись къ весьма живописному хребту названныхъ горъ. Заунывная пѣсня козаковъ настраивала душу на поэтическій ладъ; окрестная природа блистала величавой красотой,—мы наслаждались ею вполнѣ! Мы шли спокойно, не имѣя и мысли объ опасности, о возможности наткнуться въ этихъ лѣсистыхъ горныхъ трущобахъ на засаду, или просто на бродячую шайку инсургентовъ, значительно, можетъ быть, превосходящую насъ въ силахъ ..... Идемъ и вдругъ, при одномъ крутомъ поворотѣ дороги за гору, мы ясно услышали множество громкихъ голосовъ..... Разумѣется мы встрепенулись, мгновенно вышли изъ своего созерцательнаго, поэтическаго настроенія,—мгновенно приняли необходимыя мѣры осторожности и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ увидѣли предъ собою поляну, по которой двигалась намъ на встрѣчу большая толпа народа..... Пики на перевѣсъ!—и мы помчались къ этой толпѣ..... но тотчасъ должны были отбросить всякіе боевые пріемы: предъ нами предстало человѣкъ болѣе ста жидовъ, разумѣется безоружныхъ, преимущественно молодыхъ. Оказалось, что эти господа бѣгутъ изъ сосѣдняго селенія Галъ-Чечъ (Gal—Szecs), отъ венгерцевъ, будто бы туда вступившихъ въ числѣ 1000 человѣкъ, для производства реквизиціи и вербовки.

Давъ знать объ этой встрѣчѣ начальнику нашего отряда, мы, рысью пустились въ Галъ-Чечъ, скоро достигнувъ котораго убѣдились, что дѣйствительно отъ страху глаза дѣлаются велики, особенно у жидовъ! Оказалось, что часа за три до нашего прихода изъ Галъ-Чечъ уѣхало по тракту на Уйгелъ, на форшпанахъ запряженныхъ четверками, около 30 венгерцевъ, (преобразившихся въ 1000—въ глазахъ жидовъ!) захватившихъ съ собою десять молодыхъ людей и нагрузившихъ форшпаны овсомъ. Не долго думая, мы было пустились въ погоню за уѣхавшими венгерцами, но пройдя верстъ 5 полною рысью и не видя, на открывшейся предъ нами на большое пространство, дорогѣ, преслѣдуемыхъ нами бѣглецовъ, мы не нашли возможнымъ гнаться за ними далѣе д. Азоръ, тѣмъ болѣе, что по разсказамъ жителей, Уйгелъ занятъ тремя стами инсургентовъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ и потому мы остановились на отдыхъ, что бы окончательно и безплодно не замучить лошадей. Дождавшись сближенія своего отряда, который остановился въ с. Дарго, гдѣ и долженъ былъ оставаться все время, пока мы будемъ скитаться по окрестнымъ деревнямъ, мы двинулись дальше подъ с. Коханы, гдѣ отобрали у жителей оружіе и революціонный флагъ. Здѣсь мы ночевали въ прелестной долинѣ хотя и не совсѣмъ спокойно. Ночью наши пикеты сдѣлали тревогу, начавъ стрѣлять по табуну лошадей, какъ оказалось, принадлежавшихъ мѣстнымъ жителямъ, въ темнотѣ, принявъ его за приближавшагося непріятеля. Съ разсвѣтомъ мы углубились въ горы.

Въ теченіи дня, мы посѣтили нѣсколько мѣстечекъ и деревень, въ которыхъ, до насъ и не бывало ноги русскаго солдата. Въ с. Тёкъ—Теребешъ (Tőke Terebes), мы забрали и отправили въ Кашау, на обыватель-

скихъ подводахъ, здѣсь же вытребованныхъ. значительное количество овса, приготовленнаго для инсургентовъ; затѣмъ, мы вездѣ гдѣ проходили отобрали оружіе и черезъ села: Вейлеты и Келичени, по удивительно красивымъ горамъ, добрались до раскинутой на значительной высотѣ, въ глуши громаднаго буковаго лѣса, деревни Банкъ (Bânk), гдѣ устроено заведеніе для пользованія весьма цѣлебными минеральными водами. Тамъ по словамъ жидовъ, мы должны были захватить, пріѣхавшихъ туда лечится, многихъ венгерскихъ офицеровъ. Однако, мы не захватили никого. Дѣйствительно тамъ лѣчились—Маіоръ и два офицера инсургентской арміи, но они еще ночью скрылись предупрежденные кѣмъ то о нашемъ появленіи въ сосѣдствѣ.

Отдохнувъ на живописной площадкѣ сада, у купалень; напившись минеральной, пріятной на вкусъ, кисловатой воды, мы пошли на соединеніе со своимъ отрядомъ, въ с. Дарго.

Признавая свою миссію оконченною, однимъ своимъ появленіемъ очистивъ Кашаусскія окрестности отъ инсургентовъ волновавшихъ жителей, нашъ начальникъ воротился съ отрядомъ въ Кашау, къ видимому впрочемъ неудовольствію войскъ своего отряда. Большинству лицъ этотъ отрядъ составлявшихъ такъ легко и весело было въ этомъ походѣ, при обиліи сливовицы, вина и всего съѣстнаго, доставлявшагося жителями, что мѣнять такую привольную жизнь, на полуказарменную стоянку гарнизономъ въ Кашау, конечно не могло быть пріятно. Въ особенности скорымъ возвращеніемъ недовольны были козаки, всегда таки успѣвавшіе въ эти походы, поживиться кое чѣмъ, болѣе цѣннымъ, чѣмъ съѣстное для себя и лошади, а главное пользовавшіеся случаемъ перемѣнить многихъ захудалыхъ коней своихъ, на бодрыхъ, крѣпкихъ, огненныхъ венгерскихъ лошадокъ.

Мы выше упомянули, что горы, по которымъ мы теперь скитались, называются *„Дарго“*.

При этомъ имени въ нашей памяти воскресаетъ Кавказъ и кавказское „Дарго“, столь прославленное русскимъ оружіемъ и залитое русскою кровью. Въ этомъ тождествѣ названій ничего нѣтъ удивительнаго. Въ Венгріи множество урочищь, селеній, древнихъ фамилій, предметовъ домашняго обихода и т. д. носятъ тѣже названія, что и у кавказскихъ горцевъ. (*) При томъ, стоитъ только хорошенько всмотрѣться въ бытъ, въ домашнюю жизнь, въ самую наружность венгерца, что бы найти въ нихъ много общаго съ бытомъ, домашнею жизнью и наружностью нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ. Тотъ же типъ венгерскихъ женщинъ, что и черкешенокъ; такъ же скоро старѣются и дурнѣютъ тѣ какъ и эти; таже стройность и гордый видъ мужчинъ; таже страсть къ оружію у тѣхъ и другихъ; тоже умѣнье носить неразлучную, какъ съ тѣми, такъ и съ другими—бурку. Наконецъ, венгерцы сказывали намъ, что они понимаютъ множество словъ изъ разго-

(*) Даже въ Россіи, между Астраханью и Терекомъ существуетъ древнее Венгерское городище извѣстное подъ именемъ „Маджаръ“.

вора бывшихъ при нашемъ отрядѣ черкесъ. Вообще венгерцы убѣждены, что нѣкоторыя племена, доселѣ обитающія на Кавказѣ, имъ родственныя и что сами они—кавказскіе выходцы.

Венгерецъ Де-Бэссъ, нарочно ѣздилъ по кавказу въ 1829 и 1830 годахъ, съ цѣлью отыскать тамъ слѣды родства венгерцевъ съ черкесскими племенами. (*) Онъ разсказываетъ много любопытнаго въ этомъ отношеніи изъ своего путешествія.

Такъ онъ утверждаетъ, что нашелъ на Кавказѣ племена выдающія себя за первообразъ Мадьяръ, съ восторгомъ узнавшія въ немъ—мадьяра съ дунайскихъ береговъ. Де-Бэссу неоднократно повторяли на Кавказѣ общее повѣрье черкесъ, что дунайскіе мадьяры прежде жили на мѣстахъ нынѣ занятыхъ черноморскими козаками и что они, будучи тѣснимы какимъ то могучимъ сосѣдомъ, послѣ побѣды надъ ними потребовавшимъ въ дань съ каждого изъ ихъ семействъ по бѣлой коровѣ, не имѣя возможности исполнить таковаго требованія, бѣжали за Кубань. Словомъ Де-Бэссъ отыскалъ на Кавказѣ пять племенъ, въ которыхъ онъ, по всѣмъ этнографическимъ и антропологическимъ признакамъ, нашелъ совершенное сходство съ венгерцами.

Сколько видно изъ изысканій доселѣ намъ извѣстныхъ о происхожденіи венгровъ, народъ этотъ, волей или неволей, но въ первые появился въ Европѣ вмѣстѣ съ Гуннами, въ составѣ полчищъ Атиллы. Память о славномъ походѣ въ чудныя, западныя страны покоренныя полчищами „Бича—Божія“, должна была жить въ племенахъ эти полчища составлявшихъ, и вотъ, отъ времени до времени, новыя орды кавказскихъ мадьяръ шли искать счастія и добычи въ тѣхъ странахъ запада, которыя, своими баснословными богатствами обольщали ихъ восточное воображеніе. Походъ одной изъ такихъ ордъ совершился по сказанію венгерскихъ лѣтописцевъ и нашего Нестора въ 898 году, съ восточнаго берега Днѣпра, на Кіевъ. Венгры при этомъ побили русскихъ, ограбили Кіевъ, взявъ съ него богатую дань и присоединивъ къ себѣ союзныхъ кіевлянамъ Кумановъ и русскихъ искателей приключеній, устремились на западъ, въ Карпатскія горы, гдѣ и осѣли, вѣроятно обольщенные богатствомъ роскошной природы, напоминавшей имъ ихъ родныя горы, возвратъ въ которыя имъ былъ уже или не нуженъ, или невозможенъ. Съ этого собственно времени начинается исторія венгерскаго народа.

(*) Поѣздка эта описана де-Бэссомъ въ его сочиненіи: „Voyage en Crimee, au Caucase, en Géorgie, en Armenie, en Asie mineur et à Constantinople, en 1829 et 1830, pour servir à l'histoire de Hongrie, par Jean—Czarles de Besse. Paris“. Сочиненіе это цитируетъ въ своихъ примѣчаніяхъ A. de Gérando, къ составленному имъ „Essai historique sur l'origine des Hongrois“ Paris. 1844 Въ сочиненіи этомъ Gerando доказываетъ мѣстными преданіями, свидѣтельствомъ византійскихъ писателей, филологическими изслѣдованіями языка венгерцевъ, антропологическими, этнографическими, и другими научными данными тождественность Венгерцевъ съ Гуннами.

19 іюля проѣхалъ изъ Варшавы въ главную квартиру, флигель-адъютантъ полковникъ Глинка. Онъ разсказывалъ, что Государь съ Наслѣдникомъ В. К. Михаиломъ Павловичемъ нетерпеливо ждутъ тамъ извѣстій отъ князя Паскевича о ходѣ дѣлъ въ Венгріи.

Полковникъ Глинка не рѣшился ѣхать прямо на Мишкольчъ, а поскакалъ на Токай, что бы пробраться въ главную квартиру черезъ отрядъ Сакена.

Вчера, а именно 25 іюля по приказанію генерала Сельвана, была послана изъ Кашау новая экспедиція, подъ командою камчатскаго полка Маіора Швахгейма (*), состоящая изъ двухъ ротъ этого полка при двухъ орудіяхъ и 20 гусарахъ короля Ганноверскаго съ 20 козаками Донскаго № 41 полка. Этотъ отрядъ посланъ къ земплинскому комитату, съ цѣлью, во исполненіе требованія австрійскихъ властей, секвестровать нѣсколько имѣній мятежныхъ дворянъ, присоединившихся къ инсургентамъ и открыть сообщеніе съ отрядомъ нашей иррегулярной кавалеріи, стоявшей въ г. Надь—Михали.

Мнѣ не удалось присоединиться къ этому отряду—меня удержала въ Кашау большая работа по приготовленію нашего полка къ сдачѣ вновь назначенному и на дняхъ прибывающему новому полковому командиру, полковнику барону Фитингофу Шеель, какъ говорили, извѣстному своею храбростью.

Дѣйствительно 28 іюля прибылъ къ намъ баронъ Фитингофъ.

Оказалось, Фитингофъ, очень уже пожилой человѣкъ, совсѣмъ почти сѣдой, стриженный подъ гребенку,—съ нервнымъ подергиваньемъ въ лицѣ, прострѣленномъ подъ Остроленкой, (съ поврежденіемъ челюсти), и прихрамывающій на тамъ же прострѣленную ногу. Новый командиръ нашъ оказался буршемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, при томъ любящимъ сильно выпить. Не ровный въ обращеніи съ офицерами:—то совершенный товарищь, то слишкомъ строгій, хотя, видимо, мало, понимающій служебное дѣло, начальникъ, Фитингофъ не проявлялъ необходимаго такта въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными, хотя въ тоже время былъ человѣкомъ цивилизованнымъ, благородномыслящимъ и рѣшительнымъ. Послѣднее качество онъ намъ доказалъ на дѣлѣ, не задумавшись, поверхностно осмотрѣвъ только одинъ баталіонъ полка, бывшій налицо, (**) выдать генералу Колзакову чистую квитанцію въ пріемѣ полка до истеченія 24 часовъ со време-

(*) Это былъ офицеръ выдававшійся изъ ряда обыкновенныхъ армейскихъ офицеровъ. Къ намъ онъ былъ переведенъ изъ штабсъ-капитановъ гвардіи. Его любили у насъ и онъ стоилъ того будучи отлично образованъ;—высокихъ качествъ души и сердца; благородный, храбрый, искренно любящій военное дѣло. Къ сожалѣнію, онъ кажется прожилъ не долго послѣ нашего кратковременнаго сослуженія въ одномъ полку. Здоровье его было разрушено—онъ постоянно страдалъ отъ черкесской пули пробившей его на сквозь въ экспедиціи на Кавказѣ.

(**) Два нашихъ баталіона ушли съ генераломъ Сакеномъ впередъ, а 4-й баталіонъ доселѣ къ намъ неприсоединенъ, оставаясь въ Дукло.

ни своего къ нему прибытія. Подобный пріемъ полка былъ шикъ своего рода, которымъ щеголяли порядочные люди, достигая высокаго званія полковаго командира. Такой быстрый пріемъ полка у насъ высоко цѣнился, бывало, начальствомъ, особенно въ военное время, когда не до хозяйственныхъ расчетовъ и не до канцелярскихъ дрязгъ. Подобный фактъ считали доказывающимъ, съ одной стороны, полное безкорыстіе и рыцарское отношеніе къ дѣлу принимающаго полкъ, а съ другой стороны или блестящее состояніе сдаваемаго полка, особенно въ хозяйственномъ отношеніи или полное отсутствіе скупости въ хозяинѣ сдаваемаго полка. Но времена и понятія стали мѣнятся. На этотъ разъ столь быстрый пріемъ полка былъ поводомъ большихъ непріятностей впослѣдствіи испытанныхъ барономъ Фитингофомъ. Дѣло въ томъ, что генералу Колзакову издавна жестоко враждовалъ бригадный нашъ командиръ генералъ-маіоръ П. Н. Житковъ, а также большія были нелады у Колзакова съ начальникомъ нашей дивизіи генералъ-лейтенантомъ Бѣлогужевымъ, а потому ни Житковъ ни Бѣлогужевъ не могли простить барону Фитингофу, что онъ столь быстрою выдачею Колзакову *чистой* квитанціи въ сдачѣ полка, лишилъ ихъ возможности вмѣшаться въ таковую и насолить сколько можно больше генералу Колзакову.

Кажется я уже выше замѣтилъ, что съ переходомъ своей границы мы поступили на новое довольствіе къ австрійскому правительству, которое намъ и доставляло таковое, въ опредѣленномъ размѣрѣ, чрезъ посредство нарочито къ намъ приставленнаго австрійскаго коммиссара. Правда, намъ нерѣдко приходилось отряжать въ распоряженіе австрійскихъ чиновниковъ этого рода, особыя команды для сбора съ жителей, необходимыхъ намъ продовольственныхъ припасовъ; но, во всякомъ случаѣ, мы собственно, находившіеся въ тылу арміи, никогда не испытывали недостатка въ продовольствіи. Относительно же главныхъ силъ нашей арміи, Австрійцы далеко не отличались такою исправностью и еслибы не свои запасы, то на долю нашихъ главныхъ силъ достались бы не малыя лишенія. Надо отдать справедливость фельдмаршалу князю Паскевичу: онъ постоянно заботился о продовольствіи своихъ войскъ и обезпечивалъ его собственными запасами, не расчитывая ни на средства страны, ни на заботливость австрійскаго интендантства. Впрочемъ, трудно было бы и расчитывать на эту заботливость, такъ какъ въ концѣ іюля, австрійцы заявили нашимъ властямъ, что они войскамъ нашимъ сосредоточеннымъ какъ въ Галиціи такъ и въ Венгріи, впредь не могутъ доставлять потребнаго количества провіанта, по невозможности своевременной заготовки таковаго.

Какъ образчикъ заботливости нашего главнокомандующаго о надлежащемъ довольствіи своей арміи, приводимъ полученное нами, въ послѣднихъ

числахъ іюля, изъ Дебречина, предписаніе главнокомандующаго, за собственноручною подписью, слѣдующаго содержанія:

„Господину Кашаусскому коменданту. Управляющему продовольственною частію за границей, Сенатору, генералъ-лейтенанту, барону Ренне, предписано распорядить перевозку изъ Бартфельда и Кашау въ Дебречинъ, и далѣе къ аріми, свыше 5000 четвертей сухарей, съ пропорціею крупъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ командующій войсками на операціонной линіи, отъ Бартфельда до Кашау, ген.-маіор. Сельванъ, получилъ особое предписаніе, дабы, независимо отъ перевозки продовольственныхъ припасовъ, на повозкахъ подвижнаго магазина и другихъ казенныхъ и вольно наемныхъ телѣгахъ, которыя къ нему высылаются изъ арміи, отправить изъ Кашау, черезъ Токай, въ Дебречинъ сколько можно поспѣшнѣе наибольшее количество продовольствія, на обывательскихъ подводахъ.

Поставляя о семъ васъ въ извѣстность, я предписываю, употребить и съ вашей стороны всевозможную заботливость и настояніе, чтобы транспорты съ продовольствіемъ, по означенному пути, были отправляемы сколь можно поспѣшнѣе и безъ малѣйшаго задержанія,—въ чемъ имѣете оказать все зависящее съ вашей стороны пособіе.

Особенно высылайте поскорѣе къ арміи: сухари, муку и крупу собственно изъ кашаусскихъ магазиновъ, требуя отъ кого слѣдуетъ наряда обывательскихъ подводъ, и употребляя къ тому всѣ провіантскіе способы, которые найдутся въ Кашау. Отправленіе дѣлайте партіями, хотя по 200 повозокъ, подъ надлежащимъ конвоемъ, не дожидая пока соберется большой обозъ. № 428, 28 іюля 1849. Г. Дедречинъ. Подписано: генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Конечно мы употребили всѣ усилія чтобы это предписаніе было немедленно исполнено, а между тѣмъ, 3 августа, послѣдовало предложеніе сенатора, ген.-лейт. барона Ренне о прибытіи въ Кашау 4-го баталіона нашего полка, изъ Дукло, который и долженъ былъ отправится въ Дебречинъ, составляя конвой транспорта казенныхъ денегъ, находящихся въ вѣдѣніи: полковника князя Химшіева, (15000 полуимпер. и 25000 р. сереб.) и чиновника Германа, (60000 полуимперіал.).

Такимъ образомъ оказывалось, что за движеніемъ впередъ и 4-го баталіона нашего полка, три наши баталіона будутъ на самомъ театрѣ войны и, можетъ быть, примутъ участіе въ дѣлахъ, съ непріятелемъ, а мы, т. е. полковой штабъ, съ однимъ баталіономъ, будемъ до конца кампаніи караулить г. Кашау!

Всѣ мы были поражены этою вѣстью и баронъ Фитингофъ, тотчасъ, съ нарочнымъ, отправилъ слѣдующій рапортъ Князю Горчакову.

„Въ г. Кашау комендантомъ предмѣстникъ мой по командованію полкомъ генералъ маіоръ Колзаковъ.

Гарнизономъ въ этомъ городѣ стоятъ: 1-й баталіонъ ввѣреннаго мнѣ полка съ четырьмя орудіями, отрядами кавалеріи и козаковъ и баталіонъ

австрійцевъ. Черезъ нѣсколько дней къ этому гарнизону присоединится еще баталіонъ Австрійцевъ съ шестью орудіями; къ томуже кашаусскій гарнизонъ всегда значительно подкрѣпленъ людьми выздоравливающими изъ госпиталей и формируемыми въ баталіоны.

Въ слѣдствіе вышеизложеннаго имѣю честь испрашивать разрѣшенія Вашего Сіятельства: Первому баталіону, со штабомъ ввѣреннаго мнѣ полка присоединиться къ двумъ баталіонамъ тогоже полка, состоящимъ при главной арміи,—или, какъ 4-й баталіонъ ввѣреннаго же мнѣ полка вскорѣ слѣдуетъ изъ г. Дукло, черезъ Кашау, на Дебричинъ, то мнѣ, съ полковымъ штабомъ слѣдовать съ этимъ баталіономъ, чтобы находиться при трехъ частяхъ полка, которыя мнѣ необходимо видѣть, принимая оный въ свое управленіе".

Ходатайство барона Фитингофа уважено и когда пришелъ 4 баталіонъ, то вмѣстѣ съ нимъ, 1-мъ баталіономъ и полковымъ штабомъ, 4 августа, мы наконецъ, окончательно выступили изъ г. Кашау и потянулись, по знакомой дорогѣ, на Токай.

Опять ночлегъ въ Гидасъ Немети, опять ночлегъ въ Шанто и 6 августа, въ полдень, мы вступили въ м. Маадъ.

Узнавъ что мы тѣже, что занимали уже однажды Маадъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, при другихъ обстоятельствахъ, слѣдовательно—старые знакомые, жители Маада выразили намъ свое доброе расположеніе пригласивъ всѣхъ офицеровъ на завтракъ, устроенный при чрезвычайно оригинальной обстановкѣ, въ одномъ изъ винныхъ *погребовъ* буквально отличающихся здѣсь своею громадностью.

Надо замѣтить, что Маадъ, одинъ изъ главныхъ пунктовъ добычи лучшаго венгерскаго вина и жители его отличаются своею зажиточностью, и многіе даже богатствомъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ венгерскихъ мѣстечкахъ, этой горной мѣстности, представляющихъ видъ чистенькихъ, хорошенькихъ городовъ—совсѣмъ не видно бѣдныхъ людей. Здѣсь, кажется, живутъ все люди зажиточные или богатые. Достатокъ жителей составляетъ винодѣліе. Домики все каменные, преимущественно одно-этажные, но есть и двухъ этажные, всѣ съ черепичными или желѣзными кровлями, по концамъ которыхъ красуются деревянныя звѣзды, на небольшихъ шестахъ. Домики хорошо выбѣлены снаружи, что еще рельефнее выставляетъ ярко зеленыя жалюзи на всѣхъ окнахъ. Домики увиты виноградомъ и обыкновенно какъ бы тонутъ въ густой листвѣ фруктовыхъ деревъ, роскошныхъ грецкихъ ореховъ, каштановъ и бѣлой акаціи, щеголяя другъ передъ другомъ обиліемъ всевозможныхъ цвѣтовъ, въ палисадникахъ.

Внутри всѣхъ жилищъ удивительная чистота; горы перинъ и подушекъ на кровати, подъ красивымъ пологомъ, съ кружевными прошивками, покрытыхъ, нерѣдко шелковымъ или вязанымъ, какъ бы кружевнымъ одѣяломъ, странно,—всегда *коротенькимъ*. Подушки въ наволочкахъ тоже съ кружевными прошивками. Вездѣ достаточно необходимой мебели; литографіи

по стѣнамъ, въ приличныхъ рамкахъ; стѣнныя часы. У богатыхъ обстановка совсѣмъ европейская, даже роскошная—и ковры видишь, и зеркала, и бронзу. У жителей обиліе домашнихъ животныхъ и птицы, все въ большемъ порядкѣ, начиная отъ сытыхъ, кругленькихъ лошадокъ, чрезвычайно выносливыхъ и крѣпкихъ,—отъ круторогихъ воловъ, до какихъ-то необыкновенныхъ свиней, отличающихся отъ нашихъ, какъ величиною, такъ и *курчавою* шерстью,—до оригинальныхъ гусей, весьма крупныхъ, пушистыхъ, будто растрепанныхъ.....

Обыкновенно домъ Венгерца раздѣленъ на двѣ половины, большею частію даже и у того, кто побѣднѣе. Между этими половинами большія сѣни, въ которыхъ устроенъ очагъ. Въ домашней утвари тоже особенность, напримѣръ, наши ведра замѣняются кувшинами прихотливой формы, съ горлушкомъ закрытымъ глиняною рѣшеткою, чтобы не сорилась вода. Колодцевъ обыкновенно очень много, все круглые, на подобіе турецкихъ, внутри выложенные кирпичемъ, вмѣсто обыкновеннаго у насъ деревяннаго сруба. У каждаго почти дома каменный погребъ съ выходомъ. Погреба эти, съ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ подземныхъ галлерей, (смотря по достатку хозяина), съ каменными сводами, такими же полами и частыми нишами въ стѣнахъ. Есть погреба, имѣющіе протяженія болѣе версты, если считать всѣ галлереи! Въ нихъ хранятся вина разсортированныя по годамъ, не только многіе десятки лѣтъ, но даже столѣтія. Насъ увѣряли, что, кажется, въ Шанто, гдѣ добывается одинъ изъ лучшихъ сортовъ токайскаго вина, существуютъ бочки вина чуть-ли не цѣлыя столѣтія назадъ купленныя для различныхъ европейскихъ дворовъ и запечатанныя ихъ агентами. Ежегодно, будто-бы, къ таковымъ дворамъ увозятъ оттоль одну старѣйшую бочку, а на ее мѣсто покупаютъ новую, оставляя ее стоять и стариться въ погребѣ. Можетъ быть это и легенда, по крайней мѣрѣ, здѣсь насъ увѣряли въ этомъ, хотя на вопросъ: у кого именно можно видѣть такую рѣдкость? намъ сказать не хотѣли, отговариваясь, что это тайна и что галлереи, въ которыхъ находятся подобныя бочки, по случаю настоящаго, смутнаго времени, совершенно замурованы, такъ что кромѣ самого хозяина, мѣсто нахожденія ихъ ни кто указать не можетъ.

Въ одномъ изъ такихъ-то погребовъ, какъ мы замѣтили выше, и устроилъ намъ завтракъ богатѣйшій виноторговецъ Маада, еврей Тапфельбатли. До завтрака еще, нашъ радушный хозяинъ повелъ насъ осматривать свой погребъ, по всѣмъ его ходамъ и переходамъ, заставляя насъ въ каждомъ его отдѣленіи, пробовать хранившіяся тамъ вина. Должно сознаться, что подъ конецъ осмотра, мы такъ *напробовались*, что затруднялись приступить къ завтраку. Однако и здѣсь не могли не сдѣлать чести такимъ, дѣйствительно превосходнымъ винамъ, какія намъ еще едвали когда нибудь удастся пить. Самъ хозяинъ цѣнилъ нѣкоторыя изъ нихъ по 5 червонцевъ за бутылку.

Хозяинъ нашъ говоритъ по польски. Онъ ведетъ большую торговлю

...ским и часто бывает въ Варшавѣ. Живетъ ... совершенно европейскимъ: ходитъ въ европей... его если и сказывается, то развѣ только ...

...лина, лучшія венгерскія вина добываются ... *горѣ*, т. е. по краю горной цѣпи *Ге*... ...ский отрогъ, ограждающій правый берегъ р. ... этой рѣки—отъ долины р. Гернани. По этому ... городковъ занимающихся винодѣліемъ, изъ которыхъ ...лія, Шанто, Маадъ, Керештуръ, Борогъ; знамени... ...ается въ д. Тарчаль, что на горѣ Мезли-Талія. ... производится добыча этого драгоцѣннѣйшаго вина, ... не болѣе 6 верстъ.

...ное въ разныхъ пунктахъ названныхъ мѣстностей, извѣст... ...ще подъ именемъ токайскаго, потому собственно, что ...ронѣ былъ складочнымъ мѣстомъ вина, приготовляемаго ...торговли онымъ совсей Европой. Въ частности же эти вина *Эссенціи, Маслашъ*, (Маслячь—по польски), весьма крѣп... ... и другія.

...виноградъ ростетъ по горнымъ скатамъ, на каменистой почвѣ, ... формаціи.

... сорта сладкаго венгерскаго вина добываютъ изъ винограда, ...ть почти завянуть и обсахариться на лозѣ, до того, что въ ... остается только нѣсколько капель густой, сладкой жидкости. ...ой виноградъ, почти превратившійся въ *изюмъ*, его мнутъ въ ... отнюдь не давятъ, что бы не раздавить виноградныхъ кос... ...муя, что то въ родѣ жидкаго теста, складываютъ эту массу ... поставленныя на дно, отчего сокъ выдавливается изъ этой массы ...ою ея тяжестью,—за тѣмъ таковой отцѣживаютъ и, разбавивъ его ...герскимъ же виномъ, оставляютъ бродить, подвергая дальнѣй... ...ботѣ, какъ обыкновенное вино.

...лучшее *красное* вино въ краѣ, это въ Эрлау, а такъ же около ... и Арада,—послѣднее отличается необыкновенною ароматичностью. ...ское вино въ огромномъ количествѣ идетъ въ Австрію, а Арадское ... рѣдко появляется въ вывозной торговлѣ въ своемъ естественномъ ...

Вообще нашъ хозяинъ жаловался, что венгерское вино въ Европѣ, ... своемъ первобытномъ, въ сущности вполнѣ безподобномъ видѣ, несрав... ...ньшемъ потребляется количествѣ, чѣмъ въ различныхъ пере...ахъ. (*)

(*) Вина въ Венгріи добывается болѣе 110 милліоновъ ведръ.

Начало винодѣлія въ этомъ краѣ относятъ къ глубокой древности. Утверждаютъ, что первыя виноградныя лозы, привезенныя изъ Греціи, здѣсь насажены по повелѣнію Императора Проба, около 280 по Р. Х.; но общеевропейскую извѣстность и чрезвычайное распространеніе токайское вино получило только въ XVII столѣтіи.

7-го Августа, г. Токай.

[illegible] и днемъ здѣсь.

[illegible] городъ, вытянутый какъ бы въ одну линію подъ [illegible] виноградниками, возвышеннаго горнаго кряжа, идущаго [illegible] которою растилается необозримая равнина. Городъ [illegible] одно-этажныхъ зданій, перемежающихся съ приземистыми, [illegible] каменными, крытыми черепицей. По множеству лавокъ, [illegible] преимуществу закрытыхъ, можно судить о развитіи въ немъ [illegible] которой составляетъ оптовая торговля виномъ.

[illegible] достопримѣчательностей — никакихъ, кромѣ интереснаго собственно для [illegible] кладбища, подъ самой горой, называемаго русскимъ. [illegible] сердцу названіе сохранилось потому, что въ царст- [illegible] эта мѣстность была пріобрѣтена покупкою для [illegible] русскаго коммисара, имѣвшаго обязанностью закупать, [illegible] и отправлять къ нашему Двору токайское вино и управлять, [illegible] въ аренду, виноградниками и садами.

Токай отъ настоящей войны пострадалъ чуть ли не больше какого- [illegible] венгерскаго города. Одни дома носятъ слѣды ядеръ и гра- [illegible] мятежными, съ того берега Тейсы, при нашемъ пер- [illegible] города, другіе—стоятъ безъ оконъ и дверей, разбитые [illegible] нашими, при вступленіи въ городъ.

Разсказываютъ, что когда, 16-го іюня, 4-й корпусъ, имѣя своимъ [illegible] донскаго атамана генерала Кузнецова, съ донскими козаками, [illegible] подходилъ къ Токаю, то вышедшіе на встрѣчу жители [illegible] что въ Токаѣ нѣтъ непріятеля; когда же козаки втянулись въ [illegible] и венгерцы изъ-за Тейсы начали дѣйствовать противъ нихъ [illegible], то изъ оконъ и дверей домовъ, будто бы, какъ оказалось въ [illegible] частію баррикадированныхъ, мимо которыхъ проходили козаки, [illegible] на нихъ ружейные выстрѣлы. Когда же наша подоспѣвшая [illegible] сбила двѣ венгерскія пушченки, дѣйствовавшія по Токаю, и [illegible] вступили въ городъ, то солдаты бросились въ дома, изъ ко- [illegible] стрѣляли венгерцы, перебили многихъ изъ нихъ и разграбили самые [illegible] и перебивъ все, чего не могли захватить съ собою. Боль- [illegible] усилій стоило начальству прекратить этотъ грабежъ!

Кто знаетъ, существовалъ ли въ дѣйствительности тотъ поводъ, на [illegible] указываютъ наши, какъ на справедливое оправданіе произведеннаго [illegible] возмездія, или онъ только вымышленъ, какъ предлогъ для [illegible] поѣхи дорвавшихся до непріятельскаго города солдатъ? Что ка- [illegible] до насъ, то мы склонны думать, что объясненнаго повода въ дѣй- [illegible] не было. Вотъ на чемъ основано наше убѣжденіе.

[illegible] одной стороны мирное настроеніе токайскихъ жителей очевидно: [illegible] встрѣча значительнымъ ихъ числомъ нашихъ наступающихъ [illegible] до города, съ увѣреніемъ, что непріятеля въ городѣ

нѣтъ. Видѣть въ этомъ дѣйствіи обманъ со стороны токайцевъ, надѣявшихся только завлечь нашихъ въ городъ безъ воинскихъ предосторожностей, чтобы учинить тамъ надъ нами кровавую расправу—абсурдъ. Жители видѣли какія массы нашихъ войскъ надвигаются на ихъ городъ. Что могли сдѣлать противъ этихъ массъ нѣсколько, хотя бы десятковъ, вооруженныхъ защитниковъ города, положимъ, желавшихъ нашей гибели и дошедшихъ въ этомъ желаніи до фанатизма, не щадя своего живота, такъ какъ этимъ абрекамъ, очевидно, спасенія не было: ихъ отъ венгерскихъ войскъ отдѣляла Тейса, за которую имъ переправиться ни въ какомъ случаѣ не удалось бы, по совершенному отсутствію перевозочныхъ средствъ. Съ другой стороны: почему такіе отчаянные абреки могли найтись въ Токаѣ, населенномъ купцами, слѣдовательно, людьми менѣе чѣмъ кто-либо ищущими боевыхъ столкновеній, тѣмъ болѣе съ непріятелемъ, по одной численности своей, очевидно, неодолимымъ, тогда какъ всюду доселѣ, въ нашихъ скитаньяхъ по Венгріи, такого предательскаго покушенія не встрѣчалось?

Дѣйствительно: по Венгріи, доселѣ, не только шли наши различные транспорты по разнымъ горнымъ, лѣсистымъ трущобамъ, почти безъ всякаго конвоя, но всюду скитались отсталые люди, различные посыльные, казаки, деньщики и нигдѣ не было кровавыхъ съ ними расправъ, если не считать двухъ, трехъ дракъ съ народомъ, происшедшихъ во все время кампаніи и вызванныхъ всегда нашими же молодцами, конечно въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ, на какіе результаты могли разсчитывать токайскіе жители, лишенные всякой возможности получить помощь отъ своихъ войскъ, отъ такого предательскаго дѣйствія своего, кромѣ полнѣйшаго неуспѣха и самыхъ несчастныхъ для себя послѣдствій? Остановить наше вступленіе въ городъ—токайцы и думать не могли; убить двухъ-трехъ человѣкъ своими выстрѣлами изъ оконъ? Но какая цѣль? Другое бы еще дѣло, еслибы все населеніе вздумало защищаться, всѣ бы вооружились: устроили бы баррикады на извѣстныхъ пунктахъ и рѣшились бы умереть подъ развалинами своего города, съ очевидной перспективой неуспѣха своего предпріятія, но съ единственной геройской мыслью дорого продать свою независимость, погубивъ возможно большее число своихъ враговъ. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было. Не оказалось ни баррикадъ въ городѣ, ни оружія у жителей, кромѣ какого нибудь десятка, другаго охотничьихъ ружей, да кремневыхъ пистолетовъ и старыхъ сабель—оружія, издавна имѣвшагося у каждаго венгерскаго хозяина.

Будто въ оправданіе свое, наши распустили слухъ, что взятые къ допросу жители, доказывая свою невинность въ произведенной изъ домовъ пальбѣ по нашимъ козакамъ (впрочемъ, пальбѣ ни кому изъ козаковъ не причинившей вреда), утверждали, что стрѣляли по войскамъ не жители Токая, а искатели приключеній, принадлежавшіе къ венгерской арміи. Куда

же дѣвались эти авантюристы? Ни одного изъ нихъ не поймали, а бѣжать къ своимъ, за Тейсу, они не могли, потому что наши тотчасъ заняли городъ и весь ея берегъ. Однимъ словомъ, надо думать, что пальба токайскихъ жителей по нашимъ войскамъ, при вступленіи ихъ въ городъ, не что иное какъ изъявленіе жаждавшихъ его пограбить.

Что поползновеніе къ грабежу у нашихъ войскъ, въ особенности у безчисленныхъ одиночихъ командъ, т. е. ходившихъ безъ офицеровъ, у маленькихъ казачьихъ партій, фуражировъ, деньщиковъ, отправлявшихся на поиски въ каждое селеніе, представлявшееся ихъ взору, во время движеній по Венгріи, было—это несомнѣнно. Помню одинъ такой случай.

Съ двумя казаками я догонялъ свой отрядъ на одномъ изъ переходовъ. Верстахъ въ полутора, въ двухъ, отъ шоссе, по которому я ѣхалъ, вижу прехорошенькую господскую усадьбу, всю въ садахъ, съ высокою кровлею, выглядывавшею изъ густой листвы. Любуясь этою живописною картиною я, всматриваясь въ ея подробности, вижу, съ противоположной стороны, какъ бы мелькнули двѣ казачьи пики, скрывшіяся за деревьями сада окружавшаго усадьбу.

— Ребята, спрашиваю своихъ казаковъ, никакъ это наши пробираются въ усадьбу.

— Точно такъ, говорятъ.

— А зачѣмъ они туда? Вѣдь они тамъ грабежъ учинятъ!

— Кто ихъ знаетъ!

— Ну, этого нельзя. Гайда—туда.

Свернувъ съ дороги, мы цѣликомъ, по полю, пустились на мызу. Пріѣзжаемъ: бѣготня, суматоха, видимый переполохъ, усилившійся съ нашимъ пріѣздомъ, и у крыльца дома, трепещущій, совершенно блѣдный батракъ держитъ двѣ казачьи лошади. Бросивъ поводья одному изъ казаковъ, я, съ другимъ, быстро вошелъ въ комнаты. Слышу громкіе голоса, крикъ,—иду на нихъ и вижу: въ отлично меблированной гостинной, на диванѣ, обитомъ бархатомъ, возсѣдаетъ казакъ, передъ нимъ на столѣ бутылка вина, стаканы; двѣ изящныя молодыя дѣвицы, блѣдныя какъ смерть, почтенная дама, приличный господинъ что-то жестикулируетъ, объясняетъ, другой казакъ стоитъ съ пистолетомъ въ рукѣ, курокъ взведенъ, тоже что-то кричитъ, конечно, никто не понимаетъ словъ другаго. Мое появленіе, или правильнѣе, появленіе моихъ офицерскихъ эполетъ, произвело общую сенсацію: казакъ вскочилъ съ дивана,—другой поспѣшилъ спрятать пистолетъ, —пожилая дама бросились ко мнѣ, протянувъ руки, умоляя, на чистомъ французскомъ языкѣ, пощадить ея семейство и клянясь, что всѣ наши требованія немедленно будутъ исполнены, лишь бы только мы не предавали пламени ихъ гнѣзда, какъ сейчасъ грозилъ этотъ казакъ и не увозили ея мужа, больнаго человѣка. Разумѣется, я тотчасъ успокоилъ испуганную даму, увѣривъ ее, что никакихъ у насъ требованій отъ нихъ нѣтъ и что угрозы казака, если таковыя и были—одно недоразумѣніе. Спросивъ мародe-

ровъ: зачѣмъ они тутъ, по чьему приказанію? и получивъ отвѣтъ, что они заѣхали только коней покормить, я записалъ ихъ фамиліи и объявилъ имъ, что они арестованы и поѣдутъ со мною; затѣмъ началъ прощаться съ хозяевами, но меня не пустили. Оказались люди вполнѣ гостепріимные: не только меня накормили и напоили до отвалу, но угостили и всѣхъ козаковъ, грабителей и спасителей—безралично; накормили нашихъ лошадей, да еще на дорогу дали козакамъ по доброй торбѣ ячменя и по бутылкѣ вина. Чрезъ часъ мы выѣхали изъ усадьбы уже въ пятеромъ. Кончилась эта исторія на этотъ разъ тѣмъ, что по присоединеніи къ отряду козаковъ-мародеровъ, я отправилъ къ ихъ начальству, которое, по приказанію начальника отряда, отчитало имъ приличное количество нагаекъ; но могла эта исторія кончиться и иначе: не заверни я въ усадьбу и—или козаки ограбили бы помѣщика, или, кто знаетъ? можетъ быть, пользуясь изолированнымъ положеніемъ своей усадьбы, достаточнымъ числомъ народа, въ ней находившагося, и склонностью козаковъ къ горячимъ напиткамъ, хозяинъ мызы не дался бы въ обиду: напоилъ бы козаковъ и покончилъ бы съ ними, схоронивъ концы. Вотъ такія случайности, конечно, могли быть, но и объ нихъ мало говорили, не смотря на обычное свойство молвы преувеличивать и уподобляться катящемуся съ горы снѣжному кому.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что стрѣльба изъ оконъ въ Токаѣ жителями по вступавшимъ въ городъ войскамъ еще болѣе грубая выдумка *), чѣмъ таковая же пальба, будто бы произведенная жителями города Вайцена въ отступавшихъ по городу нашихъ козаковъ и уланъ, опрокинутыхъ венгерцами и умерщвленіе жителями тѣхъ изъ нашихъ, которые при этомъ отступленіи попались имъ въ руки. Но послѣдній случай, если и былъ въ дѣйствительности, то хотя чѣмъ-нибудь объясняется: самозабвеніемъ, оже-

(*) Замѣчательно, что „Описаніе военныхъ дѣйствій россійскихъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ, въ 1849 году“ (Спб. 1851), почтеннаго П. К. Менькова, которое есть ни что иное какъ обширный докладъ фельдмаршала Паскевича покойному Императору Николаю о венгерской кампаніи, ни слова не говоритъ объ этой пальбѣ будтобы произведенной жителями Токая и о грабежѣ, учиненномъ въ возмездіе за нее нашими войсками. Что же касается до И. И. Ореуса, то онъ въ „Описаніи венгерской войны“ (стр. 156—158) подробно говоритъ объ этомъ событіи, повторяя разсказъ о немъ очевидца его, М. Д. Лихутина, офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. („Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году“. Москва, 1875). По словамъ И. И. Ореуса, сотня козаковъ, посланная со стороны Керештура, при въѣздѣ въ Токай была встрѣчена выстрѣлами изъ домовъ, чѣмъ принуждена была воротиться. Потомъ, когда городъ занимали пѣхотой и артиллеріей, то во время слѣдованія войскъ, изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ о п я т ь начали по немъ стрѣлять. Тутъ разыгралась одна изъ тѣхъ ужасныхъ драмъ, которыя, къ несчастію, неразлучны съ каждой войной. „Эти выстрѣлы, произведенные нѣкоторыми фанатическими революціонерами, наканунѣ прибывшими въ городъ“, отозвались жестокимъ образомъ на мѣстныхъ жителяхъ Токая, которыхъ заподозрили въ покушеніи убивать русскихъ. Раздраженные солдаты, при первыхъ же выстрѣлахъ изъ оконъ, ворвались въ дома, откуда эти выстрѣды послѣдовали, и перекололи всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ. Мщеніе, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ бываетъ, пало не на однихъ только людей, но и на имущество ихъ. Весь западный конецъ Токая, занятый нашими войсками: во время артиллерійской перестрѣлки съ венгерцами, былъ разворенъ и разграбленъ. Къ счастію, дѣйствія на берегу, отвлекавшія вниманіе высшихъ начальниковъ (гдѣ же были ближайшіе?—спросимъ мы), скоро были окончены. Войска, занимавшія Токай, были выведены оттуда“.

стоявшихъ жителей, опьяненныхъ успѣхомъ своихъ войскъ; желаніемъ поскорѣе докончить недруга.... а случай въ Токаѣ ни чѣмъ, ни какимъ, сколько нибудь понятнымъ, побужденіемъ жителей объясненъ быть не можетъ (*) и всего скорѣе является необходимымъ мотивомъ, приведеннымъ нашими второстепенными военачальниками для оправданія возмутительнаго грабежа, произведеннаго подчиненными имъ войсками

(*) Вообще, чтобы представить какое-нибудь дѣло или случай въ томъ свѣтѣ, какой считаетъ необходимымъ придать ему въ своихъ интересахъ наше начальство, а тѣмъ болѣе [illegible] генеральнаго штаба, обыкновенно орудующіе составленіемъ реляцій, за словомъ въ карманъ никогда не лазятъ!

Такъ, другой случай, происшедшій при занятіи Токая нашими войсками, представленъ въ реляціяхъ далеко не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Начальство донесло кому слѣдуетъ, что съ открытіемъ артиллерійскаго огня противъ [illegible]ской на-тейской батареи (я говорилъ уже: двѣ ничтожныя пушченки), генералъ [illegible] послалъ два казачьихъ полка, донскіе № 41 и № 51, черезъ городъ, чтобы ниже [illegible] перейти р. Тейсу и взять во флангъ венгерцевъ, на томъ берегу рѣки. Перевозочныхъ средствъ на нашемъ берегу Тейсы не оказалось; брода не найдено... тогда 6-я сотня № 51 [illegible] Губкина, раздѣлась до-нага и съ одними шашками на голо, имѣя впереди [illegible] командира, бросилась вплавь черезъ быструю и глубокую Тейсу, имѣющую [illegible] сажень ширины въ этомъ мѣстѣ. (Описаніе воен. дѣйств. и пр. Менькова, стр. [illegible]) Видя такой лихой натискъ, венгерцы подхватили свою артиллерію и бѣжали. По[illegible] за нами. „И такъ, говоритъ „Описаніе“, переправою завладѣли съ боя молодецкимъ [illegible] лихихъ донцевъ, которое могло бы показаться сказкою (да оно, въ настоящемъ [illegible] сказка и есть!), еслибы подвигъ сей не былъ совершенъ въ глазахъ цѣлаго отряда и въ виду мятежниковъ (которыхъ уже у того берега не было!), приведенныхъ въ смятеніе [illegible] казаковъ“.

Кажется, Губкинъ получилъ крестъ за этотъ подвигъ; также утверждаютъ, что [illegible] въ главную квартиру профессоръ баталической живописи Вилевальдъ, спеціально для [illegible] замѣчательныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, увѣковѣчилъ и это событіе, очень [illegible] изобразивъ его на большой картинѣ, поднесенной Государю Императору.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности разсказанное дѣло было гораздо проще. Очевидцы, наши офицеры, мнѣ сказывали, что когда противъ двухъ венгерскихъ орудій (должно быть очень небольшаго калибра, если, по словамъ жителей, венгерцы, отступая, увезли ихъ вскачь, [illegible] каждое орудіе на обыкновенную подводу!) начали дѣйствовать изъ Токая: батарея [illegible] легкая № 7 и два орудія конной артиллеріи, всего 10 орудій, то венгерскія орудія оказались безсильными состязаться съ ними и поспѣшили уйти, гораздо прежде, чѣмъ казаки приступили къ переправѣ на тотъ берегъ. Переправу эту намѣрена была произвесть вплавь [illegible] Губкина, но за вязкостью береговъ, на такое путешествіе казаки цѣлой массой [illegible] не могли, а трое или четверо изъ нихъ дѣйствительно успѣли добраться до рѣки, [illegible] съ шашками на-голо, переплыли рѣку, отнюдь не съ тѣмъ, чтобы брать во флангъ [illegible] венгерцевъ, а чтобы захватить находившійся на томъ берегу, ни [illegible] не защищаемый, плотъ отъ разведеннаго моста, и точно: плотъ этотъ казаки захватили, [illegible] на нашъ берегъ и потомъ, на немъ и на найденныхъ на томъ берегу лодкахъ, [illegible] переправу казаковъ на тотъ берегъ Тейсы, на который въ тотъ же день и устроили мостъ. Однимъ словомъ, когда эта переправа четырехъ казаковъ совершилась, на томъ берегу не было уже ни одного венгерца, слѣдовательно, переправа совершилась отнюдь не [illegible] непріятельскимъ; къ тому же Тейса, въ мѣстѣ переправы, имѣетъ только 70 [illegible], а не болѣе ста, какъ сказано въ „Описаніи“.

Къ сожалѣнію, въ исторіи любой войны нашей (да и не всякой ли?), найдутся разсказы о подвигахъ, столь же достовѣрныхъ, какъ и разсмотрѣнный.

8-го августа, с. Нередьгазъ.

Сегодня мы пришли въ большее селеніе Нередьгазъ, имѣющее болѣе 2,000 домовъ.

Съ переходомъ Тейсы мы вступили совершенно въ новый міръ. Предъ нами точно наша херсонская степь съ ея необъятностью, маревами, повсюду разбросанными курганами, безчисленными тропинками и проселочными дорожками, вьющимися во всевозможныхъ направленіяхъ, пересѣкая другъ друга. Только производительныя силы природы этой тейской долины, очевидно, громаднѣе, чѣмъ херсонскихъ степей. Какія здѣсь травы! какіе хлѣба, вообще! виноградники у малѣйшей деревушки; какая здѣсь кукуруза! На росломъ конѣ въѣдешь въ кукурузу, привстанешь на стременахъ и едва можешь достать ея верхушки! Глядя на эту тучную почву степи, на густыя, высокія травы, покрывающія не разработанныя пространства, понимаешь возможность тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ достигаетъ скотоводство въ этой долинѣ. Но степь, лежащая предъ нами, мертвенна. Не только громадныя стада, здѣсь обыкновенно скитающіяся, угнаны отсюда, съ тракта прохожденія войскъ враждующихъ сторонъ, но даже птицы, кажется, улетѣли отсюда, можетъ быть испуганныя нашими, чуждыми ихъ слуху, пѣснями?... Тишь по всюду и гладь...

12-го августа г. Дебречинъ.

9-го августа мы достигли с. Гадгазъ.

Села въ долинѣ Тейсы во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ таковыхъ же пройденныхъ нами въ горныхъ комитатахъ. По деревенскимъ постройкамъ въ Тейской долинѣ сейчасъ заключаешь о недостаткѣ въ лѣсѣ. Крестьянскіе дома и хозяйственныя для нихъ постройки преимущественно изъ кирпича-сырца, конечно, необожженнаго, выдѣланнаго изъ глины или земли, смѣшанной съ рубленою соломою или съ навозомъ. Маленькіе, но чистенькіе домики крестьянъ глядятъ двумя крошечными окошками своими, черезъ палисадникъ съ цвѣтами, на улицу. Домики, обыкновенно, чисто выбѣлены, покрыты прекрасно уложеннымъ камышемъ и, большею частію, обведены и по стѣнамъ, и по краямъ — [illegible] рядомъ. Что же касается амбаровъ и погребовъ, находящихся при каждомъ домѣ, то всѣ они, кажется, безъ исключенія, совершенно [illegible] превосходные экземпляры которыхъ крайне сближаются съ размѣрами этихъ миніатюрныхъ построекъ, [illegible] разрастаясь до огромныхъ размѣровъ.

10-го августа мы, наконецъ, увидѣли въ степи, покрытой хлѣбными посѣвами, большую группу деревьевъ, изъ которыхъ, надъ пирамидальными тополями, высоко поднимались купола и кресты нѣсколькихъ храмовъ. То былъ Дебречинъ — ядро чисто мадьярскаго населенія края, городъ весьма [illegible] во всей странѣ, въ кафедральномъ храмѣ котораго было провозглашено временнымъ венгерскимъ правительствомъ низложеніе габсбургско-лотарингской династіи на вѣчныя времена.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ до городскихъ зданій мы шли тѣнистыми садами и огородами.

Проходя по городу на назначенное намъ мѣсто, мы успѣли убѣдиться, что онъ порядочно населенъ (до 40.000), что лавки и трактиры всѣ отворены и торгуютъ, что въ городѣ много хорошихъ, но почти исключительно одноэтажныхъ домовъ, перемѣшанныхъ съ лачужками, какъ на окраинахъ нашей Москвы — что изъ каждаго дома торчитъ бѣлый флагъ, выставленный при занятіи нашими войсками и что жители Дебречина народъ сумрачный, какой-то, неоживленный. Это впечатлѣніе еще усиливалось темными одеждами жителей.

На весьма большой площади — грандіозный храмъ, строгой архитектуры. Внутри, стѣны бѣлыя и никакихъ украшеній. Это кафедральный соборъ преобладающихъ въ здѣшнемъ населеніи кальвинистовъ, главнымъ центромъ которыхъ онъ слыветъ на востокѣ Европы.

Въ Дебречинѣ насъ встрѣтила вѣсть, порадовавшая своею неожиданностью: 1-го августа Гергей, съ главными силами, положилъ оружіе на поляхъ Вилагоша! (*) Главная квартира наша пошла по направленію въ

[illegible] что за странное явленіе Гергей, многіе и соотечественники [illegible] что и чуж[illegible] [illegible] отечеству, [illegible] что онъ подкупленъ русскими.
[illegible]

Гроссъ-Вардейну. По всей вѣроятности война съ Венгріей окончена, такъ какъ, за пораженіемъ Бема въ Трансильваніи и Дембинскаго подъ Темешваромъ, съ нами драться больше не кому. Держится одинъ только Коморнъ, развѣ можетъ онъ состязаться съ нами..... (*)

Два мѣсяца и война кончена! Резвѣ такую будущность рисовало намъ воображеніе, когда мы, преисполненные самыхъ обольстительныхъ надеждъ, переступали границу Австріи?!

Война окончилась, а намъ ни въ одномъ не удалось побывать дѣлѣ! Нѣтъ, того не передать словомъ, что сказалось въ душѣ!

не кто иной, какъ самъ бывшій диктаторъ Венгріи Кошутъ, а распространителемъ ея по Венгріи и всѣму свѣту—наиболѣе оскорбленные прекращеніемъ войны съ Россіей—поляки.

Гергей не такой человѣкъ, чтобы здѣлаться измѣнникомъ отечеству.

„Гергей, говоритъ генералъ Клапка въ одномъ сочиненіи своемъ, „Souvenirs de la guerre de l'independance", былъ настоящимъ солдатомъ. Спартанецъ по воспитанію, стоикъ, даже можно сказать, циникъ по характеру и привычкамъ, чуждый всякой идеализаціи, убѣжденный реалистъ, строгій, ненавистникъ формальностей,—Гергей гнушался всякою риторикой и напыщенностью въ революціонной литературѣ".

„Человѣкъ съ желѣзной волей, (продолжаетъ характеристику Гергея Филаретъ Шаль (Chasles) въ „Scenes des camps et des bivouacs Hongroise pendant la compagne de 1848—49 etc. Paris. 1855) всею душею ненавидящій австрійцевъ, какъ утѣснителей и исконныхъ враговъ его народа, Гергей, если вѣрить современнымъ свидѣтельствамъ, разошелся съ Кошутомъ вслѣдствіе личнаго къ нему отвращенія и антипатіи.

Этотъ организованный Кошутомъ „Комитетъ", эти *литераторы*, которые контролировали дѣйствія Гергея—были ему омерзительны! Особенно его отталкивалъ отъ себя самъ Кошутъ—пророкъ, вдохновенный фанатикъ, поэтъ!

Эта свыше одаренная голова,—этотъ полный энтузіазма взоръ, это потрясающее и магическое краснорѣчіе, эти рѣчи, воспламѣнявшія толпу и такъ могущественно надъ нею властвовавшія—были ненавистны Гергею... Чудесное могущество Кошута казалось Гергею—несноснымъ шарлатанствомъ".... (Стр. XIX. XX).

(*) Въ самый разгаръ осады Коморна Австрійцами Кошутъ поручилъ генералу Гюйону, (Gujon de Gey, baron de Pampelune), Ирландцу, приглашенному на службу венгерцами, взять на себя защиту этой крѣпости. Гюйонъ, принявъ это предложеніе, подъ видомъ жида, мелкаго торговца ваксой, иголками, спичками, дѣтскими игрушками, въ лохмотьяхъ, нечесаный, растрепанный, пользуясь свободой, предоставленной въ Венгріи этимъ промышленникамъ, пустился странствовать отъ Дебречина, по направленію къ Коморну, изъ деревни въ деревню, съ хутора на хуторъ. Чего только не перенесъ бѣдный труженикъ во время этого скитанья?!..... Мальчишки забрасывали его камнями,—взрослые трепали его за бороду, наконецъ пьяные Крокаты украли у него всю ваксу и вымазали ею ноги большой бѣлой статуи свят. Непомуна, красовавшейся между двумя тополями. Приходскій ксендзъ укрылъ наконецъ несчастнаго въ своемъ жилищѣ, а на утро бѣднягa опять пошелъ бродить по лѣсамъ и долямъ, доколѣ не пробрался въ Коморнъ, гдѣ, сбросивъ свои лохмотья, явился давно жданнымъ командиромъ венгерскаго гарнизона. (P. Chasles. Idem. Ст. XIV).

14-го августа, с. Дорогъ, близь Дебречина.

Трое сутокъ находясь въ Дебречинѣ, мы почти безвыходно провели въ обширномъ трактирѣ гор да, биткомъ набитомъ все это время офицерами всѣхъ родовъ оружія, русскими, венгерскими и австрійскими, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно сидѣли гдѣ-нибудь въ углу, своей компаніей, особнякомъ.

Да и весело же въ этомъ трактирѣ! Съ утра гремитъ музыка венгерскихъ цыганъ, бурная, какая-то вызывающая; золото лежитъ грудами на карточныхъ столахъ и толпы гнущихъ. „Богъ ихъ прости. съ пятидесяти—на сто!“ Венгерское льется рѣкой и вдругъ закипитъ бѣшеная, въ высшей степени оживленная, національная пляска *„чардашъ“*, обыкновенно начинаемая венгерскими офицерами, иногда съ участіемъ весьма хорошенькихъ дамъ,—дамъ меньше чѣмъ полусвѣта, въ значительномъ числѣ сопровождавшихъ офицеровъ арміи Гергея и теперь не покидавшихъ ихъ въ несчастіи. Бывало разгулъ дойдетъ до того, что и наши подкутившіе офицеры принимаютъ участіе въ этой пляскѣ, потому что она дѣйствительно опьяняющая, увлекательная. Танецъ этотъ не во всей Венгріи исполняется одинаково, онъ имѣетъ множество видоизмѣненій въ фигурахъ его составляющихъ, только ритмъ его музыки вездѣ одинъ и тотъ же. Собственно *чардашъ* состоитъ въ движеній танцующихъ паръ впередъ и назадъ, съ быстротою постепенно усиливающеюся и въ балансированіи на самомъ незначительномъ пространствѣ, причемъ кавалеръ все время лицемъ къ своей дамѣ, по временамъ только кружась вокругъ нее;—нерѣдко при этомъ, въ пылу танца, кавалеръ, съ поднятыми кверху руками, устремляется на свою даму, какъ бы порываясь схватить ее, но она, все продолжая танецъ, ловко отъ него увертывается, иногда убѣгаетъ отъ него, ее преслѣдующаго съ пристукиваніемъ шпорами, съ топотомъ, какъ въ мазуркѣ и съ энергическими возгласами. (*) Венгерцы до того иногда увлекаются чардашемъ, что танцуютъ его по нѣскольку часовъ безъ перерыва, до совершеннаго изнеможенія. (**)

(*) Нашъ забубенный дивизіонный квартирмейстеръ, Рыльцовъ, о которомъ мы упоминали уже выше, однажды, разумѣется воодушевленный венгерскимъ, до того увлекся этою пляскою, что вскочилъ на столъ и доканчивалъ танецъ между бутылокъ и пугаровъ!

(**) Вообще венгерцы любятъ повеселиться. Для доказательства мы разскажемъ, какъ празднуется у венгерцевъ *свадьба* по словамъ извѣстнаго писателя V. Tissot. (Voyage! a pays des Tziganes. Paris. 1880).

Въ образованіи супружескихъ союзовъ въ Венгріи любовь не играетъ ни какой роли. Каждая дѣвушка, владѣющая хотя бы только гектаромъ земли, можетъ быть увѣрена, что выйдетъ замужъ.

Въ Венгріи, молодые люди, что называется у насъ въ малороссіи, *женихаются* очень долго. Свобода, царствующая въ этомъ отношеніи такъ же здѣсь велика, какъ и въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ молодой человѣкъ, лишь настанетъ ночь, влѣзаетъ черезъ окно въ комнату своей возлюбленной и, не раздѣваясь, ложится съ нею спать!

Венгерскій молодой крестьянинъ, съ полночи начинаетъ стучать въ дверь дома дѣвушки, за которою ухаживаетъ. „Онъ такъ давно стучитъ, говоритъ наконецъ мать своей дочери, поди, отопри ему“. Дочь бѣжитъ въ легкомъ ночномъ дезабильѣ и молодой человѣкъ, распах-

Что же касается до австрійцевъ, то они всегда, когда наши подкутятъ, стараются убраться по добру по здорову, къ домамъ, пока еще кутежъ не принялъ слишкомъ широкихъ размѣровъ. Такая уклончивость австрійскихъ офицеровъ имѣетъ полное основаніе. На всякомъ шагу они убѣждались въ очевидной взаимной симпатіи нашей съ венгерцами и въ общей явной нашей антипатіи къ нимъ. Множество уже было случаевъ мелкихъ, неуловимыхъ оскорбленій, наносимыхъ русскими австрійскимъ офицерамъ: къ нимъ придирались за всякую ничтожную случайность, за всякіе пустяки; наши старались предъ ними выказать превосходство своихъ войскъ; попрекнуть ихъ пораженіями, ими понесенными, и напомнить имъ, что они безъ нашей помощи давно бы уже погибли; наши, съ удовольствіемъ разсказывали все, что хоть сколько-нибудь могло ихъ унизить; отбивали у нихъ женщинъ и тому подобное. Гдѣ-то, въ одномъ трактирѣ, столкновеніе съ австрійскими офицерами дошло до того, что нѣсколькихъ изъ нихъ наши выбросили въ окно, за то, что одинъ изъ нихъ будто бы сказалъ, что русскіе нарочно затягиваютъ войну, что это имъ выгодно, какъ выгодно наемщикамъ тянуть порученную имъ работу! Въ другомъ мѣстѣ одного австрійца, за какое-то неосторожное слово, просто нагайками отваляли. Въ главной квартирѣ произошла дуэль между гусарскимъ офицеромъ — поручикомъ гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда австрійскаго полка—Карпь (*)

нувъ свою широкую *бунду*, принимаетъ молодую дѣвушку въ свои объятія, и закутавъ, ее спитъ съ нею въ кухнѣ.

Свадебный пиръ обыкновенно бываетъ блистателенъ и продолжается не меньше трехъ дней. Въ эти дни пирующіе поглощаютъ горы мяса, куръ, гусей и всякой живности. На канунѣ свадьбы женихъ пріѣзжаетъ со своими пріятелями за приданымъ невѣсты, обыкновенно уложеннымъ въ росписной сундукъ. Поклажу эту везутъ торжественно по деревнѣ къ жениху, съ крикомъ, гамомъ, пѣснями, при щелканьи бичами и при пальбѣ изъ ружей и пистолетовъ.

Въ день свадьбы, невѣста, въ сопровожденіи двухъ своихъ друзей, непременно женатыхъ и шести молодыхъ дѣвушекъ въ бѣломъ, съ вѣнками на головахъ, отправляется въ церковь, въ блестящемъ вѣнкѣ, покрытомъ блестками, маленькими зеркальцами и лентами національныхъ цвѣтовъ: красными, бѣлыми и зелеными.

По окончаніи церемоніи, друзья молодаго, предшествуемые цыганскою музыкою, сопровождаютъ невѣсту въ ея новое жилище и на всемъ этомъ пути стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, кричатъ, поютъ, шумятъ и, придя въ домъ молодыхъ, садятся за столъ и пируютъ до полуночи. Въ обычаѣ, когда начнутся танцы, что бы каждый изъ приглашенныхъ протанцевалъ съ молодою и подпесъ ей нѣсколько крейцеровъ, за что обыкновенно вознаграждается поцѣлуемъ. Приглашенные приносятъ такъ же подарки натурою: куръ, голубей, фрукты. На свадьбѣ веселятся до упаду. Во время стола поютъ, забавляются всевозможными дурачествами, напримѣръ: приносятъ съ собою пироги, начиненные живыми птицами, у которыхъ крылья напудрены порошкомъ краснаго перцу. Когда птицы-затворницы вырвутся на Божій свѣтъ, они наполняютъ воздухъ этою перечневою пылью, ослѣпляющею присутствующихъ и заставляющею ихъ неистово и безконечно чихать!.....

У крестьянъ Кальвинистовъ танцуютъ только до полночи; затѣмъ молодыхъ отводятъ въ брачную комнату, надѣваютъ на нихъ ночные колпаки и укладываютъ спать. Часъ спустя молодая появляется передъ гостями, ее привѣтствующими, какъ молодую *женщину* „menyeske“...

(*) Секундантами у поручика Карпь были поручики того же полка—М. Золотаревъ и Каришевъ. (Замѣтка Х. Шлегеля „Русская Старина“ Іюнь. 1883).

Эта же дуэль въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 (№ 5, стр. 235) разсказана ввидѣ анекдота, слѣдующимъ образомъ:

„Во время Венгерской кампаніи русскій офицеръ и австрійскій вошли въ лавку. Русскій заплатилъ золотомъ за свою покупку, а австріецъ предлагалъ ассигнаціи. Торговка отказалась принять бумажный денежный знакъ и замѣтила, указывая на русскаго офицера: Вотъ какъ господа платятъ! „Хорошо имъ платить золотомъ, отвѣчалъ австріецъ, когда ихъ

и австрійскимъ офицеромъ, графомъ Макези, кончившаяся смертью послѣдняго, хотя была вызвана причинами совершенно ничтожными. Разсказываютъ при этомъ, будто главнокомандующій приказалъ показать этого офицера умершимъ отъ холеры.

Въ австрійскихъ офицерахъ дѣйствительно много самохвальства, чванства, напыщенности какой-то, качества, которыя наши равнодушно выносить не могутъ, тѣмъ болѣе, что таковыя особенно идутъ въ разрѣзъ съ тѣми печальными случайностями, которыя постигли ихъ армію въ послѣднее время, хотя они не только не признаютъ пораженій, ими понесенныхъ, вопреки очевидности фактовъ, но напротивъ, всякую битву, ими выдержанную, превращаютъ въ побѣдный для себя ореолъ. Даже смѣшно бываетъ слышать ихъ разсказы про ихъ подвиги. У нихъ что ни офицеръ—то рыцарь безъ страха и упрека,—что ни солдатъ—то герой! Не было у нихъ ничтожной стычки, которой бы они не придали эпическаго характера; не было, кажется, ни одного столкновенія съ непріятелемъ, гдѣ бы они, если не всей массой, то въ лицѣ кого либо изъ своихъ товарищей, не проявили чудесъ мужества и храбрости или не совершили бы какого геройскаго поступка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ (*).

Отъ офицеровъ антипатія къ австрійцамъ перешла къ нашимъ солдатамъ и въ то же время установилось доброе расположеніе къ венгерцамъ, съ которыми наши солдаты охотно братались, ходили обнявшись и вмѣстѣ тянули вино и водку въ кабакахъ. Разумѣется, таковыя побужденія на-

---

наняли за насъ сражаться". Оскорбленный такимъ замѣчаніемъ русскій офицеръ вызвалъ австрійца на дуэль и убилъ его. Когда Императору Николаю донесли объ этомъ, онъ сказалъ,

— Русскому офицеру сдѣлать строгій выговоръ, за то, что онъ въ военное время подвергалъ опасности жизнь свою. Онъ долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ убить австрійца!—

У насъ этотъ случай разсказывался нѣсколько иначе. Дѣло происходило не въ лавкѣ, а въ кондитерской исполнявшей, должность ресторана и буфета. Когда конторщица пожелала: что бы графъ Макези заплатилъ ей золотомъ, а не банкнотами, что съ него слѣдовало, онъ отвѣчалъ, что у порядочныхъ людей теперь не водится золота! Бывшій при этомъ поручикъ Карпь бросилъ на стойку свой кошелекъ со звонкой монетой и спросилъ: „въ какомъ же послѣ этого смыслѣ онъ долженъ этотъ отзывъ принимать относительно себя?"—Въ какомъ вамъ угодно, отвѣчалъ Макези и былъ вызванъ.

Существуетъ еще такой варіантъ этого разсказа, бродившій по арміи.

Въ кондитерской въ Гроссъ-Вардейнѣ австрійскій офицеръ Макези при расплатѣ въ буфетѣ отдалъ „*кошутку*". Буфетчица не брала и попросила дать ей звонкую монету. Макези отвѣчалъ, что теперь золото только у *маемщиковъ*. Стоявшій у того же буфета и слышавшій этотъ разговоръ поручикъ Карпь громко удивился дерзости такихъ словъ, на что Макези предложилъ дать удовлетвореніе обидѣвшемуся, но Карпь уклонился отъ вызова. Тогда тутъ же стоявшій нашъ конно-артиллеристъ выразилъ свое по этому случаю недоумѣніе. Тогда Карпь, обращаясь къ нему, объявилъ, что онъ докажетъ ему, что не отъ трусости хотѣлъ уклониться отъ дуэли и будетъ драться съ Макези и съ нимъ, что бы онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Макези предложилъ драться на саблях, но ему объяснили, что у насъ такого рода дуэль не принята. Дрались на пистолетахъ—Макези былъ убитъ. При дуэлѣ присутствовало кромѣ секундантовъ нѣсколько лицъ съ обѣихъ сторонъ.

(*) До чего можно договориться, при извѣстной степени увлеченія, показываетъ разсказъ, помѣщенный однимъ изъ прославителей австрійскихъ подвиговъ во время Венгерской войны, Al. Balledier въ сочиненіи его: „Histoire de la guerre de Hongrie en 1848—49" (Paris. 1853, стр. 64—65). По словамъ этого писателя, въ ночь 25-го января (н. с.), генералъ Оттингеръ и Граммонъ атаковали инсургентовъ при отступленіи отъ Альбани. Австрійцы въ

шихъ солдатиковъ были, преимущественно, инстиктивныя, но все таки они сказывались довольно оригинально.

Помню, на какомъ-то ночлегѣ, мы сошлись съ очень симпатичнымъ австрійскимъ офицеромъ, хорошо понимавшимъ и кое-какъ объяснявшимся по русски. Пошли бродить по окрестности и забрели на бивакъ. Вниманіе австрійца остановило какъ бы грустное настроеніе солдатъ: на бивакѣ не слышно было ни пѣсенъ, ни громкаго, раскатистаго смѣха, ни обычнаго шумнаго говора. Солдаты, по всей вѣроятности, просто притомились походомъ, сильно устали.

— Что они у васъ такіе мрачные, скучные? — спрашиваетъ.

— Устали вѣрно, походомъ въ такую жару, — говорю.

— Нѣтъ, быть неможетъ.

— Такъ спросите ихъ сами.

— Пожалуй.

Подходитъ къ кучкѣ солдатъ, одинъ успѣлъ вскочить и вытянуться, —бравый такой, — другимъ не приказали вставать: лежите, молъ, отдыхайте.

— Нравится тебѣ здѣсь, молодецъ? — спрашиваетъ солдата австріецъ.

— Ништо, ваше б—іе.

— Чтоже ты такой скучный?

— Ничего-съ.

— Нездоровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— По родинѣ, можетъ, скучно?

— Никакъ нѣтъ—съ, все единственно. Со своимъ полкомъ нигдѣ не скучно.

— Походъ измучилъ

— Никакъ нѣтъ-съ: мы ?привычны.

— О чемъ же ты задумался, я видѣлъ, когда сидѣлъ?

— Такъ-съ.

— О войнѣ думалъ? О томъ, что будетъ!

— Никакъ нѣтъ-съ; что Богъ дастъ, то и будетъ?

— Не думаешь ли: зачѣмъ вы пришли сюда?

— Никакъ нѣтъ-съ. Про то начальству извѣстно.

— А ты знаешь?

этомъ дѣлѣ поддержали честь своихъ знаменъ. Конно-артиллеристъ Фердинандъ Шедеръ отличился подвигомъ, напоминающимъ дѣла средневѣковыхъ рыцерей. Въ началѣ битвы орудіе Шедера было послано на чрезвычайно опасную позицію. Когда Шедеръ подъ градомъ картечи выѣзжалъ на указанный ему пунктъ, ему ядромъ оторвало лѣвую ногу, выше колѣна, но онъ продолжалъ путь; осколкомъ разорвавшейся бомбы ему раздробляетъ бедро, — онъ остается непоколебимъ! другимъ ядромъ отрываетъ голову его товарищу: „вотъ этотъ несчастнѣе меня!“ восклицаетъ Шедеръ и, покрытый кровью, одинъ вывозитъ свое орудіе на позицію. Тутъ товарищи хотѣли взять его на перевязочный пунктъ, во онъ погрозилъ посадить пулю въ лобъ тому, кто его тронетъ и только тогда позволилъ снять себя съ лошади, когда кончилось дѣло, сказавъ: „ну, вѣроятно, больше стрѣлять не будемъ!“ Этотъ герой умеръ, когда ему дѣлали операцію.

— Знаю.

— Зачѣмъ же?

— Нѣмцевъ, за уши, изъ грязи вытаскивать!

— Ну ужъ извините, говорю,—договорились!?

Но мой австріецъ не обидѣлся, напротивъ, былъ очень доволенъ этою солдатскою откровенностью, или только показалъ, что очень доволенъ и подарилъ собесѣднику своему червонецъ на водку.

Навѣрно можно сказать, что если бы этого счастливца тутъ же спросили: знаетъ ли онъ за что ему дали золотой? Онъ такъ же отвѣтилъ-бы: „Никакъ нѣтъ-съ. Не могу знать“.

Напротивъ, съ венгерскими офицерами наши сблизились, несмотря на секретное предписаніе фельдмаршала, объявленное всѣмъ офицерамъ, воспрещавшее таковое сближеніе (*). Но на это предписаніе смотрѣли какъ на вызванное опасеніемъ, что мы заразимся тѣми же революціонными идеями, которыя породили подавляемую нами смуту и продолжали брататься съ недавними врагами, подкупившими насъ и своимъ молодечествомъ, при живописныхъ мундирахъ, ими еще сохраненныхъ, и разгульною веселостью, и своимъ видимо дружескимъ къ намъ расположеніемъ, въ противоположность той ненависти, какую они явно выказывали австрійцамъ. И вотъ, на всякой пирушкѣ, если участвуютъ венгерцы, только и слышишь, что тосты за здоровье нашего государя,—за венгерскій народъ, за союзъ Венгріи съ Россіей! А подвыпьютъ больше—и зазвучатъ возгласы: „на погибель Австріи!“ (**) Это нашей-то союзницы, за которую мы пришли—кровь проли-

---

(*) „Весьма замѣчательно то сочувствіе, которое повсюду возникаетъ между нашими военными людьми и венгерцами, и, напротивъ того, невольная антипатія, которая испытывается къ австрійцамъ“. Дневникъ барона Николаи, веденный имъ во время венгерской кампаніи 1849 года, стр. 399. „Русская Старина“. Ноябрь. 1877 г

(**) Товарищъ мой, Маевскій, разсказывалъ мнѣ одинъ такой случай столкновенія съ австрійскими офицерами поручика Азовскаго пѣхотнаго полка Дмитрія Ѳедоровича Крововича.

Послѣ нашего выступленія изъ Кашау, генералъ Колзаковъ, оставаясь комендантомъ города, назначилъ поручика Крововича, только что выписавшагося изъ госпиталя, плацъ-адъютантомъ города; но Крововичъ, у котораго разболѣлась рана, вскорѣ опять легъ въ госпиталь, гдѣ его увидѣлъ проѣзжавшій по окончаніи кампаніи чрезъ Кашау, фельдмаршалъ Паскевичъ, раздавшій деньгами лежавшихъ въ госпиталѣ офицеровъ, въ томъ числѣ давшій и Крововичу 25 полуимперіаловъ. На другой же день Крововичъ опять выписался изъ госпиталя и пригласилъ товарищей всирыснуть полученный подарокъ. Сошлись приглашенные въ извѣстную имъ гостинницу, на бульварѣ, и усѣлись за большимъ столомъ, въ одномъ углу большаго зала, тогда какъ въ другомъ его углу, также за столомъ, сидѣла толпа австрійскихъ офицеровъ, а на эстрадѣ находился небольшой оркестръ музыкантовъ, игравшій для австрійцевъ.

Наши, разумѣется, начали съ сливовицы и приличной закуски и затѣмъ перешли къ обѣду, къ венгерскимъ. Извѣстно, что безъ „гроногласныхъ шампанскаго оттичекъ“, у русскаго офицера, если только у него шевелится какой нибудь золотой въ карманѣ,—пиръ не въ пиръ! Когда подали шампанское, Крововичъ провозгласилъ тостъ во здравіе Государя Императора и, бросивъ музыкантамъ полуимперіалъ, приказалъ играть тушъ. Музыканты поспѣшили, оркестръ заигралъ тушъ, наши выслушали его стоя и гаркнули „ура“! Австрійцы не обратили никакого вниманія ни на провозглашенный тостъ, ни на возгласы нашихъ. Тогда Крововичъ поднялъ бокалъ въ честь фельдмаршала Паскевича—побѣдителя венгровъ. Наши опять грянули тушъ и закричали „ура!“, но австрійцы оставались по прежнему равнодушны. Тогда поднялся Крововичъ и онъ провозгласилъ тостъ: „за благоденствіе Венгріи и на

вать!? Конечно, это были пьяные крики разгулявшейся молодежи, не больше; но они были, и потому мы не можемъ не занести ихъ въ свои „Записки“, какъ характеризующіе настроеніе офицерскаго общества того времени. Разумѣется, такое настроеніе не имѣло никакой подготовки съ нашей, по крайней мѣрѣ, стороны; не имѣло и политической подкладки. Главнѣйшую роль въ этомъ сближеніи нашемъ съ венгерцами играли: первое—новизна положенія, въ каковомъ мы очутились, сойдясь, въ пріятельскомъ кружку, лицемъ къ лицу, съ своими врагами, второе—сообщительность венгерцевъ, качество, въ насъ самихъ преобладающее, и наконецъ, какое-то безотчетное чувство, присущее сердцу русскаго человѣка—дружить тому, съ кѣмъ только что велъ открытую, честную борьбу.

Отовсюду слышимъ сѣтованія, что не дозволилъ нашъ Государь поднести корону св. Стефана Великому Князю Константину Николаевичу (*). „Какъ процвѣли бы тогда, въ братскомъ союзѣ, два великіе народа, говорятъ венгерцы, и какъ безвозвратно рухнулъ бы престолъ Габсбурговъ!“...

Изъ Дебречина мы перешли на соединеніе съ остальными частями своего полка, уже расквартированными въ г. Дорогъ, имѣющемъ 900 дворовъ. Здѣсь солдаты должны были довольствоваться отъ жителей; но если бы такого продовольствія не оказалось, то полкъ долженъ былъ довольствоваться своими средствами и, во всякомъ случаѣ, оставить въ Дебречинѣ особыя команды для принятія ржи и перемола ея, на имѣющихся въ городѣ мельницахъ. Не правда ли, какъ удобно войскамъ заниматься самимъ такою операціей?

погибель Австріи“. Раздался тушъ, опять гаркнуло „ура!“, но австрійцы и эту выходку оставили какъ бы безъ вниманія, только одинъ изъ нихъ всталъ и ушелъ. Въ это время вышелъ въ другую комнату и Кроновичъ для какихъ-то распоряженій, поставивъ свою каску на ближайшій стулъ. Воротясь черезъ нѣсколько минутъ, Кроновичъ не нашелъ своего стула и увидѣлъ свою каску стоящею на полу. Оказалось, что взялъ стулъ и поставилъ каску на полъ только что вошедшій австрійскій штабъ-офицеръ, присоединившійся къ товарищамъ.

— По какому праву, крикнулъ по русски Кроновичъ, обращаясь къ австрійскому штабъ-офицеру, вы взяли мой стулъ, на которомъ стояла моя каска?

Австріецъ отвѣчалъ, что онъ по-русски не понимаетъ.

— А! не понимаешь! закричалъ Кроновичъ,—такъ спроси его, обратился онъ къ одному изъ своихъ товарищей, корнету Туманскому, говорившему по нѣмецки,—этого с....а сына, да такъ и назови его, смотри: какъ онъ смѣлъ гербъ всероссійскій на полъ бросить?

Туманскій исполнилъ желаніе Кроновича буквально. Австрійцы вскочили и закричали: это нашъ маіоръ!

— Маіоръ, отвѣчалъ Кроновичъ,—я не зналъ; я думалъ—фельдшеръ, у насъ фельдшера такъ одѣты. Если онъ маіоръ, то я требую удовлетворенія и вызываю его на дуэль.

Маіоръ сталъ что-то говорить въ свое извиненіе и заключилъ словомъ:—pardon!

— А если „pardon“, крикнулъ Кроновичъ,—то пусть руку у меня поцѣлуетъ! я протянулъ для поцѣлуя руку, подступивъ къ недоумѣвающему маіору... но, въ эту минуту растворились двери и вошелъ въ сопровожденіи генерала Фролова и нѣсколькихъ офицеровъ—генералъ, графъ Ридигеръ, проѣзжавшій въ этотъ день черезъ Кашау и извѣщенный о *тостахъ* Кроновича австрійскимъ офицеромъ, какъ сказано, вышедшимъ изъ зала.

— Кто здѣсь поручикъ Кроновичъ?—обратился графъ Ридигеръ къ нашимъ офицерамъ.

— Я, выступилъ Кроновичъ.

— Вы бунтовщикъ; я васъ велю судить въ 24 часа и разстрѣлять! Знаете вы: кто я?

(*) Извѣстно также, что когда Гайнау двинулся на Темешваръ и Паскевичъ перешелъ Тейсу и когда даже Кошутъ убѣдился, что дѣло венгерцевъ проиграно, то желая спасти свое отечество, онъ рѣшился предложить венгерскій престолъ герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому и поэтому отправилъ министровъ Шемере и Казиміра Батіани въ Ньиръ-Адони, къ Гергею, чтобы войти съ нимъ въ соглашеніе по этому предмету.

Полку предоставлялось, кромѣ с. Дорогъ, занять ближайшія къ немдеревни; но при квартированіи строжайше предписывалось наблюдать, чтоу бы жители не терпѣли никакихъ притѣсненій, въ удостовѣреніе чего брать отъ нихъ квитанціи въ благополучномъ квартированіи и представлять таковыя по командѣ, какъ это дѣлается въ Россіи.

Пошли мирные порядки! Прощай военное время, счастливое отсутствіемъ столькихъ, такъ опостылѣвшихъ намъ, формальностей! Впрочемъ, нашъ корпусный командиръ генералъ Чеодаевъ и въ самый разгаръ войны удосуживался снабжать насъ приказами, часто только возмущавшими наши души и конечно не достигавшими цѣли. Таковъ, напримѣръ, приказъ генерала Чеодаева, отъ 9-го августа, въ Дебречинѣ.

„У многихъ жителей здѣшняго края все достояніе заключается въ однихъ только виноградныхъ садахъ,— писалъ онъ въ этомъ приказѣ.

Дошло до моего свѣдѣнія, что многіе нижніе чины, безъ позволеній владѣльцевъ, входя въ эти сады, не только самовольно рвутъ незрѣлый виноградъ, но ломаютъ деревья, заборы и вообще портятъ виноградники.

Посему предписываю всѣмъ начальникамъ частей, строго внушить нижнимъ чинамъ, дабы они отнюдь не смѣли не только портить виноградные сады, но не смѣли бы безъ позволенія хозяевъ входить въ сады; при чемъ объявить нижнимъ чинамъ, что и съ позволенія хозяевъ они не должны

— Знаю—графъ Ридигеръ.

— Да, но я, за отъѣздомъ фельдмаршала, командую арміею.

— Знаю, ваше сіятельство, но знаю и то, что я вѣрный подданный Его Императорскаго Величества.

— Вы вѣрный подданный Государя, говорите—а сейчасъ пили за венгерцевъ и на гибель союзниковъ вашего Государя!?

— Пилъ, потому что венгерцы намъ покорились и теперь наши друзья.

— Ваше превосходительство, обратился Ридигеръ къ генералу Фролову, распорядитесь тотчасъ назначить надъ поручикомъ судную коммиссію, отъ Камчатскаго полка.—Фроловъ поклонился.

— Ваше сіятельство, заговорилъ Кроновичъ. Не мало уже я пожилъ на свѣтѣ, будучи поручикомъ 23 года. Видывалъ—и какъ часто оправдываются судомъ виновные и обвиняются невинные. Не боюсь я за свое будущее; дѣлайте со мною что угодно, позвольте мнѣ только, здѣсь, на прощанье, выпить послѣдній бокалъ за здоровье моихъ товарищей.

— Вы сумасшедшій! закричалъ Ридигеръ,—убирайтесь сейчаса вонъ, чтобы я васъ больше не видалъ.

— Сейчасъ, только расплачусь.

— Убирайтесь къ черту, я за васъ заплачу!

Этимъ исторія кончилась, но венгерцы, узнавъ ее, чуть было не запоили и не закормили Кроновича, все время угощая его, пока онъ не выѣхалъ изъ Кашау.

Умѣстнымъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ объ оригинальномъ героѣ приведеннаго нами случая.

Поручикъ Кроновичъ, личность со многими прекрасными качествами души и сердца, съ убѣжденіями безусловно честными, соединявшая въ себѣ полнѣйшую безшабашность и какую-то необузданность, исказившую всю его жизнь. Не лишенный природныхъ способностей и, казалось бы, здраваго смысла, Кроновичъ ухитрялся иногда дѣйствовать такимъ образомъ, [illegible]мъ совершенно въ трезвомъ видѣ, что его дѣйствительно можно было заподозрить [illegible]мъ разстройствѣ.

[illegible]ія въ дѣлахъ съ Персіянами, въ 1826 году, Кроновичъ произведенъ въ поруч[illegible], рѣдкую въ то время, особенно для армейскаго оберъ-офицера, награду: [illegible]дію съ надписью „за храбрость“, и былъ назначенъ въ какую-то должность

вовсе употреблять незрѣлые плоды, какъ для здоровья ихъ вредные, и даже зрѣлые плоды употребляли бы умѣренно.

Частнымъ начальникамъ имѣть за этимъ наблюденіе, подъ личною ихъ отвѣтственностію, а за порчу виноградниковъ предписываю строго наказывать нижнихъ чиновъ".

Не курьезъ ли? Солдату, въ непріятельской землѣ, безъ позволенія хозяина не смѣть войти въ виноградникъ! Вотъ нашли-то армію красныхъ дѣвушекъ! Да и какая порча можетъ произойти винограднику, если сорвутъ нѣсколько десятковъ гроздій винограда? и много ли его могутъ сорвать, когда онъ еще недозрѣлый?

Солдаты ломаютъ деревья, заборы. Но заборы у виноградниковъ, въ Венгріи, обыкновенно каменные; зачѣмъ солдаты ихъ станутъ портить? Что же касается до деревьевъ, надо полагать фруктовыхъ, то никакими приказами не остановишь ихъ рубку, если солдату, ставшему бивакомъ, не будетъ отпущено потребнаго количества топлива для варки пищи, а въ холодное время и для бивачныхъ костровъ, или если не укажутъ ему лѣсъ, въ которомъ онъ могъ бы нарубить себѣ дровъ.

Вообще, мы чрезмѣрно любимъ щеголять своимъ великодушіемъ, своимъ кроткимъ обращеніемъ съ непріятелемъ, своею гуманностью. Часто у насъ до противной приторности доходятъ всѣ эти сладости!

по гражданскому управленію Эриванской провинціей, причемъ на него была возложена раздача продовольствія мѣстнымъ жителямъ, Армянамъ, лишеннымъ войною средствъ существованія. Исполняя свои обязанности, Кроновичъ успѣлъ заслужить такую любовь Армянъ, что они, не зная какъ бы лучше отблагодарить его, придумали: поминать его на ектеньи, во время своей литургіи, вслѣдъ за поминовеніемъ нашего Государя!

Такой оригинальный способъ выраженія народной благодарности русскому офицеру чуть было не навлекъ бѣдъ Кроновичу. Пріѣхалъ какой-то важный генералъ ревизовать дѣятельность нашихъ властей въ Эриванской провинціи,—посѣтилъ, изъ любопытства, армянскую церковь и вдругъ слышитъ, при окончаніи литургіи, усиленный звонъ колокольчиковъ и громогласный возгласъ священника: „Теро юрлія Аевосъ Христосъ поручикъ Дмитрій Кроновичъ!"—„Что это значитъ?" спрашиваетъ генералъ. Ему объяснили. Разумѣется—сцена Кроновичу, воспрещеніе поминать его на ектеніи, и т. д.

Въ концѣ 1820-хъ годовъ, Кроновичъ, уже причисленный ко второму разряду раненыхъ, по ходатайству комитета о раненыхъ, назначенъ городничимъ въ Николаевъ, Херсонской губерніи; но тутъ онъ пробылъ не долго, совершивъ дѣяніе невѣроятное и для того времени. Въ Николаевѣ происходили частые пожары, по всѣмъ признакамъ—отъ поджоговъ. На одномъ такомъ поджогѣ поймали какого-то еврея. Крановичъ, не долго думая, самъ произвелъ слѣдствіе и судъ надъ поджигателемъ и—*повѣсилъ* его! Конечно, Кроновича предали суду, но по ходатайству Комитета о раненыхъ, признали, что Кроновичемъ произведено такое преступное превышеніе власти въ состояніи невмѣняемости, подъ вліяніемъ страданій, происходящихъ отъ понесенной имъ головной раны, и ограничились увольненіемъ его въ отставку, съ полнымъ пенсіономъ.

Въ 1849 году Кроновичъ былъ вновь принятъ на службу въ Азовскій пѣхотный полкъ и кончилъ свою карьеру несчастнымъ образомъ въ 1851 году.

Когда готовились къ царскому смотру въ лагерѣ подъ Луцкомъ, нашъ корпусный командиръ баронъ Остенъ-Сакенъ ежедневно производилъ войскамъ ученье и всевозможные смотры, общіе и частные, доходившіе до изумительныхъ мелочей. Объ этихъ смотрахъ болѣе подробно будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же только замѣтимъ о томъ смотрѣ, который, совершенно неожиданно рѣшилъ судьбу Кроновича. Баронъ Остенъ-Сакенъ потребо-

Насъ удивило, что большая часть жителей с. Дорогъ—православные, хотя не знаютъ другаго языка кромѣ венгерскаго и носятъ чисто мадьярскій костюмъ. По всей вѣроятности, мѣстное населеніе состоитъ изъ ославянившихся славянъ аборигеновъ страны, подавленныхъ полчищами Угровъ при ихъ водвореніи въ краѣ;—доказательствомъ этому, что здѣшнія поселенія сохранили доселѣ свои славянскія названія, напримѣръ: Дорогъ, Берегъ-Сасъ, Токай (То-гай?), самый Дебречинъ и множество другихъ.

Жители города исповѣдуютъ православную вѣру почти въ первобытной ея чистотѣ. Богослуженіе отправляется по славянскимъ книгамъ, отпечатанныхъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ или во Львовѣ. Единственная церковь въ Дорогѣ имѣетъ форму креста; олтаремъ она обращена на востокъ; ее покрываютъ четыре купола, по одному на каждой оконечности креста, при чемъ, надъ восточною оконечностью куполъ обширный и широкій,—надъ западною—высокій, стройный, онъ же колокольня,—надъ остальными двумя оконечностями—по маленькому куполу. Въ цѣломъ—архитектура дорогскаго храма представляетъ нѣчто совершенно оригинальное, особенное. Внутри храма образовъ очень мало и тѣ итальянской манеры письма. Иконостасъ такой же какъ и въ нашихъ церквахъ, только передъ мѣстными иконами Спасителя и Божіей Матери устроены небольшіе олтари и на нихъ поставлено по кресту, остальныя иконы иконостаса изображаютъ событія Ветхаго Завѣта; на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ изображеніе Архангеловъ; надъ царскими вратами образъ Тайной вечери, съ *возлежащими* апостолами. Евангеліе на престолѣ лежитъ на большой подушкѣ.

вал къ себѣ на смотръ всѣхъ баталіонныхъ командировъ, младшихъ штабъ-офицеровъ, ротныхъ и взводныхъ командировъ, желая видѣть, какъ кто маршируетъ и салютуетъ, на ходу. Чтобы смотръ корпуснаго командира удался, полковые командиры начали дѣлать ежедневныя репетиціи смотра, каждый въ своемъ полку. На такой-то репетиціи въ Азовскомъ полку, командиръ полка, баронъ Кридинеръ пропускалъ мимо себя, сначала—оберъ, потомъ штабъ-офицеровъ. Поручикъ Кроновичъ, никогда не отличавшійся особенно искусной шагистикой, при томъ человѣкъ далеко уже не молодой и въ долговременной отставкѣ много утратившій военной выправки, подходя къ полковому командиру, сконфузился и, что называется—затянулъ шагъ. За полковымъ командиромъ стоялъ маіоръ Гоцъ, старый пріятель и товарищъ Кроновича по Кавказской службѣ. Видя неудачу Кроновича и думая дать ему возможность поправиться, Гоцъ ударилъ тактъ въ ладоши крикнувъ: „поручикъ Кроновичъ: разъ-два, разъ-два, разъ два!“, какъ это обыкновенно дѣлается на ученьяхъ. Конечно, этотъ пріемъ не только не помогъ дѣлу, такъ какъ Кроновичъ прошелъ все-таки скверно, но обидѣлъ Кроновича, который будучи въ этотъ день дежурнымъ по полку, сталъ за полковымъ командиромъ. Стали проходить и салютовать полковому командиру штабъ-офицеры. Надо же было случиться, что маіоръ Гоцъ, подходя къ полковому командиру, совершенно сбился съ ноги! Тогда поручикъ Кроновичъ, желая отомстить Гоцу насмѣшкой за насмѣшку, также какъ и онъ, ударилъ тактъ въ ладоши, крикнувъ: „маіоръ Гоцъ: разъ-два, разъ-два, разъ-два“!

Такой выходкой Кроновича обидѣлись всѣ штабъ-офицеры полка и больше всѣхъ полковникъ Мосальскій. Баронъ Кридинеръ распекъ Кроновича и посадилъ его на сутки подъ арестъ на гауптвахтѣ. Но полковникъ Мосальскій не удовольствовался такимъ взысканіемъ и написалъ объ этомъ случаѣ, какъ о вопіющемъ нарушеніи дисциплины, корпусному командиру и Кроновича предали суду.

Четыре года судился Кроновичъ за свой ребяческій порывъ,—не былъ взятъ съ полкомъ въ походъ за Дунай, въ 1853 году, и умеръ, подъ судомъ съ тоски и горя, въ 1855

[illegible]убили Кроновича и искренно горевали о его кончинѣ, а Гоцъ пла[illegible]я себя, хотя и невольною, но все-таки причиною гибели хорошаго

Священникъ обстриженъ и обритъ. Внѣ церковной службы онъ въ одеждѣ католическаго ксендза; во время служенія на немъ риза, такая же какъ и у нашихъ священниковъ, только гораздо короче и бѣлый подрясникъ, съ широкимъ поясомъ,—поручей нѣтъ. Воздухи не той формы, что у насъ. Здѣсь они въ родѣ простыхъ, четырехъугольныхъ досчечекъ, обшитыхъ парчей. Во время богослуженія всѣ почти припѣвы и главнѣйшія молитвы, поютъ хоромъ всѣ присутствующіе. Разумѣется, большая часть поющихъ, также какъ и дьячки (на клиросѣ сгруппированные, какъ и въ нашихъ церквахъ), не понимаютъ—что поютъ или читаютъ, не зная славянскаго языка, а потому немилосердно коверкаютъ слова; объ удареніяхъ уже и говорить нечего: ихъ, какъ бы нарочно, дѣлаютъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Читаютъ, какъ священникъ, такъ и дьячки, слишкомъ ужь на-распѣвъ, при чемъ послѣднія слова строфъ, варьируютъ и тянутъ голосомъ, довольно продолжительно. Во все время совершенія литургіи Царскія врата не затворяютъ. На ектеньяхъ поминаютъ: *Епископа* и *„нашихъ Государей“*, не поименовывая *ни кого*, но ни Папы, ни Императора Австрійскаго не поминаютъ особо. Священникъ, выходя со святыми дарами для причащенія вѣрныхъ, несетъ съ собою и дискосъ, который, въ случаѣ появленія причастниковъ, ставитъ на престолъ на то время, когда причащаетъ. Священникъ, совершая богослуженіе, при чтеніи молитвъ, складываетъ руки на груди, по католически, и по временамъ ударяетъ себя въ грудь. Молитву передъ причастіемъ читаетъ по-Венгерски. При произнесеніи словъ: *„Поюще, вопіюще“* и пр. когда клиръ отвѣчаетъ: *„Святъ, святъ“* и пр., въ олтарѣ, три раза звонятъ въ колокольчикъ, также какъ и при произнесеніи священникомъ *„Пріймите, ядите“* и пр. При послѣднемъ выносѣ священникъ не появляется изъ алтаря въ Царскихъ вратахъ, а дѣлаетъ возгласы стоя у престола; по окончаніи литургіи тоже не выходитъ читать молитву: *„Воскреси изъ мертвыхъ“* и пр., а произноситъ ее стоя въ алтарѣ, лицемъ къ престолу. Причащаетъ хлѣбомъ квасным и виномъ, лжицею, совмѣстно. Символъ вѣры тотъ же что и у насъ—поется по Венгерски, во время литургіи; по окончаніи оной поминаются св.св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтившіе и эту страну, также святые Антоній и Ѳеодосій Печерскіе.

Вотъ тѣ особенности, какія я успѣлъ подмѣтить при совершеніи литургіи въ церквѣ с. Дорога, къ этому развѣ прибавить, что въ церковь женщины обыкновенно входятъ не тѣми дверьми, что мужчины и стоятъ, во время богослуженія, сзади ихъ; по стѣнамъ, для женщинъ собственно, устроены лавки; дѣвушкамъ дозволяется входить въ олтарь и сидѣть тамъ во время богослуженія въ особо-устроенныхъ по стѣнамъ креслахъ; тамъ же возсѣдаютъ и почетнѣйшіе изъ мужчинъ. Обыкновенно таковыя мѣста для сидѣнья бываютъ откуплены.

Церквей, подобныхъ Дорогской, въ Венгріи насчитываютъ до 1500 и 30 монастырей.

Церковный календарь у здѣшнихъ жителей тотъ же, что и у насъ, слѣдовательно ихъ праздники совпадаютъ съ нашими.

Весьма понравилось жителямъ Дорога благочестіе, съ какимъ наши стоятъ въ церквѣ,—набожность нашихъ, ихъ частые земные поклоны, тѣмъ болѣе что такое поведеніе нашихъ представляло контрастъ съ поведеніемъ австрійскихъ солдатъ въ церквѣ. Начать съ того, что въ торжественные дни бывая въ парадѣ, австрійскіе солдаты, во время литургіи, стоятъ въ церквѣ—фрунтомъ, съ ружьями, въ головныхъ уборахъ, снимая таковые только въ самые торжественные моменты богослуженія, при чемъ преклоняютъ одно колѣно. Особенно дорогцамъ понравились наши полковые пѣвчіе, съ которыми, конечно, не выдерживали ни какогосравненія ихъ гнусливые дьячки.

Выше упомянуто, что жители Дорога носятъ чисто мадьярскій, національный костюмъ, живописный у мужчинъ, когда они одѣты по праздничному.

Обыкновенный, ежедневный костюмъ мадьяръ: широкополая шляпа; (клебанъ) бѣлая рубаха съ широчайшими рукавами, какъ у рясы нашего попа,—рубаха, доходящая только до поясницы и часто обнаруживающая полоску, (будто поясъ) загорѣлаго бронзоваго цвѣта тѣла; широчайшія обыкновенныя штаны на учкурѣ, издали похожія на юбку,—внизу, у ступни, отороченныя бахромкой или грубыми кружевами; сапоги съ каблуками, окованными желѣзомъ, часто со шпорами, а нерѣдко и кожанныя постолы, плотно охватывающія ногу. Венгерецъ обыкновенно стянутъ широкимъ, кожанымъ поясомъ, со множествомъ мѣдныхъ украшеній. Венгерцы очень дорожатъ этими поясами, которые у нихъ нерѣдко переходятъ изъ рода въ родъ, къ внукамъ и правнукамъ; на плечахъ у Венгерца бурка или, правильнѣе, превосходно дубленая, нѣжная и мягкая овечья шуба, даже мѣстное названіе этой *бурки*, по венгерски—*бунды*, или *гуни* только двумя буквами отличается отъ кавказскаго названія этой верхней одежды. Парадная, хорошая гуня, обыкновенно нагольная, нѣжна какъ замша. Гуня почти всегда свѣтло-коричневаго цвѣта, по рукавамъ, по подолу, сзади, вышита шелками яркихъ цвѣтовъ, полосками разноцвѣтныхъ сафьяновъ, шнурками—что вмѣстѣ составляетъ самый живописный узоръ. У гуни обыкновенно большой отложной воротникъ, часто лучшаго сорта мерлушки; иногда у гуни два воротника; она доходитъ до пятъ; но чтобы она не пачкалась въ грязи, при носкѣ, ее обыкновенно подвертываютъ внизу четверти на полторы и такимъ образомъ эта подвернутая часть составляетъ, какъ-бы мѣховую оторочку нижней части гуни. Подвернутая часть пристегивается шерстью вверхъ, нарочито пришитыми къ гунѣ костыльками. Многіе изъ насъ запаслись такими гунями—превосходнѣйшими спутниками походной жизни. Сначала мы платили [redacted] гуню 15 руб. сер. а потомъ ихъ стали продавать по 25 руб. сер.

Женщины тоже носятъ бунды или гуни, но другаго покроя и иначе [redacted]шенныя; женская гуня всегда выше колѣнъ, безъ рукавовъ, вродѣ ман-

тильи. Расшита она бываетъ тоже шелками самыхъ яркихъ колеровъ, узорами, изобрашающими букеты цвѣтовъ и гирлянды зелени. Къ бундѣ, вмѣсто воротника, придѣлывается сзади цѣлая шкурка ягненка, обыкновенно чернаго, съ лапками и головкой. Если смотрѣть сзади, издали, на женщину въ этой гунѣ, то кажется будто она несетъ на спинѣ барашка....

Въ сѣверной Венгріи, лѣтомъ, вмѣсто описанной нами *бунды*, употребляется плащь, изъ грубаго, самодѣльнаго сукна, одного покроя съ *гуней*, а въ горныхъмѣстностяхъ, описанная *бунда* замѣняется простой буркой изъ овечьихъ шкуръ—шерстью вверхъ.

Впрочемъ, вообще костюмы жителей Венгріи, одного и того-же племени, крайне разнообразны и варьируются смотря по тому, встрѣчаешь ли Венгерца въ парадѣ или въ будничномъ нарядѣ,—въ холодный ли утренникъ, или въ жаркій полдень и такъ далѣе.

Про обыкновенный лѣтній костюмъ за-тейсскаго простолюдина мы сейчасъ говорили, что же касается до костюма венгерскаго магната, то о таковомъ распространяться нечего. Кому неизвѣстны эти роскошные остатки средневѣковаго щегольства? Чакчиры шитыя золотомъ; доломанъ, спадающій съ одного плеча; расшитый шелками ментикъ на мѣху, со множествомъ пуговицъ, изукрашенныхъ драгоцѣнными каменьями и даже брилліантами, съ такимъ же изукрашеннымъ кушакомъ; на головѣ беретъ съ орлинымъ или страусовымъ перомъ, либо высокая бобровая или соболья шапка также съ перомъ если не съ султаномъ; на боку широкая сабля, съ ножнами и эфесомъ, покрытыми гранатами, жемчугомъ, блрилліантами; въ гусарскихъ сапожкахъ, съ блестящими отъ самоцвѣтныхъ камней пряжками, поддерживающими золотыя кисти; со шпорами внушительной величины...

Праздничный костюмъ простолюдина такъ же весьма разнообразенъ въ Венгріи. За Тейсой, онъ, большею частью, состоитъ изъ гусарскихъ сапожекъ, съ кистями яркихъ цвѣтовъ, съ каблуками, окованными желѣзомъ и шпорами; изъ синихъ, расшитыхъ чернымъ шнуркомъ, чакчиръ; изъ широкаго, кожанаго, изукрашеннаго пуговицами и разными металическими привѣсками, пояса; мѣховой куртки безъ рукавовъ, росшитой шелками или такой же суконной куртки, съ рукавами.

Въ рукахъ у венгерца обыкновенно палка съ металлическимъ топорикомъ, вмѣсто рукоятки.

Что касается до женщинъ, то и въ ихъ костюмѣ, какъ и въ костюмѣ мужчинъ, преобладаетъ синій цвѣтъ. На ногахъ у нихъ цвѣтныя, гусарскія сапожки, то же со шпорами; короткая, пестрая юбка; бѣлый фартукъ, обшитый кружевами домашняго издѣлія; спензеръ, зашнурованный спереди; на головѣ какой-то, уморительной формы, бѣлый чепчикъ. Впрочемъ, здѣсь и женскіе костюмы чрезвычайно разнообразны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у всѣхъ женщинъ, въ праздникъ, видишь на ногахъ не сапожки, а красные башмаки на синихъ, шерстяныхъ чулкахъ. У дѣвушекъ чаще всего видишь гладко причесанные, убранные цвѣтами, волосы; женщины же по-

вязаны синимъ платкомъ, какъ и наши крестьянки, преимущественно раскольницы, и одѣты почти въ такіе же точно синіе сарафаны, какъ и онѣ; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины повязываютъ голову большимъ, тонкимъ, нерѣдко кисейнымъ, какъ бы полотенцемъ, концы котораго, съ обоихъ сторонъ головы, падаютъ почти до-полу.

Гражданскіе чиновники носятъ національный костюмъ, только оформленный и всѣ не при шпагахъ, какъ наши чиновники, а при широкихъ саблѣхъ, на поясной портупеѣ, въ ножнахъ, оправленныхъ въ мѣдь, серебро или золото, смотря по значенію занимаемой должности если не по матеріальнымъ средствамъ носителя сабли.

Квартира нашему полковому командиру въ с. Дорогъ была отведена у весьма зажиточнаго мѣстнаго землевладѣльца, милое и радушное семейство котораго, состоявшее изъ его жены-хозяйки и двухъ дочерей невѣстъ, окружало нашего барона Фитингофа всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью, между прочимъ, угощая его, чуть ли не цѣлый день, отличнымъ венгерскимъ. Добрый и, порою, веселый баронъ Фитингофъ сблизился съ семействомъ своихъ хозяевъ, часто развлекалъ ихъ полковою музыкою и пѣсенниками и до того заслужилъ ихъ довѣренность, что однажды они показали ему, подъ величайшимъ секретомъ, прибитое къ большему *древку*, значительныхъ размѣровъ, шелковое знамя съ богато вышитыми на немъ шелками, золотомъ и серебромъ, самими хозяйками-хвастуньями и ихъ подругами, гербомъ Венгріи и различными надписями. Разумѣется, это знамя было изготовлено на случай возстанія въ Дорогѣ. Каково же было изумленіе хозяекъ барона Фитингофа, когда онъ, безъ всякихъ церемоній, заявилъ имъ, что этого революціоннаго знамени онъ у нихъ оставить не можетъ и, тотчасъ взявъ его, отдалъ подъ караулъ часовому, стоявшему у полковыхъ знаменъ.

По какому это сдѣлано праву, теперь, когда война уже кончена? чѣмъ, кромѣ простаго хищенія, объяснить этотъ поступокъ? На чемъ, кромѣ произвола, онъ былъ основанъ? — оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности! Бѣдныя, обманутыя венгерки поплакали порядкомъ по этому случаю и конечно тотчасъ измѣнили свое обращеніе, какъ съ полковникомъ, такъ и съ нами, ежедневными своими посѣтителями *).

(*) Курьезнѣе всего вышло то, что баронъ Фитингофъ приказалъ это знамя нести *вмѣстѣ* со знаменемъ, не помню, котораго-то изъ нашихъ баталіоновъ. Такъ шли мы до *самой* русской границы, имѣя въ полку вмѣсто четырехъ знаменъ пять. Но какъ-то догналъ нашъ полкъ начальникъ нашей дивизіи, Бѣлогужевъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не благоволившій къ Фитингофу. Генералъ тотчасъ замѣтилъ прирощеніе знаменъ въ нашемъ полку и потребовалъ у полковаго командира объясненія этого явленія. Конечно, тѣми странными объясненіями, [illegible] по этому случаю дать баронъ Фитинговъ, не удовольствовался Бѣлогужевъ,—расс[illegible]гофа: какъ онъ позволилъ себѣ отдавать одинакую честь мятежническому знамени [illegible] своего Государя? и приказалъ тотчасъ убрать венгерское знамя. Разумѣется, [illegible] убрали въ обозъ. По приходѣ нашемъ въ Кременецъ, знамя это красовались [illegible], въ кабинетѣ барона Фитингофа, и увезено имъ съ собою, по выходѣ въ

16-го августа полкъ собрался на площади с. Дорогъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, по случаю окончанія войны съ Венгріей, при чемъ тутъ же прочитанъ слѣдующій приказъ фельдмаршала, отъ 13-го августа, въ Гроссъ-Вардейнѣ:

„Воины! Походъ въ Венгрію оконченъ; онъ продолжался два мѣсяца. Въ это короткое время ваше мужество въ сраженіяхъ и неутомимость въ трудахъ успѣли заслужить похвалы Государя Императора. Доблести ваши возобновили въ Европѣ воспоминаніе о тѣхъ достославныхъ подвигахъ, которыми всегда гремѣло русское имя; доблести эти внушили и самому непріятелю такое уваженіе, что войска его положили предъ вами оружіе, а крѣпости отворили ворота.

„Съ чувствомъ живѣйшей признательности благодарю васъ, сотрудники мои! Вы помогли мнѣ исполнить великодушное желаніе Государя Императора, возвратить Венгрію къ повиновенію своему законному Монарху.

„Генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ—Эриванскій“.

Громкое „ура“, раздавшееся въ нашихъ рядахъ послѣ прочтенія этого, довольно сухаго „приказа“, было послѣднимъ, вырвавшимся у насъ на равнинахъ Венгріи! Благодарственный молебенъ, нами отслуженный за окончаніе войны, правду надо сказать, такъ горько обманувшей наши надежды и ожиданія, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и напутственнымъ нашимъ молебномъ. По окончаніи церемоніи, мы тронулись въ походъ,—домой, въ Россію!..

21-го августа с. Берегъ Сасъ.

Сегодня было полное лунное затмѣніе и солдаты говорили при этомъ: „вотъ она венгерская то луна—потемнѣла! наша, русская, другая сторона—та свѣтлая!“

Идемъ очень медленно, съ дневками; дѣлаемъ маленькіе переходы; намъ какъ будто нехочется разстаться съ Венгріей! Изъ степной Венгріи *мы* вышли; перевалили опять въ гористую, перейдя на правый берегъ Тейсы, въ с. Намени и переправясь черезъ множество рѣчекъ, какъ бы сплошною сѣтью покрывающихъ эту мѣстность.

Довольствіе получаемъ отъ жителей, вездѣ, повидимому располагающихъ достаточными средствами, такъ какъ военныя невзгоды, въ незначительной только степени, коснулись проходимую нами окраину.

Вообще говоря, собственно въ степной Венгріи, бѣдняковъ намъ не случалось встрѣчать, протягивающихъ руку нищихъ, и говорить нечего—ихъ во все невидать. Въ долинѣ Тейсы, въ Пуштѣ живетъ народъ по преимуществу зажиточный, ни въ чемъ не нуждающійся. У всѣхъ здѣсь просторные, въ величайшей чистотѣ и опрятности содержимые домики, обыкновенно раздѣленные на двѣ половины переднею, она же и кухня, съ большею изразцовою печью по срединѣ, съ большимъ столомъ, за которымъ совершаются всѣ трапезы, со всевозможной посудой развѣшанной и *разставленной* по стѣнамъ, на полкахъ и поставцахъ. Во многихъ крестьянскихъ домахъ видишь нѣкоторую мебель, въ числѣ которой красуется неизбѣжный диванъ, съ ящикомъ для постели; у каждаго члена семьи своя особая, *односпальная* кровать, прилично убранная и покрытая одѣяломъ, стеганымъ на перьяхъ или на пуху;—шкапъ для платья, другой для посуды, *иногда* комодъ для бѣлья; на стѣнахъ немудреныя картинки въ рамкахъ, литографіи, непремѣнно зеркало, стѣнныя часы. Почти у каждаго крестьянина дворъ и службы также въ совершенномъ порядкѣ и въ чистотѣ. Лошадку свою, маленькую, но коренастую и бойкую, венгерецъ любитъ, бережетъ и холитъ,—онъ на ней не только работаетъ, но красуется и гарцуетъ: его дочрезвычайности круторотіе, всегда сѣрые, крупные волы, съ хвостами до земли,—его красновато-сѣрые, съ розовыми, какъ бы *прозрачными* ушами, большія, красивыя коровы заставляютъ невольно любоваться собою. Все это, вмѣстѣ взятое, свидѣтельствуетъ о благосостояніи и довольствѣ жителей степной Венгріи.

На продолжительныхъ ночлегахъ и дневкахъ, у насъ идутъ оживленные толки и споры о различныхъ перипетіяхъ минувшей уже кампаніи, при чемъ за основаніе принимаются расказы и слухи бывшіе въ Дебречинѣ, куда собралось множество свидѣтелей и участниковъ различныхъ событій, со всѣхъ уголковъ театра едва отгремѣвшей войны.

Утверждаютъ, что нашими дѣйствіями до такой степени были недовольны австрійцы, что ихъ юный Императоръ рѣшился обратиться къ на-

шему Государю, черезъ особеннаго уполномоченнаго, съ просьбою замѣнить фельдмаршала Паскевича и князя Горчакова, болѣе энергичными и способными военачальниками.

Достовѣренъ ли этотъ слухъ, или этотъ разсказъ нечто иное, какъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ, если можно такъ выразиться, военныхъ утокъ, которыя обыкновенно въ военное время, витаютъ надъ арміей стаями, подымаясь, большею частію, изъ главной квартиры,—не знаемъ, но разсказъ этотъ, хотя можетъ быть только для приданія ему большаго вѣроятія, сопровождался различными, характеристическими подробностями. Такъ говорили, будто, въ ту именно минуту, когда присланный Австрійскимъ Императоромъ генералъ, излагалъ Императору Николаю подробности своего щекотливаго порученія относительно просьбы замѣнить фельдмаршала Паскевича другимъ лицемъ, явился къ Государю курьеръ отъ Паскевича съ донесеніемъ о сдачѣ Гергея, и что громко прочтя эту депешу, Императоръ Николай величавымъ мановеніемъ руки, указалъ дверь австрійскому генералу, не удостоивъ его ни однимъ словомъ *).

Говорятъ, что таковое ходатайство Австрійскаго Императора сдѣлалось извѣстнымъ Паскевичу и потому онъ теперь жестоко ругаетъ аттрійцевъ, что еще болѣе дѣлаетъ натянутыми тѣ отношенія, въ какихъ наши офицеры, не исключая высшихъ чиновъ, стоятъ къ австрійцамъ.

Столкновенія нашихъ съ австрійцами происходятъ безпрестанно. Говорятъ: таковое при сдачѣ крѣпости Арада едва не имѣло слишкомъ прискорбнаго, фактическаго проявленія.

Передаютъ о множествѣ взаимныхъ упрековъ между союзниками.

Напримѣръ, слышно, что австрійцы упрекаютъ насъ, какъ нами уже было замѣчено выше, въ умышленной затяжкѣ кампаніи, имѣя полную возможность кончить ее гораздо скорѣе, при тѣхъ громадныхъ средствахъ, какими мы располагали, но находя выгоднымъ тянуть ее, чтобы подольше состоять на даровыхъ австрійскихъ хлѣбахъ. Наши, отвѣчая презрѣніемъ на такія инсинуаціи, указывали легковѣсность австрійскихъ обѣщаній, на которыя если бы мы только положились, не обезпечивъ себя громадными продовольственными запасами на свои собственныя средства, неминуемо потерпѣли бы чрезвычайныя лишенія и бѣдствія.

Австрійцы упрекаютъ насъ за наши, по ихъ словамъ, безчисленные

(*) Если и небыло такой рѣзкой выходки противъ фельдмаршала Паскевича со стороны Австрійскаго Императора, то нелюбовь Паскевича къ австрійцамъ можетъ быть объяснена несогласіемъ Франца-Іосифа подчинить Паскевичу свои войска, признавъ его, такимъ образомъ, Главнокомандующимъ союзными арміями, какъ о томъ настаивало наше Правительство, указывая на примѣръ 1813 года. По словамъ „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate“ (St. P. sbourg 1878). Примѣчаніе къ стр. 31), такое требованіе категорически было отвергнуто Австрійскимъ Императоромъ, на томъ основаніи, что война предстояла не внѣшняя, а только подавленіе мятежа его собственныхъ подданныхъ, слѣдовательно, подчиненіе его войскъ иностранному полководцу, несогласно было бы съ чувствомъ его собственнаго, Императорскаго достоинства.

Въ этомъ обстоятельствѣ заключалась первоначальная причина несогласій, происшедшая между нами и австрійцами и между властями тѣхъ и другихъ, умалившая въ глазахъ Австрійскаго правительства нами ему оказанную услугу.

военные промахи, сдѣланные въ эту кратковременную кампанію. Такъ, говоритъ, что мы съ первыхъ моментовъ войны не умѣли пользоваться своими средствами. Напримѣръ, рати лагая громадными массами кавалеріи, мы не съумѣли сдѣлать изъ ней надлежащаго употребленія, не смотря на мѣстность благопріятствовавшую ея операціямъ. Благодаря этому неумѣнью нашему употреблять свою кавалерію, Дембинскій съ арміей благополучно ушелъ изъ горныхъ комитатовъ; Гергей исчезъ у насъ изъ виду послѣ Вайценской съ нимъ встрѣчи; Надь-Шандоръ, въ десятеро насъ слабѣйшій, не погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ подъ Дебречиномъ. Располагая огромною арміею, мы, во всю кампанію, собственно въ Венгріи, не могли поставить своего противника въ необходимость принять генеральное сраженіе, выигрывъ которое, мы бы могли гораздо раньше и блистательнѣе окончить войну. Въ напрасныхъ маршахъ и контръ-маршахъ мы только тратили время и людей, отъ болѣзней и утомленія и въ концѣ концевъ, опустошили цѣлыя мѣстности, допуская войска до грабежа и насилія.

Надо правду сказать: многіе упреки австрійцевъ имѣютъ основаніе. Мы дѣйствительно, какъ бы отучились воевать. Не говорю про дѣйствія нашихъ войскъ въ Трансильваніи, вездѣ успѣшныя и блистательныя, но война наша собственно въ Венгріи не выказала военныхъ дарованій ни въ одномъ изъ нашихъ военачальниковъ *), — ни одного имени не прославилось въ эту войну, и если кто и получилъ нѣкоторую извѣстность, такъ *это Панютинъ*, впрочемъ дѣйствовавшій отдѣльно отъ главной арміи, въ составѣ австрійскихъ войскъ **). Конечно, главная тому причина, такъ сказать, военный деспотизмъ фельдмаршала Паскевича. Онъ какъ-бы ревновалъ всѣхъ

(*) А между тѣмъ въ арміи были замѣчательные генералы, вполнѣ боевые, *напримѣръ*: Ридигеръ, Фрейтагъ, Засс-Кавказскій, Граббе, баронъ Остенъ-Сакенъ.

(**) Дѣйствія генерала Панютина въ составѣ главныхъ Австрійскихъ силъ были блистательны. Нашему отряду, подъ его командой, мало того, что удалось принять серіезное участіе во многихъ дѣлахъ съ венгерцами, но ему посчастливилось *шесть разъ* явиться какъ бы спасителемъ австрійцевъ. Не можемъ воздержаться, чтобы не припомнить здѣсь этихъ случаевъ, доставившихъ новый блескъ нашему оружію и снискавшихъ признательность нашихъ союзниковъ, не разъ выражавшуюся восторженно и шумно

Первый случай—когда генералъ Вольгемутъ, 8 іюня, атаковалъ Венгерцевъ на р. Ваагъ и былъ ими опрокинутъ, при чемъ они заняли превосходную позицію, взявъ д. Передъ. Въ этомъ дѣлѣ генералъ Вольгемутъ, принужденный къ отступленію, видя, что собственными средствами одолѣть непріятеля не можетъ, обратился за помощью къ генералу Панютину. Этотъ генералъ немедленно вступилъ въ дѣло, тотчасъ занялъ С. Гидашъ-Кюртъ, Брянскимъ полкомъ, съ артилеріей, а самъ пошелъ въ с. Таксани. „Здѣсь, говоритъ Ореусъ (Jdem. стр. 181), Панютинъ встрѣтилъ отступающую, въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, австрійскую *бригаду* Потта. Появленіе нашихъ войскъ было съ восторгомъ привѣтствовало австрійцами. Крики „ура!“ „виватъ Императоръ Николай!“ пронеслись по рядамъ ихъ. Такая же радостная встрѣча была оказана и Брянцамъ въ Гидашъ-Куртѣ.

Занятіе нашими войсками названныхъ пунктовъ дало возможность австріцамъ на другой же день возобновить наступленіе.

Второй случай. Въ извѣстномъ дѣлѣ съ Гергеемъ, 9 іюня, у Переда, отрядъ Панютина, составляя центръ войскъ, введенныхъ въ дѣло фельдмаршаломъ Гайнау, вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя, причемъ генералъ Панютинъ лично взявъ, подъ градомъ непріятельской картечи, штурмомъ д. Передъ и Брянскимъ полкомъ, подъ командою Семякина, д. Кираличевъ, вырвалъ побѣду изъ рукъ Гергея, чѣмъ отнята была у него возможность осуществить задуманный имъ блестящій стратегическій планъ—разбить сосредоточенныя силы австрійцевъ у Пресбурга и ввести необходимыя подкрѣпленія въ р. Раабъ.

къ славѣ. Никому изъ своихъ генераловъ онъ не давалъ возможности, самостоятельными дѣйствіями, выказать свои боевыя способности.

Третій случай. Подъ Коморномъ, 20 іюня, Гергей, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы, веденной съ перемѣннымъ счастіемъ, началъ на главнѣйшихъ пунктахъ боя рѣшительно одолѣвать австрійцевъ, что вынудило генерала Шлика обратиться къ Панютину съ просьбою прислать ему на помощь бригаду пѣхоты съ двумя батареями артиллеріи. Но Панютинъ, не желая подвергать части своей дивизіи случайностямъ, двинулся на помощь Шлику самъ со всей дивизіей и занялъ мызу Гаркали. Такимъ образомъ русскіе явились на лѣвомъ флангѣ венгерцевъ въ тотъ моментъ, когда они, упоенные успѣхомъ, шли въ рѣшительную атаку противъ 4-го корпуса австрійцевъ. Неожиданное появленіе русскихъ, дѣйствіе ихъ артиллеріи противъ венгерскихъ эскадроновъ и мужественный ударъ въ штыки, мгновенно охладилъ увлеченіе венгерцевъ и рѣшилъ судьбы сраженія въ пользу союзниковъ. Гергей отступилъ въ Коморнъ, будучи самъ раненъ въ этотъ день—саблей въ голову.

Четвертый случай. Гергей, 29 іюня, перешелъ въ наступленіе и на всѣхъ пунктахъ имѣлъ надъ Австрійцами успѣхъ, который привелъ бы къ совершенному ихъ пораженію, если бы Гайнау не послалъ дивизіи Панютина, на мызу чемъ огонь артиллеріи Панютина, по свидѣтельству самихъ Венгерцевъ, такъ смертоносно дѣйствовалъ противъ войскъ Лейнингена, что, не смотря на всю отвагу ихъ начальника, они были разстроены и стали отступать по всей линіи. Это событіе рѣшило дѣло въ пользу союзниковъ, что признано самими австрійцами, доказательствомъ, что императоръ Францъ Іосифъ, присутствовавшій при двухъ послѣднихъ битвахъ, сказалъ въ рескриптѣ на имя Генерала Панютина: „Въ битвахъ 2 и 11 чиселъ сего мѣсяца (н. с.), у Ача и Коморна, движенія ваши, столь же искусно соображенныя, сколь энергически исполненныя, въ самыя рѣшительныя минуты боя, много способствовали успѣхамъ, одержаннымъ въ эти дни".

Пятый случай. Ѣ дѣлѣ подъ Сегединомъ, 24 іюля при атакѣ непріятельской позиціи у Серега, въ 8 часовъ вечера, когда побѣда совершенно уже склонялась на сторону австрійцевъ и генералъ Гайнау дѣлалъ распоряженіе о настойчивомъ преслѣдованіи противника, генералъ Бехтольдъ перешелъ на восточную сторону серегской плотины и ударилъ на венгерскую кавалерію Дежефи, но встрѣтилъ такой отпоръ, что былъ бы совершенно разбитъ, если бы не подоспѣлъ Орловскій полкъ, который и опрокинулъ Венгерскихъ гусаръ, доскакавшихъ уже до Австрійской артиллеріи и начавшихъ рубить прислугу.

Шестой случай. Извѣстно, что подъ Темешваромъ, въ самомъ началѣ дѣла 28 іюля, надъ Венгерцами принялъ начальство отъ Дембинскаго — генералъ Бемъ, который, окинувъ своимъ боевымъ взглядомъ поле уже начавшейся битвы, тотчасъ увидѣлъ сдабую сторону австрійцевъ и ставъ во главѣ гусаръ, произвелъ противъ этого пункта отчаянную атаку, двинувъ вслѣдъ за гусарами значительныя массы пѣхоты. Атака венгерской кавалеріи, говоритъ Ореусъ (Jdem. стр. 479 и далѣе) произведена была столь быстро и рѣшительно, что стоявшія на лѣвомъ флангѣ австрійскія батареи, вмѣстѣ съ конными отрядами ихъ прикрывавшими, въ безпорядкѣ бросились назадъ и едва было не смяли отрядъ Семякина. Часть ихъ уходившая къ Кичъ-Бечкереку, столкнулась съ выступавшимъ оттуда, какъ разъ въ это время, австрійскимъ обозомъ и произвела всеобщую панику. Орудія, зарядные ящики и всѣхъ родовъ повозки перемѣшались между собою въ полнѣйшемъ безпорядкѣ.

„Минута была критическая: явная опасность грозила лѣвому флангу и тылу австрійцевъ" и если бы венгерцы дѣйствовали рѣшительнѣе, то исходъ сраженія, при громадномъ численномъ перевѣсѣ противника, могъ быть для союзныхъ войскъ крайне неблагопріятнымъ.

„Въ этотъ опасный моментъ боя, находчивость частныхъ русскихъ начальниковъ предотвратила грозившую бѣду".

Наши двинулись на встрѣчу непріятелю и пріостановили его наступленіе.

„Эта временная пріостановка непріятельскаго наступленія имѣла послѣдствія весьма важныя. Она дала время лѣвому крылу Австрійцевъ оправиться, а легкой бригадѣ Зимбшена устроиться для встрѣчной атаки, которая, будучи поддержана огнемъ нашей артиллеріи, вполнѣ удалась. Но вслѣдъ за симъ Зимбшенъ все таки былъ опрокинутъ. Однако, въ это время стали подходить къ сильно подавшемуся назадъ лѣвому флангу Австрійцевъ остальные русскіе полки съ артиллеріей. „Дѣло одну минуту висѣвшее на волоскѣ было возстановлено". Австрійцы остановились, устроились, перешли въ наступленіе, а вскорѣ къ нимъ подошли на помощь свѣжія силы корпуса князя Лихтенштейна, которыя и помогли совершенно разбить Бема. Результатомъ этого дѣла было освобожденіе Темешвара, событіе имѣвшее рѣшительное вліяніе на исходъ Венгерской войны, какъ вынудившее Гергея положить оружіе.

Ореусъ полагаетъ, что не иному чѣму какъ „своевременному занятію д. Бишмалы нашею пѣхотою, (представлявшею въ данный моментъ единственную сохранившую порядокъ часть на лѣвомъ крылѣ союзниковъ), Австрійскій главнокомандующій обязанъ тѣмъ, что не былъ разбитъ до прибытія князя Лихтенштейна".

Онъ держалъ всѣхъ какъ-бы на поводу и руководилъ дѣйствіями каждаго *). Поэтому, главнѣйшія дѣла кампаніи: подъ Вайценомъ, подъ Мишколцемъ, подъ Дебречиномъ, велись какъ бы ощупью, съ величайшею нерѣшительностью и ни одно изъ нихъ не имѣло блистательныхъ результатовъ.

За тѣмъ войска.

Нашей славной пѣхотѣ ни разу не было доставлено случая выказать, во всей полнотѣ ея несравненныя, боевыя качества: ни одного сраженія не удалось кончить нашимъ неотразимымъ ударомъ въ штыки.

Кавалеріи, не смотря на ея многочисленность, не только не было случая покрыться славою въ единоборствѣ съ противникомъ, считавшимся доселѣ лучшею кавалеріею въ Европѣ,—но даже не умѣли дать такого употребленія, что-бы она явилась дѣйствительно—глазами и ушами арміи. Но этого мало. Были случаи, какъ напримѣръ, подъ Дебречиномъ, гдѣ неумѣлость, малодушіе, если не трусость одного изъ начальниковъ значительной части кавалеріи, а именно, начальника 2 кавалерійской дивизіи генерала Глазенапа, дошла до того, что онъ, видя отступающій мимо себя отрядъ Надь Шандора, послѣ пораженія, ему нанесеннаго нашими главными силами, не рѣшился атаковать его во флангѣ и не довершилъ его погрома, предпочтя, воспользовавшись громадностью кукурузы, совершенно скрывавшей его кавалерію отъ непріятеля, простоять на мѣстѣ, не подвергаясь случайностямъ битвы. Правда, что на другой же день, фельдмаршалъ отнялъ у генерала Глазенапа Дивизію, но все таки въ день битвы нами не были пожаты, легко намъ въ данномъ случаѣ достававшіеся лавры.

Артиллерія наша, которой, по обстоятельствамъ, приходилось играть главнѣйшую роль въ сраженіяхъ венгерской кампаніи, оказалась во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо хуже венгерской: и огонь ея не былъ такъ прицѣленъ, какъ венгерской артиллеріи,—и орудія не имѣли той дальнобойности, что венгерскія,—и наконецъ, наша артиллерія не имѣла той подвижности, что венгерская, запряженная превосходными лошадьми, доставленными помѣщиками изъ подъ ихъ экипажей!

Далѣе. Это печальная правда, что наши грабили, гдѣ только могли.

(*) Въ доказательство приведемъ слѣдующую выписку изъ сочиненія М. Д. Лихутина, (офицера генеральнаго штаба, участника Венгерской кампаніи), *„записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году“, Москва. 1875.*

„Передъ выступленіемъ въ Венгрію, главнокомандующій собралъ къ себѣ генераловъ собранныхъ кругомъ Змиграда войскъ и сдѣлалъ имъ наставленіе для предстоящихъ дѣйствій..... Смыслъ наставленія выражался въ слѣдующихъ словахъ: „Дѣйствовать боевыми порядками. Боевые порядки и боевые порядки!“.

Извѣстно, что въ то время въ воинскомъ уставѣ для дѣйствія войскъ существовали 4 боевыхъ и одинъ резервный порядокъ.

Всѣ военные того времени помнятъ, что въ глубокой премудрости и великой пользѣ боевыхъ порядковъ были убѣждены всѣ; съ ними русская армія считалась непобѣдимою. Безъ сомнѣнія, знаніе уставовъ необходимо для военнаго человѣка, но оно могло прикрывать иногда совершенную неспособность, а придаваемая имъ излишняя важность, какъ всякая крайность, могла вводить начальство въ опасное заблужденіе. Слова фельдмаршала, князя Паскевича, несомнѣнно замѣчательнаго полководца, показываютъ только, что ложныя или односторонніе мнѣнія могутъ быть общи, свойственны всѣмъ арміямъ и длиться многіе годы“.

Конечно, этимъ дѣломъ трудно было заниматься регулярнымъ войскамъ, если не считать токайскаго инцидента, такъ какъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ дозволяли занимать войскамъ села и деревни, въ явный ущербъ здоровью солдатъ, обыкновенно располагая войска биваками, внѣ поселеній; но за то казаки, мусульмане, конвойные при обозахъ, цѣлыя орды деньщиковъ и фуражировъ,—охулки, что называется, не клали на рўку! Эти мародеры скитались по деревнямъ оставшимся въ тылу или на флангахъ нашихъ войскъ и грабили все, что попадалось подъ руку.

Кстати, вспоминаю печальный случай по поводу одного такого грабежа, разсказанный нашими Камчатскими офицерами, бывшими въ отрядѣ барона Остенъ-Сакена, послѣ выступленія его изъ Кашау—въ Токай.

Когда перешли Тейсу въ Токаѣ, баронъ Димитрій Ерофѣевичъ, чтобы остановить все болѣе развивавшійся грабежъ, отдалъ подъ судъ и приказалъ прогнать сквозь строй, десять человѣкъ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ, за разграбленіе винныхъ погребовъ около Токая. По несчастію, наказаніе это понесли люди, относительно говоря, невинные. Дѣло въ томъ, что обвиненные клялись въ своей невинности, утверждая, что они, ни погребовъ, ни бочекъ съ виномъ не разбивали, а дѣйствительно виноваты только въ томъ, что не утерпѣли, что бы не напиться вина, проходя мимо растворенныхъ винныхъ погребовъ, въ которыхъ видѣли разбитыя бочки съ виномъ. По несчастію солдатики выпили крѣпкаго, стараго вина, до того не въ мѣру, что тутже, у бочекъ и уснули—отъ этого и попались.

Въ дѣйствительности это дѣло было такъ, по разсказу главнаго въ немъ дѣйствующаго лица, сотника Донскихъ казаковъ Краснова, (получившаго въ эту войну Георгіевскій крестъ). Казаки того-же полка что и сотникъ Красновъ, слѣдуя въ авангардѣ отряда барона Остенъ-Сакена, подъ Токаемъ разбили погреба въ виноградникахъ, попавшіеся имъ близь самой дороги и порядкомъ напившись, пригласили на даровой пиръ, подходившіе во время ихъ бражничанья пѣхотные патрули и вообще проходившихъ солдатъ. Конечно добравшись до даровaго угощенья отличнымъ виномъ, солдаты невоздержались какъ и казаки, вмѣстѣ съ которыми и уснули у бочекъ. Когда жители обратились къ генералу Остенъ-Сакену съ жалобой на солдатъ, грабящихъ вино, (а больше разливающихъ его, чѣмъ выпивающихъ), онъ послалъ состоящаго тогда при немъ сотника Краснова арестовать всѣхъ, кого застанетъ въ погребахъ. Красновъ, увидѣвъ между спящими своихъ, казаковъ, приказалъ своему конвою *пробудить ихъ нагайками*, что тѣ и исполнили, взявъ ихъ на своихъ лошадей и увезя въ скрытное мѣсто; причемъ пѣхотныхъ солдатъ и артиллеристовъ сотникъ Красновъ арестовалъ и представилъ начальству. Вотъ этихъ то и прогнали сквозь строй, тогда какъ казаки, виновники грабежа, отдѣлались тѣмъ, что ихъ отдули нагайками свои же товарищи.

Что касается вообще до плана кампаніи, до веденія тѣхъ или дру-

гихъ большихъ или меньшихъ дѣлъ съ непріятелемъ, то у насъ, рядовыхъ дѣйствователей арміи, при отсутствіи какихъ либо точныхъ свѣдѣній о ходѣ войны,—при совершенномъ незнаніи тѣхъ пружинъ, которыя приводили въ дѣйствіе сложныя части механизма этихъ операцій,—могло ли составиться правильное понятіе о происходившемъ хотя бы и на нашихъ глазахъ,—и могли ли мы дѣлать, хотя приблизительно, вѣрную оцѣнку событій? Конечно нѣтъ. Тѣмъ не менѣе и въ нашей средѣ подтверждалась справедливость замѣчанія какого-то военнаго писателя, сказавшаго, что послѣ войны, нѣтъ прапорщика, который не обсуждалъ бы дѣйствій своего главнокомандующаго и не относился бы къ нимъ критически, утверждая, что если бы главнокомандующій, въ такомъ то дѣлѣ пошелъ не сюда, а туда,—или сдѣлалъ бы не то, что онъ сдѣлалъ, а вотъ это—то исходъ дѣла былъ-бы другой, болѣе благопріятный!! И по нашей арміи бродили критическіе взгляды на многія изъ главныхъ и второстепенныхъ событій и отзывы неблагопріятные объ искуствѣ нашихъ военачальниковъ. Впрочемъ, главнѣе всего у насъ порицалось то фальшивое освѣщеніе, которое придавали чуть ли не каждому изъ болѣе замѣчательныхъ событій войны, преувеличивая наши успѣхи, скрывая неудачи, или такъ ихъ обставляя, что онѣ являлись чуть не подвигами!

Упрекали фельдмаршала Паскевича за медленность подъ *Вайценомъ*, гдѣ не атаковавъ Венгерцевъ 4 іюля, когда наша армія стала лицемъ къ лицу съ Гергеемъ, отступившимъ отъ Коморна, и отложивъ атаку его, подъ предлогомъ утомленія войскъ, а въ сущности ввиду собственнаго *своего* утомленія, до слѣдующаго дня, (при чемъ и въ этотъ день приступили къ атакѣ слишкомъ поздно), тѣмъ далъ возможность Гергею благополучно уйти отъ нашихъ силъ, далеко превосходившихъ его въ числѣ.

Упрекали фельдмаршала за то, что послѣ Вайценскаго дѣла, онъ не позволилъ графу Ридигеру, всѣми его силами преслѣдовать Гергея, воспретивъ ходить далѣе Балась Дьярматъ, тогда какъ это преслѣдованіе, вмѣстѣ съ движеніемъ главныхъ силъ на перерѣзъ Гергею, не допуская его къ Тейсѣ и вмѣстѣ со встрѣчей Венгерцевъ корпусомъ Чеодаева, у Мишкольца, могло поставить Гергея между двухъ огней и въ необходимость принять сраженіе, которое неминуемо кончилось бы въ нашу пользу, по значительному превосходству нашихъ силъ и потому, что и теперь, однимъ поспѣшнымъ отступленіемъ отъ Вайцена, Венгерская армія уже значительно была разстроена, каковое разстройство, настойчивымъ преслѣдованіемъ Ридигера, могло быть доведено до значительныхъ размѣровъ.

Упрекаютъ фельдмаршала за безполезное движеніе корпуса Чеодаева къ Дебречину, имѣвшее послѣдствіемъ отступленіе этого отряда опять на правый берегъ Тейсы и безполезное утомленіе войскъ.

Упрекаютъ фельдмаршала за многократное движеніе корпуса Чеодаева, взадъ и впередъ, между Мишкольцемъ, Копольно и Мезо-Кеведзомъ, что

даже вызвало сочиненіе юмористической солдатской пѣсни, одинъ изъ куплетовъ которой гласилъ:

Чемоданчикъ (*)—молодецъ,
Бралъ шесть разъ Мезо-Кеведзъ.
Паскевичъ кричитъ: „довольно,
Не ходи больше въ Копольно!“ и т. д.

Упрекали фельдмаршала за отсутствіе въ арміи зоркаго наблюденія за движеніями противника, до того, что послѣ Вайценскаго дѣла и отступленія отъ Баласъ-Дьярмата, Гергей, со всею арміею, исчезъ у насъ изъ виду и главная квартира, располагавшая относительно огромными денежными средствами, незнала, одно время, гдѣ онъ находится, что предпринимаетъ и куда направился? Неизвѣстность эта вызвала прискорбныя послѣдствія, между которыми видную роль занимаетъ разсказанное выше, наше постыдное бѣгство изъ Кашау и даже изъ Эперіеса.

Упрекаютъ Фельдмаршала за Мишкольцское дѣло Чеодаева, безцвѣтное, не смотря на значительность нашихъ силъ и артилеріи въ особенности, и не имѣвшее другихъ результатовъ, кромѣ напрасной потери нашей въ людяхъ, хотя при другомъ образѣ дѣйствій, дѣло это могло имѣть гибельныя для Гергея послѣдствія.

Упрекаютъ князя Варшавскаго и за Дебречинское дѣло, въ которомъ мы также не воспользовались имѣвшимися у насъ силами и средствами, всецѣло отдавшись, можно сказать, забавѣ построенія войскъ въ одинъ изъ нашихъ излюбленныхъ тогда боевыхъ порядковъ, при томъ, точно на смѣхъ, начавъ таковое построеніе за 20 верстъ отъ непріятельской позиціи, вмѣсто того, чтобы принятіемъ соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ энергическихъ мѣръ, ничтожную горсть Венгерцевъ, по случайной дерзости ея вождя, рѣшившуюся противу стать нашимъ грознымъ силамъ,—или уничтожить, или—захватить всю (**) живьемъ.

(*) Командиръ 4 корпуса, генералъ Чеодаевъ

(**) Венгерцами командовалъ Надь-Шандоръ, за искусное командованіе кавалеріей и личную отвагу прозванный „Венгерскимъ Мюратомъ“,—онъ повѣшенъ австрійцами по окончаніи кампаніи.

Дебречинскаго сраженія Надь-Шандоръ, по несоразмѣрности своихъ силъ, не долженъ былъ принять, тѣмъ болѣе, что слѣдуя убѣдительнымъ просьбамъ своихъ начальниковъ частей, имѣлъ полную возможность спастись своевременнымъ отступленіемъ. По несчастію для венгерцевъ русскіе начали наступленіе въ моментъ, когда Надь-Шандоръ съ товарищами пировали на банкетѣ, данномъ въ честь ихъ городскимъ муниципалитетомъ. Пріѣхавъ въ дѣло прямо съ пира Надь-Шандоръ увлекся, принялъ бой и былъ разбитъ на голову.

23 Августа, кр. Мункачъ.

Небольшой, но хорошенькій городъ у подошвы Карпатскаго хребта. Древняя крѣпость, господствующая надъ городомъ, замыкаетъ собою выходъ одного изъ карпатскихъ ущелій, ведущаго на удобный перевалъ, въ Галицію. Крѣпость эта, или лучше, средневѣковый укрѣпленный замокъ, построена верстахъ въ полутора отъ города, на большой, отвѣсной скалѣ (*). Съ городскаго моста видъ на крѣпость, съ утесистыми, лѣсистыми, дообланчными высями Карпатъ, составляющими какъ бы фонъ картины—восхитителенъ. Эту картину дополняетъ рѣка Латорица (Latoriza), бѣшено вырывающаяся изъ Карпатскихъ тѣснинъ, у подошвы горы, на которой красуется, въ густой растительности, древній уніатскій монастырь.

Мункачскую крѣпость, всю войну занималъ венгерскій гарнизонъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ, при 20 орудіяхъ, положившій оружіе, за нѣсколько только дней до нашего прихода, предъ генераломъ Карловичемъ, пославшимъ коменданту письменное приказаніе Гергея, сдаться русскимъ, безъ сопротивленія. Этотъ небольшой венгерскій гарнизонъ имѣлъ блистательный успѣхъ въ столкновеніи съ австрійскимъ отрядомъ, явившимся наблюдать за крѣпостью;—австрійцы въ этомъ столкновеніи были совершенно разбиты и разсѣяны.

Здѣсь дошелъ до насъ непріятный слухъ о томъ, что подъ Гросвардейномъ, по приговору военно-полеваго суда, растрѣлянъ корнетъ гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда австрійскаго полка—Руликовскій.

Это былъ блестящій юноша, лѣтъ 21—22-хъ, его знали многіе изъ моихъ товарищей за славнаго малаго и лихаго кавалериста. Свидѣтелями его молодечества были нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ въ Кременцѣ, когда тамъ, передъ кампаніей, стоялъ штабъ 4 кавалерійской дивизіи генерала Засса, а въ караулѣ полкъ Фердинандскихъ гусаръ, въ которомъ служилъ и Руликовскій.

Надъ городомъ Кременцомъ, почти отвѣсно, подымается значительная конусообразная гора, съ замкомъ на вершинѣ, нѣкогда основанномъ, будто бы, королевою *Боною*, отчего и самая гора носитъ имя *„Боны“*. Подняться на эту гору со стороны города, даже пѣшкомъ, не для каждаго возможно: ребра горы покрыты обнаженными скалами, мѣстами отвѣсными. На вершину горы ведутъ: тропинка и дорога со стороны противуположной городу. Вотъ, въ означенное то время, проходилъ черезъ Кременецъ, съ Кав-

(*) Есть преданіе, что послѣ татарскаго погрома прикарпатскихъ странъ, Русины пришли сюда изъ Подолья съ княземъ своимъ Федоромъ Каріатовичемъ и заняли сперва берега Унги и Латорицы, а потомъ Тейсы. При этомъ князь Ѳедоръ видѣлъ въ одну ночь ангела, ходящаго по водамъ Латорицы и указывавшаго ему на гору Чарнецкую. На этой горѣ князь построилъ Мункачскій монастырь, а на другомъ берегу, на отдѣльной высокой и крутой горѣ, красивый мункачскій замокъ (называвшійся при королевскомъ дворѣ „золотымъ яблокомъ“). Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ Карпатской Руси. Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя Царей и славныхъ подвижниковъ: Ракочія, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная угорская героиня, Елена Зриньи“.... А. Дешка. „О Карпатской руси“, „Кіевская Старина“ 1884. Ноябрь. Стр. 538.

Библіотека

каза, отрядъ горцевъ—мусульманъ и линейныхъ казаковъ, слѣдовавшій въ конвой къ Фельдмаршалу. Начальникъ дивизіи Зассъ любитъ пожить и повеселиться. Онъ воспользовался проходомъ кавказскихъ удальцевъ, чтобы хотя сколько нибудь разцвѣтить скучную жизнь въ Кременцѣ и устроилъ гостямъ угощенье, праздникъ и пиръ горой. На этомъ праздникѣ затѣялась джигитовка и горцы, на своихъ привычныхъ коняхъ, бросились на гору „Бону“, на прямикъ, со стороны города и путемъ которымъ не могъ вскорабкаться почти ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей, взобрались верхомъ на самую вершину горы!

Разумѣется, это молодечество произвело общій восторгъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сильно задѣло самолюбіе Фердинандскихъ гусаръ, въ которыхъ никто и не предполагалъ возможности подобной удали что тутже и было выражено многими. Но, явился и между гусарами молодецъ, который бросился на своемъ конѣ по тому же пути, по которому поднялись на вершину „Боны“ горцы и... взобрался на нее!..

Удалецъ этотъ былъ корнетъ Руликовскій. Теперь его разстрѣляли, какъ оказывается, за позорное дѣло. Полякъ въ душѣ, онъ въ началѣ еще войны, не только самъ, лично, передался Венгерцамъ, но предалъ имъ постъ, которымъ командовалъ.

Разсказываютъ, что гусары, стоявшіе съ Руликовскимъ на аванпостахъ, увидѣли предательство своего офицера и не дались добровольно Венгерцамъ, а дрались съ ними до послѣдней крайности, при этомъ нѣкоторые были убиты, другіе, тяжело раненые, взяты въ плѣнъ, а нѣкоторые, тоже раненые, но легко, ускакали.

Въ числѣ венгерцевъ, положившихъ оружіе подъ Гросвардейномъ, былъ— и Руликовскій.

Не понятно, какъ онъ рѣшился сдаться? и почему не бѣжалъ, какъ сдѣлали многіе другіе, болѣе или менѣе скомпрометированные?

Говорятъ Фельдмаршалъ всѣми способами старался найти благовидный предлогъ смягчить приговоръ суда и будто бы шесть разъ отказывался подписать конфирмацію, всякій разъ находя какую нибудь причину приказать —еще разъ пересмотрѣть дѣло; но ясность факта и очевидность вопіющаго преступленія, наконецъ, заставили главнокомандующаго подписать приговоръ.

Желаніе князя Паскевича спасти Руликовскаго объясняютъ тѣмъ, что Фельдмаршалъ хорошо знаетъ родителей Руликовскаго, своихъ ближайшихъ сосѣдей по Гомелю.

Говорятъ, Руликовскій, когда ему объявили казнь на утро, посѣдѣлъ въ одну ночь!

25-го Августа, Альзо-Верецке.

Отъ Муккача, мы пошли чрезвычайно живописнымъ карпатскимъ ущельемъ, лѣсистыя ребра котораго возвышаются какъ бы до небесъ, будто сжимая бѣшено бьющуюся въ ихъ объятіяхъ горную рѣчку Латорицу. По ея извилистому берегу проложено довольно узкое шоссе. Ущельемъ этимъ долженъ былъ вступить въ Венгрію нашъ драгунскій корпусъ, но по измѣнившимся обстоятельствамъ ему дали другое направленіе. Впрочемъ, первоначальное назначеніе корпусу этому слѣдовать черезъ Мункачъ имѣло для насъ собственно благопріятное значеніе, такъ какъ облегчало наше настоящее движеніе, черезъ названный городъ, въ Галицію.

Дѣло въ томъ, что путь за Мункачемъ, мы нашли совершенно проходимымъ, не только для насъ, но для обозовъ и артиллеріи, тогда какъ нѣсколько времени назадъ, онъ былъ сдѣланъ Венгерцами совершенно недоступнымъ. Ожидая нашего наступленія изъ Галиціи, Венгерцы во множествѣ болѣе узкихъ мѣстъ ущелья, перехватили его широкими и глубокими рвами, образовавъ съ тѣмъ вмѣстѣ, по шоссе, отъ одной стѣны ущелья до другой, громадные завалы изъ вѣковыхъ деревъ, тутъ же срубленныхъ и сваленныхъ съ реберъ ущелья, приваливъ эти деревья большими каменными глыбами, оторванными и сброшенными съ ближайшихъ скалъ. При невозможности обойти баррикадированныя Термопилы, въ случаѣ защиты ихъ непріятелемъ, нашимъ войскамъ пришлось бы брать ихъ прямо въ лобъ. Сколько при этихъ штурмахъ легло бы людей!! Независимо отъ заваловъ, въ нѣсколькихъ, болѣе удобныхъ для защиты противъ наступающаго непріятеля, пунктахъ, были устроены Венгерцами замаскированныя батареи и мины, подведенныя не только подъ шоссе, но и въ стѣны ущелья, которыя, при наступленіи нашихъ войскъ, предстояло взорвать, чтобы однихъ изъ насъ поднять на воздухъ, а остальныхъ завалить обломками взорванныхъ скалъ. Слава Богу, что кончилась война и только потъ человѣческій потраченъ на уничтоженіе этихъ баррикадъ и другихъ искуственныхъ препятствій, устроенныхъ Венгерцами—а не кровь.

Изъ Муккача мы поѣхали нѣсколько верстъ всторону, въ горы, на превосходный, чугунный заводъ графа Шенброга, одного изъ первостатейныхъ венгерскихъ богачей, которому принадлежатъ, между прочимъ, земли, начиная отъ Берегъ-Саса, чуть ли не до самой Галиційской границы. Заводъ весьма внушительныхъ размѣровъ, хорошо содержанъ, отличается изяществомъ своихъ мелкихъ издѣлій. Мы накупили, на память, подсвѣчниковъ и различныхъ принадлежностей письменнаго стола, а я, кромѣ того, пріобрѣлъ отлично исполненный, бюстъ Кошута, только, удастся ли мнѣ провезть его черезъ границу? Пожалуй, придерутся, скажутъ: революціонеръ!—и конфискуютъ!...

Ночлегъ намъ былъ назначенъ въ д. Полена, (вѣроятно, славянская-*Поляна*?) лежащее на шоссе, но мы какъ то свернули съ него вправо и дорожка, намъ попавшаяся, вывела насъ въ д. Шалива. (Szalyva).

Не стану повторять невольно вырывающихся возгласовъ о красотахъ мѣстной природы, чаровавшей насъ на каждомъ шагу, начиная отъ самого Муккача. Скажу только, что одна восхитительная картина смѣнялась предъ нами другою восхитительнѣйшею, какъ бы въ движущейся панорамѣ.

Опять пошли бѣдныя словакскія деревушки съ ихъ бревенчатыми постройками, крытыми соломой, или на половину соломой, на половину дранью, съ ихъ жалкою, нищенскою обстановкою домашней жизни гордевъ, особенно тяжелой къ концу зимы и вначалѣ весны, когда они едва не умираютъ съ голоду. Жители жалуются на крайній недостатокъ состоящей въ ихъ пользованіи годной къ обработкѣ земли, разбросанной клочьями по горамъ и ущельямъ. Единственную отраду жизни этихъ бѣдняковъ составляетъ водка—*поленка*—по туземному; скверная на вкусъ, но крѣпкая, ими самими выгоняемая, за которую они готовы пожертвовать всѣмъ, кажется даже жизнью!

Въ красномъ углу избы словака—столъ; кругомъ него—лавки; при входѣ, направо отъ двери жилаго покоя—печь, вродѣ нашей русской; налѣво—поставецъ съ глиняной посудой; въ избѣ неопрятно, какъ въ нашей, крестьянской; тутъ же молодая скотина, насѣдки въ лукошкахъ; груды лохмотій составляютъ постель. Словомъ, чрезвычайное сходство обстановки съ таковою же нашего бѣдняка крестьянина, какой нибудь Тульской или Орловской губерніи.

Жиденокъ—нашъ возчикъ, привезъ насъ въ д. Шаливѣ, въ домъ къ своимъ соплеменникамъ. Оказалось, что нашъ хозяинъ—арендаторъ минеральнаго ключа, тутъ же на площадкѣ, въ деревнѣ, наполняющаго большой резервуаръ, превосходною на вкусъ водою, нѣсколько похожею на зельтерскую, кипящею и пѣнящеюся въ стаканѣ отъ небольшой примѣси вина, отчего она получаетъ пріятный, острый вкусъ. Въ Карпатахъ много такихъ источниковъ. Здѣшній—на откупу у нашего хозяина, который платитъ его владѣльцу, графу Шекброгу, 300 рейнскихъ—минцъ, въ годъ, за право эксплоатаціи источника, а самъ продаетъ его воду бочками, по 30 крейцеровъ за каждую. По словамъ арендатора, операція эта не даетъ ему ни какого дохода, по незначительности сбыта воды источника. Очень можетъ быть, что арендаторъ говоритъ правду, но невозможно предположить, чтобы онъ занимался этой операціей изъ любви къ искусству, а вѣрнѣе, что это арендованіе служитъ ему предлогомъ имѣть оседлость въ этой деревушкѣ, какъ паукъ раскидывая въ ней свои сѣти, которыми, конечно, опутаны окрестные жители, доставляющіе обезпеченныя средства существованія этому гешефтъ-мастеру.

Вообще здѣшніе евреи своимъ проходимствомъ, подвижностью и плутоватостью, нисколько не уступятъ нашимъ, находясь въ лучшемъ, сравнительно съ ними, положеніи. У насъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, [redacted] все-таки подрѣзаны крылья, а здѣсь, этимъ орламъ, свободенъ [redacted] ихъ солнцу—наживѣ, во всѣхъ ея видахъ и формахъ.

Въ Галиціи и Венгріи евреи пользуются правами всѣхъ прочихъ гражданъ страны, а слѣдовательно, имѣютъ право всюду пріобрѣтать недвижимую собственность, что передало въ ихъ руки множество лучшихъ имѣній Галиціи, особенно послѣ извѣстнаго избіенія пановъ. Промышленность и торговля этихъ странъ давно въ еврейскихъ рукахъ и надо думать, что не далеко то время, когда они сдѣлаются господствующимъ племенемъ если не въ Венгріи, то въ Галиціи—непремѣнно.

Мы пошли на площадку посмотрѣть ключъ. Онъ почти у подошвы горы, бьетъ вверхъ, въ деревянный резервуаръ. Кругомъ ключа грязь и нечистота; ни навѣса, ни скамѣекъ, ни стока, для переполняющей бассейнъ воды. Ясно изъ этого видно, въ чьихъ рукахъ этотъ источникъ! За то отъ источника на всѣ стороны какая раскидывается картина! Надъ ключемъ утесистая гора, поросшая крупнымъ, густымъ лѣсомъ, подпираетъ облака; на право—то же прихотливые перевивы утесовъ, пестрыхъ скалъ и темнаго лѣса, изъ котораго выглядываютъ купола небольшой церкви;—на лѣво въ ущельи деревня и красивыя, каменныя постройки помѣщичьей усадьбы; —прямо передъ нами—обставленная горами долина, прорѣзанная вьющеюся по ней дорогою, будто вливающеюся въ утесистыя, лѣсистыя громады, уже подернутыя синевою вечереющаго дня; а тутъ, у самой площадки, надъ которой стоимъ теперь, бѣшено несется горный потокъ, прыгая съ камня на камень, весь въ брызгахъ и пѣнѣ. Горный потокъ этотъ, съ мостикомъ, перекинутымъ съ одного крутаго берега его на другой—отлогій, на которомъ какъ то необыкновенно свалены громадныя деревья, служа ему устоемъ; съ полуразрушенною водяною мельницею,—составляетъ, въ этой чудной горной обстановкѣ, нѣчто столь прекрасное и поэтическое, что такъ и просится подъ кисть искуснаго пейзажиста.

Но стало смеркаться и внезапно сдѣлалось холодно, при томъ же мы сильно проголодались и потому очень были рады поглотить предложенный нашимъ хозяиномъ-евреемъ ужинъ и вино, за что онъ, при разсчетѣ, взялъ съ насъ очень недорого. За тѣмъ мы поторопились въ дальнѣйшій путь, что бы во время догнать своихъ. Насъ повезъ все тотъ же жиденокъ, который насъ доставилъ сюда и который скоро опять потерялъ дорогу и завезъ насъ въ русло какой-то рѣчонки. Положеніе наше начало терять свой комическій характеръ, благодаря ночной темнотѣ, пробиравшей насъ сырости, холоду и очевидной невозможности выбраться изъ русла рѣки, по крутизнѣ ея береговъ. Около часа мы ѣздили по рѣкѣ взадъ и впередъ, ежеминутно рискуя попасть въ какой нибудь омутъ и наконецъ рѣшились было остановиться посреди рѣки и терпеливо ждать разсвѣта, какъ вдругъ, какимъ-то чудомъ, увидѣли возможность взобраться на берегъ и за тѣмъ, скорехонько попали на дорогу, которая и привела насъ въ д. Поленку, гдѣ нашли своихъ товарищей, давно покончившихся спокойнымъ сномъ.

26-го Августа. Тамъ же.

Сегодня получено приказаніе послать офицера въ г. Рогатинъ, занять помѣщенія для полковаго штаба; осмотрѣть назначенныя намъ зимовыя квартиры вокругъ этого города и ѣхать въ Лембергъ доложить начальнику дивизіи о результатахъ этого осмотра и степени удобства предполагаемаго размѣщенія полка? Найдется ли на мѣстахъ достаточно для него продовольствія и тому под.

Добрый баронъ Фитингофъ, продолжающій показывать мнѣ свое расположеніе съ самого вступленія въ командованіе нашимъ полкомъ, возложилъ на меня это порученіе.

Ѣду сейчасъ.

29-го Августа. Г. Стры, въ Галиціи.

Порученіе на меня возложенное, привело меня въ восторгъ. Товарищи завидуютъ. „Экій счастливецъ!“—говорятъ—теперь вольнымъ казакомъ гуляй нѣкоторое время по Галиціи; располагай своимъ днемъ какъ вздумается; забудь на время труды походной жизни, ея однообразіе, служебныя заботы... Погода прелестная. Предстоитъ настоящая прогулка!

До станціи Козіова я доѣхалъ верхомъ, а далѣе покатилъ на почтовыхъ. Правда, мнѣ дали какую то крошечную крестьянскую телѣжку, на которой мы съ унтеръ-офицеромъ, при мнѣ состоящимъ, едва усѣлись; пара маленькихъ почтовыхъ клячъ едва бѣжала мелкою рысцой; на козлахъ подпрыгивалъ крестьянинъ въ коричневой свиткѣ, съ единственнымъ отличіемъ его важнаго сана, почтаря—рожкомъ, перекинутымъ черезъ плечо на шнуркѣ австрійскихъ цвѣтовъ, желто-черномъ; но за то отъ Альзо-Верецке до самой станціи Школе, я былъ въ величайшемъ восторгѣ. Предо мною, во весь этотъ путь, на всякомъ шагу, открывались такіе картинные виды грандіозной карпатской природы, что я не только не понукалъ своего возницу, но, напротивъ, иногда останавливалъ его и подолгу всматривался въ окружающее. На этомъ переѣздѣ я совершилъ перевалъ черезъ гребень Карпатъ. Гора на горѣ. День совершенно ясный и облака не заволакиваютъ ни одной вершины. Роскошные лѣса вѣковаго бука, гроба, ясени, окутали темными покровами мѣстами выдающіеся изъ нихъ пики, скалы и утесы, самыхъ прихотливыхъ, фантастическихъ формъ. Какъ бѣлая лента, вьется между этихъ громадъ узкая почтовая дорога, то пробираясь по берегу скачущаго по камнямъ потока, то удаляясь отъ него и всползая на высоты. Но можно ли *разсказать* картины, на всякомъ шагу здѣсь встрѣчающіяся? Если

и способна дать о нихъ нѣкоторое понятіе, то только кисть талантливаго художника, и то только—*нѣкоторое*. Надо видѣть эти картины собственными глазами, чтобы очароваться ими и не забыть ихъ никогда.

Но вотъ, лѣса рѣдѣютъ, мельчаютъ, голые утесы громоздятся одинъ на другой; мѣстами по нимъ разбѣгается кустарникъ. Мы совершили перевалъ. Начинаемъ спускаться, и опять лѣса и лѣса, но еще темнѣе, еще мрачнѣе только недавно нами покинутыхъ. Вотъ будто выбѣжали намъ на встрѣчу съ далекой родины, привѣтствовать наше возвращеніе, родныя, сѣверныя ели. Онѣ, темными тучами, облегли все пространство, своимъ присутствіемъ дали другой тонъ картинѣ, дохнули на насъ другимъ воздухомъ...

Мы спускались быстро. Въ Школе перемѣнили лошадей, отсюда до Стры холмистая карпатская подошва мало по малу перешла въ равнину. Дорога тянулась по берегу р. Стры. Населеніе густое, на всякомъ шагу попадаются деревни; но, какъ отличны онѣ своимъ наружнымъ видомъ отъ венгерскихъ. Тамъ каждая деревня—городокъ. Тамъ что ни деревня—ландшафтъ; здѣсь далеко уже не тотъ живописный характеръ поселеній. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ Карпатъ, тѣмъ больше и мѣстность и ея обитатели, со множествомъ жидовъ между ними, напоминаютъ нашу Подольскую губернію. Стры—областной городъ, довольно хорошо обстроенный и людный.

16 Сентября, г. Кременецъ, на Волыни.

Венгерская кампанія пронеслась какъ сонъ.

Вотъ мы и дома и только смутное воспоминаніе осталось отъ недавняго прошлаго.

Обратный путь въ Россію, начиная отъ г. Рогатина, совершенъ мною на почтовыхъ, слѣдовательно—такъ быстро, что мнѣ некогда было вести своихъ записокъ и я теперь возстановляю свои путевыя впечатлѣнія по памяти.

Мы пробыли въ Лембергѣ нѣсколько дней, чтобы, такъ сказать, надышаться чужеземнымъ воздухомъ, насмотрѣться на жизнь совершенно иначе сложившуюся, чѣмъ наша; повеселиться сколько можно больше,—все это ввиду возвращенія къ той захолустной жизни, какую намъ, черезъ нѣсколько дней, предстояло опять повести, въ какомъ нибудь глухомъ уголку Волыни!

И то сказать, мы въ Лембергѣ пожили бы на славу, да денегъ то у насъ было мало, такъ какъ сентябрскую треть нашего жалованья, намъ не выдавали раньше нашего возвращенія въ Россію, вѣроятно въ тѣхъ видахъ, чтобы мы не оставили всѣхъ этихъ денегъ за границей. Еще счастіе, что тѣмъ изъ насъ, кому полагались верховыя лошади, давалось столько фуража, что мы, разумѣется не имѣя всѣхъ лошадей назначенныхъ намъ по положенію, получали отъ кого слѣдовало фуражъ не натурой, а деньгами, операція—доставлявшая намъ порядочныя средства, при высокой справочной цѣнѣ овса, по 12 р. сер. за четверть.

Однако, какъ ни весело, какъ ни разнообразно за границей, а все таки было что-то такое, что тянуло въ Россію—и вотъ мы въ г. Бродахъ.

Едва мы вступили въ это жидовское царство, какъ насъ осадили жиды. Мало того, что они намъ предлагали всевозможные товары, совершенно за безцѣнокъ, по сравненію съ цѣнами такихъ-же товаровъ у насъ продающихся, это будетъ понятно, если вспомнимъ, что Броды—Порто-Франко;—но евреи стали приставать къ намъ съ просьбами взять у нихъ въ Бродахъ товаръ какой они доставятъ, безденежно, довести его до Кременца и тамъ возвратить имъ только одну половину взятаго товара, принявъ другую половину въ вознагражденіе за перевозку. Предложеніе такого жидовскаго гешефта было основано на томъ что жидки пронюхали о сдѣланномъ по таможнямъ распоряженіи, чтобы возвращающимся изъ кампаніи офицерамъ было дозволено провесть *безпошлинно* черезъ таможню, все что они пожелаютъ (кромѣ книгъ и картинъ, которыя на таможнѣ отбирались и представлялись въ цензуру) съ тѣмъ только, чтобы офицеры предъявляли на таможнѣ провозимое для приложенія къ нему штемпеля или пломбъ. Провѣдавъ о таковомъ распоряженіи, мы истратили въ Бродахъ на разныя покупки всѣ свои деньги, до послѣдняго рубля. Вообще, смѣло можно сказать, что все наше офицерство воротилось изъ за-границы—безъ гроша. Кто самъ воздерживался отъ покупокъ и берегъ скопленныя во

время войны деньги, тотъ въ большинствѣ случаевъ, не могъ устоять передъ просьбами тѣхъ своихъ товарищей, которые рѣшились воспользоваться рѣдкою возможностью провезть черезъ границу, безъ пошлины, множество всякихъ вещей и отдали имъ, взаймы, всѣ свои деньги.

Разумѣется, мы, молодежь, въ предлагаемыя, вышесказанныя сдѣлки съ жидами не вступали и только вышучивали ихъ или туряли отъ себя крѣпкимъ русскимъ словцомъ, а нашлись спекулянты, которые воспользовались своимъ положеніемъ и заработали порядочныя деньги, частію вступивъ въ соглашеніе съ жидами и перевезя ихъ товаръ изъ полу,—частію сами накупивъ въ Бродахъ разнаго товара, легко у насъ на Руси сбываемаго, напримѣръ: чаю, сахару, голландскаго холста, носовыхъ платковъ, кружевъ и тому подоб., всего въ значительномъ количествѣ и перепродавъ потомъ эти товары въ Россіи, съ большимъ барышемъ.

Какъ на совершившаго особенно крупную операцію въ этомъ родѣ, указывали на нашего корпуснаго командира генерала Чеодаева!!!

Разсказывали, что всѣ полуфурки корпуснаго штаба, при переходѣ границы въ Радзивиловѣ, были, кромѣ лежавшихъ въ нихъ дѣлъ и проч. биткомъ набиты всякими товарами, преимущественно чаемъ и сахаромъ.

Одни утверждали, что это былъ товаръ жидовскій,—взятый только для перевозки черезъ границу, другіе настаивали, что это товаръ собственный, корпуснаго командира, купленный имъ въ Бродахъ, на барыши.

Въ производствѣ таковой же операціи укоряли и дежурнаго штабъ-офицера корпуснаго штаба, подполковника Корчеса.

Кстати прибавить,—этотъ штабъ-офицеръ никогда у насъ не пользовался хорошей репутаціей и слылъ взяточникомъ. Въ доказательство смѣялись надъ послѣдней его выходкой. Дѣло вотъ въ чемъ. По возвращеніи изъ кампаніи, Корчесъ, какъ увѣряютъ, составившій себѣ за войну кругленькій капиталецъ, тотчасъ подалъ въ отставку, а между тѣмъ ухитрился написать ко всѣмъ полковымъ командирамъ корпуса, самыя любезныя письма, въ которыхъ говоритъ, что послѣ неимѣрныхъ трудовъ, имъ понесенныхъ, по преимуществу отъ чрезмѣрной заботливости о всѣхъ нуждахъ войскъ-корпуса, оберегая интересы каждаго начальника отдѣльной части, въ особенности полковыхъ командировъ, онъ намѣренъ удалиться на покой и заняться сельскимъ хозяйствомъ на своемъ хуторѣ, въ Малороссіи. А такъ какъ главную отрасль сельскаго хозяйства составляетъ скотоводство, улучшеніе котораго должно быть главною заботою каждаго хозяина, не только для его личныхъ выгодъ, но ввидахъ развитія этой отрасли хозяйства въ интересахъ государственныхъ,—то, какъ ему извѣстно, что господа полковые командиры запаслись въ Венгріи *волами* (Sic), безподобной, круторогой венгерской породы,—онъ просилъ, въ особое себѣ одолженіе и въ воспоминаніе тѣхъ добрыхъ отношеній, какія установились между нимъ и такимъ то (имя рекъ), полковымъ командиромъ, прислать ему, *на развод пару венгерскихъ воловъ!!!*....

Это *волосъ* то на приплодъ!

Всѣ, получившіе такія письма, посмѣялись вдоволь надъ изобрѣтательностью подполковника Корчеса, но все-таки, всѣ, кто еще не провѣдалъ о подачѣ Корчесомъ прошенія объ увольненіи его отъ службы, послали ему по парѣ круторогихъ венгерскихъ *воловъ*.

Таково человѣчество.

На русской пограничной чертѣ, близь М. Радзивилова, у шлагбаума, насъ встрѣтилъ командиръ бригады пограничной стражи, воспѣтый еще Пушкинымъ, полковникъ Каверинъ, (*) съ бутылкою шампанскаго въ рукѣ.....

Пробка полетѣла вверхъ, произведя салютъ нашему возвращенію изъ Венгерскаго похода!..... Мы дружно грянули: „у р а“!.....

КОНЕЦЪ 1-й ЧАСТИ.

(*) Петръ Павловичъ Каверинъ еще въ молодости, служа въ Лейбъ-Гусарахъ, извѣстенъ былъ своими замашками кутилы. Пушкинъ, почтившій его особымъ посланіемъ: „*Къ Каверину*“, упоминаетъ о немъ въ „Молитвѣ Лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

„*Избави Господи ума такого*“ и проч

Далѣе: „*Любомірскаго чванства,*

Каверина пьянства“..... и проч.

Что это былъ за повѣса въ свое время, показываетъ разсказъ, будто когда Лейбъ-гусары, въ Отечественную войну проходили Вѣну, Каверинъ подержалъ пари съ товарищами, что разгонитъ публику съ общественнаго гулянья въ Пратерѣ, или въ какомъ то другомъ общественномъ гульбищѣ, въ которомъ стоятъ статуи, какъ у насъ въ лѣтнемъ саду. Поспорили. Въ самый разгаръ гулянья, Каверинъ сталъ въ гусарскомъ мундирѣ на пьедесталъ, на мѣсто одной изъ такихъ статуй, и..... извините читатель, снявъ нѣкоторую часть своего костюма, заставилъ дамъ разбѣжаться....

Князь П. А. Вяземскій о Каверинѣ въ VII томѣ полнаго Собранія Сочиненій, говоритъ: „бывшій Геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скифскою жаждою. Но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера и любезнымъ обхожденіемъ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

I ЧАСТИ

„ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ".

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Очень можетъ быть, что между тѣми, кто сдѣлаетъ честь моимъ „Запискамъ“, пробѣжавъ ихъ, найдутся лица, которыя пожелаютъ нѣсколько ближе ознакомиться съ исторіей нашего, участія въ подавленіи венгерскаго мятежа, а между тѣмъ, мои „Записки“ такой любознательности удовлетворить не могутъ представляя собою разсказъ только о личномъ, при томъ незначительномъ, участіи въ событіи одного изъ дѣйствующихъ лицъ. а не общую картину событія, хотя бы только въ легкомъ абрисѣ,

Въ желаніи удовлетворить въ нѣкоторой степени, такой, могущей пробудиться, любознательности нашего читателя, мы хотимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказать здѣсь всю венгерскую кампанію 1849 года.

Въ разноплеменномъ Австрійскомъ государствѣ, въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, развилась внутренняя рознь, главнѣйше вслѣдствіе поднявшагося въ эту эпоху въ Европѣ вопроса о національностяхъ и проявленіи идеи панславизма въ славянскихъ племенахъ, при чемъ развитію этой идеи силились противодѣйствовать Венгерцы, боявшіеся, съ усиленіемъ славянскихъ племенъ, потерять свое преобладающее значеніе въ Австрійской Имперіи. Когда произошла Парижская революція 1848 года, то ея пламя немедленно охватило всю Германію, Италію, Австрію, словомъ всѣ страны, въ которыхъ внутреннее движеніе было уже подготовлено историческою жизнью народовъ и ждало только толчка, чтобы проявиться:

Въ мартѣ 1848 года произошла революція въ Вѣнѣ. Императоръ Фердинандъ съ семействомъ удалился изъ столицы въ Инспрукъ; въ Вѣнѣ организовалось демократическое правленіе и хотя Императоромъ былъ созванъ сеймъ и самъ Императоръ возвратился было въ столицу, но онъ вскорѣ долженъ былъ вновь бѣжать изъ нея, вслѣдствіе разгара революціи, которую успѣлъ подавить фельдмаршалъ Виндишгрецъ только не раньше октября и то силою оружія регулярныхъ войскъ.

Революціонное движеніе въ Вѣнѣ было искрою, брошенною въ порохъ. Немедленно взволновалась Италія, Богемія и Венгрія, въ которой къ тому же закипѣла борьба между Мадьярами съ одной стороны и славянскими племенами, (Кроатами, Сербами, Далматинцами) съ другой, собственно въ самой Венгріи, а въ Трансильваніи между Венграми съ одной стороны и Валахами и Нѣмцами—съ другой. Словомъ, въ Австрійской Имперіи воцарилась общая неурядица.

На помощь итальянскому движенію пришелъ сардинскій король Карлъ-Альбертъ. Венеція объявлена республикой, президентомъ которой былъ избранъ Манинъ и такимъ образомъ Австріи тогда же предстояло лишиться своихъ итальянскихъ провинцій, если бы фельдмаршалу Радецкому не удалось одержать побѣды надъ Карломъ-Альбертомъ у Кустоцы и затѣмъ овладѣть Миланомъ, что понудило Сардинскаго короля заключить миръ съ Австріей.

Въ то же время князю Виндишгрецу удалось вооруженной рукой подавить возстаніе въ Прагѣ; но съ Венгріей такъ легко Австрія покончить не могла. Тамъ во главѣ движенія стоялъ Людовикъ Кошутъ, извѣстный публицистъ и ораторъ;—онъ требовалъ полной самостоятельности венгерскому королевству; воссоединенія Венгріи съ Трансильваніей въ одно грандіозное цѣлое; —учрежденія отвѣтственнаго венгерскаго министерства и введенія либеральныхъ учрежденій вообще во всей Австріи.

По предложенію Кошута, Нижняя Палата послала прямо отъ себя, съ особой депутаціей, адресъ Императору въ изложенномъ смыслѣ и 4 марта Императоръ Фердинандъ торжественно принялъ эту депутацію, повелѣвъ исполнить желанія венгерской націи; но вскорѣ затѣмъ австрійское правительство, такъ сказать, опомнилось, усмотрѣвъ въ настоящее трудное время совершенную невозможность отказаться отъ права располагать финансовыми и военными силами страны и стало принимать рѣшительныя мѣры противъ венгерскихъ притязаній. Результатомъ была открытая борьба венгерцевъ съ славянскими своими племенами, воспротивившимися мадьяризаціи ихъ и объявившими себя поборниками неприкосновенности императорской власти, при чемъ эта борьба дошла до кровавыхъ столкновеній, въ которыхъ успѣхъ былъ то на одной, то на другой сторонѣ, склоняясь впрочемъ преимущественно на сторону кроатскаго Бана Іелачича, стоявшаго во главѣ славянскихъ ополченій, и за тѣмъ произошелъ окончательный разрывъ Венгерцевъ съ австрійскимъ правительствомъ.

Первые шаги Венгерцевъ въ вооруженной борьбѣ съ Авст-

рійцами были неудачны. Виндишгрецъ разбилъ ихъ войска подъ Швехатомъ и покорилъ Вѣну, вновь возмутившуюся и поднявшую оружіе противъ императорскаго правительства. Но этотъ временный успѣхъ сторонниковъ императорскаго правительства не могъ уже имѣть успокоительнаго вліянія на Императора Фердинанда, сознавшаго, что при настоящемъ положеніи вещей бремя правленія ему не по силамъ, что и побудило его, 20 ноября 1848, отречься отъ престола въ пользу племянника своего, по нынѣ царствующаго,—Франца-Іосифа.

Борьба разыгрывалась.

Въ Трансильваніи инсургентами предводительствовалъ весьма способный и рѣшительный польскій генералъ Бемъ, постоянно одерживавшій поверхность надъ безталаннымъ австрійскимъ генераломъ Пухнеромъ.

Австрійскія войска, подъ главнымъ начальствомъ Виндишгреца, командуемыя Баномъ Іелачичемъ, Врбною, Шликомъ и другими, въ числѣ до 60,000 человѣкъ, съ 255 орудіями, вступили въ Венгрію, имѣя противъ себя Гергея и нѣсколько другихъ, менѣе извѣстныхъ военачальниковъ, съ войскомъ, болѣе или менѣе, благоустроеннымъ, въ числѣ до 50,000 человѣкъ.

Такимъ образомъ, имѣя всѣ шансы успѣха на своей сторонѣ, австрійскій военачальникъ могъ надѣяться немедленно подавить еще нестройныя войска мятежнаго противника. И дѣйствительно, въ первое время. Австрійцы имѣли успѣхъ: они (въ генварѣ), взяли Пештъ, а единственный искусный австрійскій генералъ, храбрый Шликъ, перешелъ Карпаты, занялъ Эперіесъ и Кашау; но это торжество было весьма непродолжительно. Неудачи Австрійцевъ начались въ Трансильваніи, гдѣ Бемъ одолѣвалъ Пухнера, бывшаго вынужденнымъ, вмѣстѣ съ жителями г. Кронштата (*), обратиться съ просьбою о помощи къ генералу Лидерсу, командовавшему нашими войсками, расположенными въ Дунайскихъ княжествахъ, который, съ Высочайшаго разрѣшенія, послалъ на помощь Пухнеру полковника Скарятина, съ 4-мя батальонами пѣхоты и пятью сотнями казаковъ, при 8-ми орудіяхъ, и генерала-маіора Энгельгардта, съ тремя батальонами пѣхоты и двумя сотнями казаковъ, при 8 орудіяхъ. Хотя появленіе нашихъ войскъ въ дѣлахъ подъ Германштатомъ и Кронштатомъ дали перевѣсъ Австрійцамъ, но во всякомъ случаѣ, столь незначительныя наши силы не могли имъ обезпечить полнаго успѣха надъ мятежниками.

Въ Февралѣ 1849 года произошли болѣе рѣшительныя

(*) Очеркъ Венгерской войны 1848—49 годовъ. Пер. съ нѣм. Богдановичъ и Лебедевъ. Спб. 1850.

столкновенія главныхъ силъ Венгерцевъ, въ самой Венгріи, съ арміей Виндишгреца, случайные успѣхи котораго были приняты австрійскимъ правительствомъ за окончательное подавленіе венгерскаго мятежа, что дало рѣшимость этому правительству, 20 февраля, обнародовать конституцію, которая лишала Венгрію ея самостоятельной политической жизни, уравнивая ее въ правахъ со всѣми прочими провинціями Имперіи. Между тѣмъ, венгерскія силы не только не были уничтожены, но вслѣдствіе неискуства австрійскихъ военачальниковъ, не съ умѣвшихъ довершить ихъ пораженіе своевременно, послѣ одержанной надъ ними поверхности,—онѣ возросли, окрѣпли и, перейдя за тѣмъ въ наступленіе, подавили австрійцевъ. Офенъ, послѣ упорнаго сопротивленія, причемъ убитъ его комендантъ, Генералъ Гейнцъ, былъ взятъ Венгерцами штурмомъ, въ тоже время, какъ на сербскомъ театрѣ войны и въ Трансильваніи успѣхъ рѣшительно склонялся на сторону противниковъ Австріи. Такимъ образомъ дѣла австрійцевъ въ это время пришли въ плачевное положеніе и, по словамъ историка венгерской войны, полковника Ореуса: „вся Венгрія и Трансильванія находились во власти революціоннаго правительства: непріятель стоялъ въ немногихъ переходахъ отъ Вѣны, гдѣ взволнованные умы далеко еще не успокоились. О привлеченіи новыхъ подкрѣпленій изъ итальянской арміи Радецкаго, нечего было и помышлять, такъ какъ, не смотря на заключенное съ сардинскимъ королемъ перемиріе, вовсе нельзя было разсчитывать на спокойствіе итальянскихъ областей, сдерживаемыхъ только присутствіемъ грозной военной силы. Сосѣднія германскія страны находились еще въ столь сильномъ броженіи, что и ихъ границы должны были состоять подъ наблюденіемъ австрійскихъ отрядовъ. Помощи со стороны Пруссіи тоже нельзя было ожидать. Вѣковое соперничество Австрійцевъ съ этою державою въ послѣднее время пріобрѣло еще болѣе острый характеръ, вслѣдствіе намѣренія нѣмецкихъ патріотовъ предложить императорскую германскую корону прусскому королю Фридриху Вильгельму IV[a].

Между тѣмъ, Австріи была необходима чья либо помощь. Взоры австрійскаго правительства обратились на Россію.

Въ это время, какъ мы уже видѣли выше, наши небольшіе отряды, вслѣдствіе просьбы австрійскаго правительства и жителей Кронштата и Германштата, были введены въ при-дунайскія княжества, гдѣ производились значительные безпорядки революціонерами всѣхъ странъ, особенно Поляками и мы не имѣли возможности, въ интересахъ собственной безопасности, оставаться равнодушными зрителями происходившаго на нашихъ границахъ,

тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Ореусъ (Idem. ст. 95), „глава мадьярскаго движенія, Кошутъ, открыто заявлялъ стремленія самаго радикальнаго свойства, а въ числѣ предводителей венгерскихъ войскъ находились такіе заклятые враги Россіи, какъ Бемъ и Дембинскій“ и множество поляковъ, вслѣдствіе чего, всякая неудача австрійцевъ, при столкновеніи съ венгерскими мятежниками, способствовала возбужденію умовъ въ Галиціи и въ Царствѣ Польскомъ. Какъ ни силилось австрійское правительство обойтись собственными средствами для подавленія мятежей и неурядицъ, разгоравшихся въ Имперіи, но въ мартѣ 1849 года, оно пришло къ убѣжденію въ невозможности успѣшнаго выполненія задачи и нашлось вынужденнымъ обратиться къ Русскому Правительству, единственному своему благожелателю, за помощью. Сначала Австрійцы просили насъ только стянуть свои войска на границы Буковины и Галиціи съ тѣмъ, чтобы имѣть эти войска въ своемъ распоряженіи на случай крайности; но уже 1 апрѣля Австрійцы просили ввесть 30 тысячный нашъ корпусъ въ Трансильванію. Императоръ Николай, усматривая, что выполненіе изложенной просьбы Австрійцевъ, какъ мѣры паліативной, ни къ какимъ окончательно серіознымъ результатамъ привесть не можетъ, объявилъ Австрійцамъ, что находитъ необходимымъ, во первыхъ, ввести въ Австрію столько силъ, сколько потребно, чтобы онѣ вполнѣ были самостоятельны; во вторыхъ, чтобы наши войска дѣйствовали совершенно отдѣльно отъ австрійскихъ. Разумѣется, австрійское правительство поспѣшило согласиться на эти требованія, при которыхъ нашему Государю угодно было объявить, что „по опредѣленію подробностей нашего содѣйствія, Его Величество будетъ подкрѣплять оное всѣми силами, Ему Провидѣніемъ данными“. Результатомъ такого соглашенія съ Австріей было повелѣніе, занявъ предварительно Галицію и Буковину, двинуть наши главныя силы въ Венгрію, черезъ Карпатскія горы, отъ города Дукло, направивъ, въ тоже время, наши отдѣльные отряды въ Трансильванію.

Вслѣдствіе такого повелѣнія наши войска начали вступать въ австрійскіе предѣлы; 23 апрѣля—у Кракова, 27 апрѣля—у Тарнограда; 26 апрѣля—у Радзивилова; 1 мая—у Волочиска и Гусятина; 6 мая—противъ г. Черновцы и особый отрядъ, состоявшій изъ 11 баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи и 3-хъ сотенъ казаковъ, при 36 орудіяхъ, подъ начальствомъ извѣстнаго Засса-Кавказскаго, двинулся къ Іорданову, демонстрируя по направленію къ р. Ваагѣ и для освѣщенія долины р. Арвы. Въ тоже время былъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Манифестомъ отъ 14 марта 1848 года, возвѣстивъ вѣрноподаннымъ Нашимъ, о бѣдствіяхъ, постигшихъ Западную Европу, Мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъявили, что готовы встрѣтить враговъ Нашихъ, гдѣ бы они не предстали, и, не щадя Себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ Нашихъ.

„Смуты и мятежи на Западѣ съ тѣхъ поръ не укротились. Преступныя обольщенія, увлекающія легкомысленную толпу обманчивымъ призракомъ такого благоденствія, которое ни когда не можетъ быть плодомъ своеволія и самоуправства, проложили себѣ путь и на Востокъ, въ сопредѣльныя намъ, подвластныя Турецкому Правительству княжества Молдавское и Валахское; одно присутствіе войскъ Нашихъ, совмѣстно съ Турецкими, возстановило и удерживаетъ тамъ порядокъ. Но въ Венгріи и Трансильваніи усилія Австрійскаго Правительства, разрозненныя другою еще войною съ врагами внѣшними и внутренними въ Италіи, не могли доселѣ восторжествовать надъ мятежомъ, напротивъ, укрѣпясь скопищами нашихъ польскихъ измѣнниковъ 1831 года и другихъ разноплеменныхъ пришельцевъ, изгнанниковъ, бѣглыхъ и бродягъ,—бунтъ развился тамъ въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ.

Среди сихъ пагубныхъ событій, Императоръ Австрійскій обратился къ Намъ съ желаніемъ Нашего содѣйствія, противъ общихъ Нашихъ враговъ.

Мы въ немъ не откажемъ.

Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго Вождя браней и Господа побѣдъ, Мы повелѣли разнымъ арміямъ Нашимъ двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзскихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и Нашихъ областей.

Да будетъ съ Нами Богъ, и кто же на Ны!

Такъ,—Мы въ томъ увѣрены, чувствуетъ, такъ уповаетъ, такъ отзовется въ Богомъ хранимой Державѣ Нашей, каждый Русскій, каждый Намъ вѣрноподданный и Россія исполнитъ Святое Свое призваніе“.

Но пока совершались окончательныя распоряженія о вступленіи нашихъ армій въ Венгрію, Австрійская Имперія очутилась на краю гибели и ея столица Вѣна готовилась подпасть подъ власть инсургентовъ. Дѣло заключалось въ томъ, что главная армія австрійцевъ, состоявшая изъ 42000 человѣкъ, при 180 орудіяхъ, находилась о обѣимъ сторонамъ Дуная. Вѣна охранялась полкомъ новобран-

цевъ. Отрядъ Фогеля, въ 2000 человѣкъ, былъ окруженъ въ Карпатскихъ горахъ мятежниками. Въ Галиціи и Буковинѣ было не болѣе 19000 человѣкъ и новый наборъ шелъ у австрійцевъ крайне медленно; Банъ Кроатскій былъ слишкомъ далеко со своимъ корпусомъ; Трансильванія находилась въ рукахъ мятежниковъ также, какъ и всѣ венгерскія крѣпости, кромѣ: Арада, Леопольштата, Темешвара и Карлсбурга. Силы мятежниковъ простирались до 190 тысячъ, не считая ополченій, при чемъ кавалерія и артиллерія были отличныхъ качествъ.

На свиданіи Императора Николая въ Варшавѣ, въ первыхъ числахъ мая, съ Австрійскимъ Императоромъ, былъ окончательно установленъ планъ войны и начальствованіе надъ русскими арміями въ Венгріи было предоставлено Фельдмаршалу, Князю Варшавскому, графу Паскевичу Эриванскому.

Наши войска направлены въ Венгрію, собственно черезъ Карпаты, четырьмя путями и Государь Императоръ, 6 іюня, простился съ ними въ м. Грабъ, на одномъ изъ переваловъ черезъ главный хребетъ. Но войска мятежниковъ, находившіяся противъ нашей главной арміи, переходившей Карпаты, уклонялись отъ боя, повсюду отступая, изрѣдка только имѣя съ ними стычки и то ничтожныя. Причиною такого образа дѣйствій инсургентовъ была очевидная для нихъ невозможность противустать намъ со своими, относительно слабыми, силами. Между тѣмъ, другимъ отрядамъ нашихъ войскъ, а именно генераламъ: Лидерсу и Гротенгельму, въ Трансильваніи, и генералу Панютину, сражавшемуся въ рядахъ Австрійскаго корпуса, барона Гайнау, скоро посчастливилось имѣть боевыя встрѣчи съ непріятелемъ. Особенно успѣшны были дѣйствія генерала Гротенгельма—въ Буковинѣ, противъ отряда Бема, а также дѣйствія генерала отъ инфантеріи Лидерса, взявшаго Кронштатъ. Что касается до дѣйствія отряда Панютина, то таковыя были вполнѣ блистательны, особенно подъ С. Передъ, гдѣ силы мятежниковъ далеко превышали наши соединенныя съ австрійцами силы, но гдѣ Венгерцы убѣдились въ невозможности противустать намъ и не рѣшились продолжать противъ насъ своихъ наступательныхъ дѣйствій, а повели войну, такъ сказать, оборонительную.

Главныя силы наши, подъ начальствомъ фельдмаршала, двигавшіяся въ глубь Венгріи, сосредоточились у г. Мишкольца и пріостановились здѣсь въ видахъ обезпеченія войскъ продовольствіемъ, такъ какъ дѣйствія австрійскаго интендантства въ томъ отношеніи были крайне неудовлетворительны. При томъ 4-й корпусъ генерала Чеодаева былъ направленъ за Тейсу, черезъ Токай, въ Дебречинъ, въ край, обильный продовольственными за-

пасами, въ которыхъ начала сильно нуждаться наша армія. Генералу Чеодаеву было, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано, вступивъ въ Дебречинъ, объявить жителямъ прощеніе, буде они всецѣло подчинятся законному Правительству, и потребовать поставки въ армію продовольственныхъ запасовъ, а затѣмъ присоединиться къ главнымъ силамъ.

21 Іюня Чеодаевъ подошелъ къ Дебречину, а за два дня до того, революціонеры, возбуждая жителей къ поголовному возстанію и къ рѣшительному сопротивленію нашему вступленію, произвели въ городѣ смуту, при чемъ бросились на плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, шестерыхъ изъ нихъ убили и 16 изувѣчили, послѣ чего бѣжали изъ города, покинувъ его на произволъ судьбы. Наканунѣ своего вступленія въ Дебречинъ, генералъ Чеодаевъ, не встрѣчая сопротивленія со стороны населенія, послалъ ему слѣдующую прокламацію:

„Изъ всѣхъ городовъ Венгріи наиболѣе виновенъ Дебречинъ противъ законнаго Короля Венгріи, Франца-Іосифа. Главнокомандующій Россійскою арміею послалъ меня, чтобы овладѣть вашимъ городомъ. На этотъ разъ онъ приказалъ оставить ваше заблужденіе безъ наказанія; но вы должны убѣдиться, сколь ничтожна власть Кошута и его приверженцевъ, которые не могли отвратить угрожающаго вамъ наказанія. Изгоните изъ вашего города всѣхъ возбудителей бунта; изберите изъ своей среды вѣрныхъ людей для управленія вами и будьте отнынѣ примѣромъ покорности вашему законному Государю, иначе ваша гибель неизбѣжна.

По волѣ Россійскаго Императора, вѣрнаго союзника вашего Короля, 150,000 человѣкъ Россійскаго воинства вошло въ Венгрію; эта мощная сила укротитъ вездѣ мятежъ. Я отъ васъ требую только необходимаго для моихъ войскъ, а именно: 20,000 метцовъ хлѣба и 1000 четвероконныхъ подводъ, для поднятія этихъ запасовъ. Все это должно быть доставлено непремѣнно въ 24 часа; городъ имѣетъ достаточные для сего способы. Если же въ продолженіи сказаннаго времени требованіе мое не будетъ исполнено, то я имѣю повелѣніе сжечь городъ, и сожгу его“.

Занявъ Дебречинъ, генералъ Чеодаевъ отобралъ у жителей и уничтожилъ оружіе, отправилъ въ главную армію нѣсколько транспортовъ съ продовольствіемъ и затѣмъ выступилъ на соединеніе съ нею, взявъ съ собою 218 подводъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, роздалъ по 30 телѣгъ въ полкъ съ мукою, и выдалъ на солдата хлѣба на три дня, при чемъ, новою прокламаціею, по[illegible] жестокимъ мщеніемъ городу, если онъ вновь приметъ [illegible] мятежниковъ, измѣнивъ своему законному Правительству.

Движеніе 4 корпуса на Дебречинъ имѣло, несомнѣнно, подавляющее вліяніе на инсургенцію вообще, въ особенности же на ея вождей. Но, по несчастію, въ это же время, а именно, 12 іюня—впервые, въ войскахъ обнаружилась холера, начавшая развиваться съ поразительной быстротой. Таковому развитію эпидеміи способствовали: а) наставшая дождливая погода, всегда убійственно дѣйствующая на людей, ведущихъ бивачную жизнь;— б) употребленіе солдатами въ пищу незрѣлыхъ плодовъ, запиваемыхъ холодною, часто недоброкачественною, водою. Громадность жертвъ, ежедневно пожираемыхъ заразою, распространило въ войскѣ уныніе, близкое къ паникѣ. Никто не надѣялся выйти живымъ изъ этой страны. Въ продолженіе 5 дней, съ 17 по 23 іюня, у насъ умерло отъ холеры около 2000 человѣкъ, при чемъ болѣе всѣхъ пострадалъ 4 пѣхотный корпусъ генерала Чеодаева, а съ 13 іюня по 1 іюля въ войскахъ 2, 3 и 4-го корпусовъ, заболѣло холерой до 14,500 человѣкъ, изъ коихъ умерло болѣе 2100 человѣкъ.

Во время остановки нашихъ главныхъ силъ у Мишкольца, военныя дѣйствія на верхнемъ Дунаѣ принимали широкое развитіе. Гергей поставилъ себѣ задачею разбить Австрійцевъ до нашего прихода, чтобы быть свободнымъ въ своихъ противъ насъ дѣйствіяхъ, сосредоточивъ до 60,000 человѣкъ у крѣпости Коморна.

„Крѣпость Комornъ, говоритъ Меньковъ, (Описаніе военныхъ дѣйствій противъ Венгерскихъ мятежниковъ. стр. 112—115), построена на лѣвомъ берегу Дуная, у самаго впаденія р. Вааги въ Дунай. На противуположныхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ находятся сильныя, самостоятельныя предмостныя укрѣпленія. Передъ крѣпостью къ западу лежитъ городъ Комornъ, а передъ городомъ (отъ лѣваго берега Дуная до праваго р. Вааги), возведена новая ограда, называемая palatinal—linie. Ограда эта весьма сильна. Она состоитъ изъ 4 бастіонныхъ фронтовъ, обнесенныхъ рвомъ и гласисомъ.

Всѣ бастіоны съ каменною одеждою и съ казематированными редюитами.

Такимъ образомъ самая крѣпость составляетъ цитадель всей системы укрѣпленій, и между нею и оградою palatinal—linie, равно и позади верковъ предмостныхъ укрѣпленій, армія можетъ имѣть убѣжище, въ которомъ нѣтъ возможности атаковать ее открытою силою. Сверхъ того, мятежники укрѣпили гору Зандбергъ, надъ правымъ берегомъ Дуная, въ двухъ верстахъ выше предмостнаго укрѣпленія, и въ промежуткѣ возвели нѣсколько отдѣльныхъ люнетовъ, что доставляло имъ и на этомъ простран-

ствѣ довольно безопасное мѣсто для временнаго расположенія войскъ. Лѣвый флангъ сего укрѣпленнаго лагеря обезпечивался предмостнымъ укрѣпленіемъ, правый—укрѣпленіями Зандберга, фронтъ—отдѣльными люнетами.

Изъ всего этого видно, что, стоя подъ Коморномъ, армія Гергея пользовалась значительными выгодами. Владѣя переправами черезъ обѣ рѣки, она могла, по обстоятельствамъ, предпринимать наступательныя дѣйствія во всѣ стороны и, въ случаѣ неудачъ, находить вѣрное убѣжище подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ".

Что же касается до стоявшаго во главѣ временнаго венгерскаго правительства Кошута, то вообще, враждуя Гергею, нераздѣляя его взглядовъ на дѣло, онъ и въ данномъ случаѣ, не одобрялъ его плана дѣйствій, вслѣдствіе чего, на собранномъ Кошутомъ совѣтѣ министровъ, рѣшили: оставивъ въ Коморнѣ соотвѣтствующій гарнизонъ, Гергею отступить къ Офену, на соединеніе съ войсками, находившимися на южномъ театрѣ войны. Но пока было приведено въ исполненіе это распоряженіе, Гайнау, со своей арміей, двинулся къ Коморну, и предполагая заставить Гергея запереться въ немъ, разсчитывалъ, по сосредоточеніи достаточныхъ союзныхъ силъ на этомъ пунктѣ, вынудить его положить оружіе. Тутъ произошелъ рядъ, болѣе или менѣе, сильныхъ сшибокъ между Венгерцами и Австріцами, въ которыхъ успѣхъ клонился неоднократно то въ ту, то въ другую сторону и если окончательно остался на сторонѣ арміи барона Гайнау, то собственно благодаря присутсвію въ ея составѣ дивизіи генерала Панютина, которому австрійцы два раза, въ томъ случаѣ, безусловно были обязаны своимъ спасеніемъ, что засвидѣтельствовано даже самимъ Императоромъ Францомъ-Іосифомъ въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя генерала Панютина.

„Генералъ!

Въ битвахъ 2 и 11 чиселъ сего мѣсяца, у Ача и Коморна, движенія ваши, столь же искусно соображенныя, сколь энергически исполненныя, въ самыя рѣшительныя минуты боя, много способствовали успѣхамъ, одержаннымъ въ эти дни. Радуюсь, что я самъ былъ свидѣтелемъ того, сколь блистательно съ умѣли вы поддержать древнюю репутацію русскаго оружія и чувствую потребность выразить тѣмъ доблестнымъ войскамъ, которыя, благодаря дружбѣ Его Величества Императора, моего августѣйшаго союзника, раздѣляютъ нынѣ труды и опасности съ моею храброю арміею, въ лицѣ ихъ достойнаго начальника,—все удивленіе и всю благодарность, которыя внушаетъ мнѣ ихъ прекрасное поведеніе".

Результатомъ боевыхъ столкновеній подъ Коморномъ было, что Гергей не могъ прорваться черезъ австрійскую армію и устремился къ Пешту лѣвымъ берегомъ Дуная, надѣясь, не смотря на приближеніе въ направленіи къ Пешту главныхъ русскихъ силъ, усиленными переходами,—миновать Вайценъ и Геделло ранѣе занятія ихъ русскими. Принявъ такое рѣшеніе, Гергей, 30 іюня, началъ выступленіе изъ Коморна въ числѣ 27,000 человѣкъ, оставивъ въ Коморнѣ извѣстнаго Клапку, съ гарнизономъ до 18,000 человѣкъ.

Въ это время на южномъ театрѣ войны Венгерцы торжествовали надъ Австрійцами, успѣвъ соединить въ этой мѣстности довольно значительныя силы и предупредивъ готовившееся на нихъ нечаянное нападеніе Баномъ Іелачичемъ, произведя таковое же на него самого, въ ночь на 2 іюля, причемъ венгерскій генералъ Гюйонъ, нанеся сильную потерю австрійцамъ, принудилъ ихъ отступить на правый берегъ Дуная и снабдилъ крѣпость Петервардейнъ, осажденную австрійцами, продовольствіемъ и свѣжими войсками. Что же касается до Темешвара, крѣпости, какъ важнаго опорнаго пункта, крайне для венгерцевъ необходимаго, то, хотя послѣ взятія крѣпости Арада, они употребили энергичныя усилія къ овладѣнію ею, но штурмъ одной изъ частей крѣпости, предпринятый Венгерцами въ ночь на 7 іюня, былъ отбитъ и комендантъ крѣпости Рукавина, не смотря на холеру, уничтожавшую ея гарнизонъ и крайній недостатокъ въ продовольствіи, рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

Возвращаемся къ дѣйствію нашей главной арміи, направлявшейся, какъ мы видѣли выше, на Пештъ, отъ столкновенія съ которою Гергей намѣренъ былъ уклониться. По выступленіи изъ подъ Коморна, мы усматриваемъ, что князь Паскевичъ получилъ удостовѣреніе отъ австрійскаго главнокомандующаго, Гайнау, что, по его соображенію, Гергей долженъ оставить гарнизонъ въ Коморнѣ и направиться на Вайценъ, при чемъ онъ, Гайнау, отдѣливъ необходимый отрядъ для блокированія Коморна, съ остальными силами станетъ преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, а потому князь Паскевичъ рѣшилъ воспользоваться движеніемъ Гергея на Вайценъ, встрѣтивъ его соединенными силами 2 и 3-го корпусовъ, при выступленіи изъ этого города для дальнѣйшаго слѣдованія, при чемъ, если Гайнау сдержитъ свое слово неотвязчиво преслѣдовать Гергея отъ Коморна, то онъ, Паскевичъ, получитъ возможность занять всѣ пути отступленія Гергея въ Сѣверные комитаты и такимъ образомъ поймаетъ его въ ловушку.

Между тѣмъ, Гергей, въ три перехода изъ Коморна, достиг-

нулъ Вайцена и авангардъ его столкнулся, 3 Іюля, съ нашими аванностами отряда князя Бебутова, отступившими на С. Уйфалу, преслѣдуя которыя, Гергей прошелъ Вайценъ. Графъ Ридигеръ, начальствовавшій нашими войсками въ томъ районѣ, узнавъ объ этой встрѣчѣ нашихъ войскъ съ непріятелемъ, приказалъ начальнику авангарда, генералу Зассу, съ одною кавалеріею и конною артиллеріею идти на соединеніе съ Бебутовымъ; но пылкій Зассъ не исполнилъ этого распоряженія, устремясь на Гергея не съ одною только кавалеріею, а и со всею своею пѣхотою,—былъ завлеченъ Гергеемъ на его сильную позицію и попалъ подъ огонь 60 орудій, тѣмъ вовлекъ наши войска въ рѣшительное дѣло съ Венгерцами, отъ котораго наши уклонялись въ стратегическихъ соображеніяхъ, желая предварительно стянуть свои войска, что бы нанести противнику рѣшительный ударъ. Послѣдствіемъ этого увлеченія генерала Засса была большая потеря, нами понесенная, и полнѣйшая неудача въ осуществленіи задуманнаго фельдмаршаломъ Паскевичемъ плана, хотя мы и вынуждены были ввести въ дѣло весьма значительныя силы. Въ слѣдующіе за симъ дни, а именно 4 іюля, когда у С. Хартіана сосредоточились войска 2 и 3 корпусовъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого генералъ-фельдмаршала Паскевича и на нашей сторонѣ оказалось значительное превосходство въ силахъ, Гергей, рѣшившійся остаться на позиціи у Вайцена, могъ бы быть подавленъ нами, если бы Паскевичъ атаковалъ его немедленно, какъ и предположено было имъ по осмотрѣ непріятельской позиціи, но, ссылаясь на чрезвычайное утомленіе войска, а въ сущности самъ будучи очень утомленъ, фельдмаршалъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня—и Гергей былъ спасенъ! Получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о сосредоточеніи главныхъ силъ арміи Паскевича у Хартіана, Гергей рѣшился немедленно отступить въ горные комитаты на Вадкертъ, Мишкольцъ и Токай, что бы оттуда соединиться съ прочими силами Венгерцевъ за Тейсой, въ южной Венгріи. На этомъ основаніи Гергей ночью же сталъ приводить въ исполненіи свой блестящій планъ и несомнѣнно осуществилъ бы его съ величайшимъ успѣхомъ, если бы быстротѣ его движеній не помѣшали огромные обозы разныхъ политически скомпрометированныхъ передъ австрійскимъ правительствомъ лицъ, которыя боялись попасть ему въ руки и потому слѣдовали повсюду за арміей Гергея.

Надо замѣтить что Вайценъ съ западной стороны омывается Дунаемъ, съ восточной ограждается Пештъ-Пресбургскою желѣзною дорогою, проведенною по возвышеннымъ насыпямъ,—дорога же, ведущая изъ Вайцена къ сѣверу, пересѣкается въ вер-

стѣ отъ города ручьемъ, протекающимъ въ крутыхъ и высокихъ берегахъ, черезъ который артиллерія и обозы если и могли переходить, то только по единственному и при томъ узенькому мосту, черезъ него перекинутому. Поэтому, когда сдѣлалось извѣстно, что Венгерскія войска отступаютъ отъ Вайцена, всѣ сопровождавшіе армію Гергея бѣглецы, расположившіеся въ гостинницахъ и домахъ города, бросились спасаться и своими экипажами запрудили дорогу, ведущую изъ Вайцена къ сѣверу и единственный, сейчасъ упомянутый, мостъ, такъ что разсвѣтъ засталъ венгерскія войска неочистившими Вайцена, отъ чего и произошло боевое столкновеніе съ нашими войсками, хотя особенно бѣдственныхъ послѣдствій для арміи Гергея и неимѣвшаго, но, во всякомъ случаѣ, вынудившее его идти на соединеніе со своими южными отрядами путемъ болѣе кружнымъ, чѣмъ онъ предполагалъ, рискуя наткнуться на наши большія силы и давать отпоръ насѣдавшимъ русскимъ войскамъ, понеся довольно значительную потерю въ людяхъ: убитыми, ранеными и дезертировавшими. Но Паскевичъ не такихъ искалъ результатовъ. Онъ думалъ, расчитывая на Гайнау, завлечь Гергея въ пространство между своею и австрійскою арміями, или разбить его на голову въ генеральномъ сраженіи, или заставить положить оружіе. Планъ неудался и въ этомъ фельдмаршалъ Паскевичъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ обвиняетъ генерала Засса за его неумѣстную заносчивость и барона Гайнау, не сдержавшаго даннаго имъ обѣщанія преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, а напротивъ, пошедшаго по правому берегу этой рѣки, къ Офену, расчитывая, что съ Гергеемъ русскіе могутъ управиться и безъ его помощи, а между тѣмъ, по объясненію Гайнау, оправдывавшему свой образъ дѣйствій на югѣ Венгріи, онъ дѣйствовалъ такъ потому, что ему надлежало недозволить Венгерскому Правительству создать себѣ новый операціонный базисъ и позволить формироваться тамъ новымъ, значительнымъ ополченіямъ, къ чему уже было приступлено.

Однако, какъ бы тамъ ни было, но, отложивъ атаку Гергея, съ 4-го на 5-е іюля, Паскевичъ самъ испортилъ себѣ все дѣло: настойчиво продолжая наступленіе своихъ силъ 4 іюля, онъ разсѣялъ бы армію Гергея, это несомнѣнно *)! Дѣйствія нашихъ глав-

*) Георги, говоритъ «Описаніе военныхъ дѣйствій и пр.» (Idem. стр. 194 и д.) избравъ путь на Вайценъ, долженъ былъ погибнуть здѣсь. Русскій главнокомандующій, узнавъ о приближеніи его къ Вайцену, былъ увѣренъ, что за нимъ слѣдуетъ Гайнау. Поэтому Князь Варшавскій запретилъ начинать дѣло подъ Вайценомъ, а намѣренъ былъ одною только кавалеріею завлечь непріятеля по направленію къ Чегледу, съ тѣмъ, чтобы: 1-е, стянуть свои войска и 2-е,—дать время австрійцамъ собраться на пути отступленія Георги.

ныхъ силъ послѣ Вайценскаго дѣла показываютъ развившуюся въ высшей степени нерѣшительность въ фельдмаршалѣ Паскевичѣ, доведшую его до убѣжденія, по его собственнымъ словамъ, что „венгерская война не баталіями должна быть рѣшена, а маневрами!“ И дѣйствительно, дальнѣйшія дѣйствія Князя Варшавскаго, заключавшіяся въ маневрахъ, съ цѣлію преградить Гергею путь отступленія на Югъ, для соединенія съ находившимися тамъ войсками, не достигли цѣли, не смотря на форсированіе переправы у Тисса-Фюредъ, совершенной отрядомъ, порученнымъ имъ Начальнику главнаго штаба арміи Князю М. Д. Горчакову и наши, впрочемъ, неудачныя для насъ столкновенія съ непріятелемъ на рр. Шали и Хернадѣ.

Къ несчастію, съ одной стороны неумѣстная заносчивость нашихъ передовыхъ войскъ 3 іюня, преждевременно открыла Георги опасность, которой онъ подвергался движеніемъ отъ Вайцена къ Чегледу, а съ другой стороны и главнѣйше — Австрійскій главнокомандовавшій невыполнилъ обѣщанія, сдѣланнаго въ отзывѣ Князю Паскевичу отъ 28 Іюня. 1 Іюля Гайнау имѣлъ отъ лазутчиковъ положительное извѣстіе, что мятежническая армія выступила изъ Коморна и спускается лѣвымъ берегомъ Дуная. Ничто не препятствовало за симъ барону Гайнау идти за непріятелемъ; онъ могъ, по крайней мѣрѣ, въ тотъ же день послать за нимъ кавалерію, а потомъ двинуть и пѣхоту. Въ настоящемъ случаѣ 10 эскадроновъ кавалеріи, появившись въ тылу отступающей арміи, произвели бы большее впечатлѣніе: они могли отбить непріятельскія обозы и угрожать его артиллеріи.

Отъ Коморна до Вайцена менѣе 100 верстъ; слѣдовательно, вечеромъ 4 іюля, передовыя австрійскія войска были бы уже въ тылу мятежниковъ, находившихся еще подъ Вайценомъ. Георги, очутившемуся между двухъ огней, не осталось бы ничего болѣе, какъ положить оружіе — и война была бы кончена.

Но австрійскій главнокомандовавшій остался подъ Коморномъ еще 2 и 3 іюля, дѣлалъ два дни рекогнозцировки, когда могъ знать, что мятежники уже удалились, и только 4 іюля повелъ свою армію, но не вслѣдъ за арміей Гергея, а правымъ берегомъ Дуная, по направленію, гдѣ нельзя было ожидать непріятеля — къ Офену, который, какъ ему было извѣстно, занятъ былъ войсками 3-го Австрійскаго корпуса, а Пештъ — русскими казаками.

Симъ движеніемъ мы были лишены помощи цѣлой австрійской арміи и дивизіи Панютина; тылъ непріятеля оставался не занятымъ, и Георги могъ уйти свободно.

По объясненію генерала Гайнау, причины, побудившія его перемѣнить намѣреніе и идти не лѣвымъ, а правымъ берегомъ Дуная, были слѣдующія:

1) «Георги выигралъ два перехода передъ Австрійцами; слѣдовательно, имъ нельзя было настигнуть его».

Но на войнѣ есть правило — никогда не терять непріятеля изъ виду. Георги стоялъ передъ австрійцами и не могъ уйти на два перехода безъ ихъ вѣдома. Даже и по истеченіи двухъ дней, Гайнау долженъ былъ идти за непріятелемъ; кавалерія могла бы пройти отъ 50 до 60 верстъ, и слѣдовательно, еще до отступленія Георги отъ Вайцена, Австрійцы могли бы уже находиться въ тылу его арміи.

2) «Русская армія была довольно сильна для того, чтобы управиться съ Герги и безъ посторонней помощи».

Это несомнѣнно; но дѣло шло о томъ, чтобы Георги не могъ уклониться отъ боя съ русскою арміею и чтобы преградить ему путь къ отступленію.

XVII

Послѣ Вайценскаго дѣла мы потеряли слѣдъ Гергея *), а такъ какъ развѣдочная часть у насъ вообще была развита до безобразія плохо, а лазутчиковъ доставать было почти невозможно, то наши военачальники, или скорѣе, самъ Фельдмаршалъ, (потому что при немъ ни какой иниціативы военачальникамъ не полагалось имѣть и ни какакой самостоятельности имъ не давалось!) дѣйствовали ощупью и гонялись за Гергеемъ такъ, какъ слѣпой пробирается безъ поводыря, съ одной своей клюкой, по дорогѣ, нетвердо ему памятной! Во время этой погони произошли слѣдующія встрѣчи съ Венгерцами:

Отрядъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго столкнулся съ войсками Перчеля подъ Турой, при чемъ произошло энергическое состязаніе нашей кавалеріи съ венгерскими гусарами, едва неимѣвшее неблагопріятнаго для насъ исхода и рѣшенное въ нашу пользу только благодаря стремительной помощи, поданной нашей кавалеріи пѣхотною дивизіею извѣстнаго кавказскаго героя Лабынцева, почти пробѣжавшею къ полю сраженія болѣе чѣмъ десятиверстное разстояніе.

Вторая встрѣча съ Венгерцами, происшедшая у занятаго ими Мишкольца, на р. Шайо, между самимъ Гергеемъ и 4-мъ корпу-

---

3) «Предстояла крайная необходимость безотлагательно направить австрійскую армію къ Сегедину, на помощь Іелачичу и на выручку крѣпости Темешвара».

Своевременно на помощь Іелачичу баронъ Гайнау ни въ какомъ случаѣ прійти не могъ, а Темешваръ имѣлъ еще на два мѣсяца хлѣба. Странная мысль—покинуть въ самую рѣшительную минуту ту часть театра войны, гдѣ все могло рѣшиться въ нѣсколько дней для того, чтобы идти за 300 верстъ, на край Венгріи, противъ отрядовъ второстепенныхъ. Не лучше ли было бы сначала кончить дѣло съ главными силами мятежниковъ, т. е. съ Гергеемъ, а потомъ уже безпрепятственно обратиться въ южную Венгрію, противъ скопищъ, истребленіе коихъ не могло уже подвергаться сомнѣнію.

Ореусъ, въ своемъ «Описаніи Венгерской войны», (Idem. стр. 286) догадывается, что кромѣ выставляемыхъ барономъ Гайнау предлоговъ неисполненія своего обѣщанія преслѣдовать Гергея по лѣвому берегу Дуная, въ случаѣ его движенія къ Вайцену, могли легко существовать у австрійскаго полководца и другія, *тайныя* побужденія. Вступая въ непосредственную связь съ нашею арміею, онъ отчасти переставалъ быть *полнымъ хозяиномъ* своихъ дѣйствій, а при несогласіи во взглядахъ съ нашимъ Фельдмаршаломъ, могъ быть поставленъ къ нему въ весьма щекотливыя отношенія. Кромѣ того (согласно предварительному условію), отъ него, при сближеніи съ русской арміей, *отходила вся дивизія Панютина;* между тѣмъ, отказываться отъ десяти тысячъ отличнаго войска, не разъ уже служившаго важнымъ подспорьемъ австрійской арміи, для барона Гайнау не могло не быть весьма непріятнымъ».

*) Вопреки правила, существующаго на войнѣ, неисполненіемъ котораго, какъ мы видѣли выше, попрекалъ барона Гайнау, составлявшій отчетъ Государю о Венгерской войнѣ, конечно подъ руководствомъ Фельдмаршала Паскевича, полковникъ Меньковъ:— *Никогда не терять непріятеля изъ виду!...*

«Описаніе воен. дѣйст.» (Ст. 196).

сомъ генерала Чеодаева, отличалась полнѣйшею безрезультатностью, имѣвъ послѣдствіемъ только значительную растрату артиллерійскихъ снарядовъ и, благодаря Бога, относительно меньшую потерю въ людяхъ.

Менѣе значительное, но болѣе неудачное столкновеніе нашихъ войскъ съ Венгерцами произошло 16 іюля, у с. Гестели, гдѣ генералъ Граббе, слѣдуя по направленію къ Токаю, *наткнулся* на всю армію Гергея, подпустившаго нашъ отрядъ на пушечный выстрѣлъ и встрѣтившаго его такимъ жестокимъ огнемъ, что онъ долженъ былъ тотчасъ отступить, понеся довольно значительную потерю.

Посредствомъ переправы у Тисса-Фюредъ, князь Варшавскій расчитывалъ взять Гергея между двухъ огней, атаковавъ его на правомъ берегу Тейсы, приближавшимся изъ Россіи отрядомъ барона Остенъ-Сакена, корпусомъ Чеодаева и отрядомъ Граббе; но Гергей, свѣдавъ о совершеніи нами названной переправы, ночью, 17 іюля, перешелъ на лѣвый берегъ Тейсы, у Токая, разрушилъ за собою мостъ и двинулся на юго-востокъ черезъ М. Нередь-Газа. Фельдмаршалъ не зналъ объ этомъ движеніи и потому считая Гергея все еще на правомъ берегу Тейсы, нерѣшился привесть въ исполненіе своего плана —немедленнымъ движеніемъ къ Дебречину, отрѣзать Гергею путь, а напротивъ, боялся, что онъ съ р. Хернады, на которой Фельдмаршалъ все еще считалъ его находящимся, бросится въ сѣверные комитаты, на линію нашихъ сообщеній. Поэтому Фельдмаршалъ рѣшился такъ расположить свои войска за Тейсой, чтобы они могли дѣйствовать и на правомъ и на лѣвомъ ея берегу, смотря по надобности, и на этомъ основаніи перевелъ Тейскій мостъ изъ Тисса-Фюреда къ д. Чеге, что въ трехъ переходахъ отъ Токая и въ двухъ отъ Дебречина. Продолжая бояться за свой путь сообщенія и за сѣверные комитаты, князь Варшавскій рѣшился, наконецъ, прежде чѣмъ идти къ Дебречину, вытѣснить Венгерцевъ изъ ихъ позицій и заставить отступить на лѣвый берегъ Тейсы. Въ этихъ видахъ Фельдмаршалъ самъ двинулся со 2-мъ корпусомъ на соединеніе съ Чеодаевымъ для исполненія задуманнаго предпріятія, но тутъ получилъ наконецъ извѣстіе, что Гергея нѣтъ уже на лѣвомъ берегу Тейсы. Поэтому генералу Чеодаеву было приказано, вмѣстѣ съ отрядомъ барона Остенъ-Сакена и Граббе, идти на Токай и овладѣть имъ (хотя его уже ни кто не защищалъ!) а самъ Фельдмаршалъ направилъ 2-й и 3-й корпуса и часть 4-го корпуса на Дебречинъ, не покидая еще надежды преградить Гергею путь на югъ.

Между тѣмъ какъ наши войска были заняты Гергеемъ, ба-

ронъ Гайнау, выступивъ со своей арміей изъ подъ Коморна, имѣя ввиду освободить осажденную Венгерцами крѣпость Темешваръ и выручить войска Іелачича, разбитыя Феттеромъ у Хедъеша, 2 Іюля, избралъ цѣлью своего движенія г. Сегединъ, на нижней Тейсѣ, у котораго Венгерцы образовали укрѣпленный лагерь и гдѣ, послѣ бѣгства изъ Пешта, основало свое пребываніе венгерское правительство.

Съ приближеніемъ къ Сегедину австрійскихъ войскъ, засѣдавшій тамъ *Сеймъ*, вручивши Гергею главное начальство надъ всѣми венгерскими войсками, былъ, 16 іюля, распущенъ и начальствовавшій въ этомъ пунктѣ Дембинскій, видя невозможность держаться въ Сегединскомъ лагерѣ, еще невполнѣ оконченномъ и при томъ, выстроенномъ на несравненно большее число защитниковъ чѣмъ ихъ было дѣйствительно въ рядахъ Венгерцовъ, рѣшился покинуть этотъ лагерь и перешелъ на лѣвый берегъ Тейсы, занявъ позицію, прикрытую плотиною по р. Серегъ. Вслѣдъ за этимъ, Гайнау занялъ Сегединскій лагерь, а члены революціоннаго правительства изъ Сегедина перенесли свою резиденцію въ кр. Арадъ и наконецъ Гайнау форсировалъ переправу 22 іюля и такимъ образомъ обѣ союзныя арміи оказались на лѣвомъ берегу Тейсы и могли, слѣдовательно, совокупными силами дѣйствовать противъ Венгерцовъ—что грозило имъ гибелью.

Пока изложенныя событія совершались въ самой Венгріи, военныя дѣйствія въ Трансильваніи приняли также крайне неблагопріятный оборотъ для Венгерцевъ. Генералъ Лидерсъ, сосредоточивъ свои главныя силы въ Кронштатѣ, рѣшился прежде принятія какихъ либо сильныхъ мѣръ противъ революціонныхъ войскъ, нанести окончательный ударъ, начавшимъ формировать значительныя противъ насъ банды, Секлерамъ,—чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ ихъ Секлерландѣ. Сдѣлавъ соотвѣтствовавшія съ этимъ планомъ распоряженія и нанеся Секлерамъ посредствомъ кавалерійскаго отряда генерала Рененкампфа, рѣшительное пораженіе, не доходя с. Сенъ-Георги, генералъ Лидерсъ, притянулъ къ себѣ австрійскій отрядъ Кламъ-Галаса и, усиливъ его частію нашихъ войскъ, отдалъ ему въ охрану Кронштатскій округъ, а самъ, въ видахъ обезпеченія за собою прямого сообщенія съ Валахіею, рѣшился овладѣть Роттентурмскимъ ущельемъ и затѣмъ Германштатомъ, въ которомъ сосредоточивалось все главное управленіе краемъ. На этомъ основаніи генералъ Лидерсъ, 6 Іюля, двинулся противъ главныхъ силъ Бема, перешелъ за р. Алушу и 8 Іюля атаковалъ Роттентурмское ущелье, защищенное венгерскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Маіора

Ихаса и не смотря на чрезвычайную крѣпость занимаемой венгерцами позиціи, самимъ Бемомъ считавшейся неприступною и на отчаянную защиту венгерскихъ войскъ, овладѣлъ ущельемъ и заставилъ венгерцевъ положить оружіе передъ турецкимъ карауломъ, а на слѣдующій день занялъ Германштатъ что имѣло для насъ весьма важные стратегическіе результаты.

Въ тоже время успѣхъ сопровождалъ наши дѣйствія и въ сѣверной Трансильваніи. Генералъ Гротенгельмъ одержалъ значительную поверхность надъ Бемомъ, употреблявшимъ всѣ усилія чтобы разбить русскихъ и быть совершенно свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ главныхъ силъ генерала Лидерса и одолѣвъ его, какъ онъ надѣялся, вступить въ Валахію, поднять ее противъ русскихъ и найти себѣ поддержку со стороны Омеръ-Паши, занимавшаго турецкими силами Малую Валахію. Но ни одна изъ этихъ надеждъ, благодаря искуству генерала Гротенгельма и мужеству его малочисленнаго отряда, не осуществилась. Напротивъ, нанеся сильное пораженіе Бему у Быстрицы и у Серетфальва, Гротенгельмъ заставилъ его самаго перенесть свою дѣятельность въ совершенно другую мѣстность, а именно, на югъ Трансильваніи, въ Секлерландъ, въ надеждѣ сформированія новыхъ, значительныхъ отрядовъ Секлеровъ съ тѣмъ, чтобы съ ними вторгнутся въ Молдавію и поднять противъ насъ ея населеніе. Дѣйствительно, энергичный Бемъ успѣлъ сформировать въ Секлерландѣ новый, 12 тысячный отрядъ, при 50 орудіяхъ и, присоединивъ къ себѣ 8 тысячный отрядъ Галь-Шандора, бросился на занимавшаго южную Трансильванію Кламъ-Галаса вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ Рененкампфа и имѣлъ надъ ними, въ особенности надъ Австрійцами, довольно значительный успѣхъ, у Санъ-Георги, 8 и 9 Іюля, послѣ чего Бемъ вторгнулся въ Молдавію, заставивъ отступить находившіяся у границы наши незначительныя силы, но, не встрѣтивъ ожидавшагося сочувствія въ Молдаванахъ, непринявшихъ его сторону, 14 Іюля, отступилъ въ Секлерландъ. Послѣ ряда происшедшихъ за тѣмъ стычекъ у Бема съ войсками союзниковъ, генералу Лидерсу наконецъ удалось съ нимъ встрѣтиться лицемъ къ лицу, подъ Шегешваромъ, гдѣ Бемъ напалъ на Лидерса со всѣми своими силами, но былъ имъ разбитъ на голову, при чемъ наши взяли болѣе 500 плѣнныхъ, 8 орудій, большіе обозы и въ томъ числѣ коляску Бема, со всѣми его вещами и имуществомъ, тогда какъ самому Бему, раненому въ этомъ дѣлѣ, пулею въ ногу, удалось ускакать верхомъ.

Такимъ образомъ Шегешварскій бой былъ послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности Бема въ странѣ Секлеровъ, на энергиче-

скую помощь которыхъ онъ твердо надѣялся. Но предпріимчивый Бемъ не унывалъ и ловкимъ маневромъ проскользнувъ между нашими войсками на западъ, явился тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали. Однако генералъ Лидерсъ своими рѣшительными и искусными дѣйствіями недопустилъ Бема осуществить его дальнѣйшихъ плановъ. Лидерсъ вошелъ въ связь съ отрядомъ Гротенгельма, у Марошъ-Вашаргели и пошелъ усиленными переходамъ за Бемомъ, устремившимся на Германштатъ, въ надеждѣ, будучи двумя днями ближе насъ къ этому городу, овладѣть имъ, уничтоживъ занимавшій его слабый отрядъ генерала Гасфорта. Давъ знать Гасфорту о своемъ приближеніи къ нему на помощь, Лидерсъ приказалъ ему не уступать Германштата, во чтобы то ни стало, а между тѣмъ, направилъ на аріергардъ Бема своихъ казаковъ, чтобы, тревожа его тылъ, задержать сколько нибудь его движеніе.

24 Іюля Бемъ атаковалъ Гасфорта у Германштата и подавивъ его отрядъ превосходствомъ своихъ силъ, перенесъ бой въ самый городъ. Бой этотъ продолжался безъ перерыва 11 часовъ и нанесъ намъ значительныя потери, при чемъ мы вынуждены были уступить городъ. Впрочемъ, генералъ Гасфортъ, рѣшившись, на дальнѣйшее отчаянное противодѣйствіе превосходнымъ силамъ Бема, сталъ 25 Іюля на позицію за Толмачемъ, съ тѣмъ, чтобы держаться до прихода Лидерса передъ Роттенштурмскимъ ущельемъ, но въ 8 часовъ утра того-же дня, услышалъ первый пушечный выстрѣлъ за оставленнымъ нами Германштатомъ, давшій ему понять, что генералъ Лидерсъ вступилъ въ бой. Какъ ни невѣроятно было это событіе, но въ дѣйствительности оно совершилось. Главныя силы Лидерса въ трое сутокъ сдѣлали 148 верстъ и изъ того числа въ послѣднія сутки 74 версты! Дѣло Лидерса съ Бемомъ кончилось совершеннымъ его пораженіемъ при чемъ онъ, страдавшій отъ раны, полученной подъ Шегешваромъ, едва спасся, успѣвъ ускакать въ простой крестьянской телѣгѣ.

Венгерцы потеряли 3 знамени, 15 орудій, со всѣми зарядными ящиками, множество оружія, убитыми болѣе 1000 человѣкъ, плѣнными тоже болѣе 1000 человѣкъ, при 34 офицерахъ.

Нанесенное такимъ образомъ жестокое пораженіе Бему положило предѣлъ его военнымъ и политическимъ успѣхамъ въ Венгріи.

Въ это время князь Варшавскій продолжалъ свое движеніе на Дебречинъ, въ надеждѣ отрѣзать Гергею путь отступленія на соединеніе съ войсками, дѣйствовавшими въ южной Венгріи: но Фельдмаршалу и на этотъ разъ не удалось осуществить

плана. Обстоятельства заставили его ограничиться столкновеніемъ всѣхъ его главныхъ силъ съ боковымъ авангардомъ или, лучше сказать, заслономъ, выставленнымъ Гергеемъ, подъ начальствомъ Надь-Шандора, которому было приказано Гергеемъ избѣгать всякихъ боевыхъ встрѣчъ съ нами и уклоняться отъ боя до послѣдней крайности, чего Надь-Шандоръ не выполнилъ и былъ опрокинутъ нашими войсками, подъ Дебречиномъ, 21 Іюля.

Что же касается до самого Гергея съ его главными силами, то онъ, перейдя Тейсу у Токая, устремился на Гроссъ-Вардейнъ. Тутъ Гергей получилъ самыя печальныя извѣстія вообще о положеніи венгерскихъ дѣлъ и о состояніи своихъ армій: 1 корпусъ, подъ командою Надь-Шандора, какъ мы видѣли, разбитый подъ Дебречиномъ, хотя и соединился съ Гергеемъ, но не представлялъ уже собою надежной боевой силы; южная армія Дембинскаго, на соединеніе съ которой Гергей возлагалъ такія надежды, перешла на лѣвый берегъ Тейсы и за тѣмъ отступила къ Темешвару; о дѣйствіяхъ Бема не было ни какихъ свѣдѣній; съ юга Гергея охватывали Австрійцы, съ сѣвера на него надвигалась вся русская армія..... Гергей понялъ свое критическое положеніе и пришелъ къ заключенію о невозможности продолжать войну. Убѣжденіе это раздѣляли и присланные къ Гергею, изъ Сегедина, Венгерскіе министры: Шемере и графъ Казиміръ Батіани, настаивавшіе на открытіи отдѣльныхъ переговоровъ съ Русскими. Гергей не противился этому намѣренію и предоставилъ имъ сдѣлать письменное предложеніе князю Паскевичу, отъ котораго, впрочемъ, неполучилось отвѣта и потому рѣшились послать для веденія переговоровъ въ этомъ направленіи депутацію, во главѣ которой поставили генерала, барона Пельтенберга. Предложенія, сдѣланныя венгерскими уполномоченными были отвергнуты Фельдмаршаломъ, объявившимъ, что онъ присланъ сражаться, а не заниматься дипломатическими переговорами, съ которыми Венгерцы, если жалаютъ, могутъ обратиться къ австрійскому главнокомандующему, вѣроятно на таковые уполномоченно.

Между тѣмъ дѣла, Венгерцевъ ухудшались съ каждымъ часомъ. Хотя Паскевичъ своею чрезмѣрною осторожностью и недостаткомъ въ продовольствіи и вынужденъ былъ остановиться съ главными силами въ Дебречинѣ, но Гергея преслѣдовалъ болѣе настойчивый и рѣшительный генералъ Ридигеръ, позволявшій [illegible] даже отступать отъ данныхъ ему Фельдмаршаломъ инструк[illegible] диспозицій, ввиду возможности нанесенія пораженія пре[illegible]ому имъ противнику; съ другой стороны Дембинскій, во[illegible] положительнаго требованія Гергея объ отступленіи къ

Араду, для защиты этой крѣпости, направился на Темешваръ. Вынужденный вступить въ дѣло съ союзными войсками у д. Серегъ, 24 Іюля, Дембинскій былъ разбитъ, преимущественно благодаря участію въ этомъ дѣлѣ дивизіи Панютина и вынужденъ былъ продолжать отступленіе, рѣшившись идти прямо на Темешваръ, чтобы соединиться съ отрядомъ Кмети и противуставъ Австрійцамъ на крѣпкой позиціи, дождаться на ней прибытія Гергея. Такое дѣйствіе Дембинскаго вызвало крайнее неудовольствіе венгерскаго Правительства: у него отняли командованіе арміей и передали Бему, приказавъ до его прибытія, вести армію къ Араду для соединенія съ Гергеемъ, куда же было приказано идти и корпусу Вечея, осаждавшему Темешваръ и сдѣлавшему послѣдній безуспѣшный штурмъ этой крѣпости, въ ночь на 24 Іюля. А въ это самое время баронъ Гайнау, несмотря на значительное превосходство венгерскихъ силъ, считавшихъ въ своихъ рядахъ 45,000 человѣкъ, при 100 орудіяхъ и при 10,000 ландштурма, (впрочемъ, наполовину только вооруженнаго ружьями) рѣшился дѣйствовать противъ Дембинскаго наступательно, атаковавъ его на занятой имъ позиціи, подъ Темешваромъ. 28 Іюля союзники атаковали Венгерцевъ, надъ которыми въ этотъ день принялъ отъ Дембинскаго начальство, пріѣхавшій изъ Трансильваніи, Бемъ, встрѣченный венгерскою арміею съ величайшимъ восторгомъ. Но, не смотря на въ высшей степени искусныя распоряженія Бема и на чрезвычайное мужество Венгерцевъ, преимущественно ихъ кавалеріи и артеллеріи, армія Бема, особенно благодаря участію въ послѣдовавшихъ бояхъ сводной дивизіи генерала Панютина и своевременному прибытію на поле битвы отряда князя Лихтенштейна, была совершенно разбита и крѣпость Темешваръ освобождена, послѣ 107 дневной ее осады, истощившей всѣ ея продовольственныя средства и сдѣлавшей невозможною продолженіе ея защиты.

Извѣстіе объ этомъ пораженіи переданное, Кошутомъ Гергею 30 Іюля, показало ему всю безвыходность его положенія. „Ему, говоритъ Ореусъ, (Idem. См. 486) оставался только одинъ свободный путь, на востокъ, въ Трансильванію, но и тамъ ожидали его войска Лидерса, между тѣмъ какъ армія князя Паскевича и барона Гайнау, конечно, не преминули бы быстро послѣдовать за нимъ. Совершенное пораженіе Бема отнимало всякую надежду на какой либо успѣхъ въ будущемъ; собственныя войска Гергея упали духомъ; матеріальныя его средства къ продолженію войны были почти въ конецъ истощены“. Гергей пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшая борьба была возможна только для удовлетворенія личныхъ, а не національныхъ интересовъ: армія его оста-

лась одна, безъ денегъ, безъ боевыхъ снарядовъ, безъ продовольствія, однимъ словомъ—безъ необходимыхъ средствъ,—безъ надежды на помощь,—безъ нравственной силы, окруженная союзниками! Наконецъ, такъ долго ожидавшаяся помощь Франціи не являлась и вообще, всѣ Державы, на участіе которыхъ такъ крѣпко надѣялись Кошутъ и его сотоварищи, оставались равнодушными къ настоящему положенію Венгріи, склонявшейся подъ грозными ударами Русскихъ; словомъ, предстояли Венгерцамъ на выборъ три крайности: добровольно положить оружіе,—быть къ тому принужденными силою или наконецъ, черезъ Радну и Линну, бѣжать въ Турцію! Сообразивъ все это, Гергей тотчасъ рѣшился возможно поспѣшнѣе прекратить безполезную борьбу, по возможности съ меньшими для Венгріи потерями, чтобы отечество, которое онъ былъ уже не въ силахъ спасти, по крайности, скорѣе избавить отъ бѣдствій войны. Имѣя полную возможность прорваться въ Турцію, подобно Кошуту и Полякамъ, Гергей лучше рѣшился добровольно положить оружіе: честь и благородный образъ мыслей заставили Гергея, подобно множеству его благородныхъ и мужественныхъ товарищей, лучше остаться на видимую и при томъ же позорную смерть въ Отечествѣ, чѣмъ искать спасенія на чужбинѣ. Они признавали лучшимъ: добровольно преклониться предъ неотклонимой рукой Господней и твердо подчиниться своей участи, чѣмъ бѣжать отъ своихъ знаменъ, влачить въ изгнаніи горькіе дни и видѣть тысячи своихъ боевыхъ товарищей въ нищетѣ и бѣдствіи оплакивающими потерю своего Отечества. Въ тоже время, зная что Кошутъ не можетъ оставаться въ Венгріи послѣ сложенія оружія главными силами, и не приметъ открытаго участія въ такомъ рѣшеніи, Гергей чтобы имѣть право поступать согласно обстоятельствамъ, рѣшительно и самостоятельно, предложилъ Кошуту передать ему высшую власть. Въ отвѣтъ Кошутъ назначилъ Гергея главнокомандующимъ всѣми Венгерскими войсками, уполномочивая его заключить миръ, но только непремѣнно съ Русскими. Такое назначеніе Гергей могъ принять за насмѣшку: увеличивали воинскую власть Гергея не прибавляя къ командуемымъ имъ войскамъ ни одного человѣка, ни одного орудія,—давали Гергею полномочіе заключить миръ, тогда какъ не представлялось ни какой возможности говорить о мирѣ съ побѣдоносными войсками союзниковъ. Странность своего новаго назначенія Гергей высказалъ министру Ксени,—тотъ объяснился съ Кошутомъ и въ тотъ же день власть надъ Венгріей была формально передана Гергею,—министры и Кошутъ отказались отъ занимаемыхъ ими должностей. Получивъ такое постановленіе, Гергей тотчасъ послалъ офицера принять отъ Кошута Государственныя Имущества, но Ко-

шутъ уже скрылся въ Турцію, объявивъ народу о передачѣ власти Гергею слѣдующею прокламаціею:

„Къ народу.

„Послѣ пораженій, въ послѣднее время понесенныхъ венгерскою націею,—мы потеряли всякую надежду успѣшно продолжать борьбу съ сильными союзными государствами—Россіей и Австріей!...

Въ настоящихъ обстоятельствахъ спасти Венгрію и обезопасить ея будущность, можетъ только предводитель войска,—настоящее же Правленіе убѣдилось, что его дальнѣйшее существованіе не только не полезно, но даже вредно для націи. Вслѣдствіе этого объявляю, что движимый тѣмъ патріотическимъ чувствомъ, которое во всю мою жизнь, всякій мой шагъ направляло на пользу отечества,—въ силу права располагать предоставленною мнѣ властію, отрекаюсь отъ нее и предоставляю ее господину генералу Артуру Гергею.

Надѣюсь, впрочемъ, что Гергей употребитъ эту власть, по возможности, для спасенія государственнаго существованія нашего отечества, для его блага, безопасности и для обезпеченія его будущности, въ чемъ и возлагаю на него всю отвѣтственность предъ Богомъ, народомъ и исторіей.

Да любитъ онъ отчизну, какъ я ее любилъ, но да будетъ онъ счастливѣе меня въ дѣлѣ утвержденія благосостоянія націи.

Я не могу быть въ настоящее время полезнымъ отечеству; но если бъ я своею смертію могъ доставить отечеству какую либо пользу, съ радостью я пожертвовалъ бы жизнью.

Богъ милосердный и справедливый да пребудетъ съ народомъ. Крѣпость Арадъ 30 Іюля (11 Августа) 1849 г.„ *)

Вслѣдствіе этого Гергей, прокламаціей объявляя о совершившимся, приглашалъ Венгерцевъ быть спокойными, обѣщая сдѣлать для страны все возможное въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ **) и обратился съ согласія и вѣдома военнаго

---

*) Подписали: Людовикъ Кошутъ, губернаторъ; Саббасъ Вуковичъ, министръ юстиціи; Ладиславъ Ксени, министръ публичныхъ работъ; Михаилъ Хорватъ,—министръ земледѣлія».

**) Граждане!

Венгерское временное правленіе болѣе не существуетъ.

Губернаторъ и министры сегодня, добровольно, отказались отъ должностей.

Этимъ событіемъ я былъ вынужденъ сегодня принять на время вмѣстѣ съ военною—и гражданскую власть.

Граждане! что только возможно въ настоящемъ затруднительномъ положеніи сдѣлать для блага отечества, силою оружія или мирнымъ способомъ—я сдѣлаю; но, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя тѣмъ или другимъ образомъ, я отвѣчаю, что число

лась одна, безъ денегъ, безъ боевыхъ снарядовъ, безъ ...в-
вольствія, однимъ словомъ—безъ необходимыхъ средс... ...ми
надежды на помощь,—безъ нравственной силы, окру...
никами! Наконецъ, такъ долго ожидавшаяся по... моей
не являлась и вообще, всѣ Державы, на участі... всѣхъ
крѣпко надѣялись Кошутъ и его сотоварищи, ...рыя все
душными къ настоящему положенію Венгріи, ..., сначала
грозными ударами Русскихъ; словомъ, пред... за самого
выборъ три крайности: добровольно пол...
тому принужденными силою или наконец... ...и не легко-
бѣжать въ Турцію! Сообразивъ все эт... ...огихъ почтен-
возможно поспѣшнѣе прекратить бе... ...й націи, но—по
ности съ меньшими для Венгріи п... ...ахъ въ борьбу),
торое онъ былъ уже не въ силах... ...).
избавить отъ бѣдствій войны. Г... ...ла, чтобы Его Вели-
ваться въ Турцію, подобно К... ...нился съ Австріею для
рѣшился добровольно поло... ...ть дальнѣйшую борьбу за
образъ мыслей заставили Г... ...ю.
родныхъ и мужественныхъ...
мую и при томъ же поз... ...нгерскихъ патріотовъ предвидѣли
спасенія на чужбинѣ. ...ого.
преклониться предъ не... ...ени когда нибудь разоблачитъ—какія,
ниться своей участи, ...ставляли большинство временнаго прави-
изгнаніи горькіе д... глухимъ къ этимъ предостереженіямъ.
щей въ нищетѣ ...ннаго правительства болѣе не существуетъ.
чества. Въ тоже ...нѣйшей опасности—оно оказалось наиболѣе слабымъ.
Венгріи посл... ...человѣкъ дѣла, а не праздныхъ словъ—призналъ
открытаго у... ...кровопролитіе безполезнымъ и бѣдственнымъ для
ступать со... ...Это признано было мною еще при началѣ русскаго
предложи... ...ства.—Сегодня я потребовалъ отъ временнаго прави-
шутъ р... ...безусловнаго отреченія отъ власти; такъ какъ при даль-
войск...
съ Р...
ув...
м...
Г...

...доселѣ бывшее столь огромнымъ, уменьшится,—гоненія, жестокости, убійства ...кратятся.

Граждане! Современныя событія необыкновенны;—тяжелы падающія на насъ удары судьбы;—въ такомъ положеніи невозможно проникнуть въ будущее. Мой совѣтъ, мое желаніе, чтобы вы мирно воротились въ свои жилища, къ своимъ обычнымъ занятіямъ и не сопротивлялись бы, если бы даже непріятель занялъ вашъ городъ,—чтобы вы вообще не участвовали въ борьбѣ и тѣмъ обезопасили бы свое существованіе и цѣлость своего имущества.

Граждане. Перенесемъ съ мужествомъ и твердостью, что суждено намъ неисповѣдимымъ Промысломъ Господнимъ, питаясь надеждою: что не навсегда потеряно правое дѣло.

Граждане! съ нами Богъ!

Альтъ Арадъ, 31 Іюля (11 Августа) 849. Артуръ Гергей.

ѣмъ существованіи онаго, будущность отчизны могла-бы,
тъ дня, дѣлаться только мрачнѣе и печальнѣе.

ченное правительство сознало это и добровольно отрек-
правленія, передавъ высшую власть въ мои руки.

съ этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы, согл
оимъ убѣжденіямъ, сберечь кровь человѣческую
ѣрѣ, избавить отъ бѣдствій войны моихъ мир-
для дальнѣйшей защиты коихъ я слишкомъ
аду оружіе безусловно и симъ, можетъ быть,
ромъ времени, тоже самое тѣхъ началь-
меня венгерскихъ военныхъ силъ, кото-
отъ, что это, въ настоящее время, для
ъ исходомъ.

омъ, что Его Величество Царь, Котораго ве-
извѣстно, непредставитъ на произволъ печаль-
ной судьбы тѣхъ многихъ изъ моихъ храбрыхъ
, которые, будучи прежде австрійскими офицерами,
стоятельствъ, вовлеклись въ эту несчастную борьбу про-
Австріи, равно уповаю что Онъ не отдастъ на жерт-
слѣпой мстительности враговъ глубоко подавленный народъ
венгерскій, основывающій свои надежды на Его великодушіи.
Можетъ быть будетъ достаточно и того, чтобы *я одинъ* палъ
жертвою!

Письмо это я адресую къ Вамъ, такъ какъ вы первый дали мнѣ доказательство того уваженія, которымъ пріобрѣтено мое довѣріе.

Если вы желаете остановить дальнѣйшее безполезное кровопролитіе, то поспѣшите, какъ можно скорѣе, сдѣлать возможнымъ осуществленіе печальнаго акта сдачи оружія—но только такъ, чтобы она совершилась передъ войсками Его Величества Русскаго Императора; ибо я торжественно заявляю, что лучше допущу уничтоженіе всего моего корпуса въ отчаянной битвѣ съ какими бы то ни было превосходными силами, нежели безусловное сложеніе оружія передъ австрійскими войсками.

Завтра, 12 августа, я иду въ Виллагошъ; послѣ завтра, 13 —въ Борошъ-Іено; а 14-го въ Беэль,—о чемъ сообщаю Вамъ для того, чтобы Вы, съ ввѣренными Вамъ силами, заняли мѣсто между австрійскими и моими войсками, дабы окружить меня и отдѣлить отъ нихъ.

Если бы маневръ этотъ не удался и австрійцы пошли бы по пятамъ моимъ, то я, рѣшительно отражая ихъ атаки, буду отходить на Гросъ-Вардейнъ, чтобы на этой дорогѣ встрѣт

императорско-русскую армію, передъ которою, одною, войска мои изъявили готовность добровольно сложить оружіе.

Ожидаю, въ наикратчайшемъ времени, Вашего отвѣта и заключаю увѣреніемъ въ моемъ безграничномъ уваженіи.

Старый Арадъ. 11 августа 9 часовъ вечера. Артуръ-Гергей, венгерскій генералъ".

И такъ, настали послѣднія минуты бытія безусловной свободы Венгріи! Глава націи призналъ невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и рѣшился—положить оружіе; но чести принять его не хотѣлъ никто изъ венгерцевъ, начиная съ Гергея и до послѣдняго Гонведа, предоставить австрійцамъ, своимъ заклятымъ врагамъ. *)

Получивъ съ парламентеромъ письмо Гергея, генералъ Ридигеръ тотчасъ отправилъ для окончательныхъ условій съ Гергеемъ начальника своего штаба, генерала Фролова, а чтобы исполнить желаніе Гергея относительно установленія преграды между арміями его и австрійскою, послалъ казаковъ занять пространство между крѣпостью Арадомъ и Виллягошемъ, о чемъ и донесъ главнокомандующему.

Фельдмаршалъ, получивъ донесеніе Ридигера о предложеніи Гергея, тотчасъ представилъ Государю слѣдующее донесеніе:

„Венгрія у ногъ Вашего Императорскаго Величества.

Мятежническое правительство, отказавшись отъ власти, передало ее Гергею.

Гергей, съ главнымъ мятежническимъ войскомъ, кладетъ безусловно оружіе передъ русскою арміею, и примѣру его, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и прочіе мятежническіе отряды. Офицеры,

---

*) Изъ записокъ Гергея (Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848. und 1849. Leipzig. 1852):

«Послѣ вмѣшательства Россіи, честь принятія нашего оружія непосредственно изъ нашихъ же рукъ, мнѣ невозможно было предоставить Австрійцамъ.

По моему убѣжденію, они утратили право претендовать на подобную честь, съ того момента, когда оказалось, что ихъ мужество, надломленное военными дѣйствіями въ теченіи апрѣля, могло возстановиться уже не довѣріемъ къ самимъ себѣ, а только надеждою на близкую, спасительную помощь со стороны Россіи.

Кромѣ того, если бы я рѣшился (пока мнѣ оставалась свобода выбора), положить оружіе передъ Австрійцами, то это было бы отреченіемъ отъ того принципа, за который стояла армія, стоялъ и я самъ.....

Добровольное сложеніе оружія, на которое я рѣшился (и которое, конечно, принимаю на собственную отвѣтственность передъ Богомъ, націею и исторіею) могло —пока я командовалъ арміею—только въ двухъ случаяхъ совершиться предъ Австрійцами: если бы они побѣдили насъ безъ помощи Русскихъ, или же—если-бы предположенная армія выразила положительное желаніе сдаться Австрійцамъ, а не Рус-

имъ посланные, для предложенія о сдачѣ, объявили готовность отправиться, съ нашими, или австрійскими коммисарами къ симъ отрядамъ, чтобы склонить ихъ положить оружіе.

Изъ представленнаго здѣсь въ копіи рапорта генералъ-адъютанта графа Ридигера и перевода письма Гергея, Ваше Императорское Величество, изволите усмотрѣть, что единое условіе, симъ послѣднимъ предлагаемое, есть то, чтобы ему дозволено было сдаться Вашей арміи, а не австрійской; я сдѣлалъ надлежащія распоряженія для охраненія его войскъ со всѣхъ сторонъ корпусомъ генерала Ридигера, которому также поручаю ихъ обезоружить. Относительно передачи плѣнныхъ и распоряженій касательно прочихъ мятежническихъ отрядовъ, я вхожу въ сношеніе съ главнокомандующимъ австрійскою арміею; что же касается до самого Гергея, то я велѣлъ его отправить въ мою главную квартиру, гдѣ и оставлю впредь до повѣленія Вашего Императорскаго Величества".

Между тѣмъ, въ венгерскомъ станѣ распространился слухъ о рѣшеніи военачальника, принятомъ военнымъ совѣтомъ, что произвело на большинство радостное впечатлѣніе: одни желали скорѣйшаго окончанія войны, какимъ бы то нибыло способомъ, желая возможно скорѣе воротиться домой и привесть въ какой нибудь порядокъ свое хозяйство, перевернутое вверхъ дномъ военной непогодой и не дать погибнуть отъ голода и нужды своей несчастной семьѣ; другимъ, отчасти знакомымъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ отечествѣ, необходимость положить оружіе, была сама собою понятна; иные безусловно вѣрили Кошуту—онъ уполномочилъ Гергея распоряжаться судьбою отечества, Гергей нашелъ необходимымъ положить оружіе—слѣдовательно такъ и должно было быть; другіе, затѣмъ увлеченные подвигами Гергея, постоянно выражавшими стремленіе ко благу отечества, считали по этому всѣ его дѣйствія непогрѣшимыми, слѣдовательно и настоящее. Оставалась, затѣмъ, партія противниковъ принятого Гергеемъ рѣшенія и хотя она подавлялась большинствомъ, но, воспользовавшись стеченіемъ обстоятельствъ она чуть было не успѣла возмутить значительную часть арміи Гергея. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Гергей не объявлялъ формально войску о рѣшеніи своемъ безусловно положить оружіе передъ русскими, предполагая объявить объ этомъ ему въ моментъ появленія передовыхъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ, что то задержало Гергея дома и онъ, прискакалъ къ войску въ тотъ моментъ, когда уже русскіе наступали. а венгерцы приготовились къ бою. Хотя начальники и непозволяли вступать въ битву, но противники сложенія оружія, воспользовались этимъ

моментомъ и стали увѣрять прочихъ, что они жертва измѣны что русскіе ихъ вырѣжутъ поголовно, а тѣхъ, кого возьмутъ, живьемъ, отправятъ въ Сибирь и потому надлежитъ драться до послѣдней крайности. Еще нѣсколько мгновеній, вспыхнулъ бы, мятежъ и началось бы страшное кровопролитіе!... Но, къ счастію передъ полками появился Гергей: проскакавъ по рядамъ войскъ, онъ самъ объявилъ салдатамъ, что для счастія и спокойствія отчизны необходимо тотчасъ положить оружіе и венгерская армія успокоилась!... Въ этотъ же моментъ получилось венгерскимъ главнокомандующимъ приглашеніе Ридигера представить русскому правительству просьбы арміи, обѣщая ходатайствовать за это храброе, но несчастное войско у русскаго Фельдмаршала. Въ венгерцахъ воскресла надежда; они вообразили, что всѣхъ желающихъ, примутъ въ русскую службу и многіе стали просить у Гергея повышенія въ чинахъ, въ надеждѣ что таковые имъ послужатъ въ пользу при переходѣ въ русскія войска. Но Гергей зналъ всю несбыточность этой мечты, имѣя въ виду отвѣтъ Фельдмаршала Паскевича на письмо Батіани и Шемере, посланное съ генераломъ Плеттенбергомъ, онъ рѣшительно запретилъ офицерамъ думать о переходѣ въ русскую службу, показавъ, какъ постыдно было бы для націи, если бы эти офицеры стали подъ знамена. пришедшія ратовать противу ихъ отечества, за Австрію.

Въ полночь на 1 Августа, наши войска снялись съ позиціи и пошли впередъ; около 5 часовъ утра, у деревни Зерандъ, наши стали въ боевой порядокъ и продолжали наступленіе до равнины при д. Шалошь. Каждый готовился къ бою, даже офицеры, неговоримъ— солдаты; никто не подозрѣвалъ о предстоявшемъ. Около 10 часовъ наши увидѣли венгерскую армію, построенную къ нимъ паралельно, въ послѣдній, какъ оказалось, разъ стоявшую подъ ружьемъ, съ распущенными знаменами, еще на нѣсколько мгновеній самостоятельную и способную ринуться въ бой и, быть можетъ, пожать неувядаемые лавры!!!

Къ Венгерцамъ явился нашъ парламентеръ отъ имени генерала Ридигера, приглашавшій Гергея окончательно объявить: дѣйствительно ли онъ слагаетъ оружіе. Гергей отвѣчалъ утвердительно и въ доказательство истины своихъ словъ, просилъ проводить его къ генералу Ридигеру. Парламентеръ согласился и Гергей, въ сопровожденіи своего многочисленнаго штаба и всѣхъ офицеровъ, свободныхъ отъ службы, понесся въ станъ Русскихъ. Очевидцы разсказываютъ, что этотъ пріѣздъ Гергея къ генералу Ридигеру, ожидавшему его передъ фронтомъ своего войска, былъ восхитителенъ. Самъ Гергей, высокій и строиный мужчина, лѣтъ тридцати, отличался миловиднымъ лицемъ,

отѣненнымъ небольшими усами и бородою. Въ большихъ, голубыхъ глазахъ его блистали умъ и энергія; голова его была красиво повязана краснымъ, шелковымъ платкомъ, закрывавшимъ перевязку еще незажившей раны. На Гергеѣ было темнокоричневое пальто съ красными шнурами и золотымъ позументомъ по воротнику; черезъ плечо у него была дорожная сумка; огромные, выше колѣнъ, сапоги, самой грубой кожи. Такова была наружность этого замѣчательнаго человѣка, въ рукахъ котораго заключалась въ настоящіе моменты, судьба отечества. Простота, достойная римскихъ военачальниковъ, выразившаяся въ наружности Гергея, возвышала его надъ всѣми лицами, его окружавшими, въ такой степени, въ какой онъ стоялъ выше ихъ своими воинскими способностями, твердою волею, энергіею и быть можетъ даже—любовью къ отечеству!...

Ридигеръ встрѣтилъ своего бывшаго врага съ отличною привѣтливостью и тѣмъ пробудилъ живѣйшій восторгъ не только въ самомъ Гергеѣ, но и во всей его свитѣ. Тутъ Гергей передалъ Ридигеру просьбы чиновъ своей арміи, слѣдующаго содержанія и списокъ чиновъ временнаго правительства, находившихся при арміи, слагавшей оружіе, прося ихъ именемъ, какъ милости, дозволить имъ остаться при венгерской арміи до рѣшенія ихъ судьбы.

Виллагошъ. 1 Августа 1849 г.

„Складывая добровольно оружіе съ состоящими подъ моимъ начальствомъ венгерскими войсками, передъ войсками Его Величества Императора россійскаго, и покоряясь безусловно съ храбрыми моими товарищами, я долгомъ считаю поручить вамъ, г. генералъ, скромныя ихъ желанія и почтительно просить васъ не отказать намъ въ вашемъ за нихъ ходатайствѣ у его Свѣтлости высокаго вашего начальника, и даже у Его Величества Россійскаго Императора.

Просьбы моихъ товарищей заключаются въ слѣдующемъ:

1) Чтобы они не были переданы Австріи, какъ преступники, ибо тѣ именно, которые первоначально состояли въ австрійской службѣ, опасаются, чтобы ихъ не лишили жизни, а быть можетъ и чести.

2) Чтобы всѣ офицеры получили позволеніе носить шпаги или сабли и во время нахожденія ихъ въ плѣну; каждый изъ

нихъ готовъ дать честное слово, что такой милости во зло не употребитъ.

3) Чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые изъявили бы желаніе вступить въ русскую военную службу, въ таковой милости не было отказано.

4) Чтобы движимое имущество каждаго изъ тѣхъ, которые добровольно покоряются, какъ-то: обозъ, лошади и прочее—милостиво было оставлено при владѣльцахъ.

5) Чтобы, если бы самопроизвольнымъ рѣшеніемъ австрійскаго правительства венгерскія бумажныя деньги потеряли свое достоинство, доставлена была намъ возможность размѣнять ихъ на деньги, находящіяся въ общемъ обращеніи, ибо иначе, не имѣя ни какого другаго рода денегъ, мы были бы мгновенно подвергнуты самымъ горькимъ заботамъ въ отношеніи къ нашему пропитанію.

6) Какъ предстоящая будущность Венгріи намъ еще не объявлена и какъ, быть можетъ, что всѣхъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ ожидаетъ эшафотъ или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, изгнаніе, если Его Величество Императоръ Россійскій, движимый извѣстнымъ Его великодушіемъ и справедливостію, откажетъ Венгріи въ могущественномъ Своемъ посредничествѣ, то мы, всѣ вмѣстѣ, осмѣливаемся, не столько для насъ самихъ, сколько для всѣхъ нашихъ согражданъ, просить о великодушномъ посредничествѣ Его Величества Россійскаго Императора, дабы бѣдный край, столько уже пострадавшій, не былъ еще подвергнутъ новымъ испытаніямъ. Вмѣстѣ съ нами, многія другія лица гражданскаго вѣдомства готовы, для умиротворенія своего отечества, добровольно подвергнуться рѣшенію ихъ участи по благоусмотрѣнію Его Величества Россійскаго Императора. Эти лица гражданскаго вѣдомства остаются въ Виллагошѣ и ожидаютъ императорско-россійской комиссіи, которая приняла бы въ свое вѣдѣніе какъ особъ, такъ и находящіяся тамъ государственныя имущества.

Въ отвѣтъ на эту просьбу венгерскаго вождя послѣдовало слѣдующее рѣшеніе князя Паскевича:

По 1 и 6-му пунктамъ—относительно невыдачи сдавшихся венгерскихъ офицеровъ австрійцамъ и помилованія ихъ, Свѣтлѣйшій, въ особой запискѣ, отъ 2 августа 1849 года, обратился къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ совѣтомъ—даровать инсургентамъ амнистію.

Князь Паскевичъ докладывалъ Государю: „Для пользы самого Императора Австрійскаго, въ моемъ мнѣніи, надобно офицеровъ и генераловъ простить. Ваше Императорское Величество

въ подобномъ случаѣ простили Поляковъ и даже поддерживали ихъ существованіе. Отъ этого произошло спокойствіе всего края, такъ что въ послѣдующихъ польскихъ заговорахъ, которыхъ было весьма много, не было замѣшано даже и пяти офицеровъ. Вотъ слѣдствія Вашего великодушія! Когда послѣдніе Поляки уходили въ Пруссію, дабы тамъ положить оружіе, дѣдъ настоящаго австрійскаго Императора, Францъ I, прислалъ полковника Кабогу сказать мнѣ, что совѣтуетъ всѣхъ простить. Онъ былъ въ подобномъ положеніи нѣсколько разъ въ Италіи и всегда прощалъ, отчего спокойствіе въ его царствованіе не было нарушено.

Разсуждая о пользѣ амнистіи, надобно имѣть ввиду послѣдствія. Настоящее европейское положеніе таково, что никто въ Европѣ не осмѣлится казнить всѣхъ участниковъ возмущенія. По всѣмъ теперешнимъ прокламаціямъ Венгерцы всѣ виновные, подлежатъ казни. Этого не исполнятъ, и если не будетъ амнистіи, то всѣ останутся недовольными и сдѣлаются впослѣдствіи явными врагами правительства и бунтовщиками.

Венгрія не только не любитъ Австрійцевъ, но имѣетъ пренебреженіе къ нимъ, и это не въ высшемъ только сословіи, но во всемъ народѣ. Народъ этотъ надо успокоить; а пересматривая поведеніе каждаго офицера, придется наказывать многихъ очень поздно, иногда черезъ годъ или черезъ два, а все это время умы будутъ въ волненіи.

Венгерцы желаютъ прежней конституціи, а не той, которая исторгнута была у Императора Фердинанда.

Держать Венгрію въ военномъ положеніи, какъ докладывалъ Вамъ князь Шварценбергъ, полезно и даже необходимо; но, по моему мнѣнію, нужно бы вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что прежняя конституція будетъ возобновлена; однако не та, которая была исторгнута, разумѣется, выключая Трансильванію и Кроацію.

Таково мнѣніе и всѣхъ благомыслящихъ и преданныхъ австрійскому правленію Венгровъ. Графъ Зичи, который при мнѣ полномочнымъ коммисаромъ, на правахъ главнокомандующаго, съ властію жизни и смерти надъ каждымъ Венгромъ, самый приверженный изъ всѣхъ венгерцевъ къ австрійскому Дому, говоритъ, что *безъ добраго совѣта и настоянія вашего Императора мы невыпутаемся*".

По пункту 2-му, объ оставленіи оружія венгерскимъ офицерамъ и *по пункту 3-му*, относительно принятія желающихъ венгерскихъ офицеровъ въ русскую службу, Паскевичъ отказалъ Гергею.

По пункту 4-му, просьбу Гергея относительно оставленія генераламъ и офицерамъ ихъ собственнаго имущества, Паскевичъ приказалъ удовлетворить.

По 5-му пункту, относительно обмѣна „*Кошутокъ*“ на ходячую монету, Гергею отказано, потому что это финансовое дѣло все-цѣло относится до распоряженія австрійскаго правительства.

Находившихся въ Виллагошѣ гражданскихъ лицъ фельдмаршалъ приказалъ взять какъ военно-плѣнныхъ и описать имѣвшееся у нихъ казенное имущество, для передачи австрійскому правительству.

Въ заключеніе записки своей, представленной, по поводу просьбы Гергея Государю Императору, князь Паскевичъ присовокуплялъ: „что Гергей положилъ оружіе передъ войскомъ Его Императорскаго Величества въ упованіи на Его благость и великодушіе, подвергаясь за то злобѣ австрійцевъ“.

Благоразумная политика требуетъ, чтобы венгерцамъ была дана амнистія, но можетъ быть, заканчивалъ Свѣтлѣйшій, безъ Вашего Величества австрійцы ее не дадутъ!!!... И дѣйствительно—не дали, какъ извѣстно! не смотря на *личное* ходатайство о помилованіи ихъ, употребленное по Высочайшей волѣ Государемъ Наслѣдникомъ нашего престола, впослѣдствіи Императоромъ Александромъ II, нынѣ въ Бозѣ опочившимъ....

Но возвратимся къ моментамъ положенія оружія Гергеемъ.

Ридигеръ предоставилъ самому Гергею составить церемоніалъ сдачи оружія, къ которой Венгерцы приготовились только къ вечеру; послѣ чего генералъ Ридигеръ осмотрѣлъ сдающуюся армію. Конница сошла съ лошадей, пристегнувъ свое оружіе къ сѣдламъ, пѣхота стала сзади составленныхъ въ козла ружей, съ повѣшенною на нихъ аммуниціею; замолкшіе барабаны были составлены въ пирамиды; орудія безъ прислуги сдвинуты въ тѣсную кучу; знамена и штандарты лежали передъ фронтомъ войскъ—безъ стражи. Русскіе оступали покорившуюся армію и отдалили ее отъ ея оружія.... Печальна и торжественна была эта картина, позлащенная лучами заходящаго солнца!....

Такъ совершилось это знаменитое событіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ военной исторіи и озарившее совершенно новою славою русское оружіе.

Остальныя подробности сдачи разсказаны многими и не настолько замѣчательны, чтобы ихъ повторять здѣсь. Каждый пойметъ, какъ горько было венгерскимъ гусарамъ, стяжавшимъ такую европейскую извѣстность, да и вообще всѣмъ старымъ служакамъ, разставаться со своимъ боевымъ конемъ, со своимъ любимымъ оружіемъ, со своими ратными товарищами. Говорятъ многіе плакали какъ дѣти; разсказываютъ даже, что нѣкоторые въ фанатическомъ увлеченьи—застрѣлились....

Гергея отправили съ нашимъ штабъ-офицеромъ въ Гроссъ-

Вардейнъ. Тамъ Гергей представлялся князю Варшавскому и былъ встрѣченъ рѣзкими упреками за сопротивленіе и войну, погубившую жизнь столь многихъ..... Но чрезъ нѣсколько минутъ, Фельдмаршалъ изъявилъ Гергею участіе,—хвалилъ его за рѣшимость сложить оружіе и, не ожидая просьбы Гергея, обѣщалъ ходатайствовать предъ Государемъ о пощадѣ его. Чрезъ восемь дней послѣ того Гергею было объявлено, что Государь Императоръ соизволилъ принять его подъ Свое высокое покровительство, приказавъ Государю Наслѣднику просить у Австрійскаго Императора пощады Гергею и, въ случаѣ отказа—повелѣлъ привезть его въ Россію. Тутъ же предложили Гергею снять одежду гонведа, въ которой онъ постоянно ходилъ и надѣть статское платье; чрезъ нѣсколько дней австрійскій штабъ офицеръ привезъ Гергею секретное объявленіе Гайнау о дарованіи ему помилованія Австрійскимъ Императоромъ *по свойственному Его Величеству милосердію*; но и этомъ объявлялось Гергею, что въ Венгріи долѣе ему оставаться уже невозможно, а потому ему назначается мѣстопребываніемъ Клагенфуртъ, въ Каринтіи,—куда онъ и отправленъ немедленно съ адъютантомъ барона Гайнау, получивъ дозволеніе взять съ собою свое имущество и семейство.

Пощада, дарованная Гергею въ то время какъ Гайнау немилосердно казнилъ большую часть его ратныхъ сначальниковъ, рано разнесшаяся молва, что русскіе даютъ ему деньги, послужила орудіемъ, которымъ ратовали противу Гергея: Поляки, тайные друзья Кошута и всѣ Венгерцы, ослѣпленные республиканскими идеями и не хотѣвшіе сознаться, что лучшаго исхода, какъ сложеніе оружія, для блага отечества, нельзя было придумать въ данное время и безусловно обвинявшіе Гергея въ измѣнѣ. вслѣдствіе подкупа. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такое обвиненіе было не что другое какъ клевета, такъ какъ нельзя назвать подкупомъ врученіе Гергею 1100 полуимперіаловъ, по приказанію князя Варшавскаго, узнавшаго, что Гергею не съ чѣмъ доѣхать до мѣста ему указаннаго жительства, потому что денегъ вырученныхъ имъ отъ продажи своихъ лошадей, единственныя денежныя средства, бывшія у него въ это время, ему на поѣздку не достало бы. Впрочемъ, въ такомъ отношеніи Венгерцевъ къ Гергею только вновь проявился общій законъ измѣнчивости любви народовъ, возносившихъ имена своихъ баловней на верхъ величія и славы въ минуты ихъ успѣховъ и топтавшихъ въ грязь эти же имена, когда счастье переставало имъ улыбаться и на ихъ долю выпадали неудачи и утраты. Эпитетъ—„жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“, приданный

поэтомъ одному народу, не справедливѣе ли отнести ко всему человѣчеству? Когда паденіе Офена и рядъ побѣдъ надъ Австрійцами, одержанныхъ преимущественно искуствомъ Гергея прославилъ Венгерцевъ и вся Европа обратила на нихъ вниманіе—Венгерцы увидѣли въ Гергеѣ своего спасителя, ниспосланнаго имъ небомъ,—сплетали ему вѣнки, прославляли его имя! Во время всей его тяжелой борьбы съ нами, безусловно вѣровали въ него; каждую его битву съ нами, хотя бы и проигранную, называли успѣхомъ, побѣдою;—даже вынужденное отступленіе его, чуть не бѣгство, называли искуснымъ маневромъ, геніальной мѣрой, которая приведетъ къ погибели всю нашу армію, въ при-тейскихъ и при-дунайскихъ пуштахъ. Но вотъ ударилъ послѣдній часъ существованія венгерской арміи: ея благоразумный вождь, найдя невозможнымъ продолжать неравную борьбу, рѣшился положить оружіе..... и тысячи проклятій посыпались на его голову, обвиненіе въ продажности, въ измѣнѣ.... Ни кто не хотѣлъ безпристрастно размотрѣть дѣло... Но тогда, положимъ, при разгарѣ страстей, искать безпристрастнаго отношенія къ дѣлу было, можетъ быть, и напрасно, а вотъ и теперь, когда уже много лѣтъ прошло послѣ виллагошскаго событія, и пора бы кажется исчезнуть духу партій, увѣрьте, напримѣръ Поляковъ, что не вслѣдствіе измѣны Гергей положилъ оружіе! вы не измѣните ихъ убѣжденій ни фактами ни самыми убѣдительными логическими объясненіями дѣла (*).

Впрочемъ, рано или поздно, а истина всегда восторжествуетъ, какъ бы она ни была подавлена силой обстоятельства и затѣмнена интригами. Доброе имя Гергея, венгерская интеллигенція, проникнутая Кошутовскими идеями, силилась опозорить и втоптать въ грязь. Но такъ ли отнеслись къ нему обитатели бѣдныхъ хижинъ, старцы, матери, жены, впродолженіи венгерской сумятицы оставшіеся оди-

(*) Генералъ Дембинскій, заклятый врагъ Гергея, во время мятежа то главнокомандующій венгерскою арміею, то только ея корпусный командиръ, явился однимъ изъ главныхъ обвинителей Гергея въ измѣнѣ дѣлу отечества, однимъ изъ самыхъ ярыхъ проповѣдниковъ, призывавшихъ на его голову всѣ громы небесные. Такъ мстилъ Гергею Дембинскій за тѣ дурныя отношенія, въ какихъ съ нимъ былъ онъ во все время венгерскаго мятежа, за постоянныя обвиненія его Гергеемъ въ военномъ невѣжествѣ, въ безпрестанныхъ стратегическихъ и тактическихъ ошибкахъ и за настоящее, достигшее успѣха о сверженіи его съ должности главнокомандующаго. Выраженіемъ мести Дембинскаго Гергею можетъ служить слѣдующее письмо Дембинскаго къ редактору «Allgemeine Zeitung», 27 мая 1852 въ № 148 (прил. стр. 2363).

Парижъ, улица Гелу 18 мая 1852.

Господинъ Редакторъ.

Имѣю нѣкоторыя извлеченія изъ вашей газеты по дѣлу генерала Гергея, преимущественно трактующія о его бесѣдѣ tête-à-tête съ г. Кошутомъ 10 августа 1849,

нокими на невоздѣланныхъ поляхъ, безъ средствъ существованія? Такъ ли думали эти несчастные, которымъ событія при Виллагошѣ воротили уже оплаканныхъ мужей, сыновей и братій, а съ ними возможность домашняго счастія. Полагаемъ, что скорѣе благословеніями, чѣмъ проклятіями, скорѣе слезами благодарности, чѣмъ оплеваніями—эти люди заплатили Гергею за его рѣшимость положить предѣлъ кровавой борьбѣ. Мы думаемъ, что такимъ образомъ громадное большинство Венгерской націи оказалось на сторонѣ Гергея и признало его окончательное дѣйствіе *услугой Отечеству*, а не *измѣной*.

Вскорѣ послѣ того, какъ Гергей положилъ оружіе, открыты были Австрійцами дѣйствія военныхъ судовъ. Они осудили на смертную казнь большую часть сотоварищей Гергея, участниковъ и двигателей венгерскаго возстанія. Поэтому отовсюду къ Гергею, какъ единственному лицу, получившему амнистію и слѣдовательно, нѣкоторое право голоса, посыпались просьбы ходатайствовать у престола о собратьяхъ, уже осужденныхъ или готовыхъ быть осужденными на смерть. Одна только мысль остановила Гергея выступить съ ходатайствомъ за собратій, это опасеніе ухудшить ихъ положеніе, еще болѣе раздраживъ противъ нихъ Гайнау, уже до крайности раздраженнаго на Гергея и его товарищей за сложеніе оружія не предъ нимъ, а передъ Русскими. Это обстоятельство заставило Гергея молчать пока судьба его товарищей не перейдетъ въ другія руки. Вскорѣ ожиданія Гергея въ нѣкоторой степени исполнились: огромная власть Гайнау была наконецъ нѣсколько ограничена и Гергей рѣшился подать просьбу Императору, прослышавъ, что Импера-

---

въ Арадѣ. Въ этихъ выпискахъ Гергей какъ будто хочетъ выставить Кошута своимъ соучастникомъ постыднаго дѣла сложенія оружія при Виллагошѣ и разсказываетъ такъ-же о происшедшемъ между нимъ, генераломъ Гергеемъ и мною въ Тисса Фюредѣ, 3 мая 1849 года. Не знаю, сколько правды въ означенномъ разсказѣ относительно Кошута, но что касается до повѣствованія объ исторіи, какую онъ имѣлъ со мною, то имѣю множество доказательствъ, что все сказанное Гергеемъ—совершенная и умышленная ложь. Когда появятся мои записки, уже два года какъ приготовленныя, то каждый, имѣющій даже только поверхностное понятіе о военномъ дѣлѣ и о способѣ продовольствія войскъ, пойметъ, что только измѣна Гергея избавила австрійскую армію отъ совершеннаго пораженія. Еще въ мартѣ австрійцы могли быть уничтожены, такъ что сдѣлалось бы невозможнымъ вмѣшательство русскихъ, которые были бы вынуждены позаботиться о своей собственной безопасности. Конечно, судя справедливо, меня могутъ упрекнуть почему я не обвинилъ генерала Гергея передъ военнымъ совѣтомъ? Здѣсь давать на это объясненія считаю излишнимъ, но только могу сказать, что къ этой ошибкѣ или, если хотите слабости, я былъ побужденъ благородными чувствами.

Пребываю и пр. генералъ Дембинскій.

торъ, предпринявъ путешествіе по Австріи, намѣренъ посѣтить Клагенфуртъ. Дѣйствительно, вскорѣ Францъ-Іосифъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, но Гергею было отказано въ аудіенціи и велѣно обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ. Фонъ-Бахъ благосклонно принялъ поданную Гергеемъ просьбу и увѣрилъ, что надежда на Его Величество не обманетъ товарищей Гергея.

Вотъ содержаніе этой просьбы.

„Ваше Величество!

13 Августа, прошлаго года, слагая оружіе передъ войскомъ Его Величества Императора Всероссійскаго, я просилъ пощады моимъ несчастнымъ товарищамъ и преклонившимся народамъ Венгріи, себя предавая на жертву, во искупленіе совершившагося.

Презрѣвъ бѣгствомъ до и послѣ сложенія оружія, я въ тоже время ни сколько не заботился о соблюденіи своихъ личныхъ интересовъ. Если моя просьба о пощадѣ товарищей не была услышана то я желалъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить ихъ судьбу, потому что они ни чѣмъ не заслужили жребія суровѣе того, какой долженъ былъ меня постигнуть. Сложить оружіе рѣшилъ военный совѣтъ въ которомъ я ни разу не присутствовалъ, я только взялъ на себя исполненіе этого рѣшенія, а не смотря на то—мнѣ дарована свобода, между тѣмъ, какъ часть членовъ этого самого совѣта лишена жизни; другая,—свободы и имущества. Мои самостоятельныя дѣйствія, благопріятствуемыя военнымъ счастіемъ, были исключительной причиной, что такъ долго не могъ осуществиться великій планъ Вашего Величества—водворить миръ въ Венгріи и, не смотря на это, Вашему Величеству было угодно: мнѣ даровать прощеніе, а моихъ бывшихъ подчиненныхъ, явившихся лишь орудіями моей дерзновенной руки—предать всей грозной строгости военнаго суда.

Тщетно я думалъ, что меня ждетъ таже участь, что и моихъ несчастныхъ товарищей. Я долженъ былъ наконецъ, съ горестью убѣдиться, что Виллагошское событіе, съ его благотворными послѣдствіями, быстро и безъ пролитія крови закончившее венгерскую революцію, поставлено въ заслугу единственно мнѣ и вознаграждено собственно моей свободой.

Эта мысль глубоко меня поразившая, заставила меня думать, что мои, еще существующіе товарищи не навсегда лишены надежды на милость Вашего Величества, если эти, свободно мною высказанныя мысли, найдутъ отзывъ въ Вашей душѣ.

Сложеніе оружія при Виллагошѣ, со всѣми его послѣдствіями, не могло совершиться безъ добросовѣстнаго содѣйствія тѣхъ, которые послѣ того осуждены военными судами Вашего Вели-

чества, частію на смерть, частію на жесточайшія тюремныя заключенія.

Мертвые, покоясь въ мирѣ, равно недоступны страху и надеждамъ... но живые еще надѣются...

Прощеніе, дарованное мнѣ, ихъ вождю, болѣе и болѣе ихъ ободряетъ.

За нихъ то дерзаю принесть свою мольбу.

Моя смѣлость оправдывается священнымъ долгомъ человѣколюбія, извиняется удручающею тяжестью моей печали.

О помилованіи несчастныхъ молитъ тотъ, кто самъ, не имѣя права ожидать помилованія, никогда не осмѣлился бы вымаливать его для себя, хотя и не дерзнулъ отречься отъ помилованія, ему дарованнаго.

Молю помиловать тѣхъ, кого смерть еще не исторгла изъ предѣловъ милосердія Вашего Величества.

Молю помиловать тѣхъ, которые будучи преисполнены любовью къ отчизнѣ, брошенные въ круговоротъ событій, увлекающихъ умы, совратились съ пути долга и не имѣя силъ побороть представившихся препятствій, не могли воротиться на истинный путь, или возвратились на него слишкомъ поздно. Непреклонная любовь къ отечеству этихъ людей порукою, что они свое преступленіе противъ общаго отечества, трижды искупятъ, способствуя великому дѣлу врачеванія тѣхъ самыхъ ранъ, которыя ими же нѣкогда нанесены отчизнѣ.

По единому, милосердному мановенію Вашего Величества, отворятся печальныя темницы;—Пурификаціонныя коммиссіи избавятся отъ своей плачевной обязанности! Одно слово: „Простить и забыть“! тысячамъ людей возвратитъ свободу, родину, положеніе въ обществѣ;—возвратитъ общему нашему отечеству огромное число покорныхъ и вѣрныхъ гражданъ;—государству множество способныхъ и испытанныхъ слугъ!... нечего страшиться презрѣннаго злоупотребленія милостью Вашего Величества: за Мадьяровъ ручается каждая черта характера этого народа,—ручается воспоминаніе о ихъ добровольной сдачѣ.

Одна черта пера предала бы Вашему Величеству милліоны благодарныхъ сердецъ, крѣпкую опору во всякое время; милліоны страшныхъ, хотя и тайныхъ жалобъ, превратились бы въ громогласныя благословенія, Францу Іосифу—Великодушному“!...

Недѣль черезъ пять послѣ подачи этого прошенія освобождены изъ заключенія многіе изъ военныхъ сотоварищей Гергея, подобно ему принадлежавшихъ къ числу такъ называемыхъ „*квитованныхъ офицеровъ*“ *) т. е. тѣхъ венгерцевъ император-

*) Офицеровъ, давшихъ подписки.

ской австрійской арміи, которые предъ началомъ войны Венгріи съ Австріей, вышли въ отставку, обязавшись подписками не сражаться противъ императорской австрійской арміи и не сдержавшихъ обѣщанія. Вѣсть объ этомъ событіи заставила Гергея надѣяться, что, усиливъ мольбы за своихъ несчастныхъ товарищей и доказавъ однородность вины съ „квитованными офицерами“ вины офицеровъ не этой категоріи, вымолитъ прощеніе и имъ. Съ этою цѣлью Гергей, въ новомъ особомъ письмѣ Министру Внутреннихъ дѣлъ Фонъ Баху, изложилъ исторію вины своихъ товарищей, доказывая, что большинство изъ нихъ въ то смутное время, когда въ Австріи водарилось многоначаліе и возникло нѣсколько экзекутивныхъ властей, не знало: какую сторону приметъ Монархъ? и противъ какой возстанетъ? прокламаціи императора объяснили его волю и направленіе—правда, но эти прокламаціи не достигали до большинства, а только дѣлались извѣстными нѣкоторымъ отдѣльнымъ отрядамъ, оставаясь для остальныхъ или во все неизвѣстными или извѣстными въ искаженномъ видѣ. Такимъ образомъ большинство было вовлечено въ преступленіе слабостію самого правительства,—необыкновеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и злоумышленіемъ нѣсколькихъ лицъ, видѣвшихъ въ этомъ совращеніи съ пути долга множества ослѣпленныхъ—свои собственные интересы.

Вскорѣ послѣ этого, вторичнаго, прошенія Гергея, казни совершенно прекратились, потому ли, что всѣ жертвы, обреченныя казни, были уже казнены, или потому что подѣйствовало это письмо, или наконецъ, потому, что выразили свое вліяніе неблагопріятные отзывы европейскихъ кабинетовъ и общественнаго мнѣнія Европы объ этихъ нескончаемыхъ казняхъ,—достовѣрно не знаемъ, но знаемъ, къ общей радости человѣчества, что палачь, уставшій вѣшать въ Австріи, прекратилъ свое занятіе.... Да и довольно уже было этихъ жертвъ! Сколько благороднѣйшихъ семействъ осиротѣло, утративъ или свою подпору, или свое лучшее украшеніе!... Не было замка, барскаго дома, села или города, въ которомъ бы не оплакивали кого нибудь:—или павшаго въ бою, казненнаго или пропавшаго безъ вѣсти..... Печально было положеніе страны,- интеллигенція коей была убита горемъ.....

Разсказавъ совершившееся на главномъ театрѣ венгерской войны, бросимъ бѣглый взглядъ на дѣйствія отрядовъ союзныхъ войскъ на другихъ пунктахъ, гдѣ Венгерцы уже не могли оказать союзникамъ серіознаго сопротивленія.

Хотя баронъ Гайнау и преслѣдовалъ разбитаго подъ Темешваромъ Бема, но этотъ энергическій военный человѣкъ, одинъ изъ всѣхъ венгерскихъ военоначальниковъ настаивалъ на продолженіи войны послѣ сложенія оружія Гергеемъ, или по крайней мѣрѣ, показывалъ вѣру въ возможность успѣшнаго продолженія войны, въ чемъ не согласился съ нимъ даже Кошутъ, прибывшій къ его арміи, по пути своего бѣгства въ Турцію. Но, въ венгерскихъ войскахъ, утратилось всякое единство дѣйствій. Войска Бема раздѣлились на нѣсколько отрядовъ. Бемъ, съ небольшою частью войскъ, направился въ Трансильванію и тамъ, встрѣтясь съ войсками Лидерса, не могъ уговорить своихъ офицеровъ вступить въ бой съ русскими, а потому уѣхалъ въ Турцію и его отрядъ, 6 августа, у Пишека, положилъ оружіе передъ Лидерсомъ.

Другая часть войска Бема, подъ начальствомъ Дежефи и Лазаря, сдалась австрійцамъ, у Караншебеша, третья часть войскъ Бема, подъ командою Фруммера, въ числѣ 2000 человѣкъ, при 97 офицерахъ, перешла Турецкую границу и, обезоруженная, отправлена въ Виддинъ.

Отрядъ Вечея сдался безусловно войскамъ Ридигера, 8 августа, у Барошъ-Јено крѣпость Арадъ сдалась русскимъ, при чемъ чуть не дошло у насъ до серіозныхъ, непріятностей съ Австрійцами. Дѣло въ томъ, что когда Гергей положилъ оружіе, генералъ Шликъ подошелъ къ Араду и потребовалъ его сдачи, но комендантъ крѣпости Дамьяничъ отказалъ Шлику и послалъ парламентера къ генералу Ридигеру объявить, что гарнизонъ Арада присягнулъ взорвать крѣпость, но не сдаваться австрійцамъ, русскимъ же онъ готовъ сдаться, на честныхъ условіяхъ. Дамьяничу объявлено, что самое большее, на что онъ можетъ расчитывать, это на согласіе допустить такія же условія сдачи, на какихъ положилъ оружіе Гергей. Веденіе переговоровъ о сдачѣ было поручено генералу Бутурлину, въ распоряженіе котораго былъ отданъ партизанскій отрядъ полковника Хрулева, состоявшій изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи съ 50-ю казаками. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, Бутурлинъ убѣдилъ Дамьянича согласиться на безусловную сдачу и въ этомъ смыслѣ заключилъ съ нимъ условіе, въ тоже время сообщивъ объ этомъ генералу Шлику. Разумѣется, Шлику, командовавшему цѣлымъ корпусомъ, было крайне обидно такое дѣйствіе венгерцевъ, что же касается до главнокомандующаго Гайнау, то онъ наружно какъ бы съ удовольствіемъ принявъ извѣстіе объ этой предполагаемой сдачѣ, въ тоже время, секретно далъ письменное предложеніе Шлику *воспротивиться* исполненію русскими заключенной ими капитуляціи, если

бы понадобилось, *то* даже *силою оружія*, что „представляется тѣмъ болѣе легкимъ, писалъ Гайнау, что мы сильнѣе!“

Бутурлинъ, свѣдавъ о таковомъ распоряженіи *союзнаго* главнокомандующаго, заявилъ Шлику, что онъ сейчасъ же возвратитъ Дамьяничу данное имъ слово и предоставитъ ему продолжать оборону крѣпости. Впрочемъ, вѣроятно Гайнау одумался и вслѣдъ за этимъ получилось его предписаніе: оставить гарнизонъ Арада въ распоряженіи русскихъ, и только не позволить ему взять своего имущества! Понятно, что генералъ Бутурлинъ отвергъ и эту недостойную комбинацію, при чемъ благородный Шликъ рѣшился не выполнить повелѣнія своего двуличнаго начальника предоставивъ Бутурлину дѣйствовать сообразно съ заключенными имъ условіями прибавилъ: „Согласитесь генералъ, что я, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, *держалъ въ своихъ рукахъ*, быть можетъ, *судьбы Европы*!“ И дѣйствительно, поступай русскій военоначальникъ съ должною настойчивостью, а Шликъ исполни приказаніе своего начальника и помѣшай вооруженной рукой приведеніе въ исполненіе условія Дамьянича съ Бутурлинымъ—Богъ вѣсть, какія произошли бы изъ сего осложненія и не повелъ-ли бы этотъ инцидентъ къ разрыву Россіи съ Австріей!!.. Но несчастія этого не случилось: Бутурлинъ съ двумя эскадронами взялъ крѣпость Арадъ, съ 143 орудіями, и..... въ тотъ же день передалъ ее австрійцамъ.

Западная Трансильванія была очищена отъ инсургентовъ отрядомъ генерала Засса и другими.

Крѣпость Мункачъ, удостовѣрившись въ сдачѣ Гергея, отворила ворота нашему генералу Карловичу, слѣдствіемъ чего было очищеніе отъ непріятельскихъ шаекъ всего сѣверо-восточнаго угла Венгріи.

Партизанскіе отряды и толпы инсургентовъ, продолжавшіе бродить въ сѣверныхъ, горныхъ Комитатахъ Венгріи, были разсѣяны нашими небольшими партіями и отрядомъ генерала Граббе.

Юго-восточная часть Трансильваніи и Буковина, вполнѣ успокоены отрядами генераловъ Дика и Гротенгельма, а самъ Лидерсъ, слѣдуя на освобожденіе отъ осады крѣп. Карлсбурга, нагналъ венгерскіе отряды у Мюленбаха и нанесъ имъ сильное пораженіе, этимъ дѣйствіемъ освободивъ к. Карлсбургъ, 1 августа.

Во время этихъ движеній Лидерса по Трансильваніи, Гротенгельмъ, послѣ ряда мелкихъ сшибокъ съ Венгерцами, занялъ г. Клаузенбургъ и началъ преслѣдовать отрядъ Косинчи, но тотъ извѣстясь о сдачѣ Гергея, добровольно положилъ оружіе.

Что же касается до южной австрійской арміи, то главная

ея часть, подъ начальствомъ Іелачича, маневрировала на лѣвомъ берегу Дуная и угрожала крѣпости Петервардейну, гарнизонъ которой, получивъ извѣстіе о прекращеніи Гергеемъ военныхъ дѣйствій, сдался Австрійцамъ.

Оставалась только крѣпость Комориъ, смѣло и твердо державшаяся подъ начальствомъ генерала Клапки, имѣвшаго неоднократно поверхность надъ осаждавшими его Австрійцами. Нѣсколько предложеній о безусловной сдачѣ Клапкой были отвергнуты и онъ настоялъ на предложеніе ему условій сколько нибудь почетныхъ, которыя онъ и принялъ, при чемъ гарнизонъ, сложивъ оружіе, ушелъ свободно изъ крѣпости; офицерамъ оставлены сабли; офицерамъ, прежде служившимъ въ арміи, предоставлялось или съ паспортомъ уѣхать за границу, или свободно жить на родинѣ; офицерамъ, прежде не служившимъ, предоставлялась свободная жизнь въ Венгріи; нижнимъ чинамъ дарована полная амнистія; офицерамъ выдано мѣсячное жалованье, а нижнимъ чинамъ десятидневное—австрійскими ассигнаціями.

„Такъ пала, говоритъ Орсусъ, (Idem. ст. 537) послѣдняя твердыня Венгріи". Немедленно послѣ того началась кровавая расправа барона Гайнау съ тѣми руководителями и вождями венгерской революціи, относительно которыхъ онъ не былъ связанъ ни какими условіями

25 Сентября разстрѣлянъ въ Петервардейнѣ венгерскій министръ президентъ графъ Лудвигъ Батіяни. (не повѣшенный только потому что нанесъ себѣ рану въ шею, покушаясь на самоубійство). Онъ какъ и другіе товарищи его несчастія, встрѣтилъ смерть съ достоинствомъ и твердостью; самъ, безъ посторонней помощи онъ подошелъ къ роковому столбу и въ моментъ выстрѣла успѣлъ воскликнуть: „да здравствуетъ отчизна!" Въ тотъ же день, въ крѣпости Арадѣ, повѣшены генералы: Ауличъ, Демьяничъ, Надъ-Шандоръ, Терекъ, Ланеръ, Вечей, Кнезичъ, Пельтенбергъ, Лейнингенъ, Швейдель и разстрѣляны, а не повѣшены потому, что сдались австрійскому, а не русскому правительству, генералы: Эрнстъ Кисъ, Дежефи и Лазарь. За этими казнями послѣдовало множество таковыхъ же, менѣе значительныхъ лицъ, также какъ изгнаніе изъ отечества, тюремное заключеніе и конфискація имуществъ. Конституціонныя права Венгріи уничтожены; комитатское самоуправленіе прекращено. Хорватія, Славонія, Сербская Войводина, Военная граница, Трансильванія отдѣлены отъ Венгріи и обращены въ обыкновенныя австрійскія провинціи, также какъ и самая Венгрія, раздѣленная на 5 австрійскихъ округовъ.

Венгерское возстаніе было окончательно подавлено въ началѣ августа и къ концу октября 1849 года, въ австрійскихъ предѣлахъ уже не было ни одного русскаго солдата.

Такимъ образомъ наши военныя дѣйствія въ Венгріи и Трансильваніи продолжались восемь недѣль.

Въ Венгрію нашихъ войскъ было введено 191,587 человѣкъ и 5992 лошади.

Мы потеряли: убитыми 708 человѣкъ, умершими отъ ранъ 278 человѣкъ, ранеными 2030 чел. и контуженными 127 челов.

Очевидно, такимъ образомъ, что въ эту кампанію мы бы понесли потерю незначительную, если-бы, по несчастію, у насъ не появилась *холера*, отъ которой у насъ заболѣло болѣе 23,000 человѣкъ, изъ коихъ умерло 7788 чел.

Венгрія выставила въ полѣ: регулярныхъ 179 баталіоновъ, 158 эскадроновъ съ 488 полевыми орудіями, всего болѣе 162,500 человѣкъ и 27,100 лошадей; кромѣ того иррегулярныхъ войскъ до 29,000 чел.

Австрійская армія имѣла въ Венгріи: Дунайская армія барона Гайнау, пѣхоты до 56,000 чел., кавалеріи болѣе 9700, артиллеристовъ 5000 и до 4000 упряжныхъ лошадей; южная армія кроатскаго бана Іелачича, съ корпусомъ, блокировавшимъ Петервардейнъ, кромѣ гарнизоновъ въ Землинѣ, Эссекѣ, и Аграмѣ, состояла изъ 41 бат. 35 эскадр. 168 полевыхъ и 20 осадныхъ орудій при 7165 лошадяхъ, всего около 44700 чел.

Въ Трансильванскомъ корпусѣ Кламъ-Г'аласа было 11 батал. 16 эскадр. 36 орудій всего до 10,000 чел. при 2200 лошадяхъ.

Кромѣ того во внутреннихъ провинціяхъ Имперіи формировалось два корпуса, предназначавшихся для войны въ Венгріи.

Съ Гергеемъ, подъ Виллагошемъ, сдалось намъ всего 30,889 человѣкъ при 144 орудіяхъ и лошадей верховыхъ 5082—упряжныхъ 2885.

Въ числѣ сдавшихся было штабъ и оберъ-офицеровъ 1426; люди и лошади переданы Австрійцамъ.

Намъ сдано 29 знаменъ и 31 штандартъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Высшія военныя отличія за Венгерскую войну, а именно: Георгіевскіе кресты различныхъ степеней; знаки отличія военнаго ордена св. Георгія; золотое оружіе; георгіевскія знамена и серебряныя трубы, пожалованы слѣдующимъ лицамъ и воинскимъ частямъ:

А) Одинъ георгіевскій крестъ 2-й степени, 8 георгіевскихъ крестовъ 3-й степени и 20 крестовъ 4-й степени.

Въ томъ числѣ пожалованы:

1. Его Императорскому Высочеству Государю, Великому Князю Константину Николаевичу, св. Георгія 4-й степени, 4 Сентября 1849 года за Вайценъ и Дебречинъ.

2. Его Величеству Императору Австрійскому, Францу Іосифу св. Георгія 4 степени, 20 Іюня 1849.

3. Генералу отъ Инфантеріи графу А. И. Лидерсу, 4 Августа 1849 св. Георгія 2-й степени, за Германштатъ.

4. Орденъ св. Георгія 3-й степени, генералу отъ Инфантеріи Гасфорту 12 Ноября 1849 за Мюлленбахъ; генералъ лейтенанту Фрейтагу, за дѣло подъ Вайценомъ; генералу Энгельгардту, за Германштатъ; генераламъ: Гротенгельму, князю Давыду Бебутову, графу Александру Толстому, Ивину и Кузнецову —вообще за отличіе въ дѣлахъ съ Венгерцами.

5. Изъ числа 20 крестовъ св. Георгія 4-й степени, пожалованныхъ въ венгерскую кампанію, назначены: Поручику 10 артиллерійской бригады (нынѣ генералъ маіоръ), Василію Емельяновичу Савченко-Бѣльскому; — командиру Уланскаго герцога Нассаускаго полка, (нынѣ 20 Драгунскій-Одесскій) Михаилу Николаевичу Шевичь, (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ 1-й Царскосельскій комендантъ); подполковнику того же полка Ѳедору Ермолаевичу Блюмъ, (нынѣ полковникъ, въ запасныхъ войскахъ).

Сотнику Донскаго казачьяго № 1 полка Михаилу Ивановичу Сулину, (впослѣдствіи Полковникъ и командиръ казачьяго полка).

Штабсъ-капитану № 7 батареи 15 артиллерійской бригады Ивану Григорьевичу Салери, (нынѣ генералъ-маіоръ).

Б) *3,222 знака отличія* военнаго ордена св. Георгія.

В) *121 золотая сабля*.

Г) *Георгіевскія знамена*:

а) 4 саперному баталіону: „за устройство переправы черезъ р. Тейсу, при усмиреніи Венгріи въ 1849 году".

б) Тремъ баталіонамъ 39 пѣхотнаго Томскаго полка; 1-му баталіону 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка; 1-му баталіону 140 пѣхотнаго Зарайскаго полка; 1-му баталіону 145 Новогеоргіевскаго пѣхотнаго полка и 1-му баталіону Замостскаго пѣхотнаго полка,—всѣмъ: „за усмиреніе Трансильваніи въ 1849 году".

в) 3-му баталіону 58-го пѣхотнаго Прагскаго генералъ-адъютанта графа Лидерса полка и 1-му баталіону 134 пѣхотнаго Ѳеодосіскаго полка,—всѣмъ „за взятіе приступомъ Темешскаго ущелья въ Трансильваніи, въ 1849 году".

Д) *Георгіевскій штандартъ*:

10-му Уланскому Одескому Его Высочества Герцога Нассаускаго полка (нынѣ 20-му Драгунскому Одесскому): „за отличные подвиги при усмиреніи мятежа въ Трансильваніи въ 1849 году".

Е) *Георгіевскія трубы*:

13-му Стрѣлковому баталіону и батареѣ 14 артиллерійской бригады.

Ж) Серебряная медаль, для ношенія на груди, на соединенной Владимірской съ Андреевскою лентами, всѣмъ участвовавшимъ въ усмиреніи венгерскаго мятежа.

На лицевой сторонѣ этой медали изображенъ, подъ всевидящимъ окомъ, государственный гербъ съ надписью вокругъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся"; на оборотѣ надпись: „за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи 1849".

Главными начальниками дѣйствовавшей въ Венгріи арміи были:

Главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій (скончался).

Начальникъ главнаго штаба, генералъ отъ артиллеріи, генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ, впослѣдствіи главнокомандовавшій дѣйствующею арміею въ Крыму и затѣмъ намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ гдѣ и умеръ.

Генералъ Квартирмейстеръ, генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ.

Начальникъ артиллеріи, генералъ отъ артиллеріи Гилленшмидтъ.

Начальникъ инженеровъ, генералъ-лейтенантъ Сорокинъ.

Дежурный генералъ, генералъ-маіоръ Заболоцкій (скончался).

Управляющій продовольственною частію Сенаторъ, генералъ лейтенантъ Ренне, (скончался).

Генералъ Провіантмейстеръ, полковникъ Затлеръ, столь извѣстный впослѣдствіи своею печальною судьбою. въ высшей степени искусный и свѣдущій, генералъ-интендантъ Южной и Крымской армій.

Начальникъ штаба, артиллеріи генералъ-маіоръ Дейтрихъ.

Походный атаманъ Казачьихъ полковъ въ арміи, генералъ-лейтенантъ Кузнецовъ. (скончался).

Генералъ—полицмейстеръ арміи, генералъ-лейтенантъ графъ Симоничъ.

Полевой генералъ, штабъ-докторъ, Дѣйств. Статск. Совѣт. Четыркинъ (скончался).

Командиръ 1 бригады 1 легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Глотовъ.

Командиръ 2 пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Куприяновъ, подъ Дебречиномъ лишившійся ноги; (впослѣдствіи скончавшійся).

Начальникъ 2 легкой кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Начальникъ 4 пѣхотной дивизіи, генер.-лейтен. Карловичъ.

Начальникъ 5 пѣхотной дивизіи, генер.-лейтен. Лабынцевъ.

Начальникъ 6 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Граббе 2 (скончался).

Начальникъ 2 артиллерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій, впослѣдствіи начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи въ восточную войну (скончался).

Командиръ 3 пѣхотнаго корпуса, генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, графъ Ридигеръ (скончался).

Начальникъ 3 легкой кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ баронъ Оффенбергъ, впослѣдствіи командиръ корпуса, (скончался).

Начальникъ 7 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Фонъ-Кауфманъ.

Начальникъ 8 пѣхотной дивизіи генер.-лейтен. Лисецкій.

Начальникъ 9 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Панютинъ, впослѣдствіи корпусный командиръ (скончался).

Начальникъ 3-й артиллерійской дивизіи генералъ-маіоръ Миллеръ.

Командиръ 4 пѣхотнаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи Чеодаевъ, (скончался).

Начальникъ 4 легкой кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Зассъ, (скончался)

Начальникъ 10 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Дебанъ-Скоротецкій, впослѣдствіи членъ военнаго совѣта,(скончался).

Начальникъ 11 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Бѣлогужевъ, впослѣдствіи членъ комитета Россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, (скончался).

Начальникъ 12 пѣхотной дивизіи генералъ лейтенантъ Бушенъ I, (скончался).

Начальникъ 4 артиллерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Сикстель, (скончался).

Начальникъ 2-й Уланской дивизіи генералъ-лейтенантъ Гротенгельмъ, (скончался).

Начальникъ 2-й конно-артиллерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Пистолькорсъ.

Австрійскія войска при нашей арміи состоявшія:

Три ракетныя батареи.

Два отдѣленія 7-й піонерной роты австрійскихъ понтоновъ.

Фурштатская рота.

С. С. БИБЛІОТЕКА

ОПЕЧАТКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Страниц	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ.
7	1	—	Общесвѣ	обществѣ
11	—	1	Hongrois	Hongroise
—	—	5	Венгерцовъ	Венгерцевъ
13	6	—	былъ	было
15	—	14	солдадскаго	солдатскаго
16	14	—	кастелляномъ.	кастеляномъ
17	14	—	ксенза.	ксендза
—	21	—	ксенза.	ксендза
23	5	—	Гелиціи, ...	Галиціи
24	5	—	разнооброзной	разнообразной
—	10	—	впечатленіе	впечатлѣніе
—	—	14	вѣнцевъ	Вѣнцевъ
26	—	7	поколеніе.	поколѣніе
28	—	1	ксензами	ксендзами
—	—	5	ксензовъ	ксендзовъ
—	—	7	ксензовъ	ксендзовъ
30	—	3	разумѣетя	разумѣется
—	16	—	ксензами	ксендзами
31	1	—	салдатъ	солдатъ
—	—	13	сѣверѣ	сѣверъ
32	—	1	почернелыхъ	почернѣлыхъ
33	7	—	впечатленіе	впечатлѣніе
—	12	—	его	такъ
—	18	—	впечатленіи	впечатлѣніи
—	20	—	аммуниціи	амуниціи
—	22	—	впечатленіе	впечатлѣніе
34	17	—	ввиду	въ виду
36	—	3	впечатленіе	впечатлѣніе
39	17	—	Божею	Божьею
41	3	—	стоютъ	стоятъ
—	—	5	какъ	такъ
42	3	—	ныя	ные
—	14	—	одѣться	одѣтые
42	—	22	пушечномъ выстрѣлѣ . . .	пушечнаго выстрѣла
45	—	15	заставъ	засталъ

Страниц.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
47	1	—	батальонами	баталіонами
—	—	10	батальонами	баталіонами
—	—	11	батальонами	баталіонами
—	—	14	кавказѣ	Кавказѣ
—	—	24	батальонъ	баталіонъ
48	—	6	поролъ	пошолъ
—	—	8	и явился въ Галицію . . .	явился въ Галицію и
—	—	14	„медали	„Медали
49	—	8	возмутьтся	возмутятся
—	—	12	востаніями	возстаніями
50	7	—	чиновъ и штабъ . . .	чиновъ штаба
52	—	7	смѣяться	смѣятся
55	22	—	скатываніе	скатыванія
56	—	2	вѣ.	въ
—	—	—	вести	ввести
—	—	18	практиковавась	практиковалась
—	—	18	приходить	проходить
—	—	19	манеры	манера
59	12	—	передвиженьяхъ	передвиженіяхъ
—	23	—	рѣмешковъ	ремешковъ
60	—	25	доминѣ	домикѣ
64	—	10	рыси.	рыси, —
—	—	17	извѣсностью	извѣстностью
—	—	18	Бенгерской	Венгерской
—	—	19	парламентовъ.	парламентеровъ —
67	3	—	уцѣлевшій	уцѣлѣвшій
—	5	—	придя	прійдя
68	—	1	большея гучности	большей тучности
69	—	1	пе.	по
—	—	16	зачемъ	зачѣмъ
70	—	21	большею	большою
72	—	5	камитата	комитата
—	16	—	огородати.	оградами
75	3	—	лѣкарства	лекарства
76	6	—	батальоны	баталіоны
—	14	—	способами отъ общенія . . .	способами общенія
77	11	—	чужемъ	чужомъ
—	—	9	непременно	непремѣнно

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ.
—	—	19	компроментированныхъ . . .	компрометированныхъ
—	—	20	компроментировавшую . . .	компрометировавшую
78	—	17	превратникъ	привратникъ
79	—	3	благодарность	благодарностью
—	10	—	смерь	смерть
—	16	—	что бы	чтобы
82	8	—	Венгрія	Венгріи
—	9	—	поднисями	подписями
—	12	—	касающахся	касающихся
—	21	—	*кошушки*	*кошутки*
84	2	—	австрійкимъ	австрійскимъ
—	15	—	наступленія	наступленіе
—	—	4	дѣмъ	дѣлѣ
85	6	—	Ковзакову	Колзакову
—	—	8	встрѣтились	встрѣтимся
—	—	11	оставшіяся	оставшіеся
86	10	—	мѣстечька	мѣстечка
—	—	16	скорейшей	скорѣйшей
87	7	—	мѣстечька	мѣстечка
—	10	—	раопорядился	распорядился
89	1	—	роскинувшейся	раскинувшейся
90	9	—	повидиму	повидимому
—	—	4	нетерпеливо	нетерпѣливо
92	14	—	бочька	бочка
95	1	—	воружіе	оружіе
—	23	—	менералловъ	минералловъ
96	15	—	догнали	догнала
—	—	4	Daumaut	Daumont
97	19	—	ковалеру	кавалеру
—	—	4	на	съ
—	—	20	выздоровевшими	выздоровѣвшими
—	—	28	Токой	Токай
98	2	—	совершенно	совершено
—	5	—	Также	также
99	13	—	личныя	личные
—	—	15	смѣрклось	смерклось
100	8	—	Императорскія австрійскія . .	Императорскіе австрійскіе
—	18	—	подзно	поздно

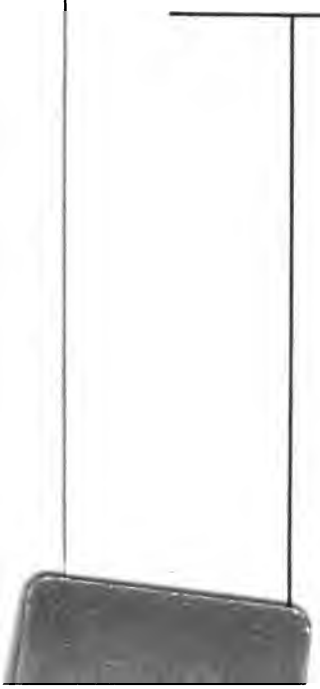
Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ:
101	—	5	націамъ	націямъ
102	4	—	успѣлъ	успѣвъ,
—	—	5	малейшихъ	малѣйшихъ
—	—	20	бегущаго	бѣгущаго
103	—	17	Вагенбургъ	вагенбургъ,
104	—	15	Вайцейна	Вайцена
105	—	4	вѣроятной	вѣроятно
—	—	5	отступитъ	отступилъ
—	—	—	отступивъ	отступилъ
108	—	8	Vogage	Voyage
109	3	—	никомъ В. К.	никомъ и В. К.
110	—	16	необходмыхъ	необходимыхъ
—	—	20	новое	полное
111	—	20	Дедречинъ	Дебречинъ
112	—	7	ореховъ	орѣховъ
—	—	20	вально	вально)
—	—	21	бук—	(бук—
113	3	—	большемъ	большомъ
114	20	—	ростетъ	растетъ
120	—	5	совершилась	совершилось
—	—	6	совершивась	совершилась
—	—	—	который	которой
121	1	1	большее	большое
121	—	3	враждущихъ	враждующихъ
—	9	—	тѣмъ	чѣмъ
122	5	—	Тейкой	Тейской
—	10	—	ни	на
—	—	6	Дебричинѣ	Дебречинѣ
123	—	22	bivoices	bivoics
124	20	—	въ . . . . . ,	изъ
—	—	12	Vogagetl a pass	Voyage au pays
125	8	—	ничтожинную	ничтожную
125	—	18	цавалъ	цовалъ
126	6	—	качества, которыя	качествъ, которыхъ
129	23	—	гаркнуло	гаркнули
—	2	—	чтоу	что—
—	1	—	нем-	нему—
—	—	17	сейчаса	сейчасъ

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
- -	—	14	черту	чорту
131	—	13	Крановичъ	Кроновичъ
133	—	15	кожанные	олтарѣ
—	—	18	изобрасающими	изображающими
134	22	—	росшитой	расшитой
135	2	—	красовались	красовалась
—	—	13	Фитинговъ	Фитингофъ
136	—	3	во все	вовсе
-	—	7	расказы	разсказы
138	15	—	круторотіе	круторогіе
—	—	5	нечто	нѣчто
—	—	11	авттрійцевъ	Австрійцевъ
139	4	—	вятъ	рятъ.
—	18	—	выигрывъ	выгравъ
140	2	—	р.	кр.
—	11	—	привѣтствовали	привѣтствовано
—	—	1	мызу чемъ	мызу, при чемъ
—	—	12	„записки	„Записки
141	16	—	флангѣ	флангъ
142	—	15	Вайцевскаго	Вайценскаго
—	18	—	Федоромъ Каріатовичемъ . .	Ѳедоромъ Коріатовичемъ,
145	8	—	вскорабкался	вскарабкался
147	—	9	нѣскольло	нѣсколько
148	8	—	Муккача	Мункача
149	13	—	Шекброгъ	Шенброгъ
150	3	—	скамѣекъ	скамеекъ
—	—	15	вечереющаго	вечерѣющаго
151	10	—	терпеливо	терпѣливо
—	19	—	сюды	сюда
—	—	5	показываеръ	показываетъ
—	—	11	съ умѣвшимъ	сумѣвшихъ
160	—	11	присутсвію	присутствію
VI	9	—	аванностами	аваностами
XII	—	18	переходам —	переходами
XIV	2	—	жалаетъ	желаютъ
XXI	7	—	ченно.	ченному
XXII	—	12		
—	—	10		

GPI

DK 53 .A7
Chetyre voiny
Stanford University Libraries
3 6105 041 442 380

DK
53
A7
v.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.